

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

—••••—
Часть пятая

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 31-го дня, 1847 года.

Московская Духовная Академія.

*Цензоръ, Визанской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ Филовей.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ БОГУ.

1.

О Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ? Какъ воспѣснословить Тебя слово? ибо Ты неизрекаемъ никакимъ словомъ. Какъ воззрѣть на Тебя умъ? ибо Ты непостижимъ никакимъ умомъ. Ты единъ неизглаголанъ; потому что произвелъ все изрекаемое словомъ! Ты единъ недовѣдомъ; потому что произвелъ все объемлемое мыслию. Тебѣ воздастъ честь все и одаренное и не одаренное разумомъ! Къ Тебѣ устремлены общія всѣхъ желанія; о Тебѣ болѣзнуютъ всѣ сердца; Тебѣ все возсыластъ моленія; Тебѣ все, уразумѣвающее Твои мановенія, изрекаетъ безмолвное пѣснословіе. Тобою единымъ все пребываетъ. Къ Тебѣ все въ совокупности стремится. Ты конецъ всего; Ты единъ и все; Ты ни единъ, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Какъ наименую Тебя, единого неименуемаго? Да и какой небесный умъ проникнетъ сквозь заоблачныя покровы? Будь милосердъ, о Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ?

2.

Дай воспѣснословить, дай прославить Тебя, нетлѣннаго Единодержца, Царя, Владыку! Тобою пѣснь и хвала, и ангельскіе лики, и нескончаемые вѣки; Тобою сіяетъ солнце, Тобою путь луны, и вся красота звѣздъ; Тобою человѣкъ, отличный честью, какъ животное разумное, получилъ въ удѣлъ мысль о Божествѣ. Ты создалъ все, каждой вещи указываешь ея чинъ и все объемлешь Своимъ промысломъ. Ты изрекъ слово, и совершилось дѣло. Ибо слово Твое есть Богъ Сынъ, единосущный и равночестный Родившему. Онъ привелъ все въ устройство, чтобы надъ всѣмъ царствовать. А всеобъемлющій Святый Духъ Богъ хранить все Своимъ промышленіемъ.

Воспѣваю Тебя, живая Троица, единая и единственно единоначальная, Естество неизмѣняемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Умъ, непостижимый въ мудрости, небесная Держава, непогрѣшная, неподначальная, безпредѣльная, Сіяніе неудонозримое, но все обзрѣвающее, отъ земли и до бездны ни въ чемъ не знающее для Себя глубины!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! даруй мнѣ, чтобы всегда служилъ я сей святинѣ; а грѣхи мои отринь, очистивь совѣтъ отъ всякаго худаго помышленія, чтобы я прославилъ Бога, воздѣвая преподобныя руки; благословилъ Христа, и коленно-преклонно испросилъ у Него—принять меня, раба Своего, когда прійдетъ Онъ во царствіи!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! да обрѣту у Тебя милость и благодать; потому что Тебѣ слава и благодареніе въ безмѣрные вѣки!

МОЛИТВА КО ХРИСТУ.

1.

О если бы и мнѣ не забыть Тебя, и Ты не забылъ меня, Царь, предметъ исканія мудрыхъ, и Тройственный Свѣтъ! О если бы не похитилъ меня непріязненный и не скрылъ въ таинницахъ ада, за ненавистными затворами тмы! Онъ страшень и злокозненъ для друзей Твоихъ. Но знаю, что избѣгну его, если Ты обо мнѣ памятуешь, и непрестанно ограждаешь меня словомъ Своимъ и мыслию о Тебѣ.

2.

Наставникъ! меня, ученика Твоего, объемлетъ страшная волна; пробудись, пока я не умерь! Повели только, и буря умретъ. Осмѣливаюсь нѣчто сказать Тебѣ, Христосъ мой: не попусти, чтобъ подавила и угасила меня тяжесть скорбей! Ибо многіе у Тебя ниже меня, и Ты помиловалъ ихъ; не суди же и меня по заслуженному мною; но сними, сними съ меня большую часть бремени! Кто понесетъ тяготу даже и одного только дня? Къ кому прибѣгну обремененный злостраданіями?

3.

Если бы разстроился у меня тѣлесный составъ; то искалъ бы я врача. А если бы я былъ какой ни-

будь бѣднякъ, то пошелъ бы къ богатому. Во время бури укрылся бы въ пристанище. И если бы меня обидѣли; то прибѣгнулъ бы къ законамъ и судиллицамъ. Падающаго съ стремнины спасалъ иногда кусть. Но если зачинаетъ меня растлитель во мнѣ Божія образа; то въ комъ найду я опору, кромѣ Тебя, Повелитель?

4.

Новое, новое что-то, о Божіе Слово! новое что-то происходитъ со мною! Глубина сердца моего опустѣла; не стало въ ней ни мудраго слова, ни мудрой мысли. Правда, что лукавый духъ стремительно бѣжитъ отъ меня; однако же его мѣсто не занято во мнѣ ничѣмъ лучшимъ. Наполни меня Ты Своими благами, чтобы опять не пришла ко мнѣ зависть, и не обратила меня въ свою рабочую храмину,—что будетъ хуже прежняго!

5.

Опять пришелъ змій; за Тебя емлюсь, Христе! Да предстанетъ Давидъ, и да бряцаетъ въ гусли! Отойди, отойди отъ меня, духъ, который давишь зло (1 Цар. 15, 14.)!

6.

Опять пришелъ ко мнѣ змій. За Тебя емлюсь, Боже; поддержи, поддержи меня, не предавай на поруганіе Своего образа, да не похититъ меня врагъ, какъ птицу изъ гнѣзда!

Увы! и суда боюсь, и желаю разрѣшенія. Здѣсь я гонимъ, не имѣю минуты отдыха въ жизни. А туда Ты меня зовешь, но не имѣю дерзновенія. Твой я, Христе! спаси меня, какъ Самъ благоизволишь!

МОЛИТВА УТРЕННЯЯ.

Утро! Даю десницу мою Богу—не дѣлать и не одобрять дѣлъ темныхъ, но Тебѣ преимущественно принести въ жертву сей день, пребывая непоколебимымъ и самовластителемъ страстей. Если же проведу его худо; стыдно мнѣ будетъ старости и этой Трапезы, которой предстою. Таково мое желаніе, Христе; успѣхомъ же увѣнчай его Ты!

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Солгалъ я предъ Тобою—Истиною, Слово, когда посвящалъ Тебѣ настоящій день. Не совершенно свѣтлымъ застигла меня ночь, не какимъ общался и надѣялся быть. Но въ иномъ преткнулись мои ноги; потому что наступилъ мракъ, ненавистникъ спасенія. Ты, Христе, возсіяй свѣтъ Свой, и снова явись мнѣ!

МОЛИТВА НА ДРУГОЕ УТРО.

Погибъ для меня вчерашній день, Христе! Нашель и мгновенно овладѣлъ мною гнѣвъ. О еслибы нынѣшній день сталъ для меня днемъ свѣта!

МОЛИТВА ВЪ БОЛѢЗНИ.

1.

Стражду отъ болѣзни и изнемогаю тѣломъ. Иные высокоумные, можетъ быть, смѣются надъ моимъ страданіемъ. Разслабли мои члены, и ноги ходять не твердо. Не знаю, слѣдствіе ли это воздержанія, или слѣдствіе грѣховъ, или какая нибудь борьба. Впрочемъ, благодареніе моему Правителю! это, можетъ быть, для меня же лучше. Но запрети болѣзни, запрети словомъ Своимъ; Твое слово—для меня спасеніе! А если не запретишь; дай мнѣ терпѣніе—все переносить. Пусть тля и достанется тлѣ; соблюди образъ: тогда будешь имѣть во мнѣ и совершеннаго раба.

2.

Укрѣпи меня, Христе! Отчего расслабъ я—Твой служитель? Бездѣйственъ языкъ, Тебя пѣснословящій; и Ты допускаешь сіе? Возстанови меня, и не отринь Своего священника!

Снова желаю востать, быть проповѣдникомъ спасенія и очищать народъ. Умоляю Тебя, Крѣпость моя, не оставь меня! А если измѣнилъ я Тебѣ во время бури; то да обуреваюсь еще!

МОЛИТВА ШЕСТВУЮЩАГО ВЪ ПУТЬ.

Царь мой, Христось! Ты, въ Которомъ всѣ блага для Твоихъ человѣковъ; Ты, Который во всемъ для нихъ путь прямой; Ты огнемъ и облакомъ велъ воинство; Ты возлюбленнымъ Своимъ открылъ путь въ разсѣченномъ морѣ, а Фараона въ немъ потопилъ; Ты послалъ имъ съ неба необычайный хлѣбъ, изъ твердаго камня источилъ рѣку; Ты (о великое чудо!) остановилъ въ пустынѣ стремительность людей непріязненныхъ, когда Моисей распростиралъ руки, прознаменуя крестъ—мою помощь; Ты остановилъ теченіе луны и солнца, содѣлалъ, что рѣка отступила предъ поспѣшающими, и открылся удобный путь въ землю, которую самъ Ты обѣщаль и указалъ; Ты показалъ, напоследокъ, людямъ стезю въ самое небо, и къ древнему пути присоединилъ новый, когда пришелъ на нашу землю Ты—вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прійти къ ожидающимъ свѣтоноснѣе прежняго. Ты Самъ ходилъ по морямъ, Своими стопами попиралъ волны, обуреваемыя сильными вѣтрами. Прійди же нынѣ, Блаженный,

сопутствовать и мнѣ зовущему! Дай мнѣ доброе шествіе и благаго Ангела, путевода, защитника, помощника, чтобы онъ, и ночью, и днемъ, какъ можно дальше, отводя меня отъ всякаго зла, и послѣ трудовъ доставивъ мнѣ желанный конецъ пути, какъ изъ дома извелъ невредимымъ, такъ и возвратилъ меня опять домой—къ роднымъ и къ друзьямъ, возлюбившимъ подобный путь жизни, и я, свободный и ничѣмъ не возмущаемый, могъ день и ночь возносить къ Тебѣ молитвы, ведя жизнь не оскверняемую грѣхами, и окриленный умъ непрестанно восторгая къ Тебѣ, Свѣтъ моей жизни, пока не совершу послѣдняго и общаго всѣмъ пути, и пока не достигну одинаго съ благочестивыми конца трудовъ! Для Тебя живу я, Царь мой Христось, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одномъ мѣстѣ, для Тебя заносу стопу моей ноги; потому что Ты покрываешь меня Своею рукою. Но и теперь приведи меня къ доброму предѣлу моего путешествія!

2.

Безъ Тебя, Христе Царю, не возможно подпять и стопу ноги; въ Тебѣ всѣ блага для Твоихъ челоуѣковъ; Ты во всемъ для нихъ путь прямой; на Тебя уповая, иду и по этой стезѣ. Препроводи же меня невредимымъ, и даруй мнѣ, чего надѣется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, въ скудный мой домъ, гдѣ бы я могъ на свободѣ умилоствлять Тебя и день и ночь!

3.

Ты, Который огнемъ и облакомъ велъ воинство;
 Ты, Который открылъ путь въ морѣ гонимымъ, и
 волны сдѣлалъ для нихъ твердыми, хлѣбъ же не-
 обычный съ неба дождилъ нечающимъ, изъ уте-
 сстаго камня источилъ потокъ! прійди и нынѣ со-
 путствовать зовущему Тебя служителю, Христе,
 Свѣтъ челоуѣковъ, Податель всякаго успѣха!

4.

Въ Тебѣ, Божіе Слово, упоковаемся мы, нахо-
 дясь дома; Тебѣ посвящаемъ свой досугъ; Ты—мое
 сѣденіе; Ты—мое пробужденіе и мое стояніе; Ты
 также—мое шествіе. И теперь по Твоему манове-
 нію шествую прямою стезею. Но пошли мнѣ, какого
 нибудь Ангела путеводителя, благоуспѣшнаго пред-
 стателя, который бы велъ меня столпомъ огнен-
 нымъ и облачнымъ, разсѣкъ море, остановилъ рѣки
 словомъ, обильно препиталъ небеснымъ и дольнымъ
 хлѣбомъ, руками же изображая крестъ, обуздаль
 дерзость враговъ, не пожигалъ меня зноемъ въ по-
 лудни, не причинялъ мнѣ страха въ ночи! А не-
 ровную и крутую стезю содѣлай для меня, служи-
 теля Твоего, гладкою и удобопроходимою, какъ
 и прежде неоднократно, покрывая Своею рукою, на
 сушѣ и на морѣ спасалъ Ты меня отъ опасностей,
 отъ жестокихъ болѣзней и отъ всего непріязненна-
 го, чтобы, совершивъ все благоуспѣшно и согласно
 съ надеждами, потомъ получивъ счастливый конецъ

пути, опять возвратился я къ друзьямъ и сродникамъ, и съ радостію встрѣченъ былъ дома радующимися, а по успокоеніи отъ труда, поклонился Тебѣ, моля о томъ, чтобы и окончательный путь мой былъ спокоенъ и легокъ!

ПЛАЧЪ И МОЛЕНІЕ КО ХРИСТУ.

1.

Увы мнѣ! Спѣшу къ небу, къ Божіей обители; но меня держитъ эта плоть: нѣтъ мнѣ выхода изъ многоскитальческой жизни, изъ ненавистнаго грѣха, который привязалъ меня къ дольному, отвсюду оглушая внезапными заботами, поядающими красоту и дарованія души. Но Ты, Царь, разрѣши, разрѣши меня отъ земныхъ узъ, и вчини въ небесное ликостояніе!

2.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела въ эту жизнь, усѣянную терніями? Если сама ты жила безпечально, какъ безплотная; то это—великое чудо. А если и ты страдала; то не изъ любви ко мнѣ родила меня. Всякій идетъ своею стезею жизни: иный—земледѣлецъ, а другой—мореплаватель; иный—какойнибудь звѣроловъ, а другой вооружилъ руку копьемъ; иный—искусный пѣвецъ, другой—побѣдитель на поприщѣ. Но мой жребій — Богъ; мой удѣлъ — тер-

пѣтъ множество скорбей, изнемогать здѣсь отъ мучительной болѣзни. Терзай, терзай меня, злодѣй, до времени! Скоро съ радостію оставлю тебя, а съ тобою и всё тяжкія бѣдствія.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслію постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяло, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе пренебесной, равносвѣтлой Троицы; но большая часть (къ скорби-моей) ускользнула отъ меня, пролетѣвъ быстро, какъ молнія, прежде нежели насытился я свѣтомъ. А если бы здѣсь могъ я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не сталъ бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ доброй часъ. Но спаси, спаси меня, Божіе Слово; и извлеки изъ горькой тины, веди въ иную жизнь, гдѣ чистый умъ, не покрываемый болѣе примрачнымъ облакомъ, ликуеть предъ Тобою, о Пресвѣтлый!

3.

О, я несчастный! Чтò будетъ со мною? Могу ли какъ избѣжать пороковъ, укрывъ жизнь въ глубинахъ, или въ облакахъ? Говорять, что есть страна, гдѣ нѣтъ ни звѣрей, ни болѣзней; о если бы нашлось гдѣ мѣсто свободное отъ грѣха, чтобы мнѣ туда убѣжать! На сушу укрылся иный отъ тревожнаго моря, другой спасся подъ щитомъ отъ коня, и подъ крышею дома—отъ хладнаго снѣга. А грѣхъ всесторонень, ~ обширное и неизбѣжное царство. Илія на огненной колесницѣ взошелъ на

небо. Мойсей избѣжалъ нѣкогда опредѣленія дѣтоубійцы—мучителя. Невинный Иона спасся отъ безвѣстной смерти въ китѣвомъ чревѣ. Даниилъ избавленъ отъ звѣрей, а отроки—отъ пламени. Но мнѣ какъ избыть отъ грѣха? Ты спаси меня, Царь мой Христось!

4.

Увы мнѣ, Христось мой! опять пришелъ ко мнѣ змій. Увы мнѣ! пришелъ ко мнѣ весьма уstraшенному. Увы мнѣ! я вкусилъ съ этого древа познанія. Увы мнѣ! зависть увѣрила меня, что мнѣ завидуютъ. Богомъ не сталъ я, и изринуть изъ мѣста наслажденія. Угаси нѣсколько, о мечъ, палящій твой пламень, и опять прійми меня подъ сѣнь райскихъ деревъ, какъ разбойника, который взошелъ туда со Христомъ съ крестнаго древа!

5.

Увы! тѣсно мнѣ въ этомъ мѣрѣ; знаю, что большая часть жизни протекла, и отъ меня пахнетъ уже мертвецомъ; а пороки мои не хотятъ истребляться вмѣстѣ съ лѣтами жизни. Или продли время мое, Дыханіе челоуѣковъ; или избавь меня отъ золь! Это—дѣло Твоей благодати. А если не угодно сіе Тебѣ; то уже я мертвъ. Чего же еще больше? Развѣ ждетъ меня милосердый огонь?

6.

Увы! тѣсно мнѣ и въ жизни, и при концѣ жизни, Здѣсь грѣхъ, а тамъ наказаніе. Стою въ срединѣ,

боясь огненной рѣки. Надѣюсь больше на Тебя, Христосъ, нежели на здѣшніе подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя нѣсколько, очиститься; это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мнѣ зло; то пора разрѣшиться, пока не постигла меня худшая участь.

7.

Какое это принужденіе! Вступилъ я въ жизнь?—прекрасно! Но для чего же обуреваюсь тревоженіями жизни? Скажу слово; оно смѣло, однако же скажу его. Если бы не Твой былъ я, Христе; мнѣ стало бы это обидой. Мы родимся на свѣтъ, утомляемся, насыщаемся, спимъ, бодрствуемъ, ходимъ, бываемъ и больны и здоровы; есть у насъ и удовольствія и труды. Но временами года и солнцемъ наслаждается и все, что есть на землѣ. А умиряютъ и согниваютъ тѣломъ и скоты, которые, правда, презрѣнны, но не подлежатъ и отвѣтственности. Въ чемъ же мое преимущество? Ни въ чемъ, кромѣ Бога; и если бы не Твой былъ я, Христе, мнѣ стало бы это обидой.

8.

Обманулся я, Христе мой, и чрезъ мѣру понадѣявшись на Тебя, занесся высоко,—и очень глубоко ниспалъ. Но опять подними меня вверхъ; ибо сознаю, что самъ себя ввелъ я въ обманъ. А если опять превознесусь; то пусть опять паду, и паденіе мое да

будеть сокрушительно! Если Ты меня пріймешь, я спасенъ; а если нѣтъ, то я погибъ. Но ужели для меня одного истерпана Твоя благодать?

ПЛАЧЪ ГРИГОРІЯ О СЕБѢ САМОМЪ.

1.

Увы, улы! какія страданія! Въ чемъ согрѣшилъ я? Или одинъ касаюсь чистыхъ жертвъ Твоихъ не преподобно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигашь страданіями, или сокращашь кичливость другихъ, или для того обнажаешь меня, чтобы вывести въ борьбу съ противникомъ? Все это распредѣляешь Самъ Ты, Царь мой—Слово. Но я едва перевожу на землѣ послѣднее дыханіе; выплакалъ всѣ слезы; одно у меня занятіе—плакать. Долго ли же оставаться мнѣ въ рукахъ нечестивыхъ? Но Ты, Блаженный, возставь меня; пусть я худъ, однако же священникъ; — возставь, чтобы не сблазнился кто нибудь моими бѣдствіями! Утратилась моя похвала; да исчезнуть и тѣлесныя скорби! Утрачена для меня Анастасія; да прекратится и грѣхъ! Увы! улы! слезы мои не пересыхаютъ, сердце цѣпенѣетъ въ груди. Удержи, Царь, сугубую болѣзнь! Удержи болѣзнь, — я погибаю. Ужели милосердіе заключено для одного, служителя Твоего, Григорія? Многими бѣдствіями и тѣлесными скорбями сокрушенъ я. А у Тебя, Христе, есть благодать,—у Тебя, Который пережигашь меня страданіями. Или останови бѣдствія, и умилосердись надъ рабомъ Твоимъ; или дай силу переносить все съ твердымъ духомъ!

2.

Христось, свѣтъ челоѣковъ, столпъ огненный душѣ Григоріевой, блуждающей по пустынѣ горестной жизни, удержи зломысленнаго Фараона и безстыдныхъ приставниковъ; избавь меня отъ невяжущагося брєнія и отъ тяжкаго Египта, смиривъ позорными казнями моихъ непріятелей, и даруй мнѣ гладкій путь! Если же прєслѣдующій врагъ достигнетъ меня, разсѣки для меня Чермное море, чтобы перейдти мнѣ по отвердѣвшимъ водамъ, посиѣшая въ чудную землю, въ мое достояніе, какъ общалъ Ты; останови широкія рѣки, отклони стремительное и стєнящее копьє иноплеменниковъ! Если же взойду въ святую землю; буду славословить Тебя немолчными пѣснопѣніями.

Царь мой Христось, для чего Ты онуталъ меня этими сѣтами плоти? Для чего ввергъ въ жизнь — въ этотъ холодный и тинистый ровъ, если, какъ слышу, дѣйствительно я — богъ и Твое достояніе? Утратилась во мнѣ крѣпость членовъ, не слушаются колѣна; меня разслабило время, сокрушила болѣзнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мнѣ не дружелюбно. А грѣхи не хотятъ покориться; но еще сильнѣе наступаютъ на меня, и изнемогшаго, какъ робкаго зайца или серну, окружаютъ эти псы, желая насытить свой голодь. Или останови бѣдствія, и умилосердись; или прійми меня къ Себѣ послѣ долговременныхъ подвиговъ, и положи мѣру скорбямъ; или благое облако забвенія да покроетъ мои мысли!

3.

Увы мнѣ! изнемогъ я, Христе мой, Дыханіе чело­вѣковъ! Какая у меня брань съ супружницею — плотью! Сколько отъ нея бурь! Какъ долга жизнь, какъ долговременно пресельничество! Сколько боре­ній и внутри и совнѣ, въ которыхъ можетъ повре­диться красота Божія образа! Какой дубъ выдержи­ваетъ такое насиліе вѣтровъ? какой корабль сра­жается съ столькими волнами? Меня сокрушаютъ трудъ и стеченіе дѣлъ. Не по своей охотѣ при­нялъ я на себя попеченіе о родительскомъ домѣ. Но когда вступилъ въ него; нашель расхищеннымъ. Меня привели въ изнеможеніе друзья, изнурила болѣзнь. Другихъ встрѣчаютъ съ цвѣтами; а меня встрѣтили камнями. У меня отняли народъ, надъ которымъ поставилъ меня Духъ. Однихъ чады я оставилъ, съ другими разлученъ, а инья не возда­ли мнѣ чести. Подлинно, жалкій я отецъ! Тѣ, ко­торые со мною приносили жертвы, стали ко мнѣ непріязненнѣ самыхъ враговъ: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чемъ другомъ) понесенныхъ мною дотолѣ трудовъ (а ихъ обыкли нерѣдко уважать и порочные); они нимало не думаютъ заглушить молву о нанесенныхъ мнѣ оскорбленіяхъ, но домогаются одного — моего безславія.

4.

Весьма много потерпѣлъ я бѣдствій, и, что соста­вляетъ верхъ бѣдствій, претерпѣлъ, отъ кого всего менѣ думалъ терпѣть. Однако же я не потерпѣлъ

ничего такого, что потерпять сдѣлавшіе мнѣ зло. Мои страданія проходятъ, а ихъ злыя дѣла, сколько знаю, Правосудіе записало въ желѣзныя книги.

5.

Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! много испыталъ я отъ васъ тяжкихъ ударовъ. Знаю, вы скажете: нѣтъ. Но это записано въ книгахъ; не утаитесь отъ меня.

6.

Моиими страданіями и скорбями да не утѣшается порочный, и да не смущаетъ слабого ума добрый! Кто безъ болѣзней содѣлалъ хорошаго лучшимъ? А страдающій знаетъ, что и болѣзнь ему помощникъ, что она или врачевство для оскверненныхъ, или борьба и слава для очищенныхъ. Другому, Царь, дай славу безъ трудовъ; а для меня вождѣльно — пріобрѣсти Тебя страданіями и скорбями.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

1.

Помни самъ себя, чтобы не забыться тебѣ, смотря на Бога; ты далъ клятву, помни о своемъ спасеніи! Увы! увь! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями, обманываетъ, обманываетъ тебя непризнанный. Обратись скорѣе къ Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крестъ, и остановишь вредъ.

2.

Истощается во мнѣ образъ Божій ; какое разсужденіе поможетъ мнѣ ? Истощается образъ — даръ пречистаго Бога, и предается поруганію. О зависть, зависть! меня воспаменяють чуждыя мнѣ ученія и умствованія.

3.

Не струись, источникъ зла, не источай суетнаго, мысль! О если бы языкъ не осквернился нечистою! О если бы рука не касалась худаго! Тогда бы образъ Божій пребывалъ во мнѣ нетлѣннымъ.

4.

Посредствомъ настоящаго приобрѣтай міръ великій, безъ труда презирая все здѣшнее, какъ одно подражаніе высшему зрѣлищу! Покорись Слову, Которое ради тебя стало плотію. Чтѣ жъ говоритъ Слово? *Идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.)! Для того пришелъ Я сюда, чтобы преселить въ горнее тебя, низринутаго грѣхомъ. — Такъ повелѣваетъ Богъ; поспѣшимъ, какъ крыленные. Уготовь себя, какъ можно скорѣе, для неба, окрыливъ Словомъ драгоценную душу. Не оставляй при себѣ ничего лишняго, но сбрось съ себя всякую тяготу суетной жизни и здѣшнихъ бѣдствій!

5.

Я живъ и мертвъ. Кто мудрецъ, тотъ согласи это. Душею я мертвъ, а плоть хочеть быть у меня сильною. Пусть лучше живетъ душа, а плоть моя умереть!

КЪ ДУШЪ СВОЕЙ.

1.

Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Изслѣдуй сама себя, что ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла, и гдѣ должно остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какую теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значитъ эта вселенная; откуда она произошла, и до чего дойдетъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь такими размышленіями: какъ Богъ править кормиломъ вселенной, и обращаетъ ее; отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлежитъ изворотамъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде, и въ какомъ поруганіи теперь? Что это за сопряженіе во мнѣ, и какой конецъ моей жизни? Размышляй о всемъ этомъ, и остановишь шатанія ума.

Есть у тебя дѣло, душа моя! что ни терпишь, не изнемогай!

2.

Душа, зриай горь, а земное все забудь, чтобы тѣло не покорило тебя грѣху! Коротка жизнь сія; счастливецъ наслаждается, какъ бы во снѣ. Всякому

выпадаетъ разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолѣтна, и всего лучше — жить такою жизнью. Иные уважаютъ или золото, или серебро, или продолжительную трапезу — эти дѣтскія забавы въ настоящей жизни; а другимъ дороги или прекрасныя шелковыя ткани, или поля засѣянная пшеницею, или стада четвероногихъ. Но для меня великое богатство — Христосъ. О если бы мнѣ когда нибудь увидѣть Его чистымъ, неприкровеннымъ умомъ! Прочимъ же пусть владѣть мѣръ!

3.

Куда идешь, духъ мой? Остановись! Куда рвешься, несчастный? Увы! увy! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями. Подойдетъ онъ нѣсколько, и опять отступитъ назадъ, и снова подойдетъ ближе, какъ волкъ къ тельцу, ласкаясь, заманивая дикими своими прыжками, пока не отвлечетъ тебя отъ Божіихъ законовъ, и не уловитъ въ снѣдь губительнымъ зубамъ.

ПЛАЧЪ О ДУШѢ СВОЕЙ.

1.

Часто, юная новобрачная, сидя еще на дѣвственномъ ложѣ, оплакиваетъ смерть возлюбленнаго супруга, и въ брачномъ уборѣ начинаетъ свою жалобную пѣснь; а рабыни и подружки, стоя здѣсь и тамъ, плачутъ попеременно въ облегченіе ея грусти.

И мать оплакиваетъ любезнаго сына , еще не достигшаго юношескихъ лѣтъ , и послѣ мукъ рожденія терпитъ новыя муки . А иный сѣтуетъ о своемъ отечествѣ , которое опустошено стремительнымъ Аремъ . Иный скорбитъ о домѣ , который истребленъ небеснымъ огнемъ . Какой же плачь приличенъ тебѣ , душа , которую умертвилъ губительный змій , Божій образъ запечатлѣвъ горькою смертію ? Плачь , плачь , окаянная ; это одно для тебя полезно . Покину дружескіе и веселые пиры ; покину великую славу краснорѣчія и благородство крови ; покину дома съ высокими кровлями и все земное счастье ; покину даже сладостный солнечный свѣтъ , самое небо и блистательныя звѣзды , которыми оно увѣнчано . Все это оставлю тѣмъ , которые будутъ послѣ меня ; а самъ , съ повязкой на головѣ , какъ мертвецъ и бездыханный , возлягу на одрѣ , послѣднимъ сѣтованіемъ утѣшу сѣтующихъ , получу не надолго похвалу и безпрекословную любовь , потомъ камень , и подъ нимъ неумирающее тлѣніе . Впрочемъ не отъ этого смущается мое сердце ; трепещу единственно правдивыхъ Божіихъ вѣсовъ .

2.

Какъ могъ демонъ отдалить тебя на столько отъ Христа , уловить твой языкъ , и слухъ , и зрѣніе , о несчастная душа ? Гдѣ ты блуждаешь внѣ кроткаго Свѣта , волнуемая желаніями и безпокойными заботами , трепеща одной тѣни страха , служа обольщеніямъ , изсыхая и истаявая въ порывахъ кипящаго гнѣва ? Не предавайся , душа , круженіямъ парящаго

ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься къ плоти, къ прикровеннымъ и явнымъ плотскимъ недостаткамъ! Пусть въ дольнемъ мѣрѣ возмущается все жестокими житейскими бурями; пусть здѣсь время, какъ шашками, играетъ всѣмъ: и красотою, и доброю славою, и богатствомъ, и могуществомъ, и невѣрнымъ счастьемъ! А я, крѣпко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сіяніе во едино сочетаваемой Троицы, когда достояніе великаго Бога, теперь смѣсившееся съ плотію, а прежде образъ Божій, вступить въ единеніе съ небеснымъ.

УПРЕКИ

НЕРАЗУМНЫМЪ СТРЕМЛЕНІЯМЪ ДУШИ.

Ночное привидѣніе, менада—бѣдное сердце мое! Ночное привидѣніе, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствіями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцѣломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняетъ въ тебѣ незаконныя пожеланія? Ужели не возгнетешь въ себѣ прирожденной тебѣ разумной силы, принявъ въ поборники раздражительную силу? Чтò стало съ тобою, душа моя? Для чего помышляешь о томъ, чтò не соотвѣтственно твоему достоинству? Или не знаешь, что тебѣ одной даны броды, и что ты должна управлять какъ бы колесницей, въ которую впряжены три коня несходныхъ свойствъ? Одинъ конь благороденъ, другой безчиненъ, третій кро-

токъ. И если ослабишь броды буйному, онъ встанетъ на дыбы, упрямится, приводитъ тебя въ затрудненіе во время пути, кидаясь, самъ не зная, куда; онъ присоединяетъ къ себѣ и средняго коня, убѣждаетъ его быть съ нимъ за-одно, а коня благороднаго, какъ плѣнника, порабощаетъ и увлекаетъ противъ воли, хотя онъ и скорбитъ о совращеніи съ пути. Но буйный конь, безчинно, съ самымъ бессмысленнымъ стремленіемъ, неудержимо несясь внизъ, какъ съ крутизны, нимало не смотритъ впередъ, не останавливаетъ своего бѣга, пока не вринется во врата адовы, погубивъ и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно съ своею природою, то съ радостію бы предоставила весь путь благородному коню, который хорошо знаетъ стезю, ведущую въ горнее; ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы онъ показывалъ свою рьяность, гдѣ только должно, и бѣжалъ за-одно съ конемъ умнымъ; а коня безчиннаго стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не ослабляя узды. Тогда путь твой былъ бы радостенъ, добропорядоченъ, спокоенъ, безпечаленъ, исполненъ надежды. Ибо разсудокъ, какъ благородный конь, которому отъ природы дана сила брать верхъ, препобѣждаетъ, и непрестанно простирается впередъ, безтрепетно устремляя взоръ горѣ, минуя всѣ здѣшнія затрудненія, не убавляетъ скорости своего бѣга, пока не достигаетъ назначеннаго Богомъ жребія, спасая и себя, и тебя, блаженная душа!

НА ПЛОТЬ.

1.

Гибельная плоть — черная волна зломудренного Веліара! Гибельная плоть — корень многовидныхъ страстей! Гибельная плоть — подруга дольняго скоротечнаго міра! Гибельная плоть — противница небесной жизни! Плоть—мой врагъ и другъ, пріятная война, невѣрное благо, плоть, непрестанно вкушающая плодъ челоукоубійственнаго древа, брєніє, грязная цѣпь, тяжелый свинець, неукротимый звѣрь, порожденіє воюющаго со мною вещества, негодная кипучесть, гробъ и узы царя твоего — небснаго образа, который получилъ я отъ Бога! Еще ли не положишь конца безстыднымъ порокамъ, не покоришься духу и сѣдинѣ, о окаянная злоумышленница? Тебя одну Христось, когда неблагообразіє вещества приводилъ въ благолѣніє словомъ, тебя одну образовалъ собственными руками, и напослѣдокъ сочеталъ съ Божествомъ, чтобы возлюбленную тварь, наслѣдницу великой жизни, но которую одурающій Веліарь обременилъ страданіями, спасти и Своею смертію избавить отъ лютой смерти, Посему окажи мнѣ уваженіє, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду къ душѣ моей!

Рукою безсмертнаго Бога и тѣмъ бѣдственнымъ днемъ, который, наконецъ, соберетъ во едино всѣ дѣла смертныхъ, свидѣтельствуюсь тебѣ, что, изнуривъ и низложивъ тебя скорбями всякаго рода, сдѣлаю бессильнѣе самыхъ мертвецевъ, если не остано-

вишь въ себѣ безумія и тока кровей , прикоснове-
ніемъ къ краю чистыхъ ризъ Христовыхъ.

Посѣтите жъ меня , наконецъ , очистительный
источникъ слезъ и многотрудное бдѣніе тѣла и
ума, чтобы устудился во мнѣ пламень, омылась зло-
вонная гнилость мучительныхъ страстей ! Откажись
отъ пресыщенія , чрево ; изсохните , преклоненныя
къ землѣ колѣна ; пепель да будетъ мнѣ хлѣбомъ,
жесткое вретисце да покрываетъ изнѣженные члены,
служа огражденіемъ обуреваемой душѣ! Прійди ко
мнѣ, не смѣющая возвести взоровъ забота, смири-
тельница персти, и непрестанно напоминай мнѣ о
грядущихъ бичахъ !

Таковы мои врачевства отъ неразумія! Но Твой,
Христе, даръ — и чистая жизнь, и жизнь изъ мерт-
выхъ. Кто милостиво принялъ прародителя нашего
грѣха и нашей крови, когда онъ сталъ оплакивать
свое вкушеніе и обольщеніе ? Кто слезами очи-
стилъ развращеннаго царя Манассію? Кто разрѣшилъ
Давида отъ великаго грѣха? Кто спасъ смиренную
Ниневію, видя ее въ слезахъ? Кто проливалъ слезы
о сынѣ юнѣйшемъ? Кто, съ радостію приѣмля чи-
стыхъ по жизни, не извергалъ вонъ и мытарей? Кто
возложилъ на рамена свои заблудшую овцу? Кто
очищалъ прокаженныхъ, изгонялъ жестокія бо-
лѣзни, подавая блага тѣлу и душѣ? Твои это дары,
о Блаженный , о Свѣтъ человѣковъ! Взойди же на
волнующееся море нашей жизни , и буря тотчасъ
утихнетъ !

2.

Блаженъ, кто ведетъ жизнь безплотную , в вели-
каго образа не обложилъ примѣсю тины ! Не мно-

гое, и то по принужденію, слѣдуетъ за небесными помыслами, а гораздо большее имъ противится и служить омраченіемъ ума. Я порожденіе скоротечнаго; для чего дѣлаешь подобнымъ меня безсмертнымъ? Если во мнѣ Божіе дыханіе; то для чего, Христе, связываешь меня брениемъ? Наступила старость, ослабѣли члены. Но если возставшая плоть, явно или тайно, приходитъ еще въ бѣшенство и, что всего прискорбнѣе, таинника небесныхъ жертвъ дѣлаешь нечистымъ; то заклинаю тебя, плоть, великою державою Бога, или чернымъ для нечестивцевъ днемъ, удержишь отъ наглости!

НА ЛУКАВАГО.

1.

Пришелъ ты, злодѣй (знаю твои замыслы!), пришелъ ты, неуступчивый, лишить меня вождельннаго и вѣчнаго свѣта. Какъ же, будучи тмою, явился ты мнѣ свѣтомъ? Не обманешь такую лживостію. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань, и явно и тайно? Въ чемъ завидуешь благочестивымъ послѣ того, какъ извѣргъ ты изъ рая перваго Адама—Божію тварь, грѣхомъ перехитрилъ мудрую заповѣдь, и сладостной жизни предложилъ горькую свѣдь? Какъ мнѣ убѣжать отъ тебя? какое средство изобрѣсти противъ страданій своихъ? Сперва неважными грѣхами, какъ ручей впадаешь ты въ сердце, потомъ открываешь себѣ широкую дорогу, а тамъ уже вхо-

дишь большою и мутною рѣкою, пока не поглотить меня твоя пасть, или бездна.

Но отступи отъ меня дальше, и налагай свои руки на тѣ народы и города, которые не уразумѣли Бога; а я — Христово достояніе; я стану храмомъ и жертвой, потомъ буду богомъ, когда душа вступитъ въ единеніе съ Божествомъ. Ты покорись Богу и Божіей твари, убоявшись Божія гнѣва, сонма душъ благочестивыхъ, и гласа ихъ немолчанныхъ пѣснопѣній!

2.

Бѣги отъ моего сердца, злокозненный! бѣги скорѣе, бѣги отъ моихъ членовъ, бѣги отъ моей жизни, тать, змій, огонь, Велиаръ, грѣхъ, смерть, лучина, драконъ, звѣрь, ночь, засада, бѣшенство, смѣшеніе, завистникъ, челоуѣкоубійца! Ты, губитель, и прародителямъ моимъ на пагубу наслалъ вкушеніе грѣха и смерти. Христоръ — Царь повелѣваетъ тебѣ бѣжать на широту морскую, или на утесы, или въ стадо свиней, какъ прежде негодному легиону. Удались же; или низложу тебя крестомъ, предъ которымъ все трепещетъ. Я ношу крестъ въ своихъ членахъ. Крестъ въ моемъ шествиі; крестъ въ моемъ сердцѣ; крестъ — моя слава. Ужели не перестанешь, злотворный, строить мнѣ козни? будешь устремлять взоръ не на стремнины, не на Содомъ, не на толпы безбожныхъ, которые разсѣкли великое Божество, а на мою сѣдину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущій врагъ! Эготъ умъ былъ громкимъ проповѣдникомъ

Троицы; а теперь видитъ предъ собою конецъ. Не осквернай же меня ты, нечистота! чтобы мнѣ чистому срѣтить чистые небесные Свѣты, когда озаренія ихъ падутъ на мою жизнь. Къ вамъ простираю руки, пріймите меня! Прощай міръ, прощай, многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня!

3.

Бѣги отъ сихъ начертаній, мучитель, и не безпкой меня! Бѣги, всякій, кто лукавъ: во мнѣ пишется Христось; да не разсѣвается же собранная мною во едино мысль! Отступите отъ меня всѣ, кого Христось не отводитъ вдаль отъ земнаго!

4.

И это — твое прираженіе, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мнѣ въ умъ, убѣждаешь меня ловить нѣгу удовольствій. Но нѣтъ, не убѣдишь меня. Не вѣрить тебѣ внушилъ мнѣ Адамъ. Пресмыкайся же по землѣ; я буду попирать твою голову. А если у тебя достанетъ еще силъ угрызать мою ногу; то повѣшу тебя, изваявъ изъ мѣди, чтобы, взирая, спастись отъ вреда.

5.

Къ Богу зываю. Чтò это? Бѣги отъ меня скорѣе, бѣги, злобный звѣрь, челоуѣкоубійца! Для чего тревожишь меня, не потерпѣвъ никакой обиды? Иди въ своихъ свиней и наполняй глубины; онѣ готовы принять тебя, низринувшагося въ бездну. Но не

прикасайся ко мнѣ; иначе низложу тебя крестомъ: предъ его державой все ужасается и трепещеть отъ страха.

6.

Отойди, отойди отъ меня, непріязненный чело-вѣкоубійца! отойди, страшное привидѣніе, неистовая злоба! Отойди! У меня въ сердцѣ Христосъ; Ему при-несъ я въ даръ свою душу. Откажись отъ меня, и бѣги скорѣе прочь! Ахъ! помогите мнѣ, Ангелы пред-статели! Ахъ! ко мнѣ пристунаеть мучитель и тать; умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него!

7.

Приходилъ, приходилъ ты ко мнѣ, злобный; но остановлень. Какъ скоро замѣтилъ я дымъ, дога-дался, что будетъ и огонь. Сильное зловоніе — яв-ный признакъ змія. А я подьемлю крестъ. Онъ стражъ моей жизни; онъ связуетъ собою весь міръ и приноситъ его Богу. Убойся креста, отойди, не являй-ся вторично. Меня благодать именуеть несквернымъ представителемъ.

8.

Долго ли тебѣ, долго ли подавлять меня бѣд-ствіями? За меня умеръ Богъ, и потомъ воскресъ. Уважь купѣль, отойди, челоуѣкоубійца! Какъ пре-жде уловилъ ты меня горькимъ сластолюбіемъ; такъ теперь хочешь злобно умертвить. Отойди, отойди; я чувствую твое нападеніе. Пусть одолѣешь мое тѣло, но ничего не потерпимъ умъ.

О БРАНИ ОТЪ БЪСОВЪ.

Если бы не связалъ я молчаніемъ говорливаго языка и устъ, когда собиралъ во едино умъ для общенія съ Богомъ, чтобы самыми чистыми помысленіями почитать чистаго Царя (ибо одна умная жертва прекрасна); то никакъ не постигъ бы ухищреній пресмыкающагося звѣря, или, конечно, не огласилъ и не призналъ бы ихъ ухищреніями. Часто и прежде приходилъ онъ ко мнѣ, то уподобляясь ночи, то опять подъ обманчивою личною свѣта; ибо чѣмъ ни захочетъ, всѣмъ дѣлается измыслитель смерти, этотъ въ похищеніи чужихъ образовъ настоящій Протей, только бы, тайно или явно, осилить человѣка; потому что грѣхопаденія людей — для него наслажденіе. Но доселѣ никогда еще не видалъ я его такимъ, какимъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣ, во время моихъ подвиговъ. Видя больше благоговѣнія въ душѣ моей, онъ воспылалъ сильнѣйшимъ пламенемъ гнѣва. Какъ тайная болѣзнь, скрывающаяся внутри неисцѣльной плоти, остановленная на-время не вполне благопотребными врачевствами, и питаемая въ невидимыхъ полостяхъ тѣла, не прекратившись еще въ одномъ мѣстѣ, прорывается въ другомъ, и снова угрожаетъ больному опасностію, или какъ потокъ, въ одномъ мѣстѣ прегражденный твердыми плотинами, напираетъ и вдругъ проторгается въ другомъ мѣстѣ: такъ жестока и брань завистника. Если не страдалъ у меня отъ него языкъ; то вредъ приливалъ къ чему нибудь другому. Однако же не овладѣлъ онъ мною; потому что

пришелъ Христосъ — моя помощь, Который спасалъ учениковъ отъ бури; Который многихъ, даровавъ благодать ихъ хотѣнію, освобождалъ отъ страстей и отъ демонскихъ узъ. Между тѣмъ искушалъ меня завистникъ, какъ и прежде челоуѣкоубійственной хитростію уловилъ родоначальника нашего. Но ты, Блаженный, удержи брань, и повели мнѣ, по утишеніи бури, всегда приносить Тебѣ безкровныя жертвы!

РАЗГОВОРЪ СЪ МІРОМЪ.

Вопросъ. Хочу судиться съ тобою, міръ. Отвѣчай мнѣ прежде всего: кто и откуда ты, и куда стремишься? Какъ же ты водишь меня, кругомъ вертя, какъ муравья?

Отвѣтъ. Не знаю, откуда произошелъ я, но безъ сомнѣнія отъ Бога. Стремлюсь же къ лучшему. Не я тебя вожу; но самъ ты беспорядочень, самъ оскорбляешь меня.

Вопр. И такъ отчего ты стоишь твердо, а я непостояненъ?

Отв. Я не отъ себя таковъ; и что же въ этомъ за превосходство? А ты одаренъ волею; если хочешь, приобрѣтешь еще больше.

Вопр. Хорошо! А что во мнѣ отвѣтъ, кто тѣмъ движеть?

Отв. Что же въ этомъ худаго? Совершеннымъ доставляетъ это случай ко спасенію.

Вопр. Или лучше винить себя самого?

Отв. Совершенная правда!

О БРЕННОСТИ ЕСТЕСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

1.

Міръ дружелюбный, но дружелюбный не во всемъ! для чего ты, какъ вертящійся кубарь, когда желалъ бы я идти противной дорогой, стремительно увлекаешь меня, какъ мелкаго муравья, сколько ни жалуясь на жестокое насиліе, — увлекаешь ты, столько величественный, меня — существо не маловажное? Знаю, что ты отъ Бога и Божія слава; но и я самъ созданъ Христовой рукою, и составленъ изъ того и другаго, изъ земнаго и небеснаго. Хотя тѣло у меня изъ земли, но душа есть дыханіе великаго Ума. Но какимъ множествомъ бѣдствій влаюсь я туда и сюда, бѣдствій, происшедшихъ то отъ меня самого, то отъ неприязненнаго! Какъ привыкшій къ морю дельфинъ на сушѣ отъ воздуха, умираю я. Моя жизнь миновалась, о міръ; веди невредимымъ народъ!

2.

Какъ птицы, или какъ на морѣ корабли, перегонаемъ другъ друга — и я и время, ничего не имѣя въ себѣ постояннаго. Но въ чемъ я согрѣшилъ, то не проходитъ, а пребываетъ; и это всего бѣдственнѣе въ жизни. Не знаю, чего желать себѣ, продолженія ли жизни, или смерти; въ обоихъ случаяхъ объемлетъ меня страхъ. Разсуди объ этомъ самъ. Жизнь моя обременена грѣхами; а если умру, увы! увы! тамъ нѣтъ уже врачевства отъ прежнихъ немощей. Если же это общаетъ жизнь, въ которой

столько скорбей: то значить, что и смерть не избавляетъ отъ бѣдствій. Съ обѣихъ сторонъ пропасть; что жъ будемъ дѣлать? Не лучше ли — обратитьъ взоры къ Тебѣ единому и къ Твоему милосердію?

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

1.

Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идетъ вверхъ, то склоняется внизъ, и хотя представляется чѣмъ-то неподвижнымъ, однако же не стоитъ на мѣстѣ; убѣгая, держится на одномъ мѣстѣ, и держась, убѣгаетъ; стремительно скачетъ, и не можетъ сдвинуться съ мѣста; силится движениемъ своимъ перемѣнить положеніе, и отъ того же движенія приходитъ въ прежнее положеніе. Посему ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить жизнь, какъ съ дымомъ, или съ сновидѣніемъ, или съ полевымъ цвѣткомъ.

2.

Персть, брѣніе, кружащійся прахъ! земля опять соединяется съ землею, повивается земными пеленами, и снова дѣлается перстію, какъ прахъ, который сильнымъ круговоротомъ вѣтровъ поднять въ высоту, и потѣмъ брошенъ внизъ. Ибо такъ и нашу кружащуюся жизнь бури лукавыхъ духовъ поднимаютъ въ высоту — къ лживой славѣ; но персть тотчасъ опадаетъ внизъ и остается долу, пока сло-

во Сотворшаго не совокупить того, что́ было со-
единено, и разрушилось по нуждѣ. А теперь сія
персть, въ которую вложенъ духъ съ Божиимъ об-
разомъ, какъ бы изникнувъ изъ какой-то глубины,
возглашаетъ земныя печальныя пѣсни, и оплакива-
етъ жизнь, по видимому, улыбающуюся.

ПОКАЯННАЯ ПѢСНЬ ПРИ КОНЦѢ ЖИЗНИ.

1.

Последній подвигъ жизни близокъ; худое плава-
ніе кончено; уже вижу и казнь за ненавистный
грѣхъ, вижу мрачный тартаръ, пламень огненный,
глубокую ночь, и позоръ обличенныхъ дѣлъ, кото-
рля теперь сокрыты. Но умилосердись, Блаженный,
и даруй мнѣ хотя вечеръ добрый, взирая милости-
во на остатокъ моей жизни! Много страдалъ я, и
мысль объемлется страхомъ, не начали ли уже пре-
слѣдовать меня страшныя вѣсы правосудія Твоего,
Царь?

Пусть самъ я понесу свой жребій, переселившись
отсюда и охотно уступивъ снѣдающимъ сердце
напастямъ; но вамъ, которые будете жить послѣ
меня, даю заповѣдь: нѣтъ пользы въ настоящей
жизни; потому что жизнь эта имѣетъ конецъ.

2.

Цвѣтъ опалъ, приблизилось время жатвы. Побѣлѣ-
ли у меня волосы; гумно призываетъ къ себѣ ко-
лоесъ; уже нѣтъ незрѣлости въ ягодѣ; близко соби-

раніе гроздовъ. Точило моихъ злостраданій уже истаптывается. О мой злой день! Какъ избѣгну его? Что со мною будетъ? Какъ страшень мнѣ грѣхъ; какъ страшно оказаться полнымъ терній и гроздовъ гоморрскихъ, когда Христось станетъ судить боговъ, чтобы каждому воздать по его достоинству, и назначить страну, сколько взоръ вынесетъ свѣта! Одна мнѣ надежда, что подѣ Твоимъ руководствомъ, Блаженный, въ сіи краткіе дни обращусь еще къ Тебѣ.

НА БОЛѢЗНЬ.

Опять пришелъ ты ко мнѣ, коварный; и сколько понятно, пришелъ для того, чтобы истерзать во мнѣ глубину моего сердца. Тебѣ хочется, чтобы отъ сильныхъ и многократныхъ потрясеній этой жизни палъ во мнѣ священный образъ. Ты навалъ на крѣпкую плоть, и расслабилъ меня отъ головы до ногъ, разрѣшивъ узы тѣхъ соковъ, которыми Богъ увлажилъ во мнѣ сухое вещество, подобно тому, какъ, по Своей мірозиждительной мудрости, срастворилъ теплоту съ холодомъ, чтобы чрезъ равновѣсіе сохранялась неразрывная связь тѣла, и я научился изъ этого убѣгать раздоровъ въ жизни. Пришелъ ты съ убійственными замыслами, и излилъ на меня бѣднаго весь ядъ горькой своей злобы. Не довольно было того, что влачилъ я обременительную старость и скорби — эту тяжесть Тринакрскихъ утесовъ. Меня изнуряетъ еще мучительная и пожирающая болѣзнь, которая годъ за годъ точитъ мои

члены. Объ этомъ я плачу и стенаю, какъ могучій левъ, запутавшійся въ сѣтяхъ звѣролова.

Не люблю я ни игривыхъ рѣчей, ни пріятныхъ для всякаго бесѣдъ, даже самыхъ веселыхъ, ни городскихъ торжищъ, ни рощей, ни бань, ни всѣхъ цвѣтовъ этой обманчивой жизни. Это не было для меня привлекательно и прежде, съ тѣхъ поръ, какъ удался я отъ земнаго и объялъ Христа. Плачу же о томъ, что отвратилось отъ меня животворное око великаго Христа, Который нѣкогда взиралъ на меня заботливо, предназначалъ меня къ славѣ еще въ утробѣ непорочной родительницы, избавлялъ отъ холоднаго моря и отъ страстей. Плачу о томъ, что повергъ я броды богомудраго народа; не самъ, правда, отвергъ ихъ, однако же не держу въ рукахъ. А народъ сей восхищался прежде моими рѣчами, когда изъ устъ моихъ озаряло его Тройственное Сіяніе. Какъ отучаемый отъ груди младенецъ, въ объятіяхъ родившей, жадными губами сжимаетъ сухій сосецъ, и мать не удовлетворяетъ его желанію: такъ и этотъ народъ прильнулъ теперь слухомъ къ устамъ моимъ, и жаждетъ источника, который прежде струился для многихъ, а нынѣ не даетъ ему и малой капли. Хотя другіе источаютъ сладкія воды, однако слушатели скорбятъ; потому что умолкло для нихъ слово ихъ отца. Гдѣ мои всеобщія пѣснопѣнія, при которыхъ я, какъ одушевленный камень, неизбежно утверждалъ свои ноги, или одинъ бесѣдуя со Христомъ, или купно съ народомъ услаждаясь священными, попеременно возглашаемыми, пѣснями? Гдѣ пріятное утомленіе преклоненныхъ колѣнъ, при

которомъ проливалъ я горячія слезы и собиралъ во едино омраченныя мысли? Гдѣ руки, кормившія бѣдныхъ и служившія больнымъ? До чего доходитъ истощаніе обезсилѣвшихъ членовъ! Уже не воздѣваю рукъ предъ чистыми жертвами, чтобы пріобщаться великимъ Христовымъ страданіямъ; уже не составляю ликовъ угодныхъ добродѣтельнымъ мученикамъ, и драгоцѣнную ихъ кровь не чествую похвальными словами. Пльсень лежитъ на моихъ книгахъ, недокончаны мои рѣчи; кто будетъ столько расположенъ ко мнѣ, чтобы довести ихъ до конца? Все умерло еще у живаго; изнемогла моя жизнь, и стала слабѣе корабля, въ которомъ нѣтъ связей.

Но впрочемъ, какъ ни преслѣдуешь ты меня, докучливый демонъ, никогда не преклоню предъ тобою колѣнъ моего сердца. Не уязвленный, не низложенный тобою отоюду въ мать мою—землю. Пусть червь точитъ добычу змія. Поражай кожу, человѣкоубійца, но душа не уязвима. Христу возвращу полученный мною отъ Него Божій образъ. Ты наложилъ нѣкогда узы свои на великаго Іова: но самъ былъ посрамленъ, а его увѣнчалъ великій Подвигоположникъ, побѣду его содѣлалъ славною чрезъ Свое провозглашеніе, и въ двойной мѣрѣ возвратилъ ему все, что ты у него расхитилъ. Таковъ законъ милосердія Христова!

Но повели мнѣ, Христе, стать, наконецъ, здравымъ! Твое слово — для меня врачество. Я новый Лазарь между мертвецами; но скажи: встань! и по слову Твоему оживетъ мертвецъ. Я новый разслабленный, недвижимый на одрѣ; но скажи: укрѣпись! и я пойду, и понесу на себѣ одрѣ.

Хочу изъ воскресилій Твоихъ похитить руками своими цѣлебную силу; останови же въ увядшей плоти быстрый потокъ крови! Я, достояніе Твое, преклоняюсь предъ Тобою, какъ согбенная тѣломъ Хананеянка; возстанови же меня, Царь! Море волнуется, а Ты покоишься сладкимъ сномъ; но пробудись немедленно, и по слову Твоему утихнеть волненіе.

Я сѣтую; болѣзнь обдержитъ мои члены. Ибо никто не изытъ вовсе изъ общей участи смертныхъ, и я такъ же, какъ всякій другой. Такъ повелѣваетъ Богъ, чтобы никто изъ насъ не поднималъ бровей высоко и не считалъ себя небожителемъ, но чтобы всякій, взирая на помощь великаго Бога, чувствовалъ нужду въ сильнѣйшемъ побужденіи къ благочестію. Впрочемъ не столько сѣтую по причинѣ болѣзни: она и для духовной моей части служить нѣкоторымъ очищеніемъ, а въ очищеніи всякій имѣетъ нужду, какъ бы ни былъ онъ крѣпокъ; потому что самыя сіи узы сообщаютъ смертнымъ какую-то черноту. Но гораздо болѣе въ скорбяхъ моихъ озабочиваютъ меня малодушные; боюсь, чтобы изъ нихъ кто нибудь не преткнулся, видя мои бѣдствія. Не многіе изъ людей крѣпкодушны, съ любовію приемятъ всякое Божіе посѣщеніе, пріятно ли оно, или скорбно для нихъ, и знаютъ, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубинѣ Божіей премудрости. Напротивъ того многіе посмѣваются надъ благочестивыми, когда они изнемогаютъ, и говорятъ, что ихъ служеніе Богу останется безъ всякой награды; или даже укореняютъ въ умѣ совершенно недостойную мысль,

будто бы все въ мірѣ устроилось случайно, и не Богъ, царствующій въ горнихъ, управляетъ чело-
вѣческими дѣлами; иначе, говорятъ они, у насъ
господствовалъ бы другой порядокъ.

Вспомни сіе, Великій, и помоги Своему служи-
телю; не доведи меня до позорнаго конца жизни!
Твой я служитель, возлагаю руки на Твои Дары
и на главы тѣхъ, которые сами подклоняются и
именуютъ меня помощникомъ въ болѣзняхъ. Уми-
лосердись, Христе! Если не угодно Тебѣ исцѣ-
лить меня; дай силу къ перенесенію подвиговъ! Не
лишай меня всей чести, Слово, но и не обременяй;
не оставь безъ узды, но и не подвергай великимъ
страданіямъ! Бодцами коли меня, Блаженный, а не
копьемъ! Пусть корабль мой не вовсе безъ груза,
по и не чрезъ мѣру нагруженный, песется по мо-
рю жизни. Пресыщеніе дѣлаетъ наглымъ, а скорби
погружаютъ въ ночную тму. Уравновѣсь наказаніе
съ невредимостію! Ты остановилъ меня возгордив-
шагося; сжаляся же надо мною изнемогающимъ! Еще
есть время помилованію, о Правосудный! Изну-
ренный напастьми, ниспосылаемыми свыше, ува-
жаю свою сѣдину, и самоумерщвленные члены, и
жертвы.

Но къ чему излишества? Могу ли предписывать
законы Божеству? Веди меня, служителя Твоего,
Христе, куда Тебѣ угодно!

О ПРОМЫСЛѢ.

Прочь отъ меня тѣ, которые отрицаютъ Божество, которые этого невыразимаго благоустройства во вселенной не приписываютъ никакойъ всезидущей и всеодержащей Сущности! Прочь отъ меня и тѣ, которые признаютъ цѣлый рой боговъ, или владычество добрыхъ и злыхъ духовъ! Прочь отъ меня и тѣ, которые отрицаютъ Промыслъ, какъ будто боюсь получить спасеніе отъ Бога; а напротивъ того, все въ мірѣ или приписываютъ непостоянному стремленію, или подчиняютъ движенію звѣздъ. Но какъ и кѣмъ приводятся въ движеніе звѣзды? Если Богъ ихъ движеть то почему первоначально то, что вращаетъ Богъ? Кто связалъ что нибудь, тотъ можетъ и развязать. А если не Богъ движеть; какъ имъ установиться при безначаліи, или при борьбѣ съ Совершеннѣйшимъ? И какъ же не быть здѣсь борьбѣ? Ибо отрицаніе Промысла есть мятежъ противъ Бога. Развѣ скажешь, что и Богъ подчиненъ судьбѣ, и невольно несетъ на Себѣ насильственныя узы! Такъ эти умствователи занутываются въ собственныхъ своихъ ученіяхъ.

Но у насъ единый Богъ править этою вселенной, какъ Ему угодно; Самъ, по собственнымъ Своимъ мановеніямъ и законамъ, премудро приводитъ все въ движеніе и взаимное сопряженіе, хотя, по видимому, и не все идетъ благопослѣнно. Ибо, и въ древности и нынѣ, многимъ изъ самыхъ мудрыхъ затруднительными казались примѣчаемая въ здѣшней жизни несообразности. И нужно ли перечислять

всѣхъ? Смотри, что испытываетъ въ себѣ Давидъ (Псал. 72.)! Видя, что злые дѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, благоусишно, приходитъ онъ въ сильное колебаніе, и бонется, чтобы иный самага естества вещей не предоставилъ слѣпому стремленію, и не подумалъ, что нѣтъ надъ нами начальствующаго. Впрочемъ Давиду извѣстно и рѣшеніе затрудненія. Онъ говоритъ: посмотри на конецъ всякаго человека, какъ онъ соотвѣтственъ жизни. Ты посѣялъ; увидишь и колосъ своего посѣва. А если ты не знаешь законовъ; это не значитъ, чтобы не знало ихъ и Слово. Ибо, если ты не знаешь живописи; не слѣдуетъ, чтобы не зналъ ее и живописецъ. Или, если тебѣ неизвѣстны свойства линий; не слѣдуетъ, чтобы онѣ были такъ же неизвѣстны геометру, какъ и тебѣ. Иное самъ ты постигъ, а съ инымъ согласишься благоразумно. И то уже признакъ разума, чтобы покаряться разуму. Ежели все ясно; то скажи: гдѣ мѣсто вѣрѣ? Ибо вѣра есть непытливое согласіе.

А я (и, можетъ быть, разумно) разсуждаю такъ: тебѣ при вступленіи твоёмъ общалъ я не это, не богатство, не беззаботность, не тѣлесное здоровье, или благочадіе, но блаженную жизнь и ожидаемыя блага, чтобы ты, въ замѣнъ настоящаго, ожидалъ себѣ большаго. Справедливо ли же будетъ, на примѣръ, при покупкѣ чего нибудь, требовать купленную вещь, и удерживать у себя ея цѣну? Развѣ тебѣ одному нужно такое предпочтеніе предъ всѣми? Но это означало бы чрезмѣрную ненасытность и необыкновенную притязательность. Или отдай назадъ купленное, любезнѣйшій, или заплати цѣну, если

должно тебѣ устоять въ своемъ словѣ, и ты не отступаешь отъ прекрасныхъ условій.

Скажешь: почему же у древнихъ были и эти блага?—Тогда не укоренилась еще вѣра; настоящее служило удостовѣреніемъ въ умопредставляемомъ: такъ и младенцевъ, пока не возрастутъ, питаютъ молокомъ. А доказательствомъ сему служитъ то, что тогда весьма важныя преступленія были нѣкоторымъ образомъ извиняемы; и не очень высокія доблести (*) уважались, такъ что достоинство съ обѣихъ сторонъ уравнивалось; наказанія же, налагаемые мудрыми, превосходили мѣру. Въ этомъ убѣдятъ тебя Давидъ, Моисей и Елисей, котораго имя произношу съ трепетомъ. Одинъ легко былъ наказанъ за свои грѣхонаденія; другой за меньшія заслуги удостоенъ Божіа лицезрѣнія, принявъ отъ Бога законъ, и спасъ великое воинство; третій же за малое оскорбленіе, и притомъ дѣтямъ, сверхъ ожиданія, воздалъ тяжкимъ наказаніемъ. Такъ прикровенъ былъ тогда законъ! Такъ очищеніе совершалось кровію жертвъ, и очищеніе оскверненной плоти—не важнымъ кропленіемъ! Такъ почиталось совершенствомъ—избѣгать худаго, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это по тому, что благочестіе для жившихъ тогда заключено было въ тѣсныя предѣлы.

А сказать ли тебѣ нѣчто поважнѣе доселѣ сказан-

(*) У Библия читается: *τὰ δὲ μέγιστα τῶν καλῶν τιμητὰ*. По по переводу Леуценкляя видно, что онъ вмѣсто *καλῶν* читалъ *καλῶν*.

наго? И это скажу. У нихъ не было такого дара, какой имѣемъ мы въ страданіяхъ Бога, въ Агницѣ, закланномъ за мои грѣхи. Поэтому трудъ ихъ былъ больше; а если больше, то согласись, что имъ слѣдовало и большее воздаяніе за труды; а намъ слѣдуетъ меньшее, потому что имѣемъ больше средствъ.

Но вмѣсто всего и прежде всего надобно еще сказать: Не очень хвали благополучіе здѣшной жизни, какъ наученный помышлять о томъ, что важнѣе видимаго. Смотри: не ведетъ ли меня трудный путь на высоту, а тебя—удобство пути къ стремнинѣ? По мнѣ лучше—изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видалъ ли ты иногда въ загонѣ воловъ? Одинъ великоросль, свирѣпъ, лоснится отъ жира, высоко держать голову; другой поникъ головою къ землѣ, морщиноватъ, некрасивъ, носить на себѣ знаки земледѣлія: и первый бережется на заколѣніе; а второй кормить и себя и господина. Который же изъ нихъ, по твоему мнѣнію, имѣетъ лучшій жребій: не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собою явно. Но ты любишь уширенное, хотя бы это и само по себѣ было худо, и вело къ худому. Ужели же станешь хвалить толщину страждущаго водяною болѣзнію? Ужели помѣшанный въ умѣ покажется тебѣ человѣкомъ крѣпкимъ? Ужели сладкое непременно должно быть спасительнымъ врачевствомъ? Многихъ нерѣдко спасало горькое, а отъ сладкаго, всего чаще, бываетъ хуже. Для умнаго сына не достоинъ ли уваженія родительскій жезлъ? А снисходительность для него не зло ли? Кто не сынъ, тотъ не знаетъ и ударовъ

жезла. А что, если ты, какъ Іовъ, подвизаешься ради вѣнцевъ? Повторяй это чаще самъ себѣ, и тебѣ не трудно будетъ найдти для себя утѣшеніе въ трудахъ, а благодарностію своею пріобрѣсти надежду. Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Надобно безъ ропота принимать, куда ни будетъ повернуто кормило, которымъ Богъ изводитъ меня изъ борьбы и жизни, пока не взойду въ тихую пристань, если только не напрасно построилъ Онъ этотъ корабль, но для добраго и благоуспѣшнаго конца.

О ВОЧЕЛОВѢЧЕНИИ.

1.

Неразуменъ тотъ, кто Царю — присносущему Божію Слову не воздаетъ равно Божеской чести съ пренебеснымъ Отцемъ; неразуменъ и тотъ, кто Царю-Слову, на землѣ явившемуся въ образъ челоуѣческомъ, не воздаетъ равно Божеской чести съ небеснымъ Словомъ, но отдѣляетъ или Слово отъ великаго Отца, или отъ Слова челоуѣческой образъ и нашу дебелость. Отчее Слово было Богъ, но стало нашимъ челоуѣкомъ, чтобы, соединившись съ земными, соединить съ нами Бога. Оно обоуду — единый Богъ; поголику челоуѣкъ, поколику меня дѣляетъ изъ челоуѣка богомъ. Будь милостивъ ко мнѣ, явленный за меня Всевишній!

Только могу сказать тебѣ. Спросишь еще у меня объ умѣ, о неизреченномъ единеніи? Но разсуждая о Богѣ, смертные, любите мѣру въ словѣ! Если убѣдилъ я тебя,—хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стиховъ; то вотъ въ не многихъ стихахъ начертаю сіи писмена, на твоихъ скрижаляхъ, моимъ писаломъ, на которомъ нѣтъ ничего чернаго.

2.

Противъ Аполлинарія.

Знаемъ, что высочайшій Умъ все человѣческое естество сложилъ изъ трехъ составныхъ частей: изъ души, ума и дебелаго тѣла. И сперва создалъ Онъ цѣлаго Адама, кромѣ грѣха. А когда человѣкъ не сталъ Богомъ, самъ Богъ, въ честь мою, содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, чтобы, посредствомъ воспринятаго вѣсоздавъ дарованное, уничтожить осужденіе всецѣлаго грѣха, и чрезъ Умершаго умертвить умертвившаго. Богъ отъ начала простъ; потомъ сопряженъ съ человѣчествомъ, а потомъ пригвожденъ богоубійственными руками;—такое тебѣ ученіе о Богѣ, вступившемъ въ единеніе съ нами! Божіе Слово, равно какъ и Отецъ, отъ начала было Богъ, и Творецъ всяческихъ, превышій времени, и страданій, и тѣла. Когда же человѣкъ пораженъ древомъ познанія, и зависть напала на все наше естество, какъ удобоуловимое и подвергнувшееся осужденію; тогда, чтобы низложить превозношеніе зависти и возсоздать поврежденный об-

разъ, Божіе Слово рождается для насъ ; ибо зачинается въ чистой Дѣвѣ, и происходитъ на свѣтъ Богъ, всецѣлый Богъ и человѣкъ, спасающій всецѣлаго меня, Сынъ и умосозерцаемый и видимый.

По твоему мнѣнію, я человѣкопоклонникъ, потому что чту всецѣлое, таинственно соединившееся со мною, Слово, единого Бого-человѣка Спасителя. А ты (кстати обращаю противъ тебя твое же остро-словіе), ты—поклонникъ плоти, потому что вводишь человѣка, не имѣющаго ума. Или согласишься въ этомъ, любезный, или снизойди ко мнѣ, если только желаешь быть справедливымъ судіею въ словѣ!

Если худшее въ человѣкѣ (потому что плоть гораздо хуже созданнаго по образу Божію) для тебя есть отъ Бога богъ; то я признаю симъ лучшее; потому что умъ ближе къ Богу. Сверхъ того, у тебя подвергается опасности одна половина человѣка; потому что не воспринятое Словомъ и не спасается. Чтѣ ты говоришь, премудрый защитникъ Слова, вооружающійся на разсѣкающихъ Божество? И ты самъ не разсѣкаешь ли сложенное Богомъ? Одну изъ составныхъ частей моихъ даешь Ему, а другую нѣтъ; сводишь въ единеніе съ Нимъ плоть, а отсѣкаешь умъ, какъ будто боишься того, чтобъ не составился цѣлый человѣкъ. Разсуждаешь: какъ одному вмѣстить въ себѣ двухъ совершенныхъ? Ужели же есть опасность, что проторгнется мѣхъ? Какое неразуміе! Одна душа вмѣщаетъ въ себѣ и умъ и слово.

Опять спрашиваешь: почему такъ необходимъ и важенъ для тебя умъ тамъ, гдѣ самъ Богъ? -- Но если въ Немъ плоть безъ ума; то я обмануть. Кожа

моя; но чья же душа? Чтò значить рожденіе Бога отъ Дѣвы? Какъ сошлись во едино естества между собою далекія? — Это тайна; но какъ представляется мнѣ, малымъ умомъ измѣряющему превышшее ума, очистительный Духъ снисшелъ на Дѣву, а Слово Само Себѣ создало въ ней человѣка, всецѣлый замѣнь цѣлаго умершаго человѣка. Поелику же Богъ несоединимъ съ плотію, а душа и умъ суть нѣчто посредствующее, потому что сожительствуютъ плоти, и потому что — образъ Божій: то Божіе естество, соединясь съ сроднымъ Себѣ, чрезъ сіе сродное вступило въ общеніе и съ дебелистію плоти. Такимъ образомъ и Обожившее и Обоженное — единый Богъ. Посему, чтò же претерпѣло то и другое? Какъ я разсуждаю, Одно вступило въ общеніе съ дебелимъ, а другое, какъ дебелие, приобщилось мнѣхъ немощей, кромѣ немощи грѣха.

Спрашиваю: кому пролита кровь Божія? Если лукавому, то, увѣ! Христова кровь отдана виновнику золь. А если Богу; то для чего сіе было нужно, когда овладѣлъ нами другой, выкупъ же всегда дается владѣющему? Конечно, несомнѣнно то, что Христось Самъ Себя приноситъ Богу, чтобы Ему Самому нехитить насъ у обладавшаго нами, и чтобы въ замѣнь падшаго принять былъ помазанный, потому что Помазующій неуловимъ. Такъ разсуждаемъ о семъ. Но уважаемъ и образы. Я сказалъ свою мысль. Покланяйся Троицѣ!

О ПОДЛИННЫХЪ КНИГАХЪ БОГОДУХНОВЕННАГО ПИСАНІЯ.

И языкъ и умъ непрестанно упражняй въ Божіихъ словесахъ! А Богъ, въ награду за труды даетъ или видѣть сколько нибудь сокровенный въ нихъ смыслъ, или, что еще лучше, приходитъ въ сокрушеніе при чтеніи великихъ заповѣдей чистаго Бога; или, въ-третьихъ, такими занятіями отводитъ Онъ мысль твою отъ земнаго.

Но чтобы умъ твой не былъ оболещенъ чуждыми книгами (потому что много книгъ подложныхъ, причисленныхъ къ Писанію несправедливо), прійми отъ меня, любезный, слѣдующее вѣрное перечисленіе!

Всѣхъ историческихъ книгъ древнѣйшей еврейской мудрости — двѣнадцать: самая первая книга — Бытія, потомъ Исходъ и Левитъ, потомъ Числа, потомъ Второзаконіе, потомъ Исусъ и Судіи. Осьмая книга — Руфъ; а девятая и десятая книги — Дѣянія Царей, Паралипоменонъ, а послѣдняя книга будетъ у тебя Ездра.

Книгъ, писанныхъ стихами, пять; изъ нихъ первая Іовъ, потомъ Давидъ, потомъ три Соломоновы книги: Екклесіастъ, Пѣснь и Притчи.

Подобнымъ образомъ пять книгъ и пророческаго Духа. Въ одномъ составѣ заключаются двѣнадцать пророковъ: Осія, Амосъ и третій Михей, потомъ Іоиль, потомъ Іона, Авдій, Наумъ, Аввакумъ, Софонія, Аггей, потомъ Захарія и Малахія, — и это одна книга; а вторая — Исаія, потомъ съ младенчества

призванный Іеремія, потомъ Іезекіиль и благодать Даніилова.

Предложилъ я тебѣ двадцать двѣ ветхозавѣтныя книги, онѣ равночисленны еврейскимъ буквамъ. А теперь перечисли книги и новаго таинства.

Матѳеѣй описывалъ чудеса Христовы для Евреевъ, Маркъ—для Италіи, Лука—для Ахаіи, а великій и небожественный проповѣдникъ Іоаннъ—для всѣхъ. Потомъ слѣдуютъ Дѣянія мудрыхъ Апостоловъ; четырнадцать посланій Павловыхъ, и семь Соборныхъ, въ числѣ которыхъ одно Іаковлево, два Петровы, три опять Іоанновы, а седьмое Іудино.

Теперь всѣ имѣешь книги; а какія есть кромѣ нихъ, тѣ не въ числѣ подлинныхъ.

ПОХВАЛА ДѢВСТВУ.

Увѣнчаемъ дѣвство нашими вѣнцами, отъ чистаго сердца воспѣвъ его въ чистыхъ пѣсняхъ! Это—прекрасный даръ нашей жизни, даръ блистательнѣйшій золота, илектра и слоновой кости,—даръ тѣмъ, въ комъ огонь любви къ дѣвству повергъ долу перстную жизнь, подьема отсель крыла ихъ ума къ превыспреннему Богу.

Хранители чистоты да внимаютъ съ радостію пѣсни моей; потому что она есть общая награда всѣмъ цѣломудреннымъ; а завистливые да заградятъ двери слуха! Если же кто хочетъ отверсть, то очисти сердце ученіемъ!

Привѣтствую тебя, великое, благодарованное дѣвство—подательница благъ, мать безбѣдной жизни, Христовъ жребій, сожительница небесныхъ красотъ, которымъ неизвѣстны супружескія узы! А не знаютъ сихъ узъ, во-первыхъ, Богъ, потомъ—ликъ присносущнаго Бога,—Богъ, сей источникъ свѣтовъ, свѣтъ неизменуемый, непостижимый, который убѣгаетъ отъ быстроты приближающагося къ Нему ума, всегда предупреждаетъ всякую мысль, чтобы мы въ желаніяхъ своихъ простирались непрестанно къ новой высотѣ,—и Божій ликъ, сіи свѣты вторичные послѣ Троицы, имѣющей царственную славу.

Первая Дѣва есть чистая Троица. Отъ безначальнаго Отца, не возбужденнаго къмъ либо (потому что Самъ Онъ для всѣхъ есть путь, корень и начало), и раждающаго не что либо подобное смертнымъ чадамъ, какъ отъ свѣта свѣтъ, исходитъ Сынъ Царь. Отъ Сына же нѣтъ другаго возлюбленнаго сына, восхищающаго подобную славу, такъ что Отецъ всецѣло пребываетъ Родителемъ, а Сынъ только Сыномъ, и единственнымъ Сыномъ единственнаго Отца, имѣющимъ то общее съ великимъ Духомъ, что Оба одинаково суть отъ Отца. Единъ Богъ, открывающійся въ трехъ Свѣтахъ; таково чистое естество Троицы!

Послѣ же Троицы—свѣтозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходятъ окрестъ великаго престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящіеся по воздуху. Они усердно служатъ высокимъ велѣніямъ. У нихъ нѣтъ супружествъ, ни скорбей, ни заботъ, ни страшнаго и преступнаго мятежа страстей. Ихъ

не раздѣляютъ другъ отъ друга ни члены, ни обители. Всѣ они единомысленны другъ съ другомъ, и каждый тождественъ самъ съ собою. Одно естество, одна мысль, одна любовь окрестъ великаго Царя-Бога. Они не ищутъ увеселенія ни въ дѣтяхъ, ни въ супругахъ, ни въ томъ, чтобы для нихъ нести сладостные труды; не вождѣльно имъ богатство, не вождѣльны и тѣ помышленія на злое, какія смертнымъ приноситъ земля. Они не сѣютъ, не плаваютъ по морямъ въ угожденіе необузданному чреву—этому исходищу грѣха. У всѣхъ у нихъ одна совершеннѣйшая пища—насыщать умъ величіемъ Божиимъ, и въ свѣтлой Троицѣ почерпать безмѣрный свѣтъ. Одинокую жизнь проводятъ сіи чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало (потому что всякая плоть, едва огустьѣтъ, какъ уже и разрушается), и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, какими созданы. Для нихъ въ дѣвствѣ готовъ путь богоподобія, ведущій къ Богу, согласный съ намѣреніями Безсмертнаго, Который премудро правитъ кормиломъ великаго міра, а также и крѣпкодушнымъ смертнымъ, вмѣстѣ небеснымъ и земнымъ,—симъ священнымъ родомъ бѣдствующихъ человѣковъ—сею славою Царя.

Но теперь возвѣщу досточтимыя тайны Божіи, какъ дѣвство просіяло въ послѣднія времена.

Было нѣкогда, что все покрывала черная почъ, не просіявалъ еще любезный свѣтъ зари, солнце не пролагало съ востока огнистой стези, не являлась рога носная луна—это украшеніе ночи; но все, одно съ другимъ смѣшанное, и связанное мрачными уза-

ми первобытнаго хаоса, блуждало безъ цѣли. Ты, блаженный Христе, покоретвуя мудрой мысли великаго Отца, прекрасно распредѣлилъ каждой вещи свое мѣсто въ мірѣ, и прежде всего указалъ быть свѣту, чтобы всѣ дѣла Твои, исполненные свѣта, были восхитительны; а потомъ округлилъ величайшее изъ чудесъ—звѣздное небо, проникнутое свѣтомъ солнца и луны, которымъ Ты рекъ, чтобы одно съ утренней зари, потоками безмѣрнаго свѣта, озаряло людей, и своимъ теченіемъ опредѣляло часы, а другая осіявала тму, и производила второй день. Въ подножіе же небу положилъ мою землю; потомъ горстями земли связалъ море, а моремъ землю, омываемую водами океана, такъ что все это, и земля, и небо, и море (небо, украшающееся небесными свѣтилами, море -- рыбами, пространная земля—животными земными), составило міръ.

Тогда обзрѣвъ, и потомъ нашедши все стройнымъ, Отецъ увеселялся дѣлами Сына Царя, согласными съ Его совѣтами. Нуженъ былъ еще зритель Премудрости—матери всего, и благоговѣйный царь земный. И Онъ рекъ: «Пространное небо населяютъ уже чистые и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, иѣснословцы, немолчно воспѣвающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы смѣшивалось то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и безсмертными, разумнаго челоука, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небснаго, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ черсти, — иѣсно-

словцемъ Моего могущества и Моего ума». Такъ рекъ, и взявъ часть новосозданной земли, безсмертными руками составилъ мой образъ, и удѣлилъ ему Своей жизни; потому что послалъ въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія сотворенъ человекъ — образъ Безсмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.

Но когда божественная тварь явилась на землѣ и на земныхъ долинахъ вѣчно-цвѣтущаго рая, однако же у человека не было еще помощника въ жизни, подобнаго ему; тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо,—созданнаго быть зрителемъ міра, то есть, мой корень и сѣмя многообразной жизни, раздѣливъ на двѣ части, могущественною и животворящею рукою изъяло изъ бока одно ребро, чтобы создать жену, и въ нѣдра обоихъ вліявъ любовь, побудило ихъ стремиться другъ къ другу. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предѣлъ вожделѣніямъ, который называется супружествомъ,—эту узду для незнающаго мѣры вещества, чтобы при его стремительности и необузданныхъ порывахъ, когда бы люди кучами привлекались другъ къ другу, отъ незаконныхъ сообщеній не пресѣкся священный человѣческій родъ, и неудержимымъ безразсудствомъ порываемая похоть не возбудила во всѣхъ и войнъ и огорченій.

Пока матеръ земля не узрѣла на себѣ человека; дотолѣ она не имѣла высшаго своего украшенія,

какое должна была получить. Но и самый первый изъ людей, по собственному неразумію и по зависти злобнаго змія изринутый изъ рая за преступное вкушеніе съ челоуѣкоубійственнаго древа, кожаными ризами сталъ тяготѣть къ землѣ. Впрочемъ тогда была лучшая чета у людей, и супружество, давъ начало челоуѣческому роду, послужило спасеніемъ отъ гибели,—такъ что, когда одни умирають, а вмѣсто нихъ вступаютъ другіе, измѣняющееся поколѣніе людей течетъ, какъ рѣка, которая и не стоитъ на одномъ мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна въ слѣдствіе новыхъ рожденій.

Но какъ скоро и нѣдра и широкіе концы земли, востокъ и западъ, и южная и сѣверная страна, наполнились сими однодневными существами, и грязная юдоля воскипѣла продерзостями; тварь смиренная была многими уроками: раздѣленіемъ языковъ, наводненіями, огненными дождями, постановленіями писаннаго закона, пророками. Поелику же не хотѣла свергнуть съ себя узъ первороднаго грѣха, напротивъ того непрестанно опутывалась крѣпчайшими пленицами плоти, предаваясь сладострастію, пьянству и идолослуженію; то напоследокъ, по мановенію безсмертнаго Отца и дѣйствіемъ Сына, возлюбленный родъ получилъ въ удѣлъ слѣдующую честь.

Христось, видя, какъ душепагубный грѣхъ поадастъ въ смертномъ тѣлѣ все, что Онъ вложилъ въ него изъ небесной доли, и какъ хитрый змій господствуетъ надъ людьми,—къ возстановленію Своего достоянія не другимъ помощникамъ предоставилъ

врачевать болѣзнь, потому что слабое врачество недостаточно въ великихъ страданіяхъ, но истощилъ ту славу, какую имѣлъ Самъ Онъ — небесный и неизмѣнный Образъ Небеснаго. Въмѣстѣ по человѣческимъ и не человѣческимъ законамъ воплотившись въ пречистой утробѣ неискусомужной жены (о чудо невѣроятное для наиболее немощныхъ!), пришелъ Онъ къ намъ, будучи вмѣстѣ Богъ и смертный, сочетавъ во-едино два естества (изъ которыхъ одно сокровенно, а другое видимо для людей, одно — Богъ, а другое родилось для насъ на послѣдокъ времени, когда въ человѣческой утробѣ соединился съ нимъ Богъ), и въ обоихъ естествахъ пребывая единымъ Богомъ; потому что человѣкъ, соединившійся съ Божествомъ, и изъ Божества человѣкъ есть Царь и Христосъ. Произошло новое соединеніе; потому что вознерадѣлъ я о первомъ. Въ первомъ же я былъ сподобленъ Божіа дыханія, а въ послѣднемъ Христосъ воспріалъ на Себя мою душу и всѣ мои члены, воспріалъ того Адама, первоначально свободнаго, который не облекся еще грѣхомъ, пока не узналъ змія, и не вкушалъ плода и смерти, питалъ же душу простыми, небесными помыслами, былъ свѣтлымъ таинникомъ Бога и божественнаго. Для сего-то возсозданія пришелъ въ естество человѣческое Богъ, чтобъ, преборовъ и побѣдивъ убійцу смертію, за вкушеніе пріять желчь, за невоздержность рукъ — гвозди, за древо — крестъ, за землю — возношеніе на крестъ, обратно возвести Адама къ жизни и славѣ. И распростерши святое тѣло соотвѣтственно концамъ міра, отъ всѣхъ концевъ собралъ Онъ человѣческій родъ, со-

вокунилъ въ единого человѣка, и заключилъ въ лонѣ великаго Божества, Агнчею кровію очистивъ всѣ нечистоты, и отъявъ сѣверну, которая смертнымъ преграждала путь отъ земли къ небу.

Но кто откроетъ умъ и глубины его въ Тебѣ, Царь? Ты знаешь число дождевыхъ капель и морскаго песка; Тебѣ извѣстны стези вѣтра. Кто познаетъ также слѣды Твоего совѣта, Блаженный? Ты, царствуя въ горнихъ, все видишь и всѣмъ управляешь, что ни скрываетъ въ себѣ безпредѣльный вѣкъ. Человѣческій же умъ, простираясь къ Тебѣ, видитъ только малое сіяніе и какъ бы быстролетную молнію, пробѣгающую по воздуху. Но впрочемъ то несомнѣнно, что Ты Своими страданіями восхитилъ человѣка отсель, поставилъ въ новую жизнь—вмѣсто грѣховной свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на землѣ и многоболѣзненъ міръ; земнаго царя окружилъ многочисленный народъ, коварно похищенный у великаго Царя. Но теперь Христось, освободивъ изъ-подъ власти ужаснаго грѣха, опять возводитъ насъ къ великому Царю и въ лучшій міръ. И первое было для людей плодомъ супружества, а другое—богоподобнаго дѣвства. Супружество послужило украшеніемъ земли, а дѣвство—Божія неба.

Какъ живописецъ, изображая на картинѣ бездушныя подобія вещей, сперва легкими и неясными чертами отѣняетъ образъ, а потомъ выводитъ полное изображеніе разными красками: такъ и дѣвство, достояніе присвосущнаго Христа, являлось прежде въ маломъ числѣ людей, и пока царствовалъ Законъ, отѣняемое слабыми красками, въ не многихъ чер-

тахъ просіявало сокровеннымъ свѣтомъ. Но когда Христось пришелъ чрезъ чистую, дѣвственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную мать безъ брака и безъ отца, и, поелику Ему надлежало родиться, очистилъ женское естество, отринувъ горькую Еву, и отвергъ плотскіе законы, но великимъ же уставамъ буква уступила духу, и явилась на среду благодать; тогда возсіяло для людей свѣтлое дѣвство, отрѣшенное отъ міра и отрѣшающее отъ себя немощный міръ, столько предпочитаемое супружеству и житейскимъ узамъ, сколько душа предпочтительнѣе плоти, и широкое небо—земль, сколько неизмѣняемая жизнь блаженныхъ лучше жизни скоротечной, сколько Богъ совершеннѣе челоуѣка. И окрестъ свѣтозарнаго Царя предстоятъ непорочный, небесный сонмъ,—это тѣ, которые поспѣшаютъ съ земли, чтобы стать богами, это Христоносцы, служители креста, презрители міра, умершіе земному, пекущіеся о небесномъ, свѣтила міра, ясныя зеркала свѣта. Они видятъ Бога, Богъ—ихъ, и они Божіи.

Приступите жъ теперь вы, которыя пребываете въ единомушіи съ своимъ ребромъ, посвятили себя въ тайны супружества, высоко поднимаете голову и смѣло вращаете взоры, украшаетесь въ золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, и нѣжные члены облекаете въ пышныя одежды, приступите и покажите намъ, какія выгоды доставляются смертнымъ брачными узамъ и супружествомъ! Потомъ призовемъ мы и тѣхъ, которые не знаютъ брачныхъ узъ.

И первая не замедляетъ сказать величаво: «Лю-

безвныя чада супружества,—сего царя земли! послушайте насъ, для которыхъ святы супружество и жизненные узы! Какой законъ для человѣческаго рода и для нашей крови постановилъ Сынъ безсмертнаго Отца въ то самое время, когда сопрягалъ перваго Адама съ ребромъ его, чтобы плодомъ челоѣка былъ челоѣкъ, и чтобы тотъ, кто самъ по себѣ смертенъ, продолжалъ родъ свой, какъ класы, произращая дѣтей,— тотъ же самый законъ и то же любезное иго супружества чти и мы, живемъ совокупно, и, какъ происшедшіе изъ персти, слѣдуемъ древнѣйшему закону персти, или самого Бога. Правда, что не знаютъ супружества, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, которыми въ удѣлъ дано широкое небо; но намъ однодневнымъ тварямъ полезны супружество и узы;— это корень милыхъ вѣтвей и любезныхъ плодовъ, это добрая опора сладостной жизни. Во-первыхъ, Богъ—родитель всего; и прости мнѣ, Христось! первоначально или прежде всего мѣсто Твоимъ чистымъ законамъ; а потомъ—узы любви; потому что и земля, и эфиръ, и море цвѣтутъ чадородіемъ—дарами супружества. Если же правда, что и для высоко-растущихъ пальмъ есть законъ любви, мужская и женская вѣтвь, соединенныя руками вертоградара въ весеннее время, приносятъ обильные плоды; если, какъ говорятъ испытывавшіе природу камней, изъ четы двухъ камней сошедшихся вмѣстѣ рождается новый камень: то и у неодушевленныхъ тварей есть супружество и узы любви.

«Но что мнѣ до любви другихъ, до неизвѣст-

ныхъ мнѣ разказовъ и привязанностей! Смотри, что доставило людямъ благоразумное супружество. Кто научилъ вождѣнной мудрости? Кто открылъ глубины, какія замыкали въ себѣ и земля, и море, и небо? Кто далъ законы городамъ, и еще прежде сего, кто воздвигъ города, и изобрѣлъ искусства? Кто наполнялъ торжища, дома и ристалища? Кто на войнахъ строитъ воинство, и на пирахъ столы? Кто въ благоухающемъ храмѣ собралъ пѣснословящій ликъ? Кто истребилъ звѣронравную жизнь, научилъ воздѣлывать землю и насаждать деревья? Кто пустилъ по морямъ гонимый вѣтрами черный корабль? Кто одною стезею связалъ и сушу и влажный лонтъ? Кто, какъ не супружество? Кто кромѣ его совокупилъ между собою самое отдаленное?

«Таковы дары супружества въ этомъ отношеніи; но они еще превосходнѣе, если возьмемъ выше. Связанные узами супружества, замѣняемъ мы другъ другу и руки, и слухъ, и ноги. Супружество и малосильнаго дѣлаетъ вдвое сильнымъ, доставляетъ великую радость благожелателямъ, и печаль недоброжелателямъ. Общія заботы супруговъ облегчаютъ для нихъ скорби; и общія радости для обоихъ восхитительнѣе. Для единокордныхъ супруговъ и богатство дѣлается пріятнѣе; а въ скудости самое единокордное пріятнѣе богатства. Для нихъ супружескія узы служатъ ключемъ цѣломудрія и пожеланій, печатію необходимой привязанности. Одно *жребя любви* (Притч. 5, 19.) согрѣваетъ духъ скаканіями; у нихъ одно питіе изъ домашняго источника, котораго не вкушаютъ посторонніе, кото-

рос не вытекаетъ никуда, и ни откуда не притекаетъ.

« Составляя одну плоть, они имѣютъ и одну душу, и взаимною любовію одинаково возбуждаютъ другъ въ другъ усердіе къ благочестію. Ибо супружество не удаляетъ отъ Бога, а напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій. Какъ малый корабль, и при слабомъ вѣтрѣ, движется впередъ, быстро носимый по водамъ распростертыми парусами, даже и руки безъ труда принуждаютъ его къ бѣгу ударами весель; большаго же корабля не сдвинетъ легкое дыханіе, напротивъ того, когда онъ съ грузомъ выходитъ на море, только крѣпкій и попутный вѣтръ можетъ придать ему хода: такъ и не вступившіе въ супружество, какъ не обремененные житейскими заботами, имѣютъ нужду въ меньшей помощи великаго Бога; а кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и чадъ, кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна большая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога.

« Вотъ плоды супружества! А жизнь безъ любви не полна, сурова, не видна, бездомовна, и любитъ скитаться по горамъ: она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не дѣлаетъ, чтобъ родители оживали въ своихъ дѣтяхъ, она не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ утѣшенія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ, но угрюмы, чужды для міра; родившіеся для жизни, не любятъ самого корня жизни, и въ сердцахъ у нихъ нѣтъ единодушія съ людьми.

« Если же кто изъ усердія къ добродѣтели презираеть супружескую любовь; то пусть знаетъ, что добродѣтель не чуждается сей любви. Въ древности не только всѣмъ благочестивымъ любезно было супружество; но даже плодомъ нѣжной супружеской любви были тайнозрители Христовыхъ страданій или пророки, патріархи, іереи, побѣдоносные цари, украшенные всякими добродѣтелями; потому что добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ они—и порожденіе и слава супружества.

« Кто Вседержителя Бога указалъ людямъ, которые удалились отъ Него? Кто наполнилъ умъ божественною любовію, и возвелъ насъ отсель въ жизнь иную? Кто очистилъ душу во всѣхъ свѣтоносныхъ мужахъ? — Вѣра преложила Еноха. Великій Ной въ маломъ числѣ душъ и въ плавающихъ сѣменахъ спасъ отъ потопа цѣлый міръ. Авраамъ былъ отцемъ городовъ и народовъ, и въ жертву Христу вознесъ на алтарь связаннаго сына. Моисей съ великими чудесами извелъ народъ изъ тяжкаго Египта, принялъ свыше законъ на каменныхъ скрижаляхъ, и видѣлъ Бога лицомъ къ лицу. Ааронъ былъ вѣрный священникъ у древнихъ. Мужественный Іисусъ продлилъ теченіе луны и солнца, чтобы поразить и погребсти враговъ. И ты, блаженный, непорочный Самуилъ, *возносящій рогъ помазанныхъ* (1 Цар. 2, 10.)! Давидъ, препрославленный изъ всѣхъ царей! Соломонъ — первая слава мудрости! Не забуду и пророковъ. Ілію восхитила колесница на небо. Кто же не дивился средь Закона и Духа, велегласному Предтечѣ Вышняго

Свѣта—Іоанну! Кто не дивился потомъ дванадцати славнымъ ученикамъ! Кто не дивился ревности высокаго духомъ, небожителя Павла! Говорить ли о другихъ превосходныхъ мужахъ, какіе были, и какихъ имѣемъ нынѣ,—объ этой опорѣ слова, славы міра, о семь утвержденіи людей? Всѣ они дарованы людямъ Христомъ и супружествомъ. Да и жены, которыя прославились благочестіемъ, и которыхъ великое число видимъ въ богодухновенныхъ книгахъ, не внѣ супружества и плотскихъ узъ достигли своей славы. Представлю сильнѣйшее свое доказательство въ пользу супружеской любви. И Христосъ воплотился, хотя въ чистой, однако же въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ единеніе съ Божествомъ. Но главнѣйшее мое преимущество предъ всѣми въ томъ, что, если и дѣвственники берутъ верхъ, то и они такъ же, какъ и всѣ, мой родъ; потому что не отъ непосягающихъ посягающіе, но отъ супруговъ происходятъ дѣвственники. И я совѣтую дѣтямъ прекратить споръ. Если вы не отцы, то отъ отцевъ получили жизнь».

Такъ сказало супружество; потомъ предстаеть дѣвство съ печальнымъ видомъ, въ худой власяницѣ, съ изможденными членами, безъ обуви, изсохшее, съ потупленными въ землю глазами; едва отверзаетъ уста съ стыдливостію, между тѣмъ какъ ланиты багровѣютъ отъ прилива честной крови; сдвигая съ головы покрывало, оно закутывается имъ молча. И я обращаюсь къ нему съ такими просительными словами:

Дщерь неба, исполненная внутренней славы, пред-

стоящая уже въ великомъ ликѣ пѣснословящихъ горняго Царя, хотя плоть и земля удерживаютъ тебя здѣсь,—прійди и изреки слово! Я самъ буду твоимъ защитникомъ. Ибо ты, богоданная царица, приходила уже ко мнѣ, приходила; и о если бы посѣщала меня чаще, и была ко мнѣ благосклонною!

«Кто возводитъ меня противъ воли на сіе сѣдалище? Кто вовлекаетъ въ пустое состязаніе и словопреніе, когда стараю желаніемъ служить въ безмолвіи Богу моему дѣлами своими, посвящая Ему дневные труды, почвныя пѣснопѣнія, источники слезъ и святаго очищенія? Не въ кругу людей мое могущество; я не оборотлива на словахъ, не хожу въ народныя собранія, не восхищаюсь приговорами благосклонныхъ судей, которые мало, и для не многихъ, соблюдаютъ правосудіе, а всего чаще туда и сюда наклоняютъ вѣсы справедливости. Предоставляю другимъ выгоды здѣшней жизни; а у меня одинъ законъ, одно помышленіе — проникнувшись любовію, преселяться отсель къ свѣтодавцу Богу, царствующему въ горнихъ. Желаніе же прочихъ благъ, о которыхъ высоко думаютъ люди пустые, надмевающиеся суетнымъ, которыя скоро пріобрѣтаются, и еще скорѣе гибнутъ, столько же занимаетъ мое сердце, какъ и дымъ, или паръ, или текучій воздухъ, или несокъ воздымаемый и повсюду носимый вѣтрами, или слѣдъ корабля на морѣ. Не видѣть себѣ чести у людей, но имѣть, хотя малую, вѣчно пребывающую славу на небесахъ, для меня желательнѣе, нежели вѣсѣмъ обладать, но быть въ удаленіи отъ Бога. Однако же прихожу въ трепеть и страхъ, чтобы кто изъ воспарившихъ и носящихся по эфирнымъ простран-

ствамъ на новооперившихся крылахъ дѣвства, услышавъ эти разсужденія, не ринулся тотчасъ на землю. Потому и выступаю на среду, подать помощь чадамъ своимъ, при содѣйствіи Божіемъ, защитивъ правое слово. Прежде же всего скажу матери моей, что только прилично мнѣ сказать.

«Справедливо сказанное тобою въ пользу супружеской жизни: и я соглашаюсь (ибо начну съ того, чѣмъ у тебя недавно окончено было слово), что супружество есть корень дѣвственниковъ. Дѣйствительно оно корень и начало. Ибо кто изъ здравомыслящихъ будетъ отрекаться отъ своихъ родителей? Впрочемъ не все же изъ сказаннаго тобою вѣрно. Хотя ты и мать, однакожь прійми мудрое и разумное слово, и касательно рожденія выслушай тайны высокой мудрости, открытыя мнѣ въ табулицахъ великаго Бога.

«Человѣкъ бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, какъ говорятъ это, но только плоти и крови,—того, что есть въ человѣкѣ гибнущаго; душа же—дыханіе Вседержителя Бога, приходя со-внѣ, образуетъ персть, какъ знаетъ сіе Соединившій ихъ, Который вдохнулъ душу первоначально, и сочеталъ образъ Свой съ землею. Подтверженіемъ словъ моихъ служитъ собственная любовь твоя, которая не полна; потому что ты любишь въ дѣтяхъ не душу, а одно тѣло; сокрушаешься, когда тѣло изнемогаетъ, и радуешься, когда оно цвѣтетъ. Отецъ и досточтимая мать больше болѣзнуютъ сердцемъ о неважныхъ тѣлесныхъ недостаткахъ въ дѣтяхъ, чѣмъ о важныхъ порокахъ и великихъ недостаткахъ душевныхъ. Ибо тѣлу они родители, а душѣ—нѣтъ.

Если и я называю тебя матерью; то относительно къ худшей части. Почему же ты завидуешь дѣтямъ въ томъ, что они имѣють лучшаго Отца? Итакъ уступи добровольно великому Родителю челоуѣковъ, почтивъ дѣвство, которое послѣдуетъ Отцу-Богу. Такъ говорю тебѣ, какъ матери; и достаточно доселѣ мною сказаннаго.

« А я, любезныя чада всѣхъ Царя-Бога, вступаю какъ бы въ общеніе съ Богомъ, и оставляю любовь къ персти, изъ уваженія къ тому закону вождельнаго согласія, который, въ древности, Сынъ безсмертнаго Отца, родившійся отъ не связаннаго брачными узами, нетлѣнный отъ не подлежащаго разрушенію Родителя, постановлялъ въ то время, когда вводилъ въ рай перваго Адама, не обязаннаго супружествомъ, потомъ, давая Законъ, предписывалъ очищеніе народу, раждаемыхъ очищаль закономъ, и храмъ почтилъ тѣмъ, что совершавшіе въ немъ чреду іереи соблюдали тѣлесную чистоту. Свидѣтелемъ миѣ въ этомъ великій отецъ Іоанновъ, который не прежде, какъ въ чистотѣ совершивъ Божіи тайны, зачалъ возлюбленнаго сына, полученнаго имъ внутри храма,—сего предвѣстника Христова. Конецъ же Закона—Христось для того въ общеніе съ челоуѣчествомъ вступилъ въ дѣвическомъ чревѣ, чтобы супружество преклонило къ землѣ главу, и чтобы оно уступило свое мѣсто, а явилось лучшее украшеніе. И смерть, чрезъ удоборазрушаемую плоть первороднаго вошедшая въ раждаемыхъ отъ влажнаго сѣмени и подлежащихъ разрушенію, приразилась къ дѣвству, и погибла, какъ огромная волна у прибрежнаго камня, или налитанный водою пламень.

«Сверхъ того, кто восхищается городами и безсильными законами, народными собраніями и волненіями? Кто восхищается борьбами, какія установило баснословіе въ память преждевременно умершихъ юношей? Кто хвалить воинство въ битвахъ, и обиліе яствъ на пирахъ? Кто превозноситъ тщеславную мудрость, которая состоитъ въ ловкости рукъ, или въ паутинныхъ словахъ и тканяхъ, сплетенныхъ изъ рвущихся нитей и распадающихся въ воздухъ? Кто восхищается трудами вертоградара, или бѣгомъ быстродвижнаго корабля подъ скорымъ вѣтромъ? Всему этому не супружество научило, но это малая часть первоначальнаго наказанія, какое постигло Адама; въ этомъ прокрадывается злобный змій, стрегущій мою пятю. Но если и дары это супружества; то прочь отъ меня съ ними! Они не спутники мнѣ; потому что поспѣшаю отселѣ въ другую жизнь; а всѣ эти здѣшнія выгоды погибнуть или нынѣ же, или вмѣстѣ съ непостояннымъ теченіемъ міра. И сама ты составляешь что-то текучее, преплываешь потокъ текучей жизни, едва ея касаясь и пробѣгая по чему-то бѣгущему.

«Если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и пороки негодныхъ, для которыхъ ты также составляешь корень! Въ тебѣ корень Каина, Содома и тѣхъ безразсудныхъ, которыхъ Христось разсѣялъ при столпотвореніи, а также и тѣхъ, которыхъ гордыню угасилъ небесный дождь, очистившій всю землю и все на ней дышащее. Кто воскормилъ ничѣмъ не вразумляющагося Фараона, дерзость Ахаава, и самыхъ тяжкихъ царей ассирійскихъ? Кто воскор-

милъ губителя и дѣтоубійцу Ирода, въ питіе сладострастнымъ движеніямъ дочери давшего праведную кровь, или убійць Все-Царя Христа, а также всѣхъ гонителей, какіе были прежде и послѣ, и въ настоящія времена, изъ послѣднихъ же первое зло—этотъ ровъ Веліаровъ, ужасное могущество губителя душъ, Юліана, который пораженъ свыше за то, что поклялся ратоборствовать противъ Христа, и котораго прахъ доселѣ еще не остылъ, внушая великій ужасъ нечестивцамъ? Кто же перечислитъ всѣхъ лжецовъ, челоуѣкоубійць, коварныхъ, клятвопреступниковъ, похитителей собственности ближняго, сквернителѣй чуждаго ложа, которыхъ производило, или произведетъ еще на свѣтъ супружество? Ибо всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ больше праха, нежели золота, въ такой же и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ; потому что тѣ и другіе идутъ неравными путями: путь порочныхъ и низокъ и скоропроходимъ, а добрые пробираются трудной стезею; и потому злые гораздо превосходятъ числомъ добрыхъ.

«Но если перестанешь восхищаться дѣтьми, и жизнь проводимую въ общеніи съ Божествомъ называть недостаточною; то заключимъ этимъ слово Пользуясь сомнительною славою. Я ни мало, ни мало не завидую земной родительницѣ. Если же ты, получивъ въ удѣлъ отъ Бога второстепенное мѣсто, простираешь взоры на первенство; то выговорю тебѣ справедливое, хотя и прискорбное для тебя слово.

«Кто изъ людей прилагалъ свое попеченіе о томъ, чтобы зачать наилучшаго сына? И что за искусство

дать начало негодному сыну? Живописецъ съ картины пишетъ другую не хуже подлинника; ваятель рѣжетъ изваянія подобныя образцу; искусство выдѣлываетъ изъ золота, что ни замыслилъ умъ; земледѣлецъ отъ добраго сѣмени пожинаетъ добрый колось, и желаніе не остается не достигнувшимъ чаемаго конца. А смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иный, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христоубійцу—беззаконнаго Анну, или Каіафу, или даже какого нибудь Іуду. А иный, самъ весь во грѣхѣхъ, какъ Іуда, но наименуется родителемъ божественнаго Павла, или Петра—несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына, или дочь; но только возстаніе плоти угашаетъ на супружескомъ ложѣ. Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ, и добродѣтельный Авель, приносящій богоугодную жертву. И злонравный Исавъ и благонравный Іаковъ—Исааковы дѣти; и что всего замѣчательнѣе, близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другаго. А Соломонъ сперва мудрецъ, потомъ сталъ самымъ порочнымъ, послѣдовавъ нравамъ злочестивыхъ женъ. Сила же Павлова велика въ обоихъ случаяхъ, и когда уничижалъ онъ Христа, и когда, свою пламенную ревность измѣнивъ въ добрую любовь, сталъ всемъ Христа проповѣдывать. Что жъ изъ всего этого припишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не припишу ничего; потому что у сопрягающихся не тотъ

удается образъ, который былъ имъ желателенъ. Кто забавляется игрою въ зернь, отъ того зависить только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или нечетъ, это дѣлають не руки играющаго, а случайныя превращенія костей: такъ и супружество, посѣвая чадъ, не зараждаетъ ихъ благоразумными или худыми, но природа, или наука наставляютъ ихъ этому.

«А если хочешь знать еще истинную причину; то совершеннѣйшіе бывають совершенными потому, что образуетъ ихъ Духъ или Слово. Ибо въ чловѣкѣ сокрыта искра благочестія, какъ въ нѣкоторыхъ камняхъ сила огня. Ударами желѣза извлекается свѣтъ изъ кремней; такъ и Слово изводитъ изъ смертныхъ сокрытое въ нихъ благочестіе. Но худшіе по большей части заимствуютъ сіе свойство отъ супружества; ибо оно въ большемъ числѣ производитъ худыхъ. И въ этомъ преходящемъ мірѣ у всѣхъ одинакій гвоздь пригвозждаетъ плоть къ землѣ, и одинакій свинцовый грузъ гнететъ душу долу, одинаковое наслѣдство достается всѣмъ раждающимся на землѣ.

«Но перестанемъ говорить о дѣтяхъ; и ты не ставляй мнѣ добрыхъ, и я не буду указывать на худыхъ. И по другимъ причинамъ сколько лучше жизнь чистая! Узнаешь это, если размотришь любовь къ Богу и любовь къ тяжелой плоти, также природу и двоякій предѣлъ міра. Ибо, если, хотя нѣсколько, очистишь глаза свои отъ гноя, которымъ покрываются они при сіяніи свѣта, или отъ омраченія, и въ состояніи будешь открытымъ окомъ взирать на свѣтлость нашего солнца, разрѣшать все

чистымъ умомъ; то найдешь, что дѣвство, взятое во всей его цѣлости, есть такое приношеніе Богу, которое свѣтлѣе золота, илектра и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно какъ день, легкокрыло, высокошественно, легко, пресвѣтло, превыше персти, не удержимо въ земныхъ юдоляхъ, обитаетъ въ пространномъ небесномъ градѣ и вдали отъ плоти, одною рукою емлетъ за нестарѣющуюся жизнь, а другою приѣмлетъ богатство и славу непрестающія, не уподобляется черепахѣ, которая подъ бременемъ своего костянаго дома медленными шагами едва влачить свое влажное тѣло, не дѣлится между Христомъ и владычествующею плотію, по закону водоземныхъ, которыя то держатся суши, то день и ночь остаются въ водахъ, но устремляетъ къ Богу всецѣлый умъ, цвѣтетъ же рожденіями свыше, которыя лучше земныхъ чадъ,—надеждою и чистыми помыслами, посылаемыми отъ Чистаго. Напротивъ того, супружество или вовсе удаляется отъ Христа, по причинѣ губельныхъ воспламенѣній плоти и всякаго рода мірскихъ заботъ, или слегка касается божественнаго. Какъ тотъ, кто смотритъ вдругъ на двѣ головы, или на два лица, или видитъ на страницахъ вдвойнѣ написанныя буквы, не уловляетъ вѣрно цѣлаго образа, хотя и желаетъ, но одну часть объемлетъ, а другая убѣгаетъ отъ слабаго разсѣяшагося зрѣнія: такъ слаба и любовь, если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому. Человѣкъ, или обладая всецѣло Христомъ, не радитъ о женѣ, или, давъ въ себѣ мѣсто любви земной, забываетъ о Христѣ. Случалось видѣть,

какъ каменотесець, или выдѣлывающій что нибудь изъ дерева, если онъ челоуѣкъ умный и разсудительный, когда надобно обѣчь по прямой чертѣ, закрываетъ одинъ глазъ рѣсницами, а другимъ на-прягаетъ все зрѣніе, совокупленное во-едино, и вѣрно опредѣляетъ, гдѣ погрѣшило орудіе. Такъ и любовь сосредоточенная гораздо ближе поставляетъ насъ ко Христу, Который любитъ любящаго, видитъ обращающаго къ Нему взоры, видитъ, и выходитъ въ срѣтеніе приближающемуся. Чѣмъ болѣе кто любить, тѣмъ постояннѣе смотритъ на любимаго, и чѣмъ постояннѣе смотритъ, тѣмъ крѣпче любитъ. Такъ образуется прекрасный кругъ.

« И я, возлюбивъ Христа, оставила здѣшнюю жизнь, не могу обращать взоровъ на иные предметы. Меня удерживаютъ сладостные узы, плѣнная красотою, которая приводитъ въ изумленіе всякую взирающую мысль, а во мнѣ возникаетъ пресвѣтлый пламенникъ, и всю меня дѣлаетъ прекрасною и свѣтозарною. Ибо только любящій Христа въ самой любви къ возлюбленному почерпаетъ для себя красоту; и блаженъ, кто пріемлетъ. Напротивъ ты и въ груди питаешь иную любовь, и думаешь о себѣ много, будто бы болѣе приближаешься къ небу, по причинѣ, какъ говоришь, заботь о дѣтяхъ, объ имуществѣ, или же о родителяхъ; потому что сіе легко. Но мудрая любовь не то имѣетъ въ виду, что легко.

« Корабль малъ, путь не далекъ, и не важно пріобрѣтеніе чего либо тлѣннаго. Но для тебя это—безконечное плаваніе; и ежели переѣдешь заливъ, то, собравъ паруса, хвалишься мореходствомъ по

водамъ іонійскимъ. Здѣсь всѣмъ движеть дыханіе вѣтра, и чѣмъ благопоспѣшнѣе вѣтеръ, тѣмъ плаваніе лучше. А если вѣтеръ и противень, не большая бѣда—умереть въ водахъ. Но плаваніе души отдаленно; для него нуженъ добрый вѣтеръ. А потому прихожу я въ трепетъ, и еще крѣпче емлюсь за Христа, и не только въ бурю, но и во время тишины, ищу Его—мое чистое желаніе; ибо Христосъ—твердое прибѣжище любящимъ Его. Кто въ нуждѣ только обращаетъ взоры къ Божіей десницѣ, тотъ оставляетъ свою временную любовь, какъ скоро почтетъ себя ненуждающимся. Но если Христосъ свыше уязвитъ твое сердце, и насквозь пронзитъ спасительною стрѣлою, то, разсмотрѣвъ каждую любовь порознь, узнаешь, сколько сладостнѣе быть уязвленнымъ отъ Царя.

«Что еще говоришь? Родители живутъ новою жизнію, видя вокругъ себя попечительныхъ о нихъ сыновей; цвѣтетъ супруга при попечительности мужа, и мужъ при заботливости супруги. У нихъ общія радости, а скорби и заботы легче. Хромому же большая опора тотъ, у кого здоровыя ноги.

«Но для меня—тѣ родители, которые научили добру, и тѣ дѣти, которыя мной обучены. Супругомъ же имѣю у себя единого Христа, Который преимущественно любитъ дѣвственниковъ, хотя и за всѣхъ сталъ человѣкомъ, за всѣхъ подъялъ крестъ. Съ веселіемъзираю на Него, даже когда посылаетъ мнѣ скорби; радуюсь, что чрезъ печали дѣлаетъ меня легче, какъ золото, которое было смѣшано съ прахомъ и потѣмъ очищено. И если цѣломудріе ограждается у тебя супружествомъ и брач-

ными узами; то я хранителемъ его поставила не плоть, но Слово и любовь, которая, владѣя мною, отгнала всякую постороннюю привязанность, какъ левъ отгоняетъ отъ себя слабѣйшихъ звѣрей. У плоти съ плотію одинаковыя страсти; а потому и умѣютъ онѣ въ иномъ угождать другъ другу. У тебя столъ обремененъ яствами; а меня насыщаетъ небольшой уломокъ хлѣба, какимъ великій Христосъ питалъ и тысячи въ пустыняхъ. У тебя искусствомъ приготовленное питье; а мой напитокъ всегда обильно источаютъ родники, рѣки и глубокіе колодцы. У тебя лице полно и одежды свѣтлы; а мое убранство—нечесанные волосы и темная риза. За-то имѣю одежду, у которой бряцаютъ золотыя рясны,—это Христосъ, лучшее внутреннее украшеніе души моей. У тебя мягкое ложе; а мнѣ постелью служить вѣтище, древесныя вѣтви и земля, смоченная слезами. Ты высоко цѣнишь золото; а для меня вождельннѣ персть. Ты неукротимѣ тельца; а потупляю въ землю стыдливый взоръ. Ты надрываешься отъ смѣха; у меня и улыбка никогда не являлась на щекахъ. Ты жаждешь славы; а моя слава не на землѣ.

« Но разсмотрѣвъ и увидѣвъ все это, посмотри еще, сколько съ супружествѣ трудностей для служащихъ плоти. Жена покупаетъ себѣ мужа, а что всего хуже, часто и не добраго. И у мужа жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это—такое зло, которое самъ онъ на себя наложилъ, и котораго сложить не можетъ. Ибо, если супруги добры, то и единомышленны; потому что все у нихъ общее; а если худы, то у нихъ домашняя бѣда, непрекра-

щаемая ссора. Положимъ, что они не худы и еди-
нодушны ; но тяжкая доля постигала не рѣдко и
новобрачныхъ. Нынѣ женихъ, а завтра мертвецъ ;
нынѣ брачное ложе, а завтра гробъ ; скорби пере-
мѣшаны съ радостями ; веселая пѣснь не задолго
бываетъ до сѣтованія. Однимъ возжженъ брачный
пламенникъ, а другимъ уже погашенъ. Одного ма-
лютка сталъ кликать отцемъ, а другой обезчадѣлъ
внезапно, какъ вѣтвь обитая вѣтромъ. Сперва дѣва,
потомъ супруга, а потомъ и вдова ; и все это ино-
гда въ одну ночь и въ одинъ день. Срываетъ съ
себя кудри, отбрасываетъ далеко невѣстннъ нарядъ,
слабыми руками терзаетъ ланиты, въ горькихъ
страданіяхъ забываетъ дѣвическій стыдъ, зоветъ
несчастливаго супруга, оплакиваетъ опустѣвшій домъ,
и жребій вдовства, и безвременное горе. Умолчу
о болѣзняхъ дѣторожденія, о ношеніи во чревъ
мертваго бремени, о жалкомъ и не имѣющемъ ма-
тери плодѣ, когда раждающая дѣлается для него
сперва гробомъ, а потомъ раждаетъ ; о смерти мла-
денцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи бесплод-
номъ ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоно-
шенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ иска-
женіи человѣческаго рода, объ этой игрѣ плоти.
Если кто взвѣситъ это, и посмотритъ, куда потя-
нуть вѣсы ; то всякому благоразумному ясно от-
кроется, что моя жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ
царствующему въ горнихъ Богу.

« О постыдномъ же для насъ не станемъ и гово-
рить ; потому что честныя уста дѣвства обыкли из-
бѣгать укоризнъ. Если же ты въ укоръ богоподоб-
ному дѣвству укажешь на того, кто, сколько ни

есть, осрамилъ мой путь, и нескверный Христовъ хитонъ покрылъ позоромъ, въ грѣховномъ оболъщениіи избралъ первое изъ твоихъ благъ, и бѣжавъ чистой, высокой жизни, вступилъ въ поздній бракъ: то и я напоминаю о гнусныхъ измѣнахъ брачному ложу, когда незаконно нарушаютъ супружескую вѣрность, поправъ Божіи угрозы. Ибо это—одно изъ губительнѣйшихъ золь для смертныхъ, и поядаетъ внутренность сильнѣе всепожигающаго огня, когда злоухищренный прелюбодѣй, приближаясь къ чужому ложу, дѣлаетъ сомнительными и родъ, и усы любви. Но тебя не удерживаютъ отъ брачныхъ узъ прелюбодѣи и беззаконники. Вступаютъ въ бракъ и тотъ, кто не смылъ еще съ себя человѣческой крови, вонзивъ въ сердце врагу отмщающій за прелюбодѣяніе мечъ, и тотъ, кто едва избѣжалъ кинжала.

«Меня же отвлечетъ ли отъ Христа какаянибудь безумная страсть? Ужели малый камень преградить широкою рѣкѣ? Это было бы и не прилично, и не справедливо. Гораздо лучше, если изъ многихъ воспарившихъ вверхъ нѣкоторые и упадутъ (если позволено сказать такое, съ трудомъ выговариваемое слово), нежели когда всѣ останутся на землѣ, изъ опасенія, что крылья могутъ растаять и низринуть внизъ. Ибо доброе—слава Христова; а порочные.... да прійметъ грѣхъ и стыдъ на свою безразсудную голову, кто бросилъ камень на небо! Денница прежде былъ Ангеломъ; но послѣ его паденія не лишились своей славы небожители. И Иуда своимъ паденіемъ не нанесъ укоризны ученикамъ; напротивъ того онъ изринуть изъ числа избранныхъ, а одиннадцать Апостоловъ пребыли совершен-

ными. Одного погубило море, а другой, расчистивъ бѣлыя вѣтрила, плыветъ, гдѣ видитъ предъ собою гробъ погибшаго мореходца, или отъ одной гробницы отрѣшаетъ корабль, чтобъ у другой привязать корму.

« Повелишь ли мнѣ, мать моя, оставить жизнь стремящуюся горѣ, или положимъ конецъ слову; потому что верхъ на сторонѣ дочери? Если чѣмъ могутъ похвалиться родившіе меня, то это—моя похвала. Восхищаешься тѣмъ, что ты мать дѣвства; какова же моя слава? Развѣ не знаешь, что всѣ совершеннѣйшіе, тобою перечисленные, хотя произошли отъ родителей, но праведнѣе и лучше родителей? И Христосъ, хотя Маріинъ Сынъ, но гораздо выше Маріи, и не одной Маріи, но всѣхъ обложенныхъ плотію,—а даже превыше и тѣхъ умовъ, которыхъ сокрываетъ въ себѣ пространное небо. И колосъ изъ малаго сѣмени прозябъ въ колосъ; а изъ песчинокъ образовался кусокъ драгоценнаго золота.

« Но чтобы положить вѣнецъ рѣчи, пусть слово для обоихъ родовъ жизни, и безбрачной и супружеской, изобрѣтетъ какое нибудь подобіе, въ которомъ бы ты увидѣла конецъ моего слова!

« Снѣгъ приличенъ зимѣ, а цвѣты—весенней порѣ, сѣдина—морщинамъ, а сила—юношескимъ лѣтамъ. Однако же и цвѣты бываютъ зимой, и снѣгъ показывается въ весенніе дни, и юность производитъ сѣдины; а случалось видать и бодрюю старость, и старика гораздо съ большими силами, нежели едва разцвѣтающаго юношу. Такъ хотя супружество имѣетъ земное начало, а безбрачная жизнь уневѣ-

щиваетъ Все-Царю Христу ; однако же бываетъ, что и дѣвство низлагаетъ на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводитъ къ небу. А потому, если бы стали винить, одинъ—супружество, а другой—дѣвство, то оба сказали бы неправду.

« Но, друзья мои, и вы родители, и вы безбрачные юноши и дѣвы, долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминогую раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣй, которая пресмыкается на чревѣ, долго ли вамъ влечь жизнь обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ, наконецъ, Христовыхъ совѣтовъ, отринувъ красоту, славу, богатство, родъ, счастье, и всѣ обольстительныя порожденія гибельнаго грѣха, воздвигнемся отселѣ, взойдемъ въ легкую жизнь, очистимся, будемъ единодушны съ небесными чистыми Силами, чтобы, вступивъ въ сонмъ предстоящихъ великому Богу, съ веселіемъ воспѣть праздничную пѣснь Царю! Какъ изринутые изъ свѣтлаго рая получили мы въ удѣлъ супружество, и многотрудную землю, и все, что сопутствуетъ погибшимъ; такъ чрезъ жизнь, не знающую житейскихъ узъ, взойдемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому древу, котораго лишились за безразсудство».

Такъ говорило богоподобное дѣвство. Судимъ, хотя и привязаны были болѣе къ супружеской жизни, однако же вѣнчаютъ главу дѣвства. А Христось, воздающій награду обѣимъ, поставитъ ихъ подлѣ Себя, одну по правую, другую—по лѣвую руку. — Но и то—великая слава !

СОВѢТЫ ДѢВСТВЕННИКАМЪ.

Твоя побѣда! даже и тотъ, кто великій другъ плоти, произнесетъ такой же судъ. Впрочемъ, достославная дѣва, столько разсудительная и благоразумная, приклони нѣсколько слухъ къ моимъ внушеніямъ, позволь и мое слово вложить тебѣ въ сердце! Самый лучшій совѣтъ, который подаетъ сѣдина.

Не уязвляйся мыслию, уносясь въ порывахъ своихъ за облака. Часто паденіе поднимало съ земли въ высоту, а возвышеніе низлагало на землю. У Бога положенъ такой законъ: благоволить къ плачущимъ, и обѣкать крылья высокомернымъ.

Не малыми мѣрами измѣрай путь своей жизни. Ежели ты опередилъ возвращающаго назадъ или самаго порочнаго; то не думай, что достигъ уже предѣла добродѣтели. Превзойдти не многихъ — не верхъ еще совершенства. Для тебя мѣрою должны быть заповѣдь и Богъ. А ты далеко еще отъ Бога, хотя идешь и быстрѣе другихъ. Имѣй въ виду не то, сколь многихъ сталъ ты выше, но то, сколь многихъ остаешься еще ниже, и желай быть всѣхъ совершеннѣе. Выше тебя широкое небо; а ты высокъ между низкими.

Слыхалъ я, что рыбамъ и луна, и солнце, и звѣзды представляются подъ водою, не потому, что онѣ дѣйствительно тамъ, но потому что рыбы, видя слабыя отраженія дѣйствительности, симъ неясными изображеніями улаждаются, какъ самыми свѣтилами; а настоящихъ небесныхъ свѣтилъ, никогда не выходя на поверхность сѣдаго моря, рыбы и не ви-

дывали; въ противномъ случаѣ и онѣ, можетъ быть, отличили бы, что такое свѣтъ, и что такое игра свѣта въ водѣ. Такъ нѣкоторые, поелику не видали истинной высоты Царя, едва поднимутся нѣсколько, уже думаютъ, что стоятъ на самой высотѣ. Но ты, хотя иное приобрѣлъ, а иное надѣешься приобрести, однако же непрестанно простирай взоръ впередъ, восходи и къ прочему по многимъ ступенямъ. Все-го хуже—останавливаться. Спѣши приобрести одно за другимъ, пока Христосъ не возведетъ тебя на послѣднюю ступень.

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмѣяніе и злой языкъ, который на совершенства твои изрыгаетъ змѣиный ядъ. Два пути у человѣка, и поруганіе бываетъ двоякое. Одинъ путь худъ; онъ приводитъ и къ концу худому. Другой путь хорошъ; и конецъ его, какъ и естественно, вожделѣнный. Но осмѣяніе преслѣдуетъ человѣка на обоихъ путяхъ. А если бы языкъ нападалъ только на тѣхъ, которые худы; что тогда было бы превосходише его? Теперь же съ одинакою яростію нападаетъ онъ на всѣхъ, на добрыхъ и на злыхъ. И ты будь остороженъ и осмотрителенъ въ обоихъ случаяхъ. Страшись языка, который преслѣдуетъ беззаконниковъ, чтобы бѣгать и самого порока, поражаемаго языкомъ; а языка, который у злаго врага вооруженъ на добрыхъ, столько же бойся, сколько вдавшійся въ море утесъ боится вѣтра и сокрушающей о него волны.

Никогда не дѣлай ничего постыднаго, хотя оно правится многимъ, и не оставляй добраго дѣла, хотя оно и ненавистно порочнымъ. Старайся по-

ступать такъ, чтобы заслужить славу. А если она удаляется отъ тебя; не огорчайся ложной молвою, но благоразумно иди своимъ путемъ. Пусть другіе лаютъ понапрасну; они не сдѣлаютъ никакого вреда божественной любви, и зависть выплечетъ только себѣ глаза.

Убѣжавъ изъ Содома, спасись отъ пепла сей жизни и отъ страшныхъ угрозъ Божія огня, не озирайся на Содомъ; иначе отвердѣешь вдругъ въ камень, и останешься памятникомъ грѣха и ужасной смерти. Ноги твои не на содомской уже землѣ; не медли же и на сосѣдственныхъ равнинахъ, близкихъ къ огню, но, какъ можно скорѣе, спасайся въ гору, чтобы не настигъ тебя огненный дождь!

Не робѣй слишкомъ плоти, какъ будто она по природѣ своей неукротима. Не отъ Бога тотъ страхъ, который дѣлаетъ чловѣка связаннымъ. Не предавайся слишкомъ и плотской нѣгѣ, чтобы пресыщеніе, сверхъ чаянія твоего, не низринуло тебя съ стремнинъ!

Охотно иди по негладкой стезѣ. А если восходишь вверхъ; смотри, не скользокъ ли путь, чтобы не падая достигнуть тебѣ цѣли и пройти сквозь узкія врата. Тамъ свѣтъ, и слава, и успокоеніе отъ всѣхъ бѣдствій.

Если боишься того, что и малая искра зажигаетъ солому; то ободрись надеждою: великій пламень прохладится дождемъ свыше Молитвы, воздыханія, въ слезахъ проводимые дни, и безъ отдыха—ночи, и всецѣлая любовь къ Царю,—вотъ прекрасная врачевства цѣломудрія! При нихъ никогда, превосходный мой, не поставишь ты въ сердцѣ своемъ кумира

худшей любви, но будешь имѣть непорочный умъ, какъ храмъ великаго Бога и лучезарности Духа.

Дѣва, будь дѣвственною и слухомъ, и очами, и языкомъ; потому что чрезъ все вторгается грѣхъ. Слухъ напрягай для однихъ добрыхъ вѣщаній, а для рѣчей срамныхъ и безстыдныхъ заграждай его дверью. Очи храни цѣломудренными въ брачныхъ чертогахъ, т. е. въ вѣждахъ твоихъ, и не уязвляй сердца похотливыми движеніями. Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкамъ цвѣтка, чтобы слово твое оставалось предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели дѣвства; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто блудническое.

Уважай ветхій хитонъ, а не чело сіяющее отъ удовольствія, не прекрасныя шелковыя ткани. Пусть другихъ украшаетъ жемчугъ, пусть у другихъ блистаютъ золотомъ члены; предоставь сіе тѣмъ, у которыхъ разцвѣчены лица, этимъ созданіямъ земныхъ рукъ, чуждымъ небснаго образа, этимъ гнуснымъ изображеніямъ, вывѣскамъ сладострастія, безмолвнымъ обличителямъ, движущимся картинамъ, обнаруживающимъ тайны благопріятствующей ночи, этому блистательному безобразію, этимъ гробамъ, скрывающимъ въ себѣ смрадъ! Но дальше отходи отъ нихъ ты, невѣста царя Христа, которая славишься внутреннею красотою.

Слей очи съ очами и слово съ словомъ, но только чистыя—съ чистыми; никогда же не сливай смѣха съ смѣхомъ и дерзости съ дерзостію; ибо это доводитъ людей до гибельнаго поползновенія.

Убѣгай всякаго мужчины, особливо ни одного

не принимай въ сотрудники домашней жизни. Повѣрь мнѣ, чистая дѣва, что, хотя бы онъ былъ чище золота и тверже адаманта, но все — горькая вода изъ Мерры. Ибо опасность съ двухъ сторонъ. Хотя ты полагаешься на собственную плоть; впрочемъ кто поручится за члены живущихъ подъ одной кровлей? И у тебя не совсѣмъ чисты и нескверны глазъ и умъ, и мысль другаго можетъ скрывать въ себѣ что нибудь перстное и изгнать духа. Воспаривъ отъ земли, ты переселилась уже отъ плотскаго къ духовному; для чего же, одобряя опять сожителство съ плотію, безчестишь священнаго Жениха, Который ревнуетъ о твоёмъ образѣ? Смотри, чтобы Онъ не лишилъ тебя Своей любви за двоедушіе, за то, что храмлешь на оба колѣна. Твой возлюбленный — Христосъ; посему удайся отъ всякаго мужчины. Для чего находишь нужнымъ имѣть помощникомъ того, кто самъ имѣетъ нужду въ помощницѣ?

Коню любезенъ конь, оленю — олень, скворцу — скворецъ; чистому же дорогъ чистый. Но впрочемъ ты бѣгай злонамѣреннаго совѣтника, чтобы онъ, при всемъ твоёмъ благоразуміи, не обманулъ тебя. Онъ всего болѣе враждуетъ противъ мудрыхъ; часто и доброе обращаетъ въ зло даже добрымъ. Нынѣ онъ свѣтъ, а послѣ окажется тмою. Внутри смерть, а сверху снѣдь. Привлекаетъ сладостію, и губить скрытымъ ядомъ. Не рѣдко сводитъ онъ между собою людей близкихъ по духу; приходитъ къ нимъ въ свѣтломъ образѣ, прикрывается честнымъ наименованіемъ христіанской любви; а потомъ въ сблизившихся измѣняетъ сердечную любовь

въ плотскую, и возжигаетъ пламень, или оставляетъ жалкіе слѣды пламени. А если не останется въ тебѣ и слѣдовъ пламени; то всего скорѣе нанесешь ударъ тѣмъ, которые смотрятъ со стороны. Но и всѣ мы готовы на грѣхъ; потокъ самъ льется по скату.

Но домъ, одежда, столъ, немощи довели тебя до этого позора, заставили избрать помощника драхлой старости. Ты промѣняла золото на мѣдь, если вмѣсто свѣтлой жизни приобрѣла малое и неприличное утѣшеніе. Если дашь мнѣ кучи золота и янтаря, зеленѣющія поля, тучныя стада, великолѣпный домъ и Алкиноеву трапезу, если вмѣсто настоящей жизни дашь другую нестарѣющуюся; и тогда не соглашусь жить гнусно и чрезъ это лишиться Христа.

Пусть у меня хлѣбъ въ скудость и вода въ рѣдкій напитокъ; пусть меня, какъ древле Адама и Еву, покрываютъ смоковныя листья; и домою мнѣ служить расщелина въ камнѣ, или дупло въ букѣ; жизнь моя проста и не лучше звѣриной; или, бременя землю, какъ нищій и новый Лазарь, брошенный у вѣрота горделивца, влачу жалкую жизнь и болѣзненное тѣло;—все это нынѣ, а тамъ—пропасть и грозное воздаяніе за всѣ здѣшнія наслажденія. У тебя пресыщеніе, а у меня скорбь—кратковременны; и потомъ все забыто. За гробомъ всѣ станемъ одно, всѣ—одинъ прахъ. Тамъ одно мѣсто рабамъ и царямъ; никому нѣтъ преимущества въ преисподней. Поэтому и благами настоящими не плѣняйся, и скорбями здѣшней жизни не слишкомъ занимай мысли. Вмѣстѣ съ наслажденіями оставишь и всѣ скорби, и притомъ въ скоромъ времени. Ибо что продолжительно въ однодневной жизни?

Ты здѣсь странникъ и пришлецъ, пресмыкающійся по чуждой тебѣ землѣ. Отсюда возставишь тебя Богъ въ отечество твое. Подвиги твои не долговременны; а награда выше трудовъ.

И ты, мудрый совѣтникъ Ионадавъ, убѣждая любезныхъ дѣтей насладиться высочайшимъ для людей счастьемъ, предложилъ имъ такой законъ и такое слово: «вотъ, дѣти мои, получите отъ отца богатство, какого и мнѣ не далъ любезный отецъ, какого и всякому другому сыну не доставалось отъ отца; получите богатство всегда постоянно сохраняющееся. Не стройте для членовъ своихъ описуемаго мѣстомъ дома, не воздѣлывайте земли. Чтò вамъ пользы отъ винограда? Живите въ шатрахъ; а упоявающаго и сладкаго питія никогда, дѣти, никогда не вливайте въ свою гортань. Живите для Бога, и богатство свое полагайте въ единомъ присноживущемъ Богѣ, Который всегда Самъ Себѣ равенъ и ничѣмъ невозмущаемъ.» Такъ говорилъ отецъ, и дѣти исполнили его заповѣдь. (Иер. 35, 6. 7.).

А я знаю народъ, вводимый въ землю обѣтованія. Впереди шелъ столпъ огненный и облачный и влекъ его за собою по недовѣдомой пустынѣ. Море разступалось предъ нимъ, небо давало ему пищу, камень извелъ изъ себя воду, широко текущая рѣка отступила назадъ, солнце замедлило бѣгъ своей колесницы; нѣкто, простертыми руками назнаменуя крестъ, воздвигъ побѣдный памятникъ, а въра свазала острія мечей.

А Илія былъ питаемъ вранами, и престарѣлую сидонскую вдовицу напиталъ не многими каплями

жизни; потому что въ маломъ чванцѣ не оскудѣвала мука, и глиняный сосудъ всегда источалъ влажный елей въ такомъ же количествѣ, въ какомъ почерпали руки страннолюбивой вдовицы.

Еврейскіе юноши, желая свойственной имъ пищи, чтобы не оскверниться трапезою царя, съ радостію взошли въ ассирійскій пламень и, въ немъ прохладившись, возвратились въ свои дома.

Даніиль, брошенный на свиденіе ярымъ львамъ, когда распростеръ свои руки, не львовъ напиталъ, но самъ отъ пророка пріялъ въ руки богопосланную пищу (Дан. 14, 37.).

Божественнаго Іону изъ внутренностей своихъ изблевалъ морскій звѣрь, три дня (какое великое чудо!) державъ его въ утробѣ; потому что пророка даже и въ китову утробу сопровождала вѣра.

Іоанну служили пищею акриды и дикіе соты, одеждою—волосы высоковыпныхъ верблюдовъ, кровомъ—широкое небо, и пустыннымъ ложемъ—земля.

Кто спасъ Оеклу среди огня? Кто связалъ не укротимую силу кровожадныхъ звѣрей? Какое великое чудо! Дѣвство усыпило звѣрей, и они не дерзнули своими зубами осквернить чистое дѣвственное тѣло.

Нѣтъ, не позабуду (это было бы и несправедливо) упомянуть о непорочной Сусаннѣ, которая, хотя носила на себѣ супружеское иго, однако же имѣла столько любви къ цѣломудрію, что, когда избѣгла незаконнѣйшихъ рукъ, но по несправедливому приговору судей влечена была на смерть, спасли ее отъ гибели мудрыя разсужденія правдиваго судіи, который, будучи юнъ духомъ, но сѣдъ разумомъ,

связалъ словомъ своимъ развратныхъ и беззаконныхъ вавилонскихъ старѣйшинъ.

Самъ выслушай Павла, съ какою боролся онъ злобой, сколько понесъ трудовъ и мучительныхъ безпокойствъ отъ друзей и отъ враговъ, на морѣ и на сушѣ, какъ восходилъ до третіяго неба, и весь міръ заключилъ въ вождѣлѣнныя мрежи. Онъ скорбями своими восхищался болѣе, нежели другій благоденствіемъ.

Добродѣтель всегда окружена бѣдствіями, какъ роза ненавистными и колючими шипами. Помни сіе, и ты съ лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя въ совершенной непорочности, и не дозволяй вводить тебя въ обманъ нуждѣ, которая всего скорѣе покоряетъ себѣ даже мудрыхъ мужей. Почему и злокозненный врагъ, искушавшій Христа Царя, какъ скоро увидѣлъ Богочеловѣка алчущимъ, понадѣялся, что чувствующаго нужду уловить въ свои сѣти, и повелѣвалъ превратить камни въ снѣдь. Но онъ не уловилъ Бога, а тебѣ чловѣку смертному льститъ какъ богу. Ты же стреми къ Богу, и дальше гони отъ себя врага, всецѣло пребывая въ Богѣ и выше плоти.

Не хорошо, если, какъ въ сомкнутомъ въ кружекѣ хороводѣ, одного держатся правою, а другаго лѣвою рукою, такъ и ты, вмѣстѣ касаясь Божества и отдѣляясь отъ Него, половиною принадлежишь Христу, а половиною — плоти. Не хорошо, если, пускаясь въ море на быстромъ и благоустроенномъ кораблѣ, какъ скоро возстанетъ вѣтръ и возмутитъ спокойныя воды, задерживаешь скорое плаваніе якоремъ, или прельщаешься пребываніемъ на сушѣ,

и совершаешь свой путь по водамъ, уподобляясь вмѣстѣ и мореходцу и пѣшеходу. Не хорошо, если на жизнь твою кидается плоть—эта рыба прильнуша, останавливающая корабль на всемъ ходу. Но какъ токъ, проходящій по узкой трубкѣ, какъ скоро во внутренности округленнаго свинца скопится столько влаги, сколько можетъ вмѣститься, начинаетъ бить вверхъ, не удерживаясь въ заключеніи, потому что онъ сильно нагнетаемъ сзади; такъ совѣтую и тебѣ, запечатлѣвъ въ груди своей любовь, нестись въ высоту на срѣтеніе Христу, или орошать какуюнибудь добрую и тучную ниву. Если же ты разливаешься и здѣсь и тамъ, по глубокимъ пескамъ, или по камнямъ, или по лугу, или по бороздамъ; то добрый твой потокъ, ничѣмъ не удерживаемый, погибнетъ безъ всякой пользы.

Если живъ у тебя любезный отецъ, произведшій тебя на свѣтъ, или если жива у тебя милая мать; то неукоризненна твоя любовь. Если ты полагаешься на благорасположенныхъ къ тебѣ братьевъ и на родителей, когда они живы, помогающихъ тебѣ или требующихъ отъ тебя помощи: то никто не упрекаетъ тебя, что живешь вмѣстѣ съ ними; за это не обратитъ на тебя злаго и неумолимаго взора осмѣяніе, хотя оно замѣчаетъ часто и скрытъ твоей обуви. Впрочемъ для меня полезно и то, что злый обращаетъ на меня взоры. Пусть онъ смотритъ, а мое сердце пребудетъ твердо. Но прошу убѣгать любви къ другимъ, даже не только любви, но опаснаго пребыванія въ одномъ домѣ, или самонадѣянности обманчивой и ненадежной въ людяхъ цвѣтущихъ лѣтъ,—убѣгать въ той же мѣрѣ, въ какой

должна предаться Христу твердо прильпившаяся къ Нему любовію присноживущею.

Тебѣ, которая хвалишься цѣломудріемъ, имѣя любовь къ вождельнному дѣвству, не должно открывать всего сердца другимъ страстямъ. Это всего хуже, если по ухищренію завистника зло раждается изъ добра. Не думаю, что необходимо должно бѣгать супружества и супружескихъ обязанностей; посредствомъ супружества Богъ непрестанно умножаетъ родъ человѣскій: но избираю дѣвство, какъ врачевство и пособіе противъ моихъ страстей. И если увижу свободный отъ нихъ день; то есть мнѣ за что благодарить одинокую жизнь! Но когда, оградивъ дорогую ниву стѣною, отворю двери звѣрямъ, или одну ея часть обнесу плотной оградой, на другой же оставляю тропинки мимоходящимъ путникамъ; тогда не то же ли выйдетъ, какъ если бы дана была возможность врагу отвсюду врываться и губить мою ниву? Но и тебѣ врагъ во всемъ строить козни, чтобы явно и тайно нападать совнѣ и уловлять внутри. Никто не избѣжитъ его злобы, если не имѣетъ всегдашнимъ помощникомъ Христа. Иногда маловажнаго не вмѣняй въ грѣхъ; но и маловажному не противься слабо, чтобы не встрѣтиться, какъ ни есть, съ худшимъ.

Хорошее и слушай, и говори. Но чтò говоришь, то тщательно осматривай. Зрѣніе должно побуждать тебя и къ дѣлу, и все помогать одно другому — цѣль и слово, зрѣніе и слухъ.

Избѣгай худаго сѣмени, чтобы собрать тебѣ добрые класы. Не затаивай въ себѣ прелюбодѣйной любви къ міру; а затаиваетъ ее тотъ, кто далъ въ себѣ

мѣсто хотя тонкому корню порока ; отъ этого корня раскинется туда и сюда множество вѣтвистыхъ стеблей. Отъ нѣсколькихъ капель крававой влаги сѣбдается молоко въ большомъ сосудѣ. Одинъ камень, упавъ на поверхность стоячей воды , мутить вдругъ прекрасный источникъ ; множество круговъ, непрестанно образуясь въ одной точкѣ, разсѣваются по водѣ и исчезаютъ на окружности. Отъ удара въ одномъ мѣстѣ все тѣло вокругъ пухнетъ и чувствуетъ боль. Не много вкушено, и сталъ я мертвъ ; потому что за вкушеніемъ послѣдовали грѣхи, какъ за однимъ храбрецомъ чрезъ непріятельскую стѣну идти все воинство. Не велика рана, наносимая аспидомъ , но она мгновенно погружаетъ въ предсмертный сонъ, и самая гибель бываетъ пріятна для умирающихъ. Посему старайся , чтобы сердце твое не оквернялось даже и малостію.

Если древо у тебя на замкѣ ; то , можетъ быть , спасешься отъ грѣха. А если двери у него отворены ; то боюсь , чтобы персть не сдѣлалась наглою. Когда тѣло усмирено , тогда усмирятся вмѣстѣ и безстыдная похоть.

Вино — эта желчь для дѣвственниковъ, приносить имъ много безславія ; а гнѣвливость доводитъ до неистовства ; все же это — путь къ смерти.

Дѣва , не плѣняйся своимъ выношеннымъ хитомъ ; и малоцѣнностію увеселять взоры — худо.

Не возбуждай врага , надрывая щеки смѣхомъ ; пусть онѣ безобразно искривляются у тѣхъ , которыя разливаются отъ радости , и держать домъ не на заперти. А у тебя пусть промелькнетъ на лицѣ тихая улыбка, и какъ можно скорѣе, появится рюмя-

нецъ , и закроеть собою веселіе. А румянецъ внушаетъ уваженіе смотрящимъ.

Женщинамъ прилично не много говорить о Богѣ, именно, сколько можно имъ знать о досточтимомъ естествѣ Троицы, о тройственной въ Божествѣ, единой благодати; ибо глаголы благочестія не хорошо предавать и молчанію. Должны же онѣ больше слушать. Но то и другое, и говорить и слушать, обязаны съ трепетнымъ умомъ и благоговѣнно, на все налагая покровъ стыдливости. Въ словахъ же прекословныхъ пусть упражняются люди мудрые, низлагающіе невѣрныхъ.

Да не похищаютъ у тебя Бога ненавистныя заботы, которыя и высокошественнаго низлагали мгновенно на землю. Умъ твой да стремится къ цѣли, не носясь туда и сюда, подобно искателю побѣдъ, неукротимому коню, и не убѣгая вдаль отъ великой славы Христовой. Если же увлекъ тебя злый Велиарь, и умъ твой блуждаетъ; то, какъ можно скорѣе, перемѣни направленіе, и иди къ цѣли прямымъ путемъ.

Пусть занимають тебя ткацкій челнокъ, пряжа, поученіе въ Божіемъ словѣ, премудрость, божественныя пѣсни, внятыя, но не громкіе, не терзающіе душу звуки, которыхъ больше остается въ груди, нежели сколько слышно на устахъ. Врагъ часто врывается чрезъ слухъ даже въ глухихъ.

Ты, цѣломудреннѣйшая дѣва, которая, вкусивъ божественнаго питія, избѣгла супружескихъ узъ и всякаго бремени, носимаго женщинами, не входи въ чужія ложницы, и въ супружескія дѣла, чтобы тебя вмѣсто дѣвы не стали называть яремною женой;

не проводи времени въ чужихъ домахъ, за чужею трапезою, не имѣй обращенія съ слугами, не принимай участія въ домашнихъ смутахъ, не бросай льстиваго слова за кусокъ хлѣба.

Люби мѣру въ страннoлюбіи. Кто украшенъ добродѣтелями, тому радушно отворяй свой тѣсный домъ. А кто не выше другихъ, тому оказывай милость издали. Обитель твоя да будетъ ограждена отъ молвы. Дѣвъ лучше быть негостепріимною, чѣмъ отворять домъ для всѣхъ странныхъ; потому что на многoлюдствѣ теряется стыдъ. И чѣмъ можетъ быть опозорено свѣтлое дѣвство, на то не собирай доказательствъ со всѣхъ концевъ земли.

Уважай сѣдину, и подражай честнымъ нравамъ. Благоразумная сѣдина принесетъ тебѣ больше пользы, нежели юность.

И съ благочестивымъ намѣреніемъ не переходи съ мѣста на мѣсто. Нога твоя, поспѣвая въ святыя мѣста, какъ бы ни были они отдалены, да не соплетется, часто вопреки приличію, съ ногою легкомысленныхъ мужей. Царь Христось у всякаго въ домѣ; онъ близокъ къ любящему — въ сердцѣ у него.

Первое мѣсто дай Богу, а слѣдующее за тѣмъ — іерею, земному Христу, руководителю твоей жизни. Поспѣвай за нимъ на крылахъ, покоряйся ему безмолвно; съ нимъ радуйся, когда простираешься вверхъ, и ему подчиняйся, когда надаешь, чтобы, пришедши въ страхъ, опять вознестись высоко.

Умри для всѣхъ прочихъ, — это для дѣвы лучше, нежели вести жизнь открытую и выставленную на показъ всякому. Хвалю тѣхъ женщинъ, которыхъ

даже не знаютъ мужчины, которыя живутъ вдали отъ міра, но втайнѣ видимы Богу.

Будь очень благочестива, но не смотри очень надменно. Погнавшись за людскою славою, легко потеряешь добрую славу. Женская слава гибнетъ, какъ скоро дѣлается видною для мужчинъ.

Ревнуй добродѣтельному и отвращайся порочнаго. Равно худо — и завидовать добрымъ, и любить порочныхъ.

Не останавливайся въ своемъ пути, видя, что злые ведутъ покойную жизнь, и не терзайся сердцемъ, видя, что добрые изнемогаютъ. Это одна игра жизни; а ты смотри единственно на конецъ.

Наслаждаясь благоведемъ, ты радуешься; но не знаешь еще ясно, что будетъ. Бойся, чтобы съ которой нибудь стороны не подулъ смертоносный вѣтеръ. Поэтому всю жизнь свою или страшишь, или готовься къ страху.

Когда падаетъ человекъ порочный, тогда тѣмъ паче утверждай свою ногу. А когда падаетъ благоуспѣшный; крѣпись еще больше. Ибо если совершенные падаютъ, то очень не легко провести жизнь не поскользнувшись. Вся жизнь для тебя — уголья подъ ногами, и уголья горячіе. Всегда идешь ты по скрытымъ сѣтямъ.

Боюсь, чтобы мнѣ, положивъ основаніе жизни своей на песокъ, не разрушиться отъ дождя, рѣкъ и вѣтровъ; боюсь, чтобы подобно сѣмени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мнѣ, прозябнувъ скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечные лучи и легкія напасти; боюсь, чтобы, во время моего сна, сѣятель негод-

ныхъ плевель и завистливый врагъ не подмѣшалъ худаго сѣмени. Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, со возжженными свѣтильниками и съ не дремленными очами ожидаютъ вождѣннаго жениха— Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умомъ и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ уже въ самое пришествіе Христова, отягченными отъ сна очами, замѣтивъ едва мерцающій блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя капель елея свѣтлой жизни, и чтобы запертыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, по великимъ уставамъ любви, сопрягаясь съ душами чистыми, даруетъ имъ сіяніе и славу. Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый Отецъ, веселясь о наилучшемъ Сынѣ; — о если бы на этой вечери было мѣсто и мнѣ, и мнѣ было мѣсто, и всякому, кто со мною единомысленъ! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пару новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы среди пирующихъ, которые всѣ одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко отъ друзей и отъ брачнаго пира. Когда же Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдетъ внезапно къ ожидающимъ и къ не ожидающимъ; — о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздаятелю житей-твердаго слова!

Сіе заповѣдую дѣвству, какъ кротко совѣтующій и сердечно любящій отецъ; а вы, чада и дщери и сыны, послушайте любимаго отца. И если, какъ надѣялся, имѣю какую нибудь благодать у Бога; то не презрите заповѣдь отца, подобно сынамъ Иліевымъ. Не дѣлайте сего, чада, чтобы и васъ не постигло одинаковое съ ними наказаніе. А прочимъ слѣдующее слово; и я не безбоязненно, держа вѣсы ровно (свидѣтель въ томъ Богъ), произнесу равный судъ надъ тѣми и другими — надъ дѣвственниками и надъ живущими въ супружествѣ.

Сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества, столько непорочный бракъ предпочтительнѣе сомнительнаго дѣвства. Посему и ты, ревнитель совершенства, или волюнѣ возлюби чистое дѣвство, если имѣешь къ тому и силу и расположеніе, или избери супружество, какъ говорятъ, послѣ перваго второе, также доброе, плаваніе. Но бѣгай тѣхъ, которые хотятъ совмѣстить ту и другую жизнь, и безбрачную и брачную, то есть, примѣшиваютъ къ меду желчь, къ вину грязь, къ священному Солиму злочестивую Самарію. Напрасенъ трудъ, — по совершеніи пути идти вдругъ назадъ; не безъ опасности стрѣлокъ, если пущенная имъ стрѣла падаегъ почти у ногъ его, а не долетаетъ, куда должно, и не попадаетъ въ высокую цѣль. И тому, кто въ даръ Царю Христу принесъ дѣвство — эту словесную жертву, это безкровное закланіе, вступить опять въ супружество не только есть потеря, но и величайшее паденіе, близкое къ смерти; а сверхъ того и некончаемый стыдъ. Это значить, вдругъ поскользнувшись, обратиться внизъ на землю съ обрывистой

горы, на которую всходили ты съ великимъ трудомъ, въ намѣреніи отрыть тамъ золото, или провести время въ пріятномъ занятіи, преслѣдуя звѣря. Кто же, слыша о злочестивомъ Апаніи и Сапфирѣ, которые за собственный прибытокъ подверглись злой смерти, не побоятся убавить въ своемъ обѣтѣ даже и малость? А нѣкто изъ древнихъ, когда тайно, безъ вѣдома вождя, присвоилъ себѣ золотый языкъ (а), одежду и нѣсколько денегъ, нанесъ тѣмъ вредъ цѣлому народу (Ис. Нав. 7, 21.). Въ какой же степени выше жребій одушевленной твари, въ такой, или еще въ большей, худо для дѣвы возвращеніе назадъ.

Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ! Всегда блюдишь отъ жала того, кто непрестанно влечетъ назадъ души, простирающіяся впередъ, чтобы ему царствовать надъ большимъ числомъ униженныхъ, кто первый низложенъ изъ небесной славы на землю, и влачить здѣсь иго позора, налагаемое на горделивыхъ.

Теперь изреку добрый совѣтъ родителямъ, родственникамъ и цѣломудреннымъ понечительницамъ, въ рукахъ у которыхъ жизнь, позоръ и добрая слава дѣвъ. Не позволительно и не прилично поступать насильственно съ тварію великаго Бога. Всѣ мы родъ единого; и властвуетъ ли кто, или соприсчисленъ къ подвластнымъ, богатъ ли кто или бѣденъ, возсѣдаетъ ли кто на великомъ престолѣ, или преклоненъ до земли, покрытъ ли кто сѣдиною или цвѣтетъ юностію—всѣ отъ Единого, у всѣхъ одно

(а) Въ славянскомъ переводѣ: *сосудъ златъ*.

дыханіе , всѣ стремимся къ одному концу ; Богъ для всѣхъ родился человѣкомъ , и умеръ , и воскресъ ; Онъ всѣмъ даровалъ широкое небо . Посему никто , въ угожденіе неразумной плоти , не долженъ противъ воли вести дѣву къ брачному ложу , когда она емлется за Христа и живетъ лучшею любовію , какъ не должно полипа совлекать съ его каменнаго ложа , или пѣвчую птицу выгонять изъ устроеннаго ею гнѣзда . Напротивъ того , если у тебя христілюбивое сердце , если Богъ связалъ тебя божественными узами и исхитилъ изъ міра ; то со всею готовностію представъ Христу прѣкрасную невѣсту , или юнаго сына , какъ нѣкогда чадолюбивая Анна представила Самуила—священный плодъ своихъ чистыхъ ложеснѣ , одушевленную жертву , которая священнѣ всякаго первороднаго , а также класа или грозда , срѣзаннаго добрымъ земледельцемъ въ начатокъ Богу . А если ты идешь въ срединѣ между Христомъ и міромъ , то на одинакихъ вѣсахъ взвѣсь и супружескую и одинокую жизнь , хорошо и разумно собравъ въ умѣ всѣ выгоды и невыгоды той и другой , и предназначавъ двоякую цѣль , избери путь , на который влечетъ горячая любовь , и вспомошествуй , въ одномъ случаѣ поработенію , а въ другомъ небеснымъ стремленіямъ . Когда дѣва достигла совершенныхъ лѣтъ , чтобы вступить въ бракъ , или исполнить цѣломудренное намѣреніе : хотя , какъ супругъ служить узами мужъ , такъ дочери—родители , а той и другой—Божій страхъ , не вступившей же въ супружество—Христова любовь ; однако же ты не удаляй отъ замужства дѣву , желающую имѣть мужа , и не вводи насильно въ домъ къ мужу стремящуюся къ Богу .

Пока же не увѣришься несомнѣнно, не препятствую дѣлать нѣкоторыя испытанія. Но если ты всю мысль свою и руку отдаешь супружеской жизни, съ радостію устроилъ уже и брачный чертогъ, и пляски, и пиршества, въ веселіи сердца забылъ свою старость; а между тѣмъ изгоняемое тобою дѣвство приступить ко Христу (какъ нѣкогда правосудіе восходило на небо съ жалобою за умерщвленіе вола земледѣлателя): то боюсь, чтобы на твое несправедливое рѣшеніе не прогнѣвался Богъ, предъ Которымъ всякая перстная природа смиряется такъ же, какъ тучный воскъ предъ огнемъ; боюсь, чтобы страхъ Божій не связалъ тебя по плоти. И здѣсь бываетъ служеніе подобное небесному, и въ смертныхъ есть умъ, приближающійся къ Божеству.

Погрѣшилъ тотъ, кто безплотное смѣсилъ съ природами плотяными, отъ ангельскаго вождельнія производилъ сильныхъ исполиновъ и грѣхами небожителей думалъ очистить (б) землю. Предоставимъ сіе Еллинамъ; потому что они въ защиту своихъ страстей умыслили представлять боговъ непотребными, ворами, андрогинами, прелюбодѣями, развратителями людей, человѣкоубійцами, губителями родителей или дѣтей своихъ, и, не довольствуясь симъ, приносили жертвы самымъ страстямъ. Посмотри на первѣйшаго изъ ихъ боговъ: чѣмъ не дѣлало его сладострастіе?—воломъ, лебедемъ, змѣей, золотомъ, мужемъ, птицей,—всѣмъ, чѣмъ только повелѣвалъ ему дѣлаться рѣзвый Эроть — этотъ слабый ребенокъ.

(б) Т. е. оправдать людей тѣмъ, что завлскаются въ грѣхъ примѣромъ боговъ.

Они-то уничижали любезное дѣвство, налагающее узы на плоть. Для нихъ невѣроятна была свѣтозарность плоти. Они всѣхъ мѣряютъ своимъ непотребствомъ. Но чистому оку не свойственно видѣть звѣзды омраченными. Земля и твердо стоитъ, но сему не довѣряетъ, у кого кружится голова. А намъ не прилично говорить о дѣвствѣ укоризненно.

Почему же невѣроятно, что любовь ко Христу-Царю можетъ усыплять человѣческія вожделѣнія и плотскую любовь, какъ и прежде остановила кровавый токъ у прикоснувшейся кровоточивой жены? Богъ дозволилъ похитить у Него благодать, и сухой потокъ сдѣлался текущимъ источникомъ, какъ скоро изсякъ. Развѣ мужество въ христіанахъ не было выше огня, и мечей, и воды, и свирѣпыхъ звѣрей, которые немилосердыми зубами терзали ихъ члены? Когда тѣснилъ ихъ гонитель, воздвигая брань за вѣру въ Бога, тогда что видимъ у нихъ? Не жизнь ли проводимую безъ сна и безъ крова? не молитвы ли и непрестанныя воздыханія? Не истекаютъ ли они слезами? не возносятся ли отъ земли въ пощныхъ и дневныхъ пѣснопѣніяхъ, оставивъ міръ и плоть? Не малыми ли крохами пищи поддерживается въ нихъ дыханіе? Не служатъ ли имъ жилищемъ пещеры, а ложемъ камни, или мягкая трава и сухія вѣтви? Не живутъ ли они подъ однимъ кровомъ съ свирѣпными звѣрями, чтобы только избѣжать злыхъ внушеній и узъ персти? Есть сказаніе о птицѣ фениксѣ, что она, умирая, юнбѣтъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, возрождаясь въ огонь, и изъ устарѣвшаго праха является дивный самородный плодъ. Такъ и они, умирая, дѣлаются присно-

живущими, сожигаемые пламенною любовію къ Царю-Христу. Въ самой немощи сокрывается сила благочестивыхъ. Кто видитъ все это, тотъ не охотно вступитъ въ союзъ съ юною плотію; потому что воспламененъ лучшею любовію.

Общая всѣмъ мать природа! возвѣщу не свои, по твои чудеса, какія ты расточила на сушѣ и въ моряхъ. Слышу, что пернатая горлица, по смерти своего милаго горлика, изъ цѣломудренной любви къ раздѣлявшему ея ложе, не принимаетъ къ себѣ въ гнѣздо другаго супруга. Мудрая птица! Но для человѣка сколько еще лучше чистая жизнь! Болтлива сѣроперая ворона, но и она живетъ вѣрною юношеской любви, и когда потеряетъ милаго супруга, ненавидитъ всякаго мужа. И у морскихъ рыбъ есть свой законъ; немногія не знаютъ ни какихъ уставовъ касательно брака, многія же заботятся о цѣломудріи и брачнаго ложа и своей супруги. И здѣсь имѣютъ силу права. Иныя не домогаются имѣть болѣе одного плода. Иныя же (и таковыхъ большая часть) предаются наслажденіямъ любви только въ весеннее время. Сама природа положила мѣру вожделніямъ. А время нѣжной любви опредѣлено для всѣхъ живыхъ тварей, и воздушныхъ, и водяныхъ, и тѣхъ, которыя ходятъ по сушѣ. Далѣе срока не питаютъ они въ себѣ вожделній; въ самомъ безуміи страсти связаны благовременностію, когда возбуждаетъ ихъ къ тому весна. И одніе сбѣгаются кучами для исполненія супружескихъ дѣлъ; у другихъ же соблюдается постоянная привязанность къ милымъ супругамъ, и хранится законъ любви; а нѣкоторымъ достаточно

одинъ разъ въ жизнь раждать дѣтей , какъ свидѣтельствуя о семъ тѣ , которые описали рожденія животныхъ и все, что до нихъ касается.

А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣломудріи ; то ужели ты , Божіе созданіе , не свяжешь всѣхъ законовъ плоти , если захочешь ? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму, какъ и мѣдь огню. Если разумъ не царь плоти, тогда какъ образъ Божій обожилъ меня ; то въ чемъ преимущество наше, если и мы уступаемъ такимъ же движеніямъ ? Хотя природа не удержима въ большемъ числѣ людей ; однако же знаемъ и то, что заповѣдь часто превозмогаетъ и общую природу. И у меня есть подобное тѣло ; но меня связалъ воздвигшій меня крестъ, къ которому пригвоздилъ я тяжелую плоть. Ибо желаю со Христомъ умереть , чтобы съ Нимъ и востать, имѣя все Христово: и умъ, и тѣло, и гвозди, и воскресеніе.

Иный самовольно связалъ плоть , не изъ любви божественной. Такихъ узъ не называютъ и цѣломудріемъ. Однако же есть и Божій даръ на то, чтобы жить нерастлѣнно , имѣть невозмущаемый и непоколебимый умъ. Иный отвращается пріятнаго упоенія, а иный — пищи ; иный же не терпитъ запаха , любимаго другими. Нѣкоторые имѣютъ ненавистное расположеніе къ подобнымъ себѣ , живутъ въ пустыняхъ и охотно бѣгутъ вдаль отъ людей. Но твой умъ не вѣритъ отрeksiмся отъ супружескихъ узъ, даже думаю, онъ не не вѣритъ ; но ты бѣжишь изъ страха, между тѣмъ какъ забываешь о невыгодахъ супружеской жизни.

Небольшая саламандра не бѣжитъ прочь отъ ис-

требительнаго огня, но на низкихъ ногахъ своихъ скачетъ въ немъ, какъ по землѣ. Есть огневидная рыба; представляясь воспламененною, она не умираетъ отъ этого дивнаго огня, но горя, блещетъ среди воды. Камень магнитъ не притягиваетъ ли къ себѣ желѣзной гири? И адамантъ не несокрушимъ ли? Есть камень, который, отъ удара желѣзомъ, не издаетъ сіянія; а другой сіяетъ отъ капель воды, но, издавая сіяніе въ водѣ, перестаетъ сіять отъ масла.

Но сколько есть еще болѣе удивительныхъ чудесъ? Кто исчислить ихъ, хотя перескажетъ многое? Высокій Умъ, перемѣшивая многоразличные образы вещей, такъ и иначе перестраиваетъ цѣлый міръ, какъ Ему угодно. Но изъ многаго упомяну о не многомъ, что видѣлъ я самъ, или въ чемъ увѣряютъ меня книги и слухъ.

Не во всѣхъ ли рѣкахъ одно теченіе — книзу? Не одинъ ли законъ морямъ, чтобы ихъ связывали берега? Не одинъ ли путь у пылающаго огня — частыми порывами подниматься кверху? Однако же есть рѣка, которая пересѣкаетъ горькое море и остается рѣкою; одна вода не смѣшивается съ другою, и мореходцы, приближая корабль къ току, поспѣшающему къ сушѣ, почерпаютъ изъ моря сладкое питіе. Видѣлъ я эвбейскій быстрый проливъ—этотъ узкій проходъ и незамкнутый ключъ моря, видѣлъ, какъ онъ неистовствуетъ въ своихъ возвратныхъ теченіяхъ. Море прибываетъ и течетъ обратно назадъ. Океанъ то удаляется отъ земли, то опять поспѣшными волнами вторгается на сушу; и на киммерійскихъ берегахъ то поле, то море. Но

есть и другой поток — пламень огненный, если справедливо, что изъ утесовъ Этны извергается эта невѣроятная водотечь,—огнь-рѣка, и несоединимое соединено по волѣ Христовой.

Могу и въ маломъ указать подобныя чудеса. Въ числѣ плодовъ есть, такъ называемый, *воловій рогъ*. Онъ одинъ суше всего произращаемаго плодоносною нивой, имѣеть тѣло, не размягчаемое влагой, не разрушается въ землѣ, не тучнѣеть отъ дождей, но совершенно окрѣпъ и навсегда остается тверже роговъ; этого рога не раздробляетъ и рогъ вола, когда рука земледѣлателя разсыпаетъ плоды по нивѣ; посему отъ роговъ получилъ онъ и имя и свойство. Но если мудрецы знаютъ на сіе другую какую причину; то она недовѣдома мнѣ.

Сіе производитъ природа: выслушай же, чего домоглось искусство. Скворцы говорятъ подобно человѣку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя въ зеркалѣ изображеніе изъ дерева выточеннаго скворца, и слыша человѣческій голосъ промышленника, спрятавшагося за зеркаломъ. И воронъ также крадетъ звуки у человѣка. А когда нарядный и кривоносый понугай въ своемъ рѣшетчатомъ домѣ заговорить по-человѣчески, тогда онъ обманываетъ даже слухъ самаго человѣка: конямъ вѣшаютъ канаты, и поверхъ ихъ ходятъ кони. Степенный медвѣдь ходитъ на заднихъ ногахъ, и, какъ умный судья, засѣдая на судейскомъ мѣстѣ, держитъ въ лапахъ (какъ можно подумать) вѣсы правосудія; и звѣрь представляется одареннымъ умомъ. Человѣкъ научилъ его тому, чему не научила природа. Видалъ я также укротителя звѣрей,

который сидитъ на хребтѣ у могучаго льва и рукой укрощаетъ силу звѣря. Онъ держитъ бразды, а бѣгущій левъ, забывъ свою ярость, повинуется господину и ласкается къ нему. Видѣлъ я также тяжелаго и великорослаго звѣря съ большими зубами; мальчикъ Индѣ сидитъ на немъ, и небольшимъ бодцемъ заставляетъ его идти, какъ корабль поворачивая туда и сюда тѣло сильнаго слона. Безстрашенъ былъ тотъ, кто первый умыслилъ укротить звѣря, наложилъ ему на выю ярмо и повезъ огромную колесницу.

Но ты звѣрямъ приписываешь больше, нежели человѣку, если соглашаешься, что принужденіе препобѣдило природу въ звѣряхъ, а люди не могутъ быть обучены добру, имѣя даже у себя помощникомъ слово. Какъ же ты, невѣжда, до такой степени оскорбляешь твореніе великаго Бога? Кто бывалъ такимъ ненавистникомъ собственнаго своего рода? Но не такова мысль у меня, который разсуждаю здраво. Напротивъ того, знаю мужей и женъ, которые и помыслами небесны, и тѣломъ непорочны. Все различіе между ними въ членахъ, а добродѣтели у тѣхъ и у другихъ общія, и общій путь къ славной жизни. Все преимущество въ усердіи, и то даетъ трудъ. Но твой умъ не вѣритъ отрешившимся отъ супружескихъ узъ; даже, думаю, онъ не вѣритъ, но ты бѣжишь изъ страха, и между тѣмъ забываешь о столькихъ невыгодахъ супружеской жизни.

Сіе заповѣдую тѣмъ, которые близки только къ небожественнымъ; а ты, дѣвство, заботься о томъ, чтобы оградиться тебѣ отвсюду и хорошо утвер-

даться въ Богъ , стать совершенной жемужиной между камнями , денницей между звѣздами , голу-бицей между пернатыми , маслиной между деревь-ями , лиліею въ поляхъ , благодііемъ въ морѣ . Ты , дѣва , презрѣвъ весь міръ и всѣ пріятности жизни , стань подлѣ свѣтозарнаго Христа и , взявшись рука въ руку , введи Его въ свой брачный чертогъ , исполненный утѣхъ , вѣющей сладостями и благоухаю-щей : къ небеснымъ мѣрамъ примѣшай твое соб-ственное мѣро ; къ изліяннымъ здѣсь неизглаголан-нымъ желаніямъ любви присоедили и свою любовь , къ красотѣ присовокупи красоту ; къ сокровенной—сокровенную , къ свѣтозарной—свѣтоносную , чтобы Христосъ сталъ благимъ любителемъ славнаго тво-его образа , чтобы Христосъ сталъ твоимъ женихомъ , чтобы Христосъ открылъ покрывало , съ радостію увидѣлъ достойную по красотѣ невѣсту , которая украшена добрыми жемчужинами , сидитъ на бога-то-убранномъ сѣдалищѣ , высоко держитъ голову , чтобы столько прекрасную содѣлалъ Онъ еще болѣе привлекательною , чтобы Христосъ тебя исполнен-ную радости ввелъ въ Свои обители , предложилъ тебѣ брачную вечерю среди великихъ нескверныхъ ликовъ , при небесныхъ пѣснопѣніяхъ , увѣнчалъ главу твою вѣчно цвѣтущими пріятностями , поставилъ предъ тобою чашу сладкоухающаго питія , показалъ тебѣ тайны премудрости , подобія которой видимъ мы здѣсь въ зеркалѣ , и открылъ истинный свѣтъ твоему непокровенному уму ; когда грубая тѣла уступать мѣсто духу , а тѣла воздушныя получаютъ нестарѣющуюся жизнь .

Мы же , любезные юноши и дѣвы , питающіе въ себѣ

непорочную любовь къ Царю, воспоемъ бракъ небеснаго Бога, возжегши свѣтильники — сіи подобія Божественнаго свѣта, свѣтильники неугасимые, духовные, которые дѣлаются непрестанно болѣе и болѣе свѣтлыми отъ чистыхъ дѣлъ и помысловъ высокихъ, даже небесныхъ.

Прииди же къ намъ, милосердая, и милосерда будь къ намъ, чистая Троица, изъ Единого сочетающаяся во Едино, Ты, Которая и нынѣ озаряешь свѣтлыя очи, а въ послѣдствіи еще свѣтлѣе будешь озарять просвѣтленныхъ Тобою, Ты единый Богъ — изъ Родителя чрезъ Сына въ великомъ Духѣ совершенное Божество, покоющееся въ Совершенныхъ.

КЪ ДѢВАМЪ.

Дѣва, невѣста Христова, прославляй своего Жениха; непрестанно очищай себя словомъ и мудростию, чтобы ты чистая вѣчно могла сожителствовать съ Чистымъ. Этотъ союзъ гораздо выше тлѣннаго сочетанія. Живя въ тѣлѣ, подражай духовнымъ Силамъ, проходи на землѣ ангельскую жизнь. Здѣсь заключаются и расторгаются союзы; здѣсь тѣла рождаются отъ тѣлъ: а въ горней жизни каждая Сила живетъ одиноко, и она неразрушима. Первые Силы приѣмлютъ въ себя лучъ чистой Сущности; это духи и огонь — служители Божіихъ вѣлѣній. А плотское сочетаніе изобрѣтено веществомъ, — этою непрестанно текущею природою. Впрочемъ Богъ и сему положилъ мѣру, узаконивъ бракъ. Но ты, которая бѣжала отъ дѣлъ вещества, сдружись съ горнимъ, какъ

умъ сдружается съ умомъ, сливаясь въ божественную гармонию, и, ведя брань съ плотію, вспомошествуй Божію образу. Ибо ты—Божіе дыханіе, для того сопряженное съ худшимъ, чтобы, послѣ борьбы и побѣды, получить вѣнецъ, возведа въ горнее и персть, прекрасно подчинившуюся.

Положимъ, что похвально для тебя и супружество; но выше супружества нерастлѣнность. Супружество—уступка немощи; а чистота—свѣтлость жизни. Супружество—корень святыхъ, а чистота—ихъ служеніе. Ее и древле уважали въ установленныя тому времена, напр. Адамъ въ раю, Моисей на горѣ Синаѣ, отецъ Предтечи—Захарія, служба во храмѣ. Супружество—корень и богоугоднаго дѣвства; однако же оно — законъ плоти и раболѣпство плотскому похотѣнію. Когда имѣли силу Законъ, и сѣни, и временныя служенія; тогда и супружество, какъ нѣчто дѣтское, удерживало за собою первенство: когда же буква уступила, и замѣнилъ ее духъ, когда Христось, родившись отъ дѣвы, пострадалъ плотію; тогда возсіяла чистота, и она отсѣкаетъ міръ, изъ котораго съ восшедшимъ Христомъ должно намъ преселиться въ горнее.

Доблестно шествуй, дѣва, на гору, спасайся въ горнихъ, не озирайся на Содомъ, чтобы не отвердѣть въ соленный столпъ. Естество плоти не должно слишкомъ тебя устрашать; но не будь и отважна чрезъ мѣру, чтобы не сбиться тебѣ съ дороги. Искра зажигаетъ солому, а вода утишаетъ пламень. У тебя много врачевствъ чистаго дѣвства. Водружай себя Божимъ страхомъ, истоцай постомъ, бдѣніемъ, молитвою, слезами, сномъ на голой землѣ и всецѣлою

любовію къ Богу, которая, при истинномъ направленіи, усыпляетъ всякое желаніе, чуждое горнимъ. Падшаго возставъ, претерпѣвшему кораблекрушеніе окажи милость; а сама совершай благополучное плаваніе, распростерши вѣтрила надежды. Падаютъ не тѣ, которые пресмыкаются долу, но которые несутся горѣ. У не многихъ истаеваютъ крылья; полетъ же многихъ благоуспѣшенъ. Палъ Денница; но небо населено Ангелами; предателемъ сталъ Иуда, но одиннадцать учениковъ содѣлались свѣтилами.

Только всецѣло храни себя чистою, дѣва; не осквернай пречистаго Христова хитона. Пусть око твое будетъ цѣломудренно, языкъ дѣвственъ, ни умъ, ни смѣхъ не блудодействуютъ, ноги не ходятъ безчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цѣни выше жемчужныхъ и шелковыхъ уборовъ. Прекрасный цвѣтъ — румянецъ стыдливости; великое убранство — блѣдность; прекрасная ткань — увѣнчаться всѣми добродѣтелями. Пусть другая обезображиваетъ образъ Божій притираньями, дѣлается одушевленной картиною, безмолвнымъ обвинителемъ внутреннихъ пороковъ; а ты умертви въ себѣ, сколько можно, и то благообразіе, какое имѣешь, сіяй же красотою души, которая находитъ для себя украшенія въ Богѣ. Убѣгай взора мужчинъ, даже, когда только можно, и цѣломудренныхъ, чтобы не уязвить другаго, и самой не быть уязвленной отъ насмѣшливаго велиара. Не порабоцай очей очамъ, не привлекай слова словомъ, и ланиты твои да не подають смѣлости ланитамъ другаго. Не вкушай плодовъ осужденнаго древа, чтобы змій не удалилъ тебя отъ

древа жизни. Послушайся меня, дѣва; не живи вмѣстѣ съ своимъ попечителемъ, имѣя женихомъ Христа, Который ревнуетъ о твоей чистотѣ. Для чего тебѣ, бѣжавъ плоти, опять возвращаться къ плоти? Не всякому мужчинѣ вмѣстительна твоя простота. Какъ роза окружена шипами, такъ ты окружаешь себя многолюдствомъ, и ходишь поверхъ лукавыхъ сѣтей.

Кто снаряжаетъ брачное ложе, а кто передаетъ погребенію жениха; одинъ сталъ отцемъ, а другой внезапно обезчадѣлъ. Какъ тяжелы муки рожденія, иногда неразрѣшимыя! Какъ мучительна ревность супруга, который боится, чтобы не похитилъ ктонибудь любовь его супруги! Легко ли воспитывать, учить дѣтей, и потомъ видѣть къ себѣ неуваженіе, получить за труды горькое возмездіе! Но у тебя одна забота — взирать непрестанно къ Богу. Тебѣ нужны небольшой кусокъ хлѣба и тѣсная кровль. А искушитель и чрезъ это вводилъ въ искушеніе Христа, когда Христось взалкалъ, а онъ просилъ обратить камни въ хлѣбы. Не подвергнись же ради сего чемунибудь постыдному. Не будь хуже птицъ, которыя вездѣ находятъ себѣ готовую пищу. По вѣрѣ твоей не оскудѣетъ у тебя елей въ чванцѣ, и воронъ препитаетъ тебя, какъ Илію въ пустынѣ. Смотри, какъ Фекла спаслась отъ огня и звѣрей, какъ великій Павелъ охотно терпѣлъ голодъ и стужу, чтобы ты, дѣва, научилась взирать къ единому Богу. Богъ умѣлъ и тысячи людей пропитать въ пустынѣ. Красота увядаетъ, слава скоротечна, богатство — невѣрный потокъ, владычествовать дается не многимъ. А ты избѣжала утѣхъ обманчиваго міра, съ радостію

вступила во Святая-святыхъ, и вѣчно будешь ликовать съ Ангелами, занявъ лучшее мѣсто между сынами и дщерями.

Но бодрственно ожидайте, дѣвы, Христа, съ непомеркающими свѣтильниками срѣтите Жениха, чтобы, взойдя съ Нимъ въ чертогъ, узрѣть Женихову красоту и приобщиться горнихъ таинствъ.

КЪ МОНАХАМЪ (а).

1.

Если мужи или жены стануть хвалить совокупную для многихъ жизнь, чтобъ подъ узами единомыслія заботиться о ликостояніи окрестъ милосердаго Царя, и по обѣту подъ однимъ кровомъ стремиться къ одной цѣли и одной стезею; то сіе весьма хорошо. Ибо ничто прекрасное не любитъ показываться одинокимъ; и то еще не совершенно, что не преуспѣваетъ даже и предъ хорошимъ. И дружба, назначающая себѣ тѣсныя предѣлы, мало доставляетъ пріятности, равно какъ неразборчивая бываетъ грязна. Но совѣтую и здѣсь утвердить великую пронасть, чтобъ мужи, или жены, посвятившіе себя

{а} Въ сихъ стихотвореніяхъ св. Григорій возстаеъ противъ обычая, по которому посвятившіе себя созерцательной жизни, мужчина или женщина, избирали для попеченія о дѣлахъ домашнихъ особу другаго пола, подъ именемъ синнизакта и синнизакты, или также агапита (возлюбленнаго) и агапиты (возлюбленной).

благочестію, жили раздѣльно и имѣли одну только общую славу. Зависть преслѣдуетъ не однихъ живущихъ въ совокупности; имъ бѣлая предстоить брань. А если хочешь жить одинъ въ общеніи съ единымъ Христомъ, и это любезно. Впрочемъ всеѣ тотъ же страхъ, какъ и мнѣ, а именно: борьбы съ непріязненнымъ и гибельнаго паденія.

2.

У меня уже сѣдины; изнуряю свою плоть, смиряю око; дневными и всенощными трудами истомилъ я злосчастную душу, только бы избавиться мнѣ отъ огня; но при всемъ этомъ не безъ труда удерживаю въ повиновеніи тѣло. Какъ же ты, хотя еще молодъ, и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ человекъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Нѣтъ! Бѣгать должно любви, которая не радить о Христѣ.

3.

Попечителемъ у тебя, дѣва, присноживущій Христосъ, твой возлюбленный Женихъ, ревнующій о твоёмъ небесномъ образѣ. Поэтому въ попечителіи своей бѣдной плоти не принимай опять плоть, но бѣгай пересуда злыхъ людей. Несквернаго Христа хитона не покрывай позоромъ, навлекши укоризну на всѣхъ дѣвъ.

4.

Не безопасенъ огонь подлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ, монахъ, подлѣ однимъ съ собою кровомъ

держатъ жену-дѣвственницу. Положимъ, что надежда лучшихъ благъ различила между собою мужчину и женщину; но природа внутри себя скрываетъ еще тайный недугъ. Пока ты держишь себя вдали, въ тебѣ одна искра. Но какъ скоро сходишься вмѣстѣ, при дуновеніи малаго вѣтра воспламенишь пожаръ.

5.

Изъ смѣси блага и чернаго образуется сѣроватый цвѣтъ. Жизнь и смерть не имѣютъ между собою ничего средняго. А этихъ, какъ ихъ называютъ, синизактовъ, не знаю, куда причислить? Признать ли, что они сопряжены бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину? Но я (пусть говорятъ обо мнѣ худо) не похваляю сего. На свѣтѣ больше невоздержныхъ, и всякій, по собственной немощи, скоръ въ подозрѣніи другихъ. Ты носишь на себѣ плоть, и живешь вмѣстѣ съ своей возлюбленною, которая также имѣетъ плоть. Чтò же, думаешь, заключать о тебѣ живущіе нечисто? Пусть ничего не скажутъ цѣломудренныя; но кто равнодушно будетъ слушать насмѣшки, разглашаемая чернью? Бракъ—дѣло законное и честное. Но еще лучше плоти (и не мало лучше) свобода отъ плоти. А если, возлюбленные, есть кромѣ этого безбрачный бракъ; то вы будете жить въ сомнительномъ супружествѣ.

6.

Старайтесь, во-первыхъ, дѣйствительно быть цѣломудренными, а во-вторыхъ, не подавать даже и

подозрѣнія о чемъ либо гнусномъ. Ты чистъ; ты чище золота; однако же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами преданъ ты своей возлюбленной. Ты называешь ее возлюбленною; это—еще честное имя. Но увы, увы! чтобъ не было тутъ и нечистой любви! Ты говоришь: «ничего нѣтъ нечистаго». Такъ; вѣрю тебѣ. Но другимъ укажетъ это дорогу жить несвято съ женщинами. Когда и цѣломудренный мужчина живетъ съ цѣломудренною женщиною, онъ для нея тинная яма; говорю это мужчинамъ и женщинамъ, живущимъ вмѣстѣ безъ брака. Хотя и совѣсть чиста, однако же должно избѣгать злорѣчія. А языкъ всего готовѣе злорѣчить. Кто приставитъ пламенющій мечъ къ моему раю? Кто дастъ стража великому дѣвству? Кто воспренятствуетъ, чтобъ въ мой рай не взошелъ какой возлюбленный, чтобъ не прокрался туда языкъ завистливыхъ? Насмѣшка не щадитъ и святыхъ.

7.

Небесная, великосердая, свѣтозарная, высокоше-
ственная дѣва! ты, которая сопрестольна съ незнаю-
щими супружескихъ узъ и ведущими одинокую
жизнь Ангелами, памятуй о Богѣ, избѣгай же
стрѣлъ персти, и не посрамляй своей жизни, введя
къ себѣ попечителя мужчину!

8.

Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣгать
плотскихъ возстаній! Поэтому, монахи, держите
себя дальше отъ женщинъ; потому что и много

такихъ тайнъ брака, которыми привлекаемый взоръ оскверняетъ душу.

9.

Дѣва, будь дѣвою и для постороннихъ взоровъ, и въ тайнѣ, и не вводи къ себѣ попечителя—мужчину. Твой возлюбленный—Христосъ. Съ презрѣніемъ смотри на всякаго мужа. На что тебѣ нужно внутри своего жилища имѣть смертоносный ядъ? Слей очи съ очами; слово съ словомъ, но чистая съ чистымъ; послѣ этого украсимъ тебя вѣнцами цѣломудрія. Чистому свойственно не терпѣть при себѣ кумира неразумной персти; а при общежитіи мужчинъ и женщинъ болѣзнь не далеко.

10.

И мужамъ и женамъ, которые сближаются подъ именемъ возлюбленныхъ, скажу вотъ что: исчезните вы—язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! и въ глазахъ есть нѣчто любодѣйное.

11.

Дѣва, все блюди въ чистотѣ, а всего наиболѣе очи! Не позволяй жить съ тобою въ домѣ помощнику мужинѣ, даже и самому мудрому. Ты непорочна, но я очень боюсь зависти, боюсь, чтобъ она, узавивъ тебя злорѣіемъ, не истребила въ тебѣ чистой ревности къ той жизни, какую ты возлюбила. Прочь отъ меня тотъ, кто, хотя чтитъ непорочность, однако же беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву,—собесѣдницу безплотныхъ Ангеловъ! На что тебѣ нуженъ огонь? Ужели ты крѣпче огня? Какъ

избѣжишь дыма, очерняя себя недугомъ суетной говорливости? Дѣва, ты восхищена отсель, и живешь въ горнемъ. Забота о скудномъ пропитаніи и объ одеждѣ для тебя—бремя. Но ради ихъ не подвергай себя позору; и вмѣсто попечителя не принимай къ себѣ сообщника въ срамъ и въ жизни, хотя ты и непорочна, чтобъ Христось не изгналъ тебя вонъ, какъ двоедушную.

12.

Бѣгай всякаго мужчины, особливо же синизакта: это горькая вода Мерры,—повѣрь мнѣ въ этомъ, дѣва. Хвалю цѣломудріе и цѣломудренныхъ. А эти возлюбленные и къ меду примѣшиваютъ (о зависть!) какую-то желчь. Больше хвалю двоеженца, нежели возлюбленнаго; потому что бракъ не позоръ; а синизактовъ не щадить отъ укоризны и камень.

13.

Монахи! ведите монашескую жизнь. Если же живете съ возлюбленными; вы не монахи. Вамъ не свойственно жить четою. Образъ ангельской славы—одинокость. А если утѣшаетесь возлюбленными, то вы—любители смертной четы. Вѣрю, что ты чистый живешь съ чистою. Но если нынѣ и цѣломудрень ты съ женщиною; то страшно объ утрешнемъ днѣ, чтобъ живущимъ для Христа и утѣшающимся возлюбленными не нанесъ какой вѣтеръ великихъ безпокойствъ. Въ возлюбленныхъ есть или огонь, или признаки огня. Бѣгайте наружнаго только цѣломудрія.

НА ЦѢЛОМУДРІЕ

1.

Хорошо обязаться супружествомъ, только цѣломудренно, удѣляя большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше остаться свободнымъ отъ узъ, все отдать Богу и горнимъ. Богъ не сопряженъ, Ангелы безплотны; а вещество сопряженно и исполнено тлѣнія. Вступившій въ супружество печется о супругѣ и о милыхъ дѣтяхъ; а у дѣвственниковъ все попеченіе о Христѣ. Если жена можетъ тебѣ дать то же, что и Богъ; то супружеская жизнь равна безбрачной. А если не можетъ; то и между сими родами жизни нѣтъ равенства. Поэтому не укоряйте меня, родители, предпочитающіе супружество, а не чистоту; не унижаю супружества, но для себя избираю чистоту.

Но иные пали... Прочь отъ меня ты, который берешь въ примѣръ немощныхъ, а не совершенныхъ! Немощные дѣлаютъ стыдъ сами себѣ, а совершенные — наша слава. Неужели, боясь града, не воздѣлывать земли, не насаждать виноградной лозы? Море вводитъ ли въ пристань всякаго, кто отдается ему? Для чего мнѣ брать примѣры издалека? Сонмы Ангеловъ не увлеклись за падшимъ Денницей. Иуда сталъ убійцею Владыки, а прочіе Апостолы — Его слава. Ты не смотришь же на несчастія своего супружества, на обольщенія любодѣевъ, которые и предметъ твоей любви и родъ твой дѣлаютъ для тебя чуждыми.

Иди вверхъ ; а зависть пусть остается внизу. Соблюдай во всемъ чистоту , дѣва , уневѣщенная единому Христу , храни красоту запечатлѣнною. Христость милостивъ , но и ревнивъ , не терпитъ ничего безобразнаго , ничего неблагоприличнаго. Въ одеждѣ лучшее убранство — неукрашенность. Избѣгай изнѣженности , будь скромна въ своихъ движеніяхъ , не привлекай на себя своими взорами моихъ взоровъ ; соблюдай цѣломудріе въ поступи ; проводи время въ уединеніи ; замкни слухъ свой ключемъ ; не позволяй любодѣйствовать смѣху ; весьма много , если дозволишь себѣ и признакъ смѣха. Гнѣвъ , пьянство и бѣсъ—равно опасны дѣвамъ ; а всего хуже пресыщеніе чрева. Красота пусть уступитъ молитвамъ и бдѣніямъ.

И брату не позволяй , безъ крайней нужды , жить вмѣстѣ съ тобою. Для чего имѣть предъ глазами , что воспламеняетъ болѣзнь ? Ничто такъ не гнусно , какъ памятованіе только о перстномъ. Надежны для тебя , юная , только отецъ и Богъ ; а прочіе да бѣгутъ отъ тебя , какъ нѣкогда звѣри отъ Синая , когда на скрижаляхъ начертываемъ былъ Законъ. Принесенное въ даръ Богу и дѣва должны быть неприкосновенны не для однихъ оскверненныхъ , но и для взора всѣхъ.

И тѣлесныя нужды да не поработаютъ тебя совершенно. Если потребуется для тебя что нибудь , Богъ источитъ изъ *чванца* , и *водоносъ* замѣнитъ тебѣ воздѣланную ниву (3 Цар. 17, 12.). Многочисленный народъ насыщается пятью хлѣбами : тѣмъ паче насытись ты , предстоящая Богу.

Посему , имѣя пречистаго Жениха , Котораго кра-

сота безплотна, не сопрягайся съ другимъ. Онъ будетъ тебѣ не мужъ, а прелюбодѣй, восхищающій любимое у живаго Супруга. Ужели, посвятивъ сосудъ Богу, присвоишь его себѣ? Ужели, избѣгнувъ содомскаго огня, опять въ него возвратишься? Не отвердѣвай въ соленый камень. Ты болѣе, нежели вдова. Но и бракъ вдовицы не безвиненъ, если преступаетъ предѣлы чистоты. Чтò маловажнѣе золотаго языка и одной дидрахмы? Но они, будучи похищены, погубили воинство (Ис. Нав. 7 , 21.). Взирай на сіе, дѣва, и повинуйся Богу.

2.

Всякая добродѣтель возводитъ праведника на одну степень выше. Кто не знаетъ брачнаго ложа, тотъ равенъ Ангеламъ. Кто подвизается въ воздержаніи, тотъ старается сравниться съ дѣвами. Кто соблюдаетъ супружескую вѣрность, тотъ сдѣлайся равенъ воздержному. Только подвизайтесь въ цѣломудріи, чтобы достигнуть высшихъ степеней.

НА ЛЮБОМУДРУЮ НИЩЕТУ.

1.

Ты и въ болѣзни весель, роскошествуешь, если только богатъ; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачество отъ болѣзни. А другой бѣденъ, но воздерженъ. И онъ втрое блаженъ, потому что нѣтъ у него ни зла, ни врачевства отъ зла. И я богатаго, но раболѣпствующаго страстямъ,

тогда развѣ предпочту нищему и мудрому, когда человѣка крѣпкаго силами, но помѣшаннаго въ умѣ, согласнусь предпочесть здоровому уму, хотя и худосильному.

2.

Пусть одинъ, имѣя у себя много врачевства противъ страданій, тяжело боленъ; а другой, не имѣя ни одного врачевства, весьма здоровъ: котораго изъ нихъ станешь ты ублажать? Очевидно, здороваго; а знаю, что то же скажетъ и всякій. Такъ и человѣка, который имѣетъ нужду въ немногомъ, хотя онъ и очень бѣденъ, предпочти богатому и деньгами и страстями.

НА ТЕРПѢНІЕ.

1.

Поелику ты нападаешь на меня страждущаго болѣзнію; то выслушай нѣсколько словъ, и прійми отъ меня урокъ. Мнѣ лучше изнемогать, нежели тебѣ быть въ силѣ. Я, который поставленъ очищать злонаправныхъ, знаю, что болѣзнь для меня очистительный огонь, хотя есть и высшая тайна страданій. Лучше такъ думать, нежели, оставаясь оскверненнымъ, въ суетной надменности сдѣлать себѣ какой нибудь вредъ. Но ты весьма худъ, и не сознаешь болѣзни. Чтобъ истребилась въ тебѣ эта болѣзнь, пока ты не умерь, она должна извлечь у тебя много слезъ предъ Богомъ. Ибо если свѣтъ таковъ; то какова будетъ тма?

2.

Когда встрѣчаешь челоѣка, который худъ и благоденствуетъ ; знай, что онъ блюдетъ для конца. А когда видишь добраго въ несчастіи ; разумѣй, что скорбь служитъ очищеніемъ. Если и не много привлекъ онъ на себя нечистоты ; то потребны труды стереть ее такъ, чтобы не осталось ничего годнаго къ соженію. Или несчастія бывають также, по Божію поущенію, искушеніемъ и бранію отъ неприязненнаго. Въ этомъ да увѣрить тебя побѣдоносный Іовъ.

3.

Если, будучи несчастнымъ порожденіемъ грѣха, процвѣтаешь ; то знай, что блюдешься для конечныхъ мученій. А если, будучи добродѣтельнымъ, получишь въ удѣлъ скорбную жизнь ; то знай, что очищаешься, какъ золото въ горнилѣ. Или если, какъ новый Іовъ, изнемогаешь тѣломъ въ борьбѣ съ завистникомъ ; то для того, чтобы послѣ подвига получить тебѣ побѣдный вѣнецъ. Посему, и благоденствуя, не услаждай тѣмъ мысли, и въ горестяхъ, не упадай духомъ, все принимая съ Христоноснымъ сердцемъ.

СЧАСТІЕ И БЛАГОРАЗУМІЕ.

Одинъ златолюбець гдѣ-то сказалъ : « желаю тебѣ лучше каплю счастія, нежели бочку ума ». Но мудрецъ возразилъ ему : для меня лучше капля ума, нежели море счастія.

ПРИСТРАСТІЕ.

Всякое пристрастіе опасно. Пристрастіе къ любимому—двойная опасность. Пристрастіе къ молодой дѣвицѣ—тройное жало. Если же она прекрасна; то это—еще бѣльшее зло. И если представляется возможность супружества; то самая внутренность сердца стала пищею огня.

СМЕРТЬ ЛЮБЕЗНЫХЪ.

Всякій гробъ возбуждаетъ горестъ. Гробъ сына—двойное горе; — сына съ добрыми качествами—такое бѣдствіе, которое палитъ какъ огонь. А если сынъ едва лишь сочетался бракомъ; то сердце родителей рвется на части.

НЕДОБРЫЕ ДРУЗЬЯ.

1.

Тяжело страдать, а еще тяжелѣе страдать отъ друзей. Если же друзья угрызаютъ тайно, то сіе нестерпимо; и если они вѣрующіе, — еще не стерпимѣ; а если Божіи служители, то куда обратиться тогда? какъ избѣжать стремленія золь?

2

Тяжело сносить огорченіе. А если оскорбляетъ другъ, — это низко. Если онъ угрызаетъ тайно,

— это звѣрско. И если это болтливая жена; то живешь въ одномъ домѣ съ бѣсомъ. И если это судія; то нужны громъ и молнія. А ежели священнослужитель; тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди прѣ* (Псал. 42, 1).

О СМЕРЕННОМУДРІИ, ЦѢЛОМУДРІИ И ВОЗДЕРЖАНІИ.

Отъ многихъ слышу, и желалъ бы сказать, что слышу не напрасно; но дѣло должно служить оправданіемъ слову, — слышу, что и тѣ, которые тщательно наблюдаютъ каждый шагъ молодыхъ людей, почитаютъ тебя юношею боголюбивымъ, подающимъ добрые признаки благонравія; потому что, по пословицѣ, левъ видѣнъ и по когтямъ; — слышу, что они отъ удовольствія сообщаютъ это другъ другу за чудо. Хорошо, если Промыслъ, все устрояющій во благое и желающій твоего преусибіянія, такую мою пролагаетъ тебѣ путь къ дѣламъ, чтобы, предупрежденный добрымъ о себѣ мнѣніемъ, въ этой славѣ имѣлъ ты для себя какъ бы нѣкоторый залогъ призванія къ благочестію! Но пусть, кто хочетъ, тотъ и дѣлаетъ о семъ догадки; а я, чтò слышу, съ того и начну рѣчь, именно же, что ты употребляешь стараніе прозрѣть душею въ горнюю высоту, и расторгнувъ мглу, которая покрываетъ нашу здѣшнюю совершенно земную жизнь, устремивъ взоры выше, оставивъ за собою персть, свергнувъ съ себя узы этого сложнаго мучителя, возстающаго на образъ Божій, хочешь посвятить себя Богу.

Сіе одно и надобно почитать предметомъ изученія, первымъ и величайшимъ благомъ для людей. Ибо найдешь ли что подобное въ вещахъ влающихся долу, и въ другихъ игрушкахъ, которыми надмеваются люди, въ этихъ, какъ говорятъ, дарахъ времени и счастья, хотя бы собрались вмѣстѣ все, и всемъ принадлежащія блага, какія дѣйствительно есть, или почитаются благами въ скорбной жизни? найдешь ли столько выгодъ, хотя, по видимому, преступишь предѣлы? Положимъ, что имѣешь ты у себя, чѣмъ обладалъ, осыпанный золотомъ, Гигесь, и, безмолвно властвуя, однимъ обращеніемъ перстня приводишь все въ движеніе. Положимъ, что рѣкою потечеть къ тебѣ золото, что загордишься ты, какъ лидійскій царь, и что самъ персидскій Кирь, величающійся могуществомъ престоловъ, сядетъ ниже тебя. Положимъ, что пресловутыми ополченіями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяють твой ликъ изъ мѣди, что однимъ мановеніемъ будешь приводить въ движеніе народныя собранія, что рѣчи твои удостоятся вѣнцевъ, что покажешь въ судахъ Демосѣеновъ духъ, что Ликургъ и Солонъ уступятъ тебѣ въ законодательствѣ. Пусть въ груди твоей живетъ Омирова Муза; пусть у тебя Платоновъ языкъ, который у людей почитается медоточивымъ, да и дѣйствительно таковъ! Положимъ, что ты опутываешь всехъ сильными возраженіями, какъ неизбежными и хитро закинутыми сѣтями. Положимъ, что ты все поставишь вверхъ дномъ, съ Аристотелемъ или съ какими нибудь новыми Пирронами соплетая понятія въ неисходные лабиринты. Положимъ, что тебя, окриленного, понесутъ вверхъ эти

баснословные (что бы они ни значили) Пегасъ или стрѣла Скиѳа Авариса. Все это, о чемъ я сказалъ, а также блистательное супружество, сибаритскій столъ, и все прочее, чѣмъ превозносится наша мысль, доставить ли тебѣ столько выгоды, сколько полезно поставить все сіе ниже себя, а имѣть въ виду достоинство души, знать: откуда она произошла, къ кому и куда должна возвратиться, и какое стремленіе сообразно въ ней съ разумомъ?

Поелику, какъ гадаю самъ и какъ слышу отъ мудрыхъ, душа есть Божественная нѣкая струя, и приходитъ къ намъ свыше или вся, или властитель и правитель ея—умъ: то у ней одно дѣло единственно естественное ей—парить горѣ, вступать въ общеніе съ Богомъ, непрестанно устремлять взоръ къ еродному, какъ можно менѣе поработаясь немощамъ тѣла; ибо тѣло и само стремится къ землѣ, и душу влечетъ долу, вводитъ въ это пріятное скитаніе по предметамъ видимымъ, въ это омраченіе чувствъ, въ которомъ душа, не управляемая разумомъ, постепенно погружаясь, падаетъ ниже и ниже. Но если владѣетъ ею умъ, и часто, какъ уздою, сдерживаетъ словомъ; то, возвышаемая имъ, можетъ быть, вскорѣ достигнетъ она священнаго горняго града, а наконецъ получить и желаемое ею издавна, то есть, прошедши всѣ завѣсы, всѣ нынѣшнія тѣни, всѣ здѣшнія гаданія, всѣ отраженія красоты въ зеркалахъ, непокровеннымъ умомъ узреть непокровенное благо, каково оно само въ себѣ, и прекратить свое скитаніе, насыщенная свѣтомъ, котораго желала сподобиться, и возобладавъ тамъ высочайшею красотой. Ибо Сотворившій все премудрымъ Словомъ,

чрезъ сраствореніе противоположностей Составив-
шій неизреченную гармонію вселенной, и Привед-
шій міръ сей изъ неустройства въ устройство, еще
большее чудо показалъ въ природѣ живаго существа.

Но я полюбоумдрствую съ тобою, начавъ слово
нѣсколько выше.

Богъ есть или умъ, или другая совершеннѣйшая
сущность, постигаемая напряженіями единого ума.
Богу извѣстно, совершенно ли постижимъ Онъ для
горнихъ умовъ; но не ясно постигается нами, надъ
которыми распростерто облако грубой плоти—этотъ
непріязненный покровъ. Столько знаемъ мы о Богѣ,
но больше узнаемъ въ послѣдствіи.

Поелику же начатки слова воздали мы Богу; то
посмотримъ теперь, каково и то, что отъ Бога.

Двѣ здѣсь крайности, и двѣ противоположныя
природы. Одна близка къ Богу и достоестна: ее
именуютъ словесною и исполненною ума; наимено-
ваніе же это производится отъ Слова; и таковъ,
сколько извѣстно, чинъ существъ предстоящихъ Бо-
гу, верховныхъ и второстепенныхъ Ангеловъ, ко-
торый выше всего чувственного и тѣлеснаго, и пер-
вый озаряется начальственною Троицею. Другая при-
рода весьма далека отъ Бога и Слова; ее называютъ
безсловесною; потому что лишена слова, и скрыва-
ющагося въ звукѣ, и изрекаемаго. Но Богъ-Слово,
какъ совершеннѣйшій Художникъ, разлучивъ сіи
природы, и премудро сопрягая тварь, созидаетъ и
меня—живое существо, сложенное изъ обѣихъ при-
родъ, сочетавъ во едино и слово и безсловесіе, то
есть, невидимую душу, въ которой ношу я образъ
всевышняго Бога, и видимое (*νοητόν*) тѣло. Таково

смѣшеніе этой досточестной твари, которую можно назвать новымъ міромъ, въ мірѣ маломъ — міромъ великимъ! И какъ Самъ Онъ преисполненъ свѣта и добра, то и мнѣ даровалъ нѣсколько добра; восхотѣлъ же, чтобъ оно было моимъ дѣломъ. А для сего показалъ мнѣ тогда же границы той и другой жизни, и опредѣлялъ ихъ словомъ, придалъ въ помощь твари законъ, поставилъ меня самопроизвольнымъ дѣлателемъ добра, чтобы борьбою и подвигомъ пріобрѣлъ я вѣнецъ; потому что для меня это лучше, чѣмъ жить свободнымъ отъ ограниченій.

Таковъ законъ въ устройствѣ моего состава. Но онъ непрестанно возмущается многочисленными переворотами здѣшней жизни, порываемый туда и сюда, окруженный предметами, то зловредными, то благотворными, которыми онъ бѣдный разжигается и искушается, какъ золото на очистительныхъ угляхъ. А плоды посѣянаго нами будутъ собраны въ послѣдствіи, на праведномъ судѣ Божіемъ; тамъ готовы точила — принять въ себя плодоношеніе жизни.

И посему-то, кто соблюдаетъ законъ, чтитъ частицу Божества, какую имѣетъ въ себѣ, во всякомъ дѣлѣ, словѣ и движеніи ума, сколько можно болѣе, чистъ отъ всего попираемаго, и не оскверняется ничѣмъ преходящимъ, а напротивъ того самую персть влечетъ съ собою къ небу; тотъ въ награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станетъ богомъ, и хотя богомъ по усыповленію, однако же исполненнымъ высшаго свѣта, начатки котораго пожиналъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ еще здѣсь.

А кто, преклонившись къ худшему въ своемъ со-

юзѣ и сочетаніи, оказавшись сообщникомъ дошняго, рабомъ плоти и другомъ скоротечнаго, оскорбляетъ жизнью своею Божественное благородство ; для того, сколько бы ни былъ онъ благоуспѣшенъ въ непостоянномъ, гордясь ничтожными сновидѣніями и тѣнями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увы ! — для того тяжки тамошніе бичи , гдѣ первое изъ бѣдствій — быть отринутымъ отъ Бога.

И ты , слыша это и увѣрившись въ сказанномъ, шествуй правымъ путемъ, оставь же путь не добрый , если только слушаешься искренняго совѣтника (а я знаю , что лучше тебѣ послушаться), и пріймешь мое слово. Доброму совѣтнику, какъ говорятъ древніе, должно вооружиться тремя доспѣхами: опытностію, дружбою и смѣлостію ; а у меня, какъ найдешь, нѣтъ недостатка ни въ чемъ этомъ. Опытность простеръ я до такой степени, какая прилична человѣку, который долго трудился, не мало времени бесѣдовалъ съ писаніями мудрыхъ и съ письменами богодухновенныхъ ученій — этимъ сладкимъ источникомъ, доступнымъ только для цѣломудренныхъ , въ которомъ иное исчерпалъ я едва не до глубины. А что касается до сказаннаго мною во-вторыхъ, то есть, до благорасположенія ; въ этомъ есть самое сильное удостовѣреніе ; ибо тебѣ, любезнѣйшій, желаю того же, что прежде присовѣтовалъ себѣ, когда стеклись вмѣстѣ и размышленія и опасности бурнаго моря, соединившаго меня съ Богомъ ; такъ какъ страхъ нерѣдко бываетъ началомъ спасенія. Опытовъ же смѣлости лучше не видѣть тебѣ ни отъ меня, ни отъ людей, для тебя стороннихъ. Да ты и не увидишь ихъ , если послушаешься моихъ словъ ; по-

тому что будешь достоинъ похвалъ, а не укоризнъ. А по всему этому предай себя мнѣ, предай, говорю, а я передамъ тебя Богу, предавшійся Которому самъ будетъ въ приобрѣтеніи; потому что самъ Богъ дѣлается достояніемъ предающагося Ему. Достигнешь же истины, разсуждая такъ.

И у Еллиновъ есть мудрецы, впрочемъ не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой вины всѣхъ благъ; тогда какъ разумныхъ приводятъ къ Богу и природа и порядокъ всего видимаго и умосозерцаемаго? Можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые или вовсе изгнали изъ мысли Божество, или отринули Промыслъ, или положили Ему мѣру, чтобы Богъ, спасая, не утрудился? Одни изъ нихъ, взявъ въ наставники зрѣніе, вручили державу звѣздамъ, которыя намъ сослужебны, и такими вождями всего весьма худо были водимы сами. Другіе, испавъ еще глубже, стали поклоняться гнуснымъ животнымъ. Иные же въ тѣняхъ демоновъ и въ басняхъ нашли защитниковъ своимъ страстямъ, воздвигли памятники, достойные своего безумія, и капища—произведенія вещества и рукъ человѣческихъ. Кто жъ будетъ столько не мудръ, чтобы признать ихъ мудрыми?

Впрочемъ, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ иныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умосозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ-сего произошли Стоики,—

эти надутыя лица, Академіи, хитросплетенія Пирро-нистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но не согласны въ этомъ, всё они равно и единодушно хвалятъ доброе, и ничего не ставятъ выше добродѣтели; хотя пріобрѣтается она множествомъ успій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ. Упомяну для примѣра о нѣкоторыхъ, чтобы ты и отсюда могъ научиться добродѣтели, и съ терній, какъ говорятъ, собирая розы, и у невѣрныхъ учась совершенству.

Кто не слыхалъ о синопскомъ псѣ (а)? Онъ (не говорю о другихъ его дѣлахъ) велъ такую дешевую и умѣренную жизнь (и въ этомъ самъ себя былъ законодателемъ, а не Божій хранилъ законъ, и не какими нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность — палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся среди города бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то, что безъ труда можно было взять и не готова. Подобно и Кратесъ, преодолевъ въ себѣ привязанность къ деньгамъ, и всё свои владѣнія, какъ способствующія пороку и плотоугодію, оставивъ въ заустѣніи, взошелъ на ступени жертвенника, и поелику служеніе любостыжательности признавалъ рабствомъ, какъ бы среди Олимпіи, громогласно произнесъ сіи удивительныя и всѣми повторяемая слова : Кратесъ даетъ свободу

(а) Діогенъ.

Фивянину Кратесу.» О немъ же (впрочемъ нѣкоторые приписываютъ сіе другому философу (б) подобнаго образа мыслей) рассказываютъ, что во время плаванія, когда свирѣпѣла буря, а корабль обремененъ былъ грузомъ, охотно побросалъ онъ въ глубину свое имущество, сказавъ притомъ сіи достопамятныя слова: «Благодарю тебя, случай, наставникъ мой въ совершенствѣ; какъ удобно сокращаюсь я до плаща!» Одинъ уступилъ имѣніе свое роднымъ; а другой, превзойдя и это, какъ нѣчто челоувѣческое, и въ одинъ кусокъ золота обративъ все, что у него было, пускается въ море, и тамъ отдаетъ глубинѣ это обольщеніе тщеславія, разсуждая, что другихъ не должно ссужать тѣмъ, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сіе. Одинъ изъ старинныхъ цесовъ (в), пришедши къ царю, просилъ у него пищи, или дѣйствительно имѣя въ ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или въ знакъ чести, или тоже для испытанія, охотно велѣлъ дать ему талантъ золота, онъ не отрекся взять, но получивъ, тутъ же въ глазахъ давшего, на весь талантъ купилъ одинъ хлѣбъ, и сказалъ: «вотъ въ чемъ имѣлъ я нужду, а не въ гордости, которой не укусишь!» Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ, довольствуясь однодневною и несѣянною пищею, и вмѣстѣ съ лиліями, пышно облеченными красотою, обѣщаютъ мнѣ покровъ изъ безъискусственныхъ тканей, если буду устремлять взоръ къ единому великому Богу.

(б) Антисѣену или Зенону. (в) Циниковъ.

Но если мнѣ должно точнѣ испытать дѣла сихъ мудрецовъ, чтобы рассказы мои не оказались напрасными; то скажу, что сіи читатели нестяжательно-сти и жизни свободной, отрѣшенной отъ всѣхъ узъ, во-первыхъ, невѣрными путями стремились къ совершенству. Въ нихъ больше было хвастовства, нежели любви къ добру; а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашенія? Во-вторыхъ, они отказывались отъ чревоугодія, потому что избѣгали не пресыщенія богатствомъ, а заботъ и трудовъ пріобрѣтать его; между тѣмъ иногда и скудость обращали въ поводъ къ сластолюбію. Это доказываютъ ячменные хлѣбы, брошенные ради пирога съ кунжутами, и стихи изъ трагедіи, особливо одинъ сказанный при семъ весьма кстати: «чужестранецъ, уступи мѣсто господамъ» (г). То же доказываетъ и цикорій—пища бѣдныхъ, обильный даръ земли, скрывающійся изъ среды сладостей. Но у насъ сдѣланное на показъ—даже и не въ числѣ добродѣтелей; у насъ первое правило, чтобы лѣвая рука не знала ясно движеній правой.

Если воздержаніе свидѣтельствуетъ о божественной жизни; прекрасенъ Клеанѳовъ колодезь, прекрасна Сократова скудная жизнь. Но какъ и гнусно многое! Напримѣръ эти Хармиды и покровъ изъ плащей, подъ которымъ сей доблестный мужъ (подлинно это божественно!) бесѣдовалъ съ юношами; потому что одни красивые даровиты! Никто не

(г) Стихъ изъ Еврипида, приписанный Діогеномъ къ ячменнымъ хлѣбамъ и пирогамъ съ кунжутами.

уловляй добродѣтели чрезъ плотскую любовь — да погибнуть такія разсужденія! Не сходятся предѣлы Мидянь и Лидянь. Похвалить ли кто поступокъ Алкмеона? Одинъ изъ первыхъ между знаменитыми Лейнянами, отличный и родомъ и могуществомъ, столько предался онъ жадности къ деньгамъ, сколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крезъ много разъ принималъ его у себя радушно; и однажды показывая ему всѣ свои золотыя сокровища, и какъ владѣтель ихъ, гордясь своимъ счастьемъ, велѣлъ взять себѣ золотой пыли, сколько можетъ захватить. Тогда Алкмеонъ (подивись его неумѣренности!) наполнилъ золотомъ и пазуху и ротъ, даже волосы покрывъ золотою пылью, вышелъ къ Лидянамъ достойнымъ смѣха богачемъ. А что такое Платонъ, этотъ мудрѣйшій изъ людей! Что такое Аристиппъ, разумѣю этого пресладкаго Аристиппа? Что этотъ, какъ думаю, обворожительный Спевзиппъ. Одинъ велъ жизнь неудачнаго торговца, и для прибыли, переносилъ морскіе труды, возя масло. Можетъ быть, за это не назовешь еще его ненасытнымъ, но припишешь иное и бѣдности. Но Платону пресмыкаться у царскихъ столовъ — гдѣ тутъ ученость и честные труды? Не стану говорить о томъ, какъ продавали его съ торга, и не сбыли бы съ рукъ, если бы не нашелся одинъ Ливіянинецъ, который оказался лучше Платоновой Еллады, и за малую цѣну купилъ себѣ славу и ученость Платонову. А у этого Киринейца много было открытости; однако же къ свободѣ примѣшивалъ онъ сластолюбіе, и вредилъ добродѣтели горькимъ своимъ ученіемъ. Умощенный благовоніями, задушалъ ими

своихъ сопиршествениковъ ; а любезностію нрава и говорливостію пользовался онъ какъ средствомъ къ полученію подарковъ. Такъ мудрый Архелай, не знаю для чего и за что, подарилъ ему однажды женскую одежду. Платонъ не принялъ такого подарка, сказавъ на этотъ случай стихъ изъ Еврипида : « мнѣ не надѣтъ на себя женской одежды. » Но Аристиппъ, какъ скоро подарокъ принесенъ былъ къ нему и достался въ его руки, съ охотой беретъ его и сказанный Платономъ стихъ остроумно отражаетъ другимъ стихомъ, произнеся : « цѣломудренная и на бакханаліяхъ не утратитъ своего цѣломудрія. » Этотъ же самый Архелай, какъ рассказываютъ, когда Софоклу хотѣлось получить отъ него какую-то вещь, отдалъ ее мудрѣйшему Еврипиду, и при этомъ сказалъ : « ты мнѣ кажешься достойнымъ того, чтобъ у меня просить ; а Еврипидъ достоинъ получить »,—чѣмъ и далъ разумѣть, сколько превосходитъ нравъ благородный.

Но Лизимаховъ сынъ, который далъ Еллинамъ законы о податяхъ, и притомъ былъ изъ первыхъ, какъ въ народныхъ собраніяхъ, такъ и въ военныхъ дѣлахъ, до того оказался нестяжательнымъ, что городъ, на свои деньги выдавъ за-мужъ его дочерей, почтилъ тѣмъ прекрасную нищету, и самого похоронилъ также на общественныя деньги ; потому что у него не нашлось, чѣмъ похорониться ; не говорю уже о томъ, что по дѣламъ своимъ имѣлъ онъ и имя, одинъ изъ всѣхъ и былъ, и наименованъ правдивымъ. А чтобъ утвердиться не на древнихъ только примѣрахъ, не умолчу и о добродѣтеляхъ Римлянъ. Фабрицій, одержавъ надъ Пирромъ побѣду въ битвѣ

(а это былъ одинъ изъ вождей весьма знаменитыхъ), еще болѣе восторжествовалъ надъ нимъ въ слѣдующемъ. Поелику надежда Пирра рушилась; то онъ пытался подкупить римскаго военачальника нѣсколькими талантами золота. Фабрицій не принялъ золота; однако же заключилъ перемиріе. Когда же Пирръ, какъ сказываютъ, во время дружескаго съ нимъ разговора, показалъ ему во всемъ вооруженіи одного самаго огромнаго и великорослаго слона; Фабрицій, который дотолѣ не зналъ даже слоновъ и по виду, не испугался явившагося нечаянно слоновьяго хобота, но спокойно сказалъ: «меня не плѣнило золото, не возметъ и звѣрь». Сего довольно; и то превзошло бы мѣру, что могъ бы еще сказать иный презритель любостяжанія.

Поэтому не одобряй недобрыхъ правилъ въ старыхъ книгахъ, которыми ты, добрый мой, вскармленъ. Напримѣръ: «Пусть называютъ меня худымъ за то, что получаю прибыль; это лучше, нежели, чтя законы боговъ, жить нищимъ, домогаясь тѣмъ славы». «Не трудись отыскивать родъ: мое благородство — кусокъ». «Деньги у людей всего почтеннѣе. Никто такъ не жалокъ, какъ нищій.» «Безъ мѣди и Фебъ не прорицаетъ». «Ни одинъ человѣкъ не бываетъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливъ; но или хорошаго рода, да ѣсть ему нечего; или и низкаго рода, да воздѣлываетъ богатое поле». Но ты назовешь ли несчастнымъ того, кто, хотя и бѣденъ, однако же добрыми нравами богатѣе многихъ? Подлинно несчастенъ человѣкъ, который разсуждаетъ такъ худо. Поэтому бѣгай этихъ правилъ и

тѣхъ, которые изрекли ихъ ; а равно бѣгай и всего, что найдешь подобнаго въ книгахъ.

Но одобряй слѣдующія мудрыя изреченія : «Если отъ худаго дѣла получаешь прибыль, считай это залогомъ несчастія». « Не во всемъ ищи выгодъ. » « Не стыди самъ себя ». « Неправедными мѣрами добиваться успѣха—дѣло не безъ страха ». « Не говори мнѣ о Плутусѣ ; не уважаю такого бога , котораго и самый порочный легко привлекалъ на свою сторону ». «Этотъ человѣкъ бѣденъ ; но богатъ добрыми нравами». « Для меня лучше мудрецъ—нищій, нежели Мидасъ—порочный ». По моему мнѣнію, Теогнидъ говоритъ совершенный вздоръ, когда стремнины и пропасти предпочитаетъ скудной жизни, и предписываетъ Кирну худыя правила о приобрѣтеніи имущества. Какъ и ты, Омиръ, столько приписываешь непостоянной вещи, что въ одномъ мѣстѣ своихъ стихотвореній говоришь : « добродѣтель идетъ слѣдомъ за богатствомъ ? » Развѣ скажешь : я не то выразилъ, что думаю самъ, но сказалъ сіе въ насмѣшку имѣющимъ такую жалкую мысль. Ибо въ этомъ Одиссеѣ, который, претерпѣвъ многочисленныя бѣдствія, спасся изъ моря, нагимъ скитальцемъ предсталъ царицѣ, и словомъ своимъ внушилъ къ себѣ уваженіе дѣвѣ, самымъ Феакіянамъ показался достойнымъ вниманія, въ этомъ, говорю, Одиссеѣ не видимъ ли явной похвалы добродѣтели ? Хвалю и фригійскую баснь ; какъ она прекрасна ! Мидасу , который просилъ, чтобы все у него было полно золотомъ, Богъ въ наказаніе за неумѣренность, даетъ исполненіе желаемаго. Но золота ѣсть нельзя ; и для кого стало все золотомъ, тотъ умеръ съ голода.

Но что мнѣ до чужихъ басней и нравоченій? Посмотри теперъ и на мои законы. Отъ перваго блага веду я свой родъ. Отъ него произошелъ, и къ нему окрыляю жизнь, стараясь разрѣшиться отъ узъ. А такъ называемое у дольнихъ людей благородство, которое ведетъ начало отъ тѣла и тлѣнія, отъ блистательныхъ и давно согнившихъ мертвецовъ, ничѣмъ не благороднѣе текучей грязи. И отечество тѣлесное не свободно; оно обременено податями, безпорядочно пересѣчено морскими заливами, окружено лѣсами, непрестанно мѣняетъ жалкихъ своихъ обитателей, попеременно бываетъ и матерью и гробомъ своихъ порожденій, сокрушаетъ тѣхъ, которые раздирали его нѣдра, — какое наказаніе, подлинно наказаніе за вкушеніе и обольщеніе прародителя! Но въ томъ отечествѣ, котораго, вмѣсто земнаго, ищутъ себѣ мудрые, на которое взирая, и здѣсь уже не влаемса, подобно былинкѣ носимой по водамъ, — въ этомъ отечествѣ обширны предѣлы, величественны обители; оно составляетъ вѣчное достоиніе своихъ обитателей, оно мать живыхъ, оно свободно отъ трудовъ, — это ликъ немолчно пѣснословящихъ великаго Христа, торжество первородныхъ написанныхъ на небесахъ и въ вѣчныхъ книгахъ. Превозношу также и славу, отложенную мнѣ въ горнихъ, сіи праведные вѣсы, это нелживѣйшее благо! А здѣшняя слава — вѣтеръ, ничтожная милость ничтожныхъ. Если она и справедлива, то ничего не прибавляетъ. А если не истинна, обращается даже во вредъ; ибо то самое, что сталь я видимымъ, многое отняло у того, чѣмъ я самъ въ себѣ. А богатство здѣшнее скоротечно и упойтельно; оно слѣпо,

переходить отъ одного къ другому, многихъ надмеваетъ, и напрасно старается черпать счастье, — это то же, что — надменіе чрева въ водяной болѣзни; оно другимъ сообщаетъ болѣзнетворный ядъ. Но у меня есть богатство, которое неистоичимо и постоянно, твердо и неколебимо, выше всѣхъ утратъ; и это богатство — ничѣмъ не обладать кромѣ Бога и горняго. Никто не приобрѣтетъ и не приобрѣталь еще доселѣ всего, хотя бы и желалъ; но можно все вдругъ презрѣть и такимъ образомъ стать выше всего. Пусть иные строятъ полки вооруженныхъ, и больше терпятъ, нежели причиняютъ, золь, то низлагая другихъ, то оплакивая неизвѣстность рѣшительныхъ минутъ, то сражаясь безъ потерь и успѣха, то кровію покупая какое нибудь бремя богатства или могущество самовластія; пусть иные несчастные искатели прибытка измѣряютъ нѣдра земли и неукротимаго моря, пусть иные за малые дары намѣренно извращаютъ судъ и даютъ обоюдные законы! А я обмѣнилъ все на единого Христа, и бѣдный крестъ несу богато, отринувъ, что служить добычею моли и зависить отъ игры счастья.

Хотя первымъ закономъ Христовымъ для человѣка было первоначальное наслажденіе; однако же Эдемъ, и рай цвѣтущій древами, и источникъ раздѣленный на четыре начала — не золото, не илектръ, не серебро, не пріятность доброцвѣтныхъ и прозрачныхъ камней, какіе даетъ земля преклонившимся долу; напротивъ того Эдемъ одними плодами питалъ обильно того, кто былъ дѣлателемъ Бога и божественнаго наслажденія. И здѣсь положенъ былъ предѣлъ удовольствію, приведенному въ мѣру. Законъ удалялъ

отъ древа познанія противоположностей, и не соблюденный лишилъ меня всего, предалъ бѣдствіямъ матери моей земли. Одно же изъ сихъ бѣдствій—имѣть у себя болѣе необходимаго, не звать никакой мѣры въ приобрѣтеніи, врачевствомъ отъ худаго избирая худшее, и разгорая себя питьемъ, тѣмъ больше чувствовать жажды. А отъ сего, смотри, какая бываетъ несообразность! Всегда считаемъ себя бѣдными, стараясь приобрѣсти, чего еще недостаетъ у насъ; а въ приобрѣтенномъ не можемъ найти для себя утѣшенія, потому что сердце мучится о томъ, чего нѣтъ.

Посему первый законъ—жить умѣренно; но есть и второй. Авраама патріарха, боговидца, великаго мужа, домостроителя высочайшихъ таинствъ, отвлекши отъ дома, отъ рода, отъ отечества, легко перевелъ въ землю чуждую странникомъ, пресельникомъ, бездомнымъ, скитающимся;—его влекла вѣра въ исполненіе большихъ надеждъ. А Іаковъ, когда идетъ въ Месопотамію, просить себѣ, какъ говоритъ Писаніе, только хлѣба и покрова (Быт. 28, 20); хотя въ послѣдствіи возвращается съ многочисленными стадами, приобрѣта ихъ въ справедливую награду за труды. Къ сказанному мною хорошо будетъ присовокупить и сіе. Моисей, который на-единѣ бесѣдовалъ съ Богомъ внутри облака, пріѣлъ на скрижаляхъ двоякій законъ, и по оному правилъ великимъ народомъ, при раздѣлѣ данной уже Богомъ земли, инымъ колѣнамъ отмѣрилъ тотъ или другой участокъ въ землѣ еще чуждой, однимъ только сынамъ Левіи не удѣлилъ жребія; потому что ихъ наслѣдіемъ былъ самъ державный Богъ (Числ. 18, 20).

А Ионадавъ, который умѣлъ, точно умѣлъ любомудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда въ числѣ чудесъ, преподавая однажды дѣтямъ урокъ нестяжательности и высокой жизни, произнесъ слѣдующее слово, приличное самому доброму отцу : « Оставляю вамъ, дѣти, самое великое наслѣдіе, какого не давалъ еще дѣтямъ ни одинъ отецъ, даже и самый богатый. Убѣгайте всякаго наслѣдія, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите въ кущахъ, то есть въ подвижныхъ домахъ. Пусть иный разсѣкаетъ нѣдра земли, а иный, кого веселитъ вино, насаждаетъ виноградъ; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Таковую ведя жизнь, будете жить безопасно» (Іер. 35, 6. 7). Таковъ былъ Ионадавъ ! Гдѣ же дадимъ мѣсто Іліи, котораго великій Кармилъ питалъ чрезъ врановъ и изъ потока въ землѣ жаждущей ? Онъ былъ нищъ и послѣдній изъ нищихъ, но предъ царями останавливаетъ дожди и глубины потоковъ, низводитъ съ неба огонь на враговъ и на жертвы, капли скудной пищи обращаетъ для вдовицъ въ неизсякаемый потокъ, будучи скуденъ богато питаетъ питающихъ, воскрешаетъ мертвецовъ въ награду за гостепріимный кровъ, и возьмется на небо на огненной колесницѣ. А Елисево наслѣдіе — Іліина благодать и съ высоты ниспадшая милоть ! И освященный до чревоношенія — какое чудо ! Безъ сомнѣнія, знаешь великаго Самуила. Его матерняя молитва привела къ Богу, и (если не слишкомъ смѣло будетъ сказать о немъ такъ) онъ обладалъ уже Богомъ, будучи посвященъ Ему съ младенчества. Кто между ветхимъ и новымъ Божиимъ завѣтомъ, какъ между тѣнью и дѣйствитель-

нымъ тѣломъ, составлялъ среду, замыкая собою одинъ и отверзая входъ другому? Кто сей великій свѣтильникъ, предтекшій горнему Свѣту? Кто первый между рожденными, чему свидѣтель — Богъ? Кто жилъ въ пустынѣ, имѣлъ необычайную пищу, и одежду изъ верблюжьихъ волосовъ подпоясывалъ кожанымъ ремнемъ? Мое слово изобразило Іоанна, который не позволялъ имѣть у себя и двухъ рубищъ. А что сказалъ бы иной о Павлѣ, который ремесломъ своимъ доставалъ себѣ пропитаніе, или о Петрѣ, который питался одними лупинами? Что сказать о сихъ великихъ Апостолахъ, которые вовлекли весь міръ въ Божіи мрежи, чьи руки изливали бѣднымъ обильное богатство щедрыхъ даровъ? А другіе Апостолы, когда призваны были Богомъ къ лучшей ловитвѣ, оставили роднымъ своимъ рыболовные корабли; потому что привлекло ихъ совершеннѣйшее ученіе Христа, Который есть высочайшій умъ и первое естество ума, но обнищалъ до грубости плоти, и поставляя нищихъ провозвѣстниками слова, единую вѣру далъ въ сопутники не имѣющимъ у себя ни одежды, ни мѣди, ни сумы, ни обуви, но во всемъ нуждающимся, повѣряя имъ тайну цѣлой новой вселенной, не дозволилъ имѣть даже жезла въ рукахъ, чтобы вѣра составляла могущество слова. Но выслушай важнѣйшее. Юношѣ, который желалъ знать, какъ можно достигнуть совершенства, Христосъ поставляетъ верхъ совершенства не въ иномъ чемъ, но въ томъ, чтобы расточить все бѣднымъ, всегда нести на раменахъ великій крестъ, и умерши для дольнаго, за Христомъ слѣдовать тому, кто хочетъ вознестись съ Богомъ. Такъ

Своимъ пришествіемъ усовершенствуетъ Христосъ и мытарей, которые охотно приносятъ все въ даръ Богу; въ чемъ да убѣдитъ тебя Закхей, который, худо обогатившись, чрезъ милосердіе къ бѣднымъ и обиженнымъ отъ него обогащается нищетою, и очищается отъ скверны. Довольно сего объ имуществахъ.

А примѣровъ воздержанія не много у древнихъ мудрецовъ и еллинскихъ и варварскихъ; ибо и у варваровъ добродѣтель была въ уваженіи. Какіе же примѣры есть у нихъ, и въ какомъ числѣ, нужно ли о семъ писать, когда это все открыто и извѣстно? Выслушай слѣдующія мѣста изъ мудрой трагедіи: «Учись держать чрево въ крѣпкой уздѣ; оно одно не воздастъ благодарности за оказанныя ему благодѣянія». «Въ пресыщеніи Киприда; а въ голодныхъ ея нѣтъ». «Одебелѣвшее чрево не родитъ тонкой мысли». «Наполни мѣшокъ свой сотами, или ячменной мукой; нитѣмъ не будетъ это различіе во внутренностяхъ чрева». «Что за пріятность черпать дыравою бочкой?» «Ненасытное чрево открыло пути для кораблей; оно научило людей съ неистовствомъ вооружаться другъ противъ друга.» А о томъ, что всѣ дорогія снѣди у сластолюбцевъ тонуть, какъ въ безднѣ, и дѣлаются уже не снѣдами, но чѣмъ-то приготовленнымъ въ самомъ негодномъ помойномъ сосудѣ, справедливо говорить въ одномъ мѣстѣ превосходный Керкидъ, который, самъ питающъ солью, съ презрѣніемъ смотритъ на кончину роскошныхъ и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалитъ сказавшаго сластолюбивому юношѣ: «перестань налагать на себя новыя цѣпи, и не раздражай хищнаго звѣря»? Каковъ и этотъ обычай по-

чтенныхъ Стоиковъ, какъ бы къ кому-то постороннему, обращаться къ своему тѣлу съ такими рѣчами: «Чѣмъ я тебѣ долженъ, жалкій мѣшокъ? Дать ли тебѣ ѣсть? много съ тебя, если дамъ и хлѣба въ скудость. Дать ли пить?—дадимъ тебѣ воды и укусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ снѣдей, дорогихъ напитковъ изъ кристалльныхъ сосудовъ? Со всей охотой дадимъ тебѣ, но только удавку»? И это не лучше ли извѣстной у древнихъ изнѣженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатствомъ и разстроивъ себя сластолюбіемъ, для продолжительности наслажденія желалъ себѣ горла длиннѣе журавлинаго?

О божественный Давидъ! когда тебѣ хотѣлось утолить жажду изъ колодезя въ землѣ иноплеменниковъ, и питіе было добыто; поелику нѣкоторые послужили твоему желанію, пожертвовавъ кровію и чрезъ работорство, ты, взявъ воду въ руки, вылилъ ее, и не согласился насытить своего желанія злостраданіями другихъ (2 Цар. 23, 15—17). А если словесная пища есть хлѣбъ ангельскій, потому что не тѣло питаетъ безтѣлесную природу; то сколько у насъ такихъ, которые живутъ ангельскою жизнію, соблюдая въ себѣ (и то не охотно, ради Божія только повелѣнія) едва малая искры жизни земной? Ибо должно оставаться въ узахъ, пока не разрѣшитъ Богъ. Не стану представлять примѣровъ изъ книгъ и притомъ ветхозавѣтныхъ, какъ иные, чрезъ тѣлесныя очищенія обожившись, и какъ бы освободившись отъ тѣлъ, цѣлые, и даже многіе, дни не вкушали пищи, не боялись огненнаго прещенія и львиныхъ челюстей, только бы въ землѣ чуждей не

прикасаться къ пищѣ, оскверненной по повелѣнію варваровъ.

Но послѣ того, какъ врагъ, приразившись ко Христу, отступилъ отъ мужественной плоти, побѣжденный сорокодневнымъ невкушеніемъ пищи; къ большему посрамленію преткнувшася въ семь опытъ, данъ законъ о вождельномъ истощаніи въ подвигахъ. Какое мудрое противоборство! Какія безкровныя и божественныя жертвы! Цѣлый міръ священнодѣйствуетъ Владыкѣ; не тельцовъ и овновъ закаляютъ, какъ предписывалось ветхимъ закономъ, не какое либо внѣшнее совершаютъ приношеніе несовершеннаго (потому что все безсловесное недостаточно), но каждый изнуряетъ самъ себя воздержнымъ вкушеніемъ пищи, наслаждаясь—подлинно новый способъ наслажденія!—наслаждаясь тѣмъ, что не знаетъ наслажденій. Всякій старается очистить самого себя въ храмъ Богу всемогущими бдѣніями, и псалмопѣніями, преселеніями ума къ великому Уму. Въ той только мѣрѣ живутъ въ тѣняхъ и призракахъ, въ какой и въ видимомъ могутъ уловлять сокровенное. Отъ-сего одни, наложивъ желѣзныя узы на грубую плоть, смирили ея продерзость; другіе, заключившись во мракъ, въ тѣсныя жилища, или въ разсѣлины дикихъ утесовъ, остановили вредоносность блуждающихъ чувствъ; иные, чтобы избѣжать звѣрскаго грѣха, отдали себя пустынямъ и дебрямъ, жилищамъ звѣрей, отказавшись отъ общенія съ людьми, и зная тотъ одинъ міръ, который у нихъ предъ глазами. А иной привлекаетъ къ себѣ Божіе милосердіе вретисцемъ, пепломъ, слезами, возлежаніемъ на голой землѣ, стояніемъ въ продолженіе многихъ

дней и ночей, даже цѣлыхъ мѣсяцовъ (а сказалъ бы я), и лѣтъ, но сіе покажется невѣроятнымъ; впрочемъ весьма вѣроятно это для меня и для тѣхъ, которые бывали самовидцами чуда; ибо вѣра и страхъ Божій, заранѣе восхитивъ умъ изъ тѣла, содѣлывали ихъ неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправѣ пищи и питія — о пеплѣ смѣшанномъ со слезами. А иныхъ ревность привела къ путамъ, никѣмъ еще дотолѣ не проложеннымъ: они живутъ вовсе безъ хлѣба и воды, что, кажется мнѣ, препобѣждаетъ и законы естества.

Каково это? Ужели станешь еще дивиться дѣвамъ, дочерямъ Льва, которыя съ радостію отдали себя на погибель за Аѳины? Или усердному пожертвованію Менекея, умирающаго для спасенія города Фивъ? Или славному скачку съ высоты мудреца Клеомврата для разлученія съ тѣломъ; ибо, убѣдившись ученіемъ Платона о душѣ, воспламенился онъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла? Или укажешь на Эпиктетову голень, которую скорѣе могли у него переломить, нежели исторгнуть насиліемъ рабское слово? Ибо этотъ мужъ имѣлъ, точно имѣлъ, какъ говорятъ, рабское тѣло, но свободный нравъ. Или представишь, какъ у Анаксарха толкли руки въ ступѣ, а онъ, будто не находясь при этомъ, приказывалъ сильнѣе выколачивать его мѣшокъ; потому что самъ онъ, то есть невидимый Анаксархъ, былъ не сокрушимъ? Или упомянешь о Сократовой чашѣ съ цикутой — этомъ необыкновенномъ напиткѣ, выпитомъ съ такою пріятностію? Ты хвалишь все сіе; хвалю также и я. Но въ какой мѣрѣ? Въ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ были они мужественны; ибо не вижу, какимъ

бы образомъ спаслись отъ нихъ, хотя бы и захотѣли.

Перейди же отсюда къ божественной борьбѣ моихъ подвижниковъ; и ты, услышавъ или припомиравъ о нихъ, прійдешь въ ужасъ. Съ какими безчисленными опасностями возростили досточтимое и новое таинство Христова мы, удостоившіеся именоваться отъ Христова имени! Зависть многократно воспламеняла противъ насъ многихъ враговъ и гонителей слова—этихъ дышащихъ яростію, свирѣпыхъ звѣрей. Но мы никогда не уступали господствующей силѣ времени. Напротивъ того, если и оказывалось сколько нибудь безопасности во время мира, если и оказывался кто худымъ въ чемъ другомъ, то въ этомъ всѣ были укрѣплены Богомъ, горя пламенною ревностію, выдерживали дерзость враговъ, побѣждаемые со славою. Никто не ищетъ спасенія съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ шли мы на сіи прекрасныя опасности. Иной, какъ забаву, встрѣчалъ огонь, мечъ, земныя пропасти, голодъ, удавленіе, кровожадныхъ звѣрей, растягиваніе и вывертываніе составовъ, избоденіе очей, жженіе, расторженіе, терзаніе членовъ, холодъ, погруженіе въ глубину или во мракъ, сверженіе съ высоты, продолжительное зрѣніе разнообразныхъ мученій; а послѣднее (говорю это знающимъ) хуже всѣхъ злостраданій; потому что, когда страданіе доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страхъ; непрестанно же ожидать — значитъ непрестанно страдать, и вмѣсто одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить объ изгнаніяхъ, объ отнятіи имуществъ, о томъ, что надобно терпѣть сіе въ глазахъ мужей, женъ,

товарищей, дѣтсй, друзей, что самаго мужественнаго дѣлаеть малодушнымъ. И за что терпѣть? Можетъ быть, за одинъ слогъ. Что говорю: за слогъ? За одно мановеніе, которое, послуживъ знакомъ отреченія, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога; а предавшій Бога не можетъ уже найдти другаго. Но къ чему распространяться? Возведи очи свои окрестъ, обозри цѣлую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее насъ къ Богу, и соединившееся съ нами чрезъ страданія,—соединеніе дивное и превышенное въ Божіихъ законахъ! Сію-то вселенную, всю почти, осіявають, какъ звѣзды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, ученіями, собраніями, стеченіями цѣлыхъ семействъ, пѣснопѣніями достойными подвиговъ, осіявають сіи достославные побѣдоносцы Закланнаго. И такъ велико благоговѣніе къ истинѣ, что малая часть праха, какой либо останокъ давнихъ костей, небольшая часть волосъ, отрывки одежды, одинъ признакъ каплей крови, иногда достаточны къ чествованію цѣлаго мученика; даже мѣсту мощей дается наименованіе: *святыя мощи*, и оно получаетъ равную силу, какъ бы находился въ немъ цѣлый мученикъ. Чудное дѣло! Думаю, что одно воспоминаніе спасаетъ. Что еще сказать о невѣроятномъ избавленіи отъ болѣзней и отъ демоновъ при гробницахъ, которыя удостоились вѣкогда вмѣщать въ себѣ драгоцѣнныя мощи? И онѣ отражаютъ нападенія духовъ. Таковы чудеса моихъ подвижниковъ!

Хвали же ты мѣстѣ Пису и делфійскій прахъ, Немено и истмійскую сосну, у которыхъ несчастные юноши

находили свою славу, полагая малыя награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бѣга и скачки, въ чемъ не важно и побѣдить и остаться побѣжденнымъ ; потому что наградою не Богъ, и не спасеніе, какъ по моимъ законамъ и за мои борьбы пріобрѣтаются горняя слава и горніе вѣнцы.

Ты видѣлъ примѣры мужества, которымъ всего лучше и спасительнѣе подражать въ ежедневной борьбѣ съ гонителемъ, который изъ глубины и тайно низлагаетъ насъ посредствомъ обольщенныхъ чувствъ ; теперь посмотри и на примѣры особенно похваляемаго у насъ цѣломудрія.

Есть, дѣйствительно есть и у Еллиновъ любители цѣломудрія ; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ ; не отказываюсь вѣрить тому, что разглашаютъ о нихъ ; у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. О Ксенократѣ сказываютъ, что однажды, искушая его, подсунули ночью къ сонному блудницу ; почувствовавъ это, не былъ онъ пораженъ необычайностію оскорбленія, но также не всталъ и не подумалъ бѣжать ; то и другое было низко для Ксенократа. Напротивъ того онъ остался недвижимъ и неуязвимъ, такъ что женщина, бросившись бѣжать, закричала : « для чего насмѣялись надо мной, положивъ рядомъ съ мертвецомъ ? »—Епикуръ, хотя усиливался доказать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели, и что наслажденіе есть конецъ всѣхъ благъ для человѣка, однако же, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалить удовольствіе, велъ онъ себя благопристойно и цѣломудренно, чтобы подкрѣпить

ученіе свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полемонѣ; такъ какъ очень много говорятъ объ этомъ чудѣ. Прежде былъ онъ не изъ цѣломудренныхъ, а даже изъ гнусныхъ служителей сластолюбія; но когда объять сталъ любовію къ добродѣтели, нашедъ добраго совѣтника (не знаю, кто это былъ, мудрецъ ли какой, или самъ онъ), вдругъ оказался великимъ побѣдителемъ страстей: И я представляю одно только доказательство чудной его жизни. Одинъ невоздержный юноша приглашалъ къ себѣ свою пріятельницу. Она, какъ разсказываютъ, подошла уже къ дверямъ; но на дверяхъ изображенъ былъ Полемонъ; и его образъ имѣлъ такой почтенный видъ, что развратница, увидѣвъ его, тотчасъ ушла назадъ, пораженная симъ видѣніемъ, и устыдившись написаннаго, какъ будто живаго. И это происшествіе, сколько знаю, пересказываютъ многіе. У Діона (разумѣю того Діона, который былъ въ большой славѣ) не очень пріятно, говорятъ, пахло изо рта, и одинъ изъ городскихъ жителей посмѣялся этому. Діонъ, какъ скоро свидѣлся съ женой своей, говоритъ ей: «что же не сказала ты мнѣ о болѣзни моей?» Но жена съ клятвою отвѣчала: «я думала, что это недостатокъ всякаго мужчины, а не твой только.» Такъ далеко держала она себя отъ всѣхъ мужчинъ и пріятельницъ; потому что отвѣтъ сей—ясное доказательство честныхъ нравовъ. Кто не хвалитъ и Александра за то, что, имѣя у себя во власти дочерей побѣжденнаго имъ Дарія и слыша, что онѣ прекрасны (д),

---

(д) Въ изданіи Биллія недостаетъ слѣдующаго стиха: *εὲς ὄψιν ὀκτ' ἔδεξάτο, εἴην γὰρ κακόν.*

не захотѣлъ ихъ видѣть изъ опасенія, потому что стыдно было бы побѣдителю мужей уступить надъ собою побѣду дѣвамъ. Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однако же хвалю. А почему? Потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лице между Еёіонами, или сладкую струю среди моря; а равно весьма удивительно при худыхъ и зловредныхъ правилахъ найдти нѣчто цѣломудренное.

Гдѣ самыя божества преданы страстямъ, тамъ покорствовать страсти, безъ сомнѣнія, почитается дѣломъ честнымъ. Ибо кто поставляетъ своимъ богомъ страсть, пользуясь худымъ помощникомъ въ худомъ дѣлѣ? У кого, скажи мнѣ, видимъ примѣры неестественной любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имѣли какое нибудь преимущество. У кого фригійскіе юноши и участвуютъ въ пиршествѣ, и въ развратномъ видѣ подають сладкій нектаръ? Но стыжусь обнаруживать Діевы тайны. Чьи любодѣянія, чьи нарушенія супружеской вѣрности составляютъ для созванныхъ срамное зрѣлище, возбуждающее смѣхъ? Какъ женщины дѣлають изъ Діа все, и быка, и молнію, и лебедя, и человѣка, и звѣря, и золото, и змія? — Таковы любовныя превращенія Діа—этого начинщика и совѣтника всѣхъ худыхъ дѣлъ! Кто царицу сластолюбія почитаетъ богиней? Кто воздвигаетъ жертвенники и храмы страстямъ? У кого ночи, подлинно достойныя ночи, набожно чествуются символами безчестныхъ дѣлъ? У кого Иеифалы и Фалы со смѣхомъ присовокупають къ кумирамъ новаго бога, о которомъ стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны — это срамное поколѣніе, эти боги съ козлиными ногами, а по пра-

вамъ козлы? У нихъ и дѣвы на свадьбахъ пляшутъ; имъ надобно, чтобы къ браку присоединилось нѣчто противное браку. У нихъ пригожія выдають за мужъ непригожихъ, принося въ приданое за ними пріобрѣтенное блудно; и сіи неблагопристойности совершаются въ честь одного изъ демоновъ, чтобы чело­вѣколюбивое дѣло не оставалось вовсе безстыднымъ дѣломъ. Отъ того позорныя дѣла пользуются свободой; блудилища, цѣна блуда, поруганіе чести у нихъ законны. А мудрецы ихъ изображаютъ Афродиту въ видѣ своихъ любовницъ, чтобы такую выдумкою доставить послѣднимъ божескія почести. И Фидій на перстѣ богини дѣвы, въ память своего безстыдства, нишетъ: у прекраснаго всего достаточно (е). Отъ сего наравнѣ съ мужественными и воинскими подвигами удостоивается у нихъ блистательныхъ живописныхъ изображеній, рукоплексаній и описаній и эта студодѣйная красота. Смотри, сколько блудницъ почтены у нихъ храмами и признаны богинями. Евфоро, Фрина, Леэна — въ образѣ звѣря; потому что и ея имя было чтимо среди храмовъ. А эту пресловутую повелительницу Еллады, родившуюся въ Иккарахъ, срамную развратницу Лаису, и многихъ другихъ не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, какъ умѣющій узнавать доброту серебра, замѣтуй у нихъ, что хорошо, и отбрасывай, что не сдѣластъ тебя лучшимъ: но слѣдуй всемъ нашимъ наставленіямъ, слѣдуй примѣ-

---

(е) *Πάντα ἀρκεί κελῶ*, что можно читать какъ и имя: прекрасному Пандарку.

рамъ мужей и женъ цѣломудренныхъ, у которыхъ учитель — упованіе и Богъ, которые своєю жизнію пишутъ лучшіе законы, нежели какіе пишетъ рука. Когда другіе именуютъ прелюбодѣніе порокомъ и наказываютъ по законамъ; мы требуемъ еще большаго, запрещающа и смотрѣть безстыдно и похотливо, почитая за одно и содѣянный грѣхъ и причину грѣха, какъ напримѣръ: и убійство и гнѣвъ, отъ котораго бываетъ убійство, клятвопреступленіе и готовность къ клятвѣ. Не дозволяя всего того, безъ чего не можетъ быть грѣхъ, мы избѣгаемъ и самаго худшаго.

Такъ у меня безопасно цѣломудріе. Отъ-того у меня многочисленъ ликъ дѣвъ, подражающихъ жизни безплотныхъ Ангеловъ и самому Богу, Который одинъ сожительствуетъ съ ними. Къ чему же это ведетъ? Къ тому, что всякій стремится къ будущей жизни, желаетъ преселиться отсюда, освободившись отъ узъ и законовъ супружескихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ ко мнѣ Христосъ — Сынъ Матери-Дѣвы, творить Онъ меня дѣвственникомъ по новымъ законамъ. Поелику вступилъ я въ жизнь, и связанный скоротечностію и тлѣніемъ принужденъ знать скоротечное и подлежащее тлѣнію, чтобы изъ видимаго и блуждающаго научиться лучшему; то съ радостію возвожу образъ къ Богу посредствомъ свободной и несвязанной жизни, не оставивъ здѣсь и слѣда своей кожи, но презрѣвъ ее, какъ иные презираютъ какой нибудь другой надутый мѣхъ, всецѣло стремлюсь къ всецѣлому Богу, имѣя искренними спутниками многихъ другихъ, которые, взирая на единую чаемую жизнь, принесли въ даръ

подателю всяческихъ Богу не власы и не имѣніе, но первое изъ всего принадлежащаго намъ—чистоту и безплотность. Это сонмы новыхъ назореевъ, исполненные и сіяющіе тѣми внутренними лѣпотами, какія чтуть дѣвственники до крови. Что могъ бы я сказать тебѣ о какой нибудь Феклѣ, или о всѣхъ тѣхъ, которыя, чтобы соблюсти красоту свою запечатлѣнною для Бога, смѣло шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень извѣстно? Видишь неусыпныя псаломѣнія Богу мужей и женъ, забывшихъ свою природу, столь многочисленныхъ, столь высокихъ по жизни и обожившихся? Видишь два лика Ангеловъ, то согласно, то противогласно, и горѣ и долу, пѣснословящіе Божіе величіе и естество? Такъ долженъ ты чтить чистоту, имѣя столько побужденій и образцевъ; взирая на нихъ, очисти себя самого, чтобы принять тебѣ отъ Бога законы.

Хотя все изображенное въ словѣ требуетъ твоего благоразумія (ибо безъ благоразумія возможно ли что похвальное?); однако же первое и важнѣйшее для тебя—познать Бога и искренно чтить Его словомъ и дѣломъ; потому что для всѣхъ одинъ и тотъ же источникъ, одно спасеніе. Богъ умозерцаемъ для иныхъ, хотя нѣсколько; однако же никто не изречетъ, и ни отъ кого нельзя услышать, что Онъ такое, хотя иной и слишкомъ былъ увѣренъ, что знаетъ сіе. Ибо къ каждой мысли о Богѣ всегда, какъ мгла, примѣшивается нѣчто мое и видимое. Какимъ же образомъ проникну эту мглу и вступлю въ общеніе съ Богомъ, чтобы, не трудясь уже болѣе, обладать и быть увѣрену, что обладаю

тѣмъ, что давно желалъ приобрести? Самое пагубное дѣло—не чтить Бога и не знать, что Онъ — первая вина всяческихъ, отъ которой все произошло и пребываетъ соблюдаемое по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающимъ, что такое Богъ, есть поврежденіе ума; это то же, что, увидѣвъ въ водѣ солнечную тѣнь, думать, будто бы видишь самое солнце, или поразившись красотою предверія, воображать, будто бы видѣлъ самого владыку внутреннихъ чертоговъ. Хотя одинъ и премудрѣе нѣсколько другаго, но колику привлекъ къ себѣ болѣе лучей свѣта, потому что больше всматривался; однако же всѣ мы ниже Божія величія; потому что Бога покрываетъ свѣтъ, и закровъ Его — тма. Кто разсѣчетъ мракъ, тотъ осіявается второю преградю вышшаго свѣта. Но проникнуть двойной покровъ весьма не легко. Того, Кто все наполняетъ и Самъ выше всего, Кто умудряетъ умъ и избѣгаетъ порывовъ ума, увлекаая меня на новую высоту тѣмъ самымъ, что непрестанно отъ меня ускользаетъ, — сего Бога особенно содержи въ умѣ и чествуй, доказывая любовь свою ревностію къ заповѣдямъ. Но не вездѣ и не всегда должно изыскивать, что Онъ такое, и не передъ всякимъ удобно изречь о семъ слово. Иное скажи о Богѣ, впрочемъ со страхомъ; а иное пусть остается внутри, и безмолвно чтимое чествуется втайнѣ однимъ умомъ; для инаго же отвержай только слухъ, если преподается слово; ибо лучше подвергать опасности слухъ, нежели языкъ. О прочемъ же будемъ молить, чтобы узнать сіе ясно, отрѣшившись отъ дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будемъ очищать себя и обновляться

свѣтлою жизнію. Такъ приимешь въ себя умозерцаемаго Бога; ибо несомнѣнно то, что Богъ Самъ приходитъ къ чистому; потому что обителію чистаго бываетъ только чистый. Умозаключенія же мало ведутъ къ вѣдѣнію Бога; ибо всякому понятію есть другое противоположное; а мое ученіе не терпитъ на все удобопреклонной вѣры. Весьма важно держаться сказаннаго: кто возлюбилъ, тотъ будетъ возлюбленъ; а кто возлюбленъ, въ томъ обитаетъ Богъ (Іоан. 14, 21. 23). А въ комъ Богъ, тому не возможно не сподобиться свѣта; первое же преимущество свѣта—познавать самъ свѣтъ. Такъ любовь доставляетъ вѣдѣніе. Такой путь къ истинѣ лучше уважаемаго многими путями ума и его тонкостей.

А что можетъ быть изречено, откроемъ сіе. Безначальный, Начало, Духъ—досточтимая Троица. Безвиновный, Рожденный, Исходящій, и первый—Отецъ, второй—Сынъ и Слово, третій не Сынъ, но Духъ единыя сущности—единный въ трехъ Богъ и общее поклоненіе. Ими разрѣшаюсь отъ смертнаго состава. И ты будь поклонникомъ Ихъ, соблюдай Ихъ въ себѣ, отринувъ всякую нечистоту жизни дольней, честною жизнію, истиннымъ ученіемъ и независію къ вымысламъ; и вниайся въ горняя. И я желалъ бы, чтобы ты сталъ богатѣе меня и сподобился бѣльшаго дерзновенія.

НА ГНѢВЛИВОСТЬ.

Сержусь на домашняго бѣса, на гнѣвливость, и миѣ кажется, что этотъ одинъ гнѣвъ справедливъ, если уже надобно потерпѣть что нибудь изъ обыкновеннаго людямъ. И какъ, принося плодъ достойный слова—молчаніе (а), положилъ уже я словомъ преграды клятвѣ, и совершенно знаю, что изъ многихъ корней, отъ которыхъ прозябаетъ это зло — клятва, самый дикій и черный есть гнѣвъ; то, при помощи Божіей, постараюсь истребить и его, подрѣзавъ, сколько можно, остріемъ слова. Но прежде всего прошу не гнѣваться на слово; ибо эта болѣзнь столько неудержима, что часто одна тѣнь ожесточаетъ насъ противъ самыхъ искреннихъ нашихъ совѣтниковъ. А миѣ, вѣроятно, когда берусь говорить о такомъ сильномъ злѣ, надобно будетъ употребить не мягкія слова. Когда огонь клокочетъ, клубася яримъ пламенемъ, перекидывается съ мѣста на мѣсто, послѣ многократныхъ прираженій зажигаетъ, течетъ вверхъ съ живымъ стремленіемъ, и что ни встрѣчаетъ на пути, все съ жадностію себѣ присвоетъ; тогда надобно угашать его силою, бросая въ него воду и пыль. Или когда нужно истребить звѣря — страшилище темныхъ лѣсовъ, который реветъ, мечетъ огонь изъ глазъ, обливается пѣной, любитъ битвы, убійства, пораженія; тогда окружаютъ его

(а) Изъ сего и подобнаго сему выраженія, встрѣчающагося въ концѣ сего стихотворенія, заключить должно, что стихотвореніе сіе, равно какъ и другое: *На часто кланущихся*, писаны, когда св. Григорій хранилъ безмолвіе во время поста.

псарями, поражаютъ копьями и изъ пращей. Такъ, можетъ быть, и я, при помощи Божіей, одолѣю этотъ недугъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю его менѣе жестокимъ. А для меня не маловажно и это, то есть, и малое ослабленіе великаго зла; какъ не маловажно это и для всякаго обремененнаго тяжелою болѣзнію.

Вникнемъ же въ недугъ сей нѣсколько глубже: чтò онъ такое? отъ-чего бываетъ? и какъ отъ него оберегаться? Заглянемъ въ разсужденія древнихъ мужей, которые углублялись въ природу вещей.

Иные называютъ изступленіе воскипѣніемъ крови около сердца. Это тѣ, которые болѣзнь сію приписываютъ тѣлу, какъ отъ тѣла же производятъ другіе и большую часть страстей. А иные называли гнѣвливость желаніемъ мщенія, приписывая порокъ сей душѣ, а не тѣлу; и желаніе это, если устремляется наружу, есть *гнѣвъ*, а если остается внутри и строить зло, есть *злопамятство*. Признававшіе же болѣзнь сію чѣмъ-то сложнымъ, и потому славявшіе и самое понятіе оной, говорили, что она есть воскипѣніе крови, но имѣетъ причину въ пожеланіи. Теперь не мѣсто входить въ разсужденіе, справедливо ли сіе; впрочемъ очень извѣстно, что умъ—во всемъ властелинъ. Его и Господь далъ намъ поборникомъ противъ страстей. Какъ домъ укрываетъ отъ града, какъ въ стѣнахъ находятъ убѣжище спасающіеся съ битвы, и кустарникъ служитъ опорю на крутизнахъ и надъ пропастями, такъ разсудокъ спасаетъ насъ во время раздраженія.

Какъ скоро покажется только дымъ того, чтò разжигаетъ твои мысли; то, прежде нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь въ

себѣ движеніе духа, привергнись немедленно къ Богу, и помысливъ, что Онъ — твой покровитель и свидѣтель твоихъ движеній, стыдомъ и страхомъ сдерживай стремительность недуга, пока болѣзнь внимаетъ еще увѣщаніямъ. Воззови тотчасъ словами учениковъ: «Наставникъ, меня окружаетъ страшное волненіе; отряси сонъ» (Лук. 8, 24)! И ты отразишь отъ себя раздражительность, пока владѣешь еще разсудкомъ и мыслями (ибо ихъ прежде всего подавить въ тебѣ эта болѣзнь); пока она, какъ не терпящій узды конь, не перегрызла удила, и не помчалась быстро, оставляя за собою дорогу, холмы и овраги, и гнѣвливію омрачивъ путеводныя очи. Разуму легче управить тѣмъ, кто не выступилъ изъ подчиненія, нежели удержать насиліемъ того, кто восхитилъ уже надъ нимъ власть. Такой, разгораясь самъ себя, не остановится, пока не низринетъ всадника съ высоты разсудка.

Послѣ сего размотри, въ какой стыдъ приводитъ гнѣвъ жестоко имъ поражаемаго. Болѣзни другаго рода тайны; таковы: любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Нѣкоторые изъ этихъ недуговъ или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болѣзнь остается скрытою внутри. Иногда сама скорѣе изноетъ въ глубинѣ сердца, нежели сдѣлается замѣтною для постороннихъ. А и то уже выгода, если бѣда сокрыта въ тайнѣ. Но гнѣвливість—явное и совершенно обнаженное зло, это вывѣска, которая, противъ воли тѣла сама себя показываетъ. Если видалъ ты уловленныхъ этою страстію; то вполне знаешь, что говорю, и что хочеть изобразить мое слово. Передъ разсерженными надлежало бы ставить

зеркало, чтобы, смотря въ него и смиряясь мыслию предъ безмолвнымъ обвинителемъ ихъ страсти, сколько нибудь сокращали чрезъ это свою наглость. Или пусть будетъ для тебя этимъ зеркаломъ самъ оскорбитель твой. Въ немъ, если достанетъ охоты посмотрѣть, увидишь ты самъ себя; ибо у страждущихъ одною болѣзнію и припадки одинаковы. Глаза налиты кровью и искошены, волосы оцетинились, борода мокра, щеки у одного блѣдны, какъ у мертваго, у другаго багровы, а у инаго какъ свинцовыя (и это, думаю, отъ того, что такъ бываетъ угодно расписать человѣка этому неистовому и злому живописцу), шея напружена, жилы напряжены, рѣчь перерывистая и вмѣстѣ скорая, дыханіе, какъ у бѣснующагося, скрежетъ зубовъ отвратителенъ, носъ расширенъ и выражаетъ совершенное презорство, всплескиванія рукъ, топотъ ногъ, наклоненія головы, быстрые повороты тѣла, смѣхъ, потъ, утомленіе (и кто жъ утомляетъ? никто кромѣ бѣса), киванья вверхъ и внизъ не сопровождаются словомъ, скулы раздуты и издають какой-то звукъ, какъ гумно; рука, стуча пальцами, грозить. И это только начало тревоги. Какое же слово изобразить, что бываетъ послѣ того? Оскорбленія, толчки, неблагоприличія, лживыя клятвы, щедрія изліянія языка клочущаго, подобно морю, когда оно покрываетъ пѣною утесы. Одно называетъ худымъ, другаго желаетъ, инымъ обременяется, и все это тотчасъ забывается. Негодуетъ на присутствующихъ, если они спокойны; требуетъ, чтобы все съ нимъ было въ волненіи. Просить себѣ громовъ, бросаетъ молніи, недоволенъ самымъ небомъ за то, что оно непо-

движно. Одно злое дѣло приводитъ уже въ исполненіе, другимъ насыщаетъ свои мысли; потому что представляетъ все то сдѣланнымъ, чего хочется. Мысленно убиваетъ, преслѣдуетъ, предаетъ сожженію, но чтѣ изъ этого сдѣлаетъ? Такъ слѣпа и суетна его горячность! У него—безгласенъ, безсиленъ, погонщикъ воловъ, кто у насъ недавно былъ витіей, Милономъ, царемъ. Самъ ты безроденъ и нищій, а того, кто благороденъ и богатъ, называешь не имѣющимъ рода и бѣднякомъ. Самъ ты—поруганіе человѣчества, а тому, кто цвѣтъ красоты, приписываешь рабскій видъ. Самъ о себѣ не можешь сказать: кто ты, и откуда, а человѣка прославленнаго именуешь безславнымъ.

Не знаю, плакать или смѣяться надъ тѣмъ, чтѣ дѣлается. Гнѣвъ все, даже и небывалое, обращаетъ себѣ въ оружіе. Это—обезьяна, и дѣлается Тифеемъ, вертитъ рукою, ломаетъ пальцы, ищетъ холма или вершины Этны, чтобъ силою руки своей издали вергнуть въ непріятеля вмѣстѣ и стрѣлу и гробъ. Какой огонь, или какой градъ остановитъ продерзость? Если пращи словъ истожились; то приводятся въ дѣйствіе руки, начинаются рукопашный бой, драки, насиліе. Тотъ одерживаетъ верхъ надъ противникомъ, кто наиболѣе несчастенъ и препобѣжденъ; потому что одержать верхъ въ худомъ называю поражениемъ. Не бѣсъ ли это? Даже и больше бѣса, если исключить одно паденіе; но случалось видѣть и паденія возмущенныхъ гнѣвомъ, когда они увлекаются порывомъ духа. Не явное ли это отчужденіе отъ Бога? Да и чтѣ же иное? Потому что Богъ кротокъ и снисходителенъ; не хорошо преда-

вать поруганію Божій образъ, а на мѣсто его ставить неизвѣстный кумиръ!

Не такъ страшно для насъ разстройство ума; не такъ страшны тѣлесныя болѣзни. Эти недуги, хотя жестоки, и мучать меня, пока продолжаются, потому что всякая настоящая болѣзнь страждущему кажется тягостнѣе всѣхъ другихъ болѣзней, но дѣлаютъ насъ несчастными не по собственному нашему изволенію; они болѣе достойны сожалѣнія, нежели проклятія. Изъ золъ явное зло менѣе опасно; вреднѣе же то, котораго не признаютъ зломъ. Пьянство есть зло. И кто будетъ спорить, чтобы оно не было зломъ? Даже зло произвольное. Предающіеся пьянству знаютъ, чему оно бываетъ причиною; и однако же предаются ему, очевидно, сами дѣлаясь виновниками зла. Но тамъ самое тяжкое послѣдствіе зла, что сдѣлаешься смѣшнымъ; и одинъ сонъ вскорѣ прекратитъ сіе зло. Но скажи: какое другое зло хуже преступившей мѣру гнѣвливости? И есть ли отъ этого какое врачество?

Въ иныхъ болѣзняхъ прекрасное врачество—мысль о Богѣ. А гнѣвливость, какъ скоро однажды преступила мѣру, прежде всего заграждаетъ двери Богу. Самое воспоминаніе о Богѣ увеличиваетъ зло; потому что разгнѣванный готовъ оскорбить и Бога. Видалъ я иногда, и камни, и прахъ, и укоризненное слово (какое ужасное умоизступленіе!), были бросаемы и въ Того, Котораго нигдѣ, никто и никакъ не можетъ уловить; законы отлагались въ сторону; другъ не узнавъ; и врагъ, и отецъ, и жена, и сродники—все уравнено однимъ стремленіемъ и одного потока. А если кто станетъ напротивъ; то

на себя привлечетъ гнѣвъ, какъ звѣря, выманиваемаго шумомъ. И защитникъ другихъ самъ имѣетъ уже нужду въ защитникахъ.

Такими разсужденіями всего болѣе преодолювай свой гнѣвъ; и если ты благоразуменъ, то не потребуется для тебя большаго. А если для умягченія твоего сердца нужна продолжительнѣйшая пѣсь; то посмотри на жизнь тѣхъ, которые, и въ древнія и въ послѣднія времена, своими добрыми правами пріобрѣли дерзновеніе предъ Богомъ. Въ чемъ первоначально, или преимущественно упражнялись наиболѣе угодившіе Богу? Этотъ Моисей и Ааронъ, возлюбленнѣйшіе Богомъ, Давидъ, Самуилъ, а гораздо послѣ нихъ и Петръ? Моисей съ Аарономъ, хотя Египеть, поражаемый многими казнями, не вразумлялся, щадилъ однако же Фараонову дерзость, пока оскорбители, не умѣвшие уважить долготерпѣнія, въ наученіе всѣмъ уважать его, не были погружены въ водахъ; потому что справедливѣе было презрѣть дерзкаго, а не кроткаго. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Сауль разодралъ у него ризу; однако же, умоляемый о прощеніи, немедленно простилъ оную вину (1 Цар. 15, 27—31). Чтò же можетъ быть снисходительнѣе этого? Припомни о Давидѣ и о тѣхъ брацаніяхъ, которыми избавлялъ онъ Саула отъ лукаваго духа. Когда же нашель царя неблагодарнымъ, спасаясь бѣгствомъ и скитаясь для сохраненія жизни; пощадилъ онъ Саула, который преданъ былъ въ его руки, хотя (какъ знаете вы это) едва спасся самъ. А знакомъ того, что Сауль былъ въ его власти, служили отрѣзанная часть ризы (1 Цар.

24, 5) и похищенный сосудъ отъ шлема (6) (1 Цар. 26, 12). Чтò сказать о томъ, какъ Давидъ терпѣлъ отцеубійцу-сына, незаконно домогавшагося власти? Онъ оплакиваетъ его умершаго и вызываетъ къ нему со слезами и воплемъ, возвѣстившаго же о несчастіи гонить, принявъ какъ врага, а не добраго вѣстника; потому что природа вопіяла громче обвиненій, и бралась защитить виновнаго, такъ что Давидъ, опротивѣвъ чрезъ это войску, едва не лишился державы (2 Цар. 19, 7). И чтò еще? Не терпѣлъ ли онъ и оскорбителя Семея, который желалъ ему зла вмѣсто славнаго возвращенія (2 Цар. 16, 5—13)? Но дивлюсь и мудрому Петру, когда великодушно и весьма мужественно перенесъ прекрасное дерзновеніе Павлово, въ такомъ городѣ и при такомъ множествѣ читателей и учениковъ Слова обличаемый въ томъ, что не открыто раздѣлялъ трапезу съ язычниками (Гал. 2, 11—13), хотя Петръ думалъ доставить тѣмъ пользу ученію; потому что единственнымъ его побужденіемъ были страхъ Божій и просвѣщеніе словомъ проповѣди. Не умолчу и о прекрасной добродѣтели Стефана, въ которомъ вижу начатокъ мучениковъ и жертвъ. Онъ былъ замѣтанъ камнями; но и во время побіенія (не чудно ли это?) слышанъ былъ гласъ его, изрекавшій прощеніе убійцамъ, и какъ о благодѣтеляхъ возносившій о нихъ молитву къ Богу (Дѣян. 7, 60). Не явное ли это уподобленіе Богу? Не впечатлѣніе ли

---

(6) У Семидесяти читается: *φαιός τε ἰδατός* (сосудъ водный); у св. Григорія: *φαιός τε ἰκράτους*.

въ себѣ страданій и ученій Того, Кто, будучи Богъ и Владыка молній, какъ агнецъ безгласный веденъ былъ на заколѣніе, потерпѣлъ столько заплеваній и заушеній, когда милосердіе Его испыталъ Малхъ даже на своемъ язвленномъ ухѣ, — и не возопіялъ, чтобы показать и привести въ исполненіе Свою власть, не воспрекословилъ ни въ чемъ, не сокрушилъ сокрушеннаго грѣхомъ; но хотя грозить угасить легкій пламень мысли, однако же щадить какъ милосердый, чтобы кротостію покорить Себѣ средное? Столько имѣешь высокихъ примѣровъ въ твоёмъ Владыкѣ! Сравни же съ Его страданіями, что терпишь ты. Хотя бы ты все перенесъ; и тогда не достанетъ еще многого, если будешь судить о страданіяхъ, принявъ во вниманіе достоинство страдающаго.

Для насъ достаточно и сихъ благородныхъ уроковъ, то есть, законовъ, начертанныхъ на скрижаляхъ, и нравовъ, предписанныхъ на горѣ. Должно ли же къ этому присовокуплять что нибудь нечистое? Ни мало не будетъ худо и съ худаго собрать что нибудь хорошее и любезное. Иныхъ и много опередить не очень похвально; за то какъ худо, если они опередаютъ тебя многимъ! Поэтому упомяну и объ язычникахъ, впрочемъ кратко.

Стагирскій философъ хотѣлъ ударить одного человека, котораго онъ засталъ въ постыдномъ и худомъ дѣлѣ: но какъ скоро почувствовалъ, что въ него самого вступилъ гнѣвъ; борясь со страстію какъ со врагомъ, остановился, и помолчавъ не долго, сказалъ (подлинно мудрое слово!): « Необыкновенное твое счастье, что защищаетъ тебя мой гнѣвъ.

А если бы не онъ; ты пошелъ бы отъ меня битымъ. Теперь же стыдно было бы мнѣ худому ударить худаго и, когда самъ я побѣжденъ страстію, взять верхъ надъ рабомъ». Такъ разсудилъ онъ. Объ Александрѣ же разсказываютъ, что, при осадѣ одного еллинскаго города, когда неоднократно разсуждалъ онъ, что дѣлать съ этимъ городомъ, Парменіонъ однажды сказалъ ему: «если бы я былъ Александромъ, то не пощадилъ бы сего города». Но Александръ отвѣчалъ: «И я не пощадилъ бы, если бъ я былъ Парменіономъ. Тебѣ прилична жестокость; а мнѣ кротость». И городъ избѣгъ опасности. Но не достойно ли похвалы и это? Одинъ человекъ, не изъ числа почтенныхъ гражданъ, злословилъ великаго Перикла, и до самаго вечера преслѣдовалъ его многими и злыми укоризнами. Но Периклъ молчалъ, принимая это оскорбленіе, какъ почесть; когда же ругатель усталъ и пошелъ домой, велѣлъ проводить его съ свѣтильникомъ, и тѣмъ угасилъ его гнѣвъ. А другой, когда оскорбителю, ко множеству оскорбленій присоединилъ такую угрозу: «чтобъ самому мнѣ несчастно погибнуть, если тебя негоднаго при первомъ удобномъ случаѣ не предамъ злой смерти!»—заставилъ его переимѣнить свое расположеніе такими подлинно человеколюбивыми словами: «чтобъ и мнѣ погибнуть, если не сдѣлаю тебя своимъ другомъ!»

Но чтобы не одно древнее возшло въ наше слово, и не осталось безъ вниманія то, чему сами мы свидѣтели, справедливо будетъ упомянуть о Констанціи, который, какъ сказываютъ, произнесъ однажды достопамятное слово. Какое же это? Одинъ

сановникъ хотѣлъ раздражить его противъ насъ (в), потому что не терпѣлъ многихъ преимуществъ, какія были даны намъ. Ибо Констанцій, сколько извѣстно, былъ благочестивѣйшій государь. Сановникъ, между прочимъ сказалъ и такое слово: «какое животное такъ кротко, какъ пчела? но и она не щадитъ тѣхъ, которые собираютъ ея соты». Царь выслушалъ это и отвѣчалъ: «Ужели же не знаешь, превосходный мой, что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалитъ, но въ то же время и сама погибаетъ».

Столько имѣешь у себя врачебныхъ средствъ отъ сего недуга, но всѣхъ важнѣе, какъ сказано, заповѣдь, которая не позволяетъ тебѣ отвѣчать обидой даже и тому, кто ударилъ тебя. Ибо ветхозавѣтнымъ предписано: *не убій*; но тебѣ повелѣно даже и *не гнѣваться*, а не только не бить и не отваживаться на убійство. Кто запрещаетъ первое, тотъ не дозволяетъ и послѣдняго. Кто истребилъ сѣмя, тотъ воспрепятствовалъ прозябнуть ему въ колосье. И не смотрѣть съ худымъ пожеланіемъ — значить отсѣчь любодѣяніе. Не клясться — вотъ предохранительное средство отъ ложной клятвы. Такъ и не гнѣваться — значить поставить себя въ безопасность отъ покушенія на убійство. Ибо разсуди такъ: гнѣливость доводитъ до слова, слово — до удара, отъ удара биваются раны, а за ранами, какъ знаемъ, слѣдуетъ и убійство; и такимъ образомъ гнѣвливость дѣлается матерью жестокаго убійства.

(в) Противъ православныхъ.

Кто получилъ когда нибудь награду за то, что онъ не убилъ? Но не гнѣваться—есть одно изъ похваляемыхъ дѣлъ. Воздаяніемъ за первое служить то, что избѣгаешь опасности; а вознагражденіемъ за послѣднее обѣщанъ тебѣ участокъ земли драгоценной. Послушай, чего желаетъ кроткимъ Христосъ, когда перечисляетъ блаженства и опредѣляетъ мѣру будущихъ надеждъ (Матѳ. 5, 5). На сей конецъ дасть Онъ тебѣ и сообразные съ симъ законы. Тебя ударили въ ланиту? Для чего же допускаешь, чтобъ другая твоя ланита оставалась безъ пріобрѣтенія? Если первая потерпѣла сіе не произвольно: не велика ея заслуга, и тебѣ, если хочешь, остается сдѣлать нѣчто большее, а именно, произвольно подставить другую ланиту, чтобы сдѣлаться достойнымъ награды. Съ тебя сняли хитонъ? отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимутъ даже и третью: ты не останешься безъ пріобрѣтенія, если предоставишь дѣло сіе Богу. Насъ злословятъ? будемъ благословлять злыхъ. Мы оплеваны? поспѣшимъ пріобрѣсти почеть у Бога. Мы гонимы? но никто не разлучитъ насъ съ Богомъ; Онъ—единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинаетъ тебя кто нибудь? молись за кленущаго. Грозитъ сдѣлать тебѣ зло? и ты угрожай, что будешь терпѣть. Приступаетъ къ исполненію угрозъ? твой долгъ—дѣлать добро. Такимъ образомъ пріобрѣтешь двѣ важныя выгоды: самъ будешь совершеннымъ хранителемъ закона; да и оскорбителя твоего кротость твоя обратитъ къ кротости же, и изъ врага сдѣлаетъ ученикомъ, преодолевъ тѣмъ самымъ, что онъ взялъ надъ тобою верхъ.

Итакъ видишь ли? Всего болѣе желай, чтобы тебѣ вовсе не гнѣваться, потому что это всего безопаснѣе. А если не такъ; старайся, чтобы изступленіе твое прекращалось прежде вечера, и не давай во гнѣвъ твоимъ заходить солнцу (Ефес. 4, 26), какъ тому, которое отъ твоихъ очамъ посылаетъ лучи свои, такъ и тому, которое сіяетъ внутри мудрыхъ; а послѣднее солнце заходитъ для тѣхъ, у кого умъ уязвленъ, озаряетъ же совершенныхъ и добрыхъ, и видящимъ даетъ большую силу озарять.

Скажешь: что жъ? не сама ли природа дала намъ гнѣвъ?—Но она дала также и силу владѣть гнѣвомъ. Кто далъ намъ слово, зрѣніе, руки и ноги способныя ходить? Все это даровали Богъ и природа, но даровали на добро; и не похваляю тебя, который употребляешь ихъ во зло. То же надобно сказать и о другихъ душевныхъ движеніяхъ. Это Божіи дары—подъ руководствомъ и управленіемъ разума. Раздражительность, когда не преступаетъ мѣры, служить оружіемъ соревнованію. Безъ сильнаго желанія неудобопостижимъ Богъ. Но знаю и наставника въ добрѣ; это — разсудокъ. Если же все это обращено будетъ на худшее: то раздражительность произведетъ оскорбленія и злодѣянія, пожеланіе распалитъ насъ къ гнусному сластолюбію, а разсудокъ не только не подавитъ сего, но еще поможетъ своими ухищреніями. Такъ добрыя дарованія отдаются во власть нашему растлителю! Но не хорошо—Божій даръ мѣшать со зломъ.

Если въ Писаніи слышишь, что Богъ гнѣвается, и уподобляется или рыси, или медвѣдицѣ, которая отъ любви приходитъ въ ярость, или воспламенен-

ному отъ вина и упоенія, или мечу сверкающему на злыхъ: то не принимай сего за совѣтъ предаваться страсти. Иначе будетъ значить, что ты избрѣтаешь для себя зло, а не освобожденія отъ него ищешь. Слушай Писаніе съ добрымъ, а не съ худымъ намѣреніемъ. Богъ не терпитъ ничего подобнаго тому, что терплю я. Никто не говори этого! Онъ никогда не выходитъ Самъ изъ Себя; это свойственно существамъ сложнымъ и тѣмъ, которые большею частію въ борьбѣ сами съ собою. Но Богъ, какъ очевидно, есть естество неизмѣняемое. Почему же Онъ такимъ изображается? По законамъ иносказанія. Для чего? Чтобы утрашить умы людей простыхъ,—какую цѣль имѣеть и многое изъ выраженного словомъ. Разумѣй, что рѣчь здѣсь не прямая, и тогда найдешь смыслъ. Поелику сами мы бѣемъ, когда приходимъ въ гнѣвъ; то пораженіе злыхъ представили въ видѣ гнѣва. Такимъ же образомъ избрѣли мы зрѣніе, слухъ, руки; и поелику имѣемъ въ нихъ нужду для приведенія чего либо въ исполненіе, то приписываемъ ихъ и Богу, когда Онъ совершаетъ, по нашему представленію, то же. Притомъ слышишь, что отъ гнѣва Божія терпятъ злые, а не добрые, и терпятъ по законамъ правосудія. Но твой гнѣвъ не полагаетъ себѣ мѣры и всѣхъ дѣласть равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебѣ отъ Бога и свойственна самому Богу. Или, если думаешь о себѣ, что и ты подражатель Богу, то подражай; но прежде пусть вѣтры развѣютъ болѣзнь твою.

А если ты читалъ что нибудь о гнѣвѣ мужей благочестивыхъ; то найдешь, что гнѣвъ ихъ всегда былъ

справедливъ. И я думаю даже, что это былъ не гнѣвъ, а наказаніе, справедливо положенное на злыхъ. И это наказаніе не было для нихъ зломъ; напротивъ того, удары были весьма полезны для требовавшихъ многого очищенія въ жизни, потому что иглистая вѣтвь сама призываетъ на себя остріе желѣза,—полезны, говорю, были какъ до Закона, такъ и при Законѣ, пока онъ не приобрѣлъ надлежащей силы, какъ несовершенно еще укоренившійся въ людяхъ.

Такъ угасишь ты въ себѣ эту болѣзнь, утоляя ее предложенными тебѣ разсужденіями, подобно тому, какъ лны заговариваютъ аспидовъ. Но вотъ вторая забота: какъ удерживаться, чтобы не воспламенился въ тебѣ гнѣвъ отъ чужаго гнѣва, какъ огонь отъ огня? Ибо равно худо, какъ самому первоначально предаваться злу, такъ и прійти въ одинакое расположеніе съ предавшимся худому стремленію.

Во-первыхъ, прибѣгни немедленно къ Богу, и проси, чтобы Онъ нещадно сокрушилъ разящій тебя градъ, но вмѣстѣ пощадилъ насъ, которые не обижали другихъ.

А въ то же время положи на себя знаменіе креста, котораго все ужасается и трепещетъ, и огражденіемъ котораго пользуюсь я во всякомъ случаѣ и противъ всякаго. Потомъ изготвься къ борьбѣ съ тѣмъ, кто подалъ причину къ сему гнѣву, а не кто предался ему, чтобы тебѣ, хорошо вооружившись, удобнѣе было побѣдить страсть. Ибо неготовый не выдерживаетъ нападенія. А кто хорошо приготовился, тотъ найдетъ и силы побѣдить. И что значитъ побѣдить? Равнодушно перенести надъ собою побѣду.

Въ-третьихъ, зная, изъ чего ты произошелъ и во что обратишься, не думай о себѣ очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себѣ мнѣніе. Ибо смиренный равнодушно переноситъ надъ собою побѣду, а слишкомъ надменный ничему не уступаетъ. Но тѣ, которые, чтобы сколько нибудь остановить свое превозношеніе, сами себя называютъ землею и пепломъ, какъ отъ нихъ же мнѣ извѣстно, суть Божиіи други. А ты, какъ будто совершенный, отказываешься терпѣть оскорбленія. Смотри, чтобы не понести тебѣ наказанія за самомнѣніе. Гдѣ же тебѣ согласиться потерпѣть что нибудь неприятное на самомъ дѣлѣ, когда не можешь снести благодушно и слова?

Въ-четвертыхъ, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и мы всѣ не безгрѣшные судіи о добрыхъ и худыхъ дѣлахъ, но большею частію и всего чаще носимся туда и сюда, и непрестанно блуждаемъ. Чтò гнусно для насъ, то не гнусно еще для Слова; а чтò не таково для меня, то, можетъ быть, такимъ окажется для Слова. Одно безъ всякаго сомнѣнія гнусно; это — злонравіе. А здѣшняя слава, земное богатство и благородство—однѣ дѣтскія игрушки. Поэтому, о чемъ сокрушаюсь, тѣмъ, можетъ быть, надлежало бы мнѣ увеселяться; а при чемъ поднимаю вверхъ брови, отъ того—болѣе смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваюсь неблагоразумно.

Въ-пятыхъ, будемъ имѣть больше разсудительности. Если нѣтъ ни малой правды въ томъ, чтò говорить воспламененный и ослѣпленный гнѣвомъ; то слова его ни мало насъ не касаются. А если онъ

говорить правду; то значить, что самъ я нанесъ себѣ какую нибудь обиду. За что же жалуясь на того, кто объявилъ остававшееся доселѣ скрытымъ? Гнѣвъ не умѣетъ сохранять вѣрности. Ибо, если прибѣгаетъ онъ часто и къ неправдѣ; то удержать ли въ себѣ тайну?

Послѣ сего уцѣломудришь себя въ гнѣвѣ, разсуждая такъ: Если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ее. А если зло, что и дѣйствительно, въ чемъ и самъ ты сознаешься: то не стыдно ли терпѣть въ себѣ то, что осуждаешь въ другихъ, когда терпишь отъ нихъ самъ, и не вразумляться примѣромъ своего врага? Притомъ, если и прежде не пользовался добрымъ о себѣ отзывомъ тотъ человѣкъ, который горячится и дышитъ дерзостію: то и теперъ порицаніе падетъ, очевидно, на него, а не на тебя. А если онъ человѣкъ превосходный: то не почтутъ тебя здравомыслящимъ; потому что мнѣніе большинства всегда склоняется въ пользу лучшаго. Но ты дѣлалъ ему добро? Тѣмъ паче его осудятъ. Но онъ обидѣлъ тебя? Ты не дѣлай ему зла. Но его надобно остановить? Что жъ, если въ большее прійдетъ еще неистовство? Онъ первый началъ? Пусть вразумленный и словомъ и благонаравіемъ твоимъ, какъ можно скорѣе, сокрушитъ свою ярость, какъ волна вскорѣ разсыпающаяся на сушѣ, или какъ буря не встрѣчающая никакого сопротивленія. Это обидно!—Точно, обидно, если и ты падешь съ нимъ вмѣстѣ. Ужели и на укоризны больныхъ станемъ отвѣчать укоризнами? Не равнодушно ли переносишь ты изступленіе бѣснующихся, разумію такихъ, которые невольно изрыгаютъ зло-

словіе? Почему же не перенести сего отъ безумнаго и пришедшаго въ сильную ярость? Конечно, должно перенести, если самъ ты въ здоровомъ умѣ. Чтò сказать о пьяныхъ, у которыхъ разсудокъ потемнень виномъ? Чтò, если мимо тебя пробѣжитъ бѣшеная собака? Чтò, если верблюдъ, по естественной своей наглости, закричитъ во все горло, и протянетъ къ тебѣ шею? Пойдешь ли съ ними въ драку; или, по благоразумію, побѣжишь прочь? Чтò, если непотребная женщина будетъ стыдить тебя своими срамными дѣлами? А у непотребныхъ женщинъ это обыкновенное дѣло; имъ всего кажется стыднѣе знать стыдъ; и онѣ знаютъ одно искусство—вовсе ничего не стыдиться. О Синопійцѣ разсказываютъ, что, приходя къ живущимъ въ непотребныхъ домахъ, старался ихъ раздражать. Съ какимъ же намѣреніемъ? Съ тѣмъ, чтобы ихъ оскорбленіями пріучить себя безъ труда переносить оскорбленія. И ты, если размыслишь объ этомъ, — станешь презирать оскорбленія.

Скажу тебѣ одинъ искусственный способъ. Хотя онъ и не достоинъ вниманія тѣхъ, которые предпочитаютъ кротость: однако же скажу; потому что можетъ погашать непріятность. Смотрѣлъ ты иногда на кулачныхъ бойцовъ? Прежде всего оспариваютъ они другъ у друга выгодное мѣсто, того и помогаютъ, чтобы одному стать выше другаго; потому что это не мало содѣйствуетъ къ одержанію побѣды. Такъ и ты старайся занять выгоднѣйшее положеніе; а это значить, пришедшаго въ ярость старайся низложить шутками. Смѣхъ—самое сильное оружіе къ препобѣжденію гнѣва. Какъ въ кулачныхъ

бояхъ, кто въ сильной стремительности и ярости по-пустому сылетъ удары, тотъ скорѣе утомляется, нежели принимающій на себя эти удары, истощаніе же силъ — неискусный въ бою приѣмъ; такъ и тому, кто оскорбляетъ челоуѣка, который не сердится на его нападеніе, но смѣется надъ нимъ, всего болѣе бываетъ это огорчительно; напротивъ того, если встрѣчаетъ онъ себѣ сопротивленіе, это приноситъ ему нѣкоторое удовольствіе; потому что доставляется новая пища гнѣву, а гнѣвъ ему весьма пріятенъ и ненасытимъ.

Заключеніемъ моихъ тебѣ совѣтовъ пусть будетъ слѣдующее. Какое существо по преимуществу кротко? — Богъ. А у кого природа самая раздражительная? — У челоуѣкоубійцы, который (да будетъ тебѣ извѣстно!), сверхъ другихъ наименованій, выражающихъ его лукавство, называется и гнѣвомъ. Какую же часть намѣренъ ты избрать? А избрать ту и другую не возможно. Разсуди и то, кто будетъ осмѣянъ, и кто похваленъ. Ибо и это не маловажно для разсудительнаго. Чтѣ еще сказать? Заклинаю тебя, гнѣвъ — другъ пороковъ, непріязненный мой защитникъ и покровитель, надмевающій меня и предающій во врата адавы, покоришься нынѣ Богу и слову. Покоришься, гнѣвливость, — это воскипѣніе, эта полнота челоуѣкоубійцы, это очевидное безобразіе лица, это обуреваніе мыслей, это упоеніе, эти бодцы, понуждающіе низринуться въ тартаръ, этотъ легіонъ бѣсовъ, это многосложное зло, расторгающее узы и путы на ногахъ, покоришься; ибо Христось, Котораго не вмѣщаетъ вселенная, и Который Своимъ кормиломъ непогрѣшительно движеть цѣлюю

вселенную, удѣляя жизнь и человѣкамъ и Ангеламъ, а призывающимъ Его усердно даруетъ разрѣшеніе и отъ лукавыхъ духовъ и отъ страстей, Христось хочетъ, чтобы ты немедленно бѣжала отсюда и, войдя въ свиней, скрылась въ бѣзду! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся въ глубину. Но не касайся насъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе самъ Богъ!

Вотъ слово моего безмолвія! А вы, разрѣшившіе слово, если изречете что нибудь достойное вѣщанія, вѣщайте и мнѣ. А если слово ваше достойно молчанія; то не произносите и для меня. Тогда и слухъ свяжу для слова, какъ связалъ слово.

НА ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ЧАСТО КЛЯНУТСЯ.

РАЗГОВОРЪ.

Что хуже клятвы? Я разсуждаю, что ничего нѣтъ хуже.

Скажи же, чѣмъ это доказываешь?

Самыми очевидными и ясными доводами.

Открой, какими?

Слѣдующими; отвѣчай мнѣ, и увидимъ.

Говори, любезнѣйшій, что только можешь сказать.

Знаешь ли, что выше всего тебѣ извѣстнаго?

О какомъ родѣ вещей спрашиваешь?

О всемъ, что ни есть видимаго и мысленнаго.

Я ничего не представляю себѣ выше Бога.

Ты отвѣчаешь правильно, но я спросилъ неправильно.

Какъ же надлежало?

Богъ не есть что либо высшее, потому что Онъ несравнимъ. Не ясно ли это?

По мнѣ, весьма ясно.

Посему надлежало, можетъ быть, спросить такъ: что самое высочайшее?

Думаю, что такъ.

Но и это не сравнительно ли будетъ сказано?

Не полагаю.

Какъ же скажешь? Высочайшимъ бываетъ что ни-будь не иначе, какъ въ отношеніи къ сродному съ нимъ. А съ Богомъ что сродно?

Ничто.

Посему о Богѣ надлежитъ выразиться иначе.

Какъ ты скажешь, такъ и я готовъ принять.

Что же? Не должно ли сказать, что Богъ несравнимъ ни съ чѣмъ изъ всего извѣстнаго?

Кажется, что такъ.

А не досточтимъ ли, и не единственно ли досточтимъ Онъ для всякаго естества?

Единственно досточтимъ; это хорошо сказано.

А будучи досточтимымъ, можетъ ли быть вмѣстѣ и оскорбляемъ?

Какъ соединить несоединимое?

Разсмотримъ же: къ чести ли Божіей служить клятва?

Но по крайней мѣрѣ не къ оскорбленію.

Такъ; если бы не было опасности отъ ложной клятвы. Тогда клятва была бы дѣломъ богочестія. Но теперь смотри, въ чемъ дѣло, и къ чему оно клонится?

Почти понимаю; однако жъ прошу объяснить рѣчь очевиднымъ подобіемъ.

Какимъ бы это ? Видалъ ты большой камень, падающій съ горы ?

Очень часто.

И онъ катился внизъ съ великимъ шумомъ ?

Даже наводилъ большой страхъ.

А видалъ также, что его удобно останавливали ?

Развѣ кто другой видалъ, а я нѣтъ ; потому что камень самъ себя понуждаетъ къ паденію , и сильнѣ всякой руки.

Правда твоя. То же бываетъ и со мною ; стремительность увлекаетъ меня въ насильственный поступокъ. Но въ началѣ и мнѣ, такъ же какъ и камню, очень не трудно было бы удержаться въ покоѣ ?

Очень не трудно, и почему бы не удержаться ?

Этому камню подобенъ и всякій порокъ, особенно же, какъ думаю, худыи навькъ клясться.

А почему же такъ ?

Слушай: этотъ порокъ имѣетъ не малую привлекательность. А если человѣкъ получаетъ къ нему пристрастіе; что тогда бываетъ ? Онъ уже не удерживается, пока не низринется въ стремнистую бездну.

Что разумѣешь подъ стремниною ?

Самая большая изъ стремнинъ есть ложная клятва.

Приятно было бы слышать, почему это.

А многіе и не знаютъ, сколько это худо.

Сколько же именно ?

Не часто ли случается, что иньй клянется своимъ спасеніемъ ?

Очень не рѣдко.

Что же это ? Боятся, чтобы, поступивъ худо, не потерпѣть за сіе зла, и самъ полагаетъ на среду

предъ Богомъ собственное свое спасеніе, рѣшаясь погнубнуть, если какимъ ни есть образомъ солжетъ своему слову.

Такъ мнѣ кажется.

Такое же сдѣлай разсужденіе, если когда клянешься и Богомъ.

Какое же? Желательно видѣть.

Ты полагаешь на среду Бога своей вѣры.

Да, не иначе.

И для клянущагося въ правду Богъ соблюдетъ; а если клянемся ложно, то въ отношеніи къ намъ Онъ утраченъ.

Справедливо говоришь.

Но скажи, что значить, по твоему мнѣнію, не соблюсти для себя Бога?

Думаю, что это значить отречься отъ Бога.

Итакъ ложная клятва, какъ давно уже это доказано, есть отреченіе отъ Бога.

Какъ же избѣжать клятвы?

Приобрѣтемъ такіе нравы, которые бы внушали довѣріе.

Великое дѣло сказалъ ты.

Благонравнымъ менѣе нужды въ клятвѣ; что говорю: менѣе? Имъ вовсе не нужна клятва. За нихъ порукою добрые нравы.

Дѣйствительно такъ.

Скажи же, что приобрѣтаютъ тѣ, которые много клянутся?

Осмѣяніе.

А къ этому что еще присовокупить? Развѣ то, что имъ не вѣрятъ, когда говорятъ и правду.

Согласенъ на это.

Итакъ послушайся меня, и, воспользовавшись врачевствами разсудка, особенно положи въ себя преграды этому недугу. Многіе же изъ извѣстныхъ мнѣ одерживали верхъ надъ недугами и этого сильнѣйшими.

Какіе разумѣешь сильнѣйшіе недуги ?

Гнѣвъ, зависть, невоздержность и тому подобное.

Почему же они сильнѣе ?

Потому что пожеланіе больше. А къ чему пожеланіе стремительно, къ тому и привязанность сильнѣе.

Совершенно основательно. Но если болѣзнь въ тебѣ неудержима, что тогда дѣлать ?

По крайней мѣрѣ остерегайся непрестанно, при всякомъ случаѣ, умножать тяжкія клятвы.

Когда же, какія и при какихъ случаяхъ дозволишь ты клятвы ? Напримѣръ: дозволишь ли, когда настоятъ нужда ?

Пусть такъ.

Но присовокупн: какая именно нужда. Не та ли, чтобы иныхъ избавить отъ опасности ?

Тогда по крайней мѣрѣ полезна клятва.

Или и себя избавить отъ обвиненій въ гнусномъ преступленіи.

Да! Но клятва никогда не должна служить мнѣ къ пріобрѣтенію имущества; потому что сіе представляется крайне гнуснымъ и весьма легко можетъ вовлечь въ ложную клятву. Да и что, кромѣ корысти, чаще приводитъ къ ложнымъ клятвамъ? Какъ скоро касается дѣло до денегъ, весьма многіе оказываются злонравными.

Кто не согласится съ этимъ? И Софисты утверждали то же.

Важно ли же это для насъ?

Ни мало. Но если станемъ подражать, и окажемся худшими; то сіе будетъ намъ стыдно.

И очень. Какихъ же клятвъ особенно избѣгать должно?

Само собою видно.

Однако же безопаснѣе услышать отъ тебя.

Я утверждаю, что должно избѣгать клятвъ наиболѣе ужасныхъ.

Развѣ боишься выговорить?

Короче сказать, тѣхъ, въ которыхъ упоминается Божіе имя.

А въ которыхъ упоминается Писаніе, Христовы страданія, и приношенія Богу?

И это равно таинственно.

А у насъ всего болѣе въ употребленіи симъ клясться.

О томъ и проливаю слезы. Ибо что утверждено обычаемъ, то обращается въ законъ. Однако же, чего не можетъ преодолѣть разумъ?

Какую же дозволишь клятву?

Желалъ бы никакой не позволять; а въ противномъ случаѣ пусть будетъ какая нибудь другая клятва.

Уже ли не должно клясться женою, дѣтьми, спасеніемъ, жизнію и будущимъ безпечальнымъ вѣкомъ?

Это суть проклятія; хотя почитаются также и клятвою.

Пусть почитаются; только бы мы, поражаемые сею клятвою, не погибали. Въ такомъ случаѣ пѣтъ она-

ности для души, которую погубить есть уже вечная смерть.

Справедливо говоришь. Но у тебя, какъ скоро закипѣло сердце, при всякомъ случаѣ готовы на языкѣ: Богъ, святая трапеза, что для тебя всего любезнѣе, крестъ, жена, Божія кровь, своя собственная кровь, земля и море, словомъ, что ни представить тебѣ прежде всего твоя негодная опрометчивость, при содѣйствіи твоего губителя, который производитъ даже и то, что самая болѣзнь кажется тебѣ пріятною; и ты (странное неразуміе!) остаешься увѣреннымъ, что съ твоего гнилаго языка льется золото.

Точно такъ бываетъ, какъ говоришь ты.

Одна волна воздвигаетъ другую, когда въ тебѣ дышать, можетъ быть, гнѣвъ, а можетъ быть, и страсть къ деньгамъ. Ибо много сѣтей; и человекъ не почитаетъ страшнымъ дѣломъ расточаемыхъ имъ клятвъ.

Да, не почитаетъ страшнымъ.

Но его бѣднаго душить клятва, если задерживаетъ ее въ себѣ.

Ты какъ живописецъ изображаешь эту страсть.

Онъ думаетъ увѣрить тѣмъ самымъ, чрезъ что дѣлается болѣе недостойнымъ вѣроятія. Не понятное ли это дѣло? На что тебѣ много словъ, если имѣетъ силу одно?

Конечно, напрасный трудъ.

На что же тебѣ и многія клятвы, если бы имѣла силу одна?

Думаю, что тогда не было бы нужды во многихъ.

Посему множество клятвъ есть уже признакъ, что нѣтъ къ тебѣ довѣренности.

Не иначе ; правду ты говоришь.

Поэтому или вовсе не клянись, или клянись какъ можно рѣже.

Это всего лучше.

Если одна клятва нарушается , то и всѣ будутъ нарушены.

Прекрасное заключеніе.

Развѣ иный скажетъ : множеству клятвъ лучше повѣрять.

Такъ обыкновенно думаютъ.

Но развѣ , сложивъ вмѣстѣ нѣсколько пылинокъ, сдѣлаешь изъ этого золото ?

Кто жъ это сдѣлаетъ ? въ природѣ ли это вещей ?

А на какомъ же основаніи изъ многого невѣроятнаго составитя вѣроятное ?

Мнѣ кажется , что никакого нѣтъ къ тому основанія.

Перестанешь ли , наконецъ , предпочитать всему самое негодное богатство , то есть , всегда и при всякомъ дѣлѣ , ѣшь ли , играешь ли въ зернь , плывешь ли , путешествуешь ли , въ счастіи ли ты или въ несчастіи , продаешь или покунаешь , радуешься или печалишься , находишься въ кругу друзей и пирующихъ , изрыгать клятвы , подобно пресытившемуся пищею или питьемъ ?

Весьма бѣдственное дѣло поступать такъ.

Не клянешься ли также ради всего , какъ будто ты уже самъ не свой , какъ скоро другіе взяли надъ тобою верхъ , словомъ ли , дѣломъ ли , прикровенно ли , или насильственно ?

По большой части такъ бываетъ на дѣлѣ.

Этимъ оскорбляешь ты всѣхъ, и Бога и тварей.

Какимъ же образомъ всѣхъ ?

Такимъ, что все смѣшиваешь во едино, даже и то, что не равно между собою. А это — вервь отъ узды.

Что же скажешь на это? Не находимъ ли, что и Богъ иногда клянется?

Такъ говоритъ Писаніе.

Но что совершеніе Бога?

Конечно, не найдешь ничего совершеніе.

А если ничего нѣтъ совершеніе; то значить, что Богъ и клясться не можетъ. Какъ же Писаніе говоритъ, что Богъ клянется?

Какъ скоро Богъ говоритъ что нибудь, это уже есть клятва Божія.

Какъ же въ Писаніи говорится, что Богъ клянется Самимъ Собою?

Какъ? Онъ пересталъ бы совершенно быть Богомъ, если бы сказалъ ложь.

Ты говоришь нѣчто страшное.

И это въ естествѣ Божіемъ, чтобы не лгать. Противъ сего никто не будетъ спорить.

А что? Ветхій Заветъ не запрещаетъ клятвы, но требуетъ только истинной.

Но тогда и убивать было законно; нынѣ же не позволено даже ударить.

Почему такъ?

Тогда подвергалось осужденію совершеніе худаго поступка: нынѣ же осуждается самое первое движеніе ко грѣху.

Такъ мнѣ кажется; потому что мы простираемся къ бóльшему совершенству.

А потому цѣломудренный и не клянется.

Что жъ? Имъ, какъ младенцамъ, даешь одни вачатки нищи, чтобы въ послѣдствіи могли принимать совершенную пищу?

И справедливо, и весьма умно.

Говорать, что и Павелъ клянется.

Кто это сказалъ тебѣ? Вѣрно, какойнибудь пусто-словъ?

Павелъ самъ говорить: *свидѣтель ми есть Богъ* (Рим. I, 9.), и: видитъ Богъ.

Это не клятва.

А что же?

Непререкаемое подтвержденіе важности сказаннаго.

Дозволь и мнѣ то же.

О, если бы ты и во всемъ, по мѣрѣ силъ, сталъ Павломъ! Это—вѣрное для тебя мѣрило.

Не уступишь ли чегонибудь гнѣву?

Хорошо.

А въ гнѣвѣ, конечно, всякому случается клясться.

Ужели по твоему мнѣнію одинакое зло хуже зла двойнаго?

Возможно ли это?

Каково тебѣ покажется, если ничѣмъ не раздраженный вдругъ начинаетъ клясться?

Это весьма худо.

А если я раздраженъ, и сдѣлаю еще новое зло?

И это также худо. Впрочемъ меньше худо, если сдѣлано по незнанію.

Но я подлежу ответственности за всякое свое произвольное движение.

Но если клянусь, хотя произвольно, однако же для того, чтобы избавиться отъ опасности?

Пусть дозволяетъ кто нибудь другой!

А если кто накинеть клятву, не произнося ее словомъ?

Что же значить письмо? Рукописаніе связываетъ крѣпче узъ.

Если же по нуждѣ?

Для чего не умерь? Надлежало прежде принять смерть.

А если дана клятва, когда не лежало предъ кляпущимся Писаніе?

Что дѣлаеть клятву священной: страница, или Богъ?

Очевидно, что Богъ.

Ты боишься пергамена; а я больше боюсь Бога. Многіе подвержены этой болѣзни. Со многими бываетъ то же, что и съ человѣкомъ, который бьетъ и безчеститъ господина, а даетъ свободу, или даже готовъ оказать честь, его рабу.

Какое поруганіе!

Или который бережетъ царское изображеніе, а самого царя свергаетъ съ престола.

И это бываетъ. Но если осталось еще что сказать, присовокупи и то.

Многіе говорятъ: языкъ произнесъ клятву, а умъ не давалъ ей. Но легче во всемъ другомъ найти себѣ извиненіе, нежели въ клятвѣ. Никто и нисколько да не обманываетъ самъ себя. Во всякомъ слу-

чаѣ клятва дана, а двоедушіемъ сколько еще увеличивается грѣхъ!

Вижу и самъ.

Что такое клятва? Рѣшительная мысль.

Въ ужасъ прихожу, слыша слова твои.

Такъ говоришь; но пока не вижу на опытѣ, не знаю, вѣрно ли это. Ибо вѣрны дѣла. И свинья приходитъ тотчасъ въ ужасъ, когда слышитъ крикъ другой свиньи.

Да.

Но это еще не великое дѣло. Если же слово коснулось сердца; за сіе хвалю.

Но что же? развѣ нѣтъ у меня очистительной купѣли?

Есть. Но разсуди.

О чемъ же должно разсудить?

Она очищаетъ грѣхопаденія, но не всегда очищаетъ и нравы.

Когда же можетъ очищать и нравы?

Въ томъ одномъ случаѣ, если предпочистишь ихъ нѣсколько.

Понимаю.

Нуженъ страхъ, чтобъ не грѣшить впередъ; а то, что многое прощено, еще не достоинство.

Почему же это? Объясни мнѣ.

Опасно, чтобъ не потребовалось вторичное очищеніе.

Что же это за очищеніе? растолкуй.

Очищеніе посредствомъ долговременныхъ слезъ и изможденія плоти.

Не желалъ бы я имѣть въ немъ нужды.

Да! страшно потерять даръ болѣе удобный.

Это — Божіи скрижали.

Точно, Божіи; но ты напиши на скрижальхъ своего сердца. Хочешь ли знать, что и въ этомъ видна брань завистника, который завидуетъ твоимъ успѣхамъ ?

Очень одолжишь, сказавъ о семъ. Ибо много терплю браней отъ врага.

Слушай.

Говори.

Не безъ слезъ выслушивалъ я, когда ты говорилъ.

Что такое? Не отонрусь, если говорилъ.

Ты говаривалъ: если вымолвлю какое нибудь слово, но не подтвержу его клятвою; то стыжусь своихъ рѣчей, какъ чего-то неполнаго.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что говаривалъ такъ.

И чего не достаешь, самъ ты дополнишь къ рѣчи. Это есть клятва — худое дополненіе. Подлинно страшный пламень!

Но Платонъ дѣлаетъ вотъ что. Чтобы не поклясться какимъ нибудь богомъ, изъ благоговѣнія...

Очень знаю, что скажешь. Былъ какой-то яворъ; имъ однимъ онъ клялся; но и тѣмъ не прямо. Хотя зналъ, чѣмъ клянется; однако же не присовокуплялъ: клянусь такимъ-то яворомъ. Что же это такое? Какая-то тѣнь клятвы, безыменное указаніе, клятва, и вмѣстѣ не клятва. Такъ мудрецы клялись еще чужимъ геніемъ. А это не что иное значитъ, какъ чѣмъ нибудь да поклясться. Но вотъ чѣмъ закончимъ нашъ разговоръ.

Такъ скоро грозишь оставить меня, не удовлетворивъ моей жаждѣ.

Если клятва кажется тебѣ еще чѣмъ-то маловаж-

нымъ; не хвалю сего. А если считаешь ее такою, какова она дѣйствительно, т. е. дѣломъ весьма ужаснымъ; то отважусь на острое слово, и буду заклинать тебя самую клятвою, бѣгать клятвы.

Побѣда на твоей сторонѣ.

О, если это дѣйствительно такъ; прославлю за сѣ Тебя, Христе мой, чудодѣйствующаго и нынѣ, какъ чудодѣйствовалъ Ты прежде! Тогда всѣ мы единогласно воскликнемъ: аминь, да будетъ!

СРАВНЕНІЕ

ЖИЗНИ ДУХОВНОЙ И ЖИЗНИ МІРСКОЙ.

Жизнь духовная. Жизнь мірская. Судія.

Ж. Д. и М. Не разсудишь ли насъ, чужеземецъ?

С. О чемъ дѣло?

Ж. Д. и М. Двѣ жизни спорять между собою.

С. Какія же это жизни? и о чемъ у нихъ споръ?

Ж. Д. и М. Жизнь мірская и жизнь духовная. А споримъ о томъ, которая изъ насъ лучше и должна быть избрана мудрымъ.

С. Не легко, правда, дать судъ; однако же выслушать должно.

Ж. М. Родившись отъ міра, я знаю и люблю мірское. А въ томъ и благочестіе, чтобы уважать отеческій законъ.

Ж. Д. Родившись отъ Бога, я знаю и чту Бога. А то и благочестиво, чтобы знать совершенное богопочтеніе. И если для тебя всего дороже худое; то

не справедливѣе ли будетъ почитать мнѣ драгоценнымъ лучшее?

Ж. М. У меня мать—плоть; я тѣсно сопряжена съ тѣломъ, и желаю одного—восполненія отторженной плоти.

Ж. Д. У меня отецъ—Богъ; я сопряглась съ Богомъ, и желаю одного—подражанія Образу, отъ Котораго проистекла.

Ж. М. Но скажи: какъ существовалъ бы человѣческій родъ, если бы не пришло на помощь плотское супружество, удерживаемое въ должныхъ предѣлахъ и Божиимъ закономъ и природой?

Ж. Д. Хотя законъ и таковъ; однако же мнѣ должно теперь, отрѣшившись, поспѣшать къ другой жизни, которая лучше настоящей и свободна отъ узъ и тлѣнія.

Ж. М. Почему же жизнь дѣвственная появилась такъ не давно?

Ж. Д. Она была и въ древности, но подъ покровомъ; просіяла же нынѣ послѣ того, какъ Божію Матерью явилась Дѣва. Ибо нынѣ и ветхій законъ уступилъ мѣсто новому; буква потеряла силу, господствуетъ же Духъ.

Ж. М. Но безъ супружеской жизни могъ ли быть какой постриженникъ, или какой праведникъ?

Ж. Д. Ты очень забавна, когда хочешь увѣрить, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми, или худыми, образуетъ время. А кто съеть, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглýmъ требованіямъ плоти. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей волѣ.

Ж. М. Что же ты даровала жизни ?

Ж. Д. Желаеть знать ? — Вѣтви.

Ж. М. Чтобы онѣ засохли , или чтобы развѣялъ ихъ вѣтеръ. Уступи мнѣ корень , а потомъ владѣй вѣтвями.

Ж. Д. Довольно родиться. Пусть другой трудится для тлѣнія , воспитываетъ , обучаетъ , и потомъ вдругъ оплакиваетъ , и кого не стало уже на свѣтѣ , того изображаетъ на стѣнахъ , и смотритъ на эту бездыханную красоту , на этого недвижимаго сына.

Ж. М. И я имѣю свое благородство.

Ж. Д. А какого ты рода ? Кто твой родоначальникъ ? Не знаешь развѣ , что всё изъ той же персти ? Одно только благородство — подражаніе Богу. А ты владѣешь гробами и новыми указами ; они вписываютъ тебя въ число благородныхъ , но не дѣлаютъ благородной.

Ж. М. У меня на это есть богатство ; оно низлагаетъ враговъ , свидаетъ завистию злыхъ , пріобрѣтаетъ мнѣ друзей , даетъ престолы и право величаться въ обществѣ.

Ж. Д. А у меня есть нищета ; она доставляетъ мнѣ то , что не имѣю враговъ. Безопаснѣе же — возбуждать состраданіе , нежели зависть. И престолы шатки , и друзья по большей части бывають только при времени. Но если они и постоянны ; то лучше покориться Богу , нежели имѣть первенство во всемъ видимомъ , или стоять выше всего видимаго. Прославлюсь же я въ мысленномъ градѣ.

Ж. М. Но чѣмъ нищему обезопасить жизнь ? Гдѣ у него стѣны , двери , боевыя орудія , оруженосцы ?

Ж. Д. Нужныя мнѣ для того , чтобы не украли

тѣла! Оно одно и небольшое рубище составляютъ все мое имущество. Разбойникъ, или притѣснитель, пусть идетъ къ другимъ. Воръ опасенъ для имѣющихъ что нибудь. У меня одно богатство — Богъ. Если Онъ приобрѣтенъ мною, никто Его не похититъ, хотя возьметъ все прочее. Да и кому только угодно, пусть всякая рука расхищаетъ мои пожитки! Никто не живетъ въ такой безопасности, какъ человекъ бѣдный. Богачъ приноситъ жертвы *своей мрежи* (Аввак. 1, 16.), самъ у себя *лобзаетъ руку* (Иов. 31, 27.), какъ друга, а не славословитъ Бога—подателя благъ. И наконецъ, собранное имъ перейдетъ въ руки чужому, кому бы онъ не хотѣлъ; что говорю: чужому?—даже, можетъ быть, и врагу, а отъ врага еще къ иному, куда повернется колесо. Но у меня, если умру, со мною пойдетъ все мною нажитое; ничего не останется ни зависти, ни превратному счастью.

Ж. М. Какъ хорошо не смотрѣть въ руки сосѣдямъ, тогда какъ другіе, можетъ быть и благочестивые, смотрятъ мнѣ въ руки!

Ж. Д. Какъ хорошо смотрѣть въ руки одному Богу, даетъ ли Онъ, или отъемлетъ отечески; не дѣлать ничего постыднаго изъ желанія приобрѣсти, не подражать кровожадной пѣвкѣ, чтобы, однимъ владѣя, устремлять мысль на другое, на иное же взирать недобрыми очами, а иное, по крайней мѣрѣ, воображать въ мечтательныхъ надеждахъ и всегда нищенствовать, желая большаго и большаго!

Ж. М. Какъ же перенести удары труднаго времени тому, кто не имѣетъ никакого подкрѣпленія въ горести?

Ж. Д. Спроси у меня : какъ человеку избѣжать мѣткой стрѣлы? Волосъ и изблизи пересѣчь стрѣлой не легко. Положимъ, что будешь въ трудныхъ обстоятельствахъ, но избѣжишь стремленія золь. Трость выдерживаетъ вѣтры, а дубы не выдерживаютъ; потому что первая уступаетъ имъ, а послѣдніе сокращаются собственною тяжестью.

Ж. М. Мнѣ можно дозволить себѣ и наслажденія.

Ж. Д. А мое наслажденіе—не искать удовольствія въ пресыщеніи и въ удовлетвореніи чреву, не тучнѣть и не страдать болѣзнію богачей, не издавать изъ гортани запаха пріятной для вкуса грязи, и не подавлять въ себѣ мысли скопленіемъ грубыхъ нечистотъ.

Ж. М. У меня самыя лакомыя снѣди.

Ж. Д. А мое лакомство—хлѣбъ; для меня самая вкусная приправа—соль. Шмѣ ихъ, презираю затѣи роскошныхъ, какъ горечь.

Ж. М. Мое наслажденіе—благовоніе мазей, пѣсни, рукоплесканія, мѣрные перегибы ногъ подъ ладъ стройныхъ и благозвучныхъ органовъ.

Ж. Д. Ужели ты одобряешь это? А по мнѣ, за сіе-то самое и худо богатство, какъ учитель пороковъ. Для насъ лучше твоихъ органовъ псалмопѣніе, которое настраиваетъ душу для мысленнаго міра. Всякаго же мура благоуханіе Христось, Который за насъ истощилъ Себя, чтобы истребить злосрадіе, какимъ наполнила меня мертвенность грѣха. Я рукоплещу, когда вижу паденіе моего убійцы, впушившаго мнѣ какое нибудь худое слово, или дѣлю. У меня есть и пляска; это—восторженіе къ Богу.

Ж. М. Ты, можетъ быть, скажешь еще, что нищета помогаетъ въ болѣзняхъ, служить лучшимъ врачевствомъ для тѣла?

Ж. Д. Этого не скажу; потому что не правда. Лучше пусть будетъ сказано, что справедливо. Бѣдный гораздо крѣпче силами, нежели достаточный. И Богъ, уравнивая дары Свои, бѣднымъ далъ крѣпость силъ, а богатымъ—лекарства. Трудится ли, проливаетъ ли потъ бѣдный?—Этимъ истощаетъ онъ въ себѣ излишнія вещества. Онъ терпитъ голодъ и стужу, въ полдень опалается солнцемъ, утомляется ходьбою, обременяется ношами, мокнетъ на дождѣ, временемъ принимаетъ простую, а не многосложную пищу, даже и не знаетъ тѣхъ обольстительныхъ снѣдей, какія повара и служители роскоши добываютъ изъ земли и моря, чтобы предложить мужчинамъ женскую трапезу. Опухоли, простуды, боль въ ногахъ и составахъ, отяжелѣнiе, блѣдность, расслабленiе,—вотъ достоянiе богатыхъ, вотъ плоды пресыщенiя! Богатые не находятъ удовольствiя и въ томъ, чѣмъ обладаютъ; часто ищутъ, кому бы оставить свое бремя, завидуютъ здоровымъ, которые бѣднѣе ихъ. Эти злополучные счастливыя ничѣмъ не пользуются. Золото, дорогiе камни, всякiя украшенiя, разноцвѣтныя одежды, блистающiя пурпуромъ живописныя изображенiя на стѣнахъ, на потолкахъ и на камняхъ, которыми выстланы помы; серебро частiю скрытое въ пѣдрахъ земли—справедливо заключенное въ тѣхъ же гробахъ, откуда оно взято, а частiю выставленное на показъ и блистающее на пирахъ; кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчiе, отъискиватели звѣриныхъ слѣ-

довъ; всё наслажденія для злаго господина — чрева, все угодное для гортани, со всего собирающей дань; постельники, придверники, докладчики, усыпители, цвѣтоносцы, окропляющіе благовоніями, вытирающіе тарелки, отвѣдывающіе кушанье, производящіе тѣнь, наблюдающіе мановенія; банщики, пробующіе горячую воду концами перстовъ, остриженные по-женски — эта услада глазъ, — вотъ принадлежности богатаго гроба, писанной персти! А бѣдный стоитъ твердо; онъ, если и падеть, не вдругъ изнуренный болѣзнію или множествомъ лѣтъ, то не причинитъ никакихъ хлопотъ своимъ друзьямъ. Онъ умретъ, какъ левъ, рыкая, и мертвый по большей части бываетъ благолѣпнѣе великихъ богачей. Чтѣ еще сказать о презорствѣ, о гнѣвѣ, объ изступленіи, о дерзости, о пьянствѣ, о необузданномъ смѣхѣ, о срамныхъ рѣчахъ, о пренебреженіи Бога, родства, дружбы? Все это не въ такой мѣрѣ бываетъ въ бѣдныхъ, какъ въ богатыхъ; потому что богатство приноситъ съ собою презорство, а за презорствомъ слѣдуетъ погибель. Но бѣдный, какъ всего чаще видимъ, не поднимаетъ вверхъ головы, потому что живетъ въ угнетеніи; особливо, если приходитъ на помощь страхъ Божій — этотъ сильный наставникъ всякому добру. Сдѣлай же теперь краткій обзоръ, сличи одно съ другимъ, и назначь той и другой жизни правдивую цѣну; если не покажется тебѣ обидою то, что на ряду съ тобою становятся бѣдные, дышать однимъ воздухомъ, носить одно имя, думаютъ жить подъ одной кровлей, плыть на одномъ кораблѣ. Ты завидуешь добродѣтельнымъ, а я сожалею о порочныхъ; потому что всего бѣдственнѣе быть

порочнымъ, хотя и благоуспѣшенъ путь текущихъ къ гибельному концу. Ты презираешь нищихъ, какъ будто у нихъ другой Богъ; но я знаю одну тварь, знаю, что всѣ явимся на одинъ судъ. А второе твореніе — это добрая нравственность. Ты превозносишься удобствами жизни; а меня уцѣломудриваетъ страхъ. Тебя приводятъ въ изнеможеніе трудности; а меня облегчаетъ надежда; потому что ничего нѣтъ постоянного, но все утекаетъ съ продолженіемъ времени. Ночь полагаетъ конецъ дню, а день—ночи. Радость смѣняется скорбію, а бѣдствіе оканчивается чѣмънибудь пріятнымъ. А потому и не должно останавливать на семъ вниманія, какъ на чемъ-то непремѣнномъ. Ничто не кажется тебѣ страшнымъ; ты не боишься и самыхъ великихъ пороковъ: потому что роскошная жизнь препятствуетъ тебѣ судить здраво. А мнѣ и малые проступки кажутся достойными слезъ; потому что грѣхъ есть отчужденіе отъ Бога. Какъ же могу стерпѣть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сонъ, удобно лежитъ ребро съ ребромъ; для тебя пріятныя сновидѣнія, — повторенія того же, что дѣлалось днемъ; ты пьешь, играешь въ зернь, принимаешь дары, шутишь, смѣешься. А у меня большая часть жизни проходитъ безъ сна; потому что уснуваго будятъ труды. Если же и похищу нѣсколько сна; то со слезами. Меня пугаютъ видѣнія жестокой ночи: судъ, Судія неподкупный, трепетное предстоаніе судилищу, съ одной стороны рѣка клокочущая неугасимымъ огнемъ, съ другой — червь гложащій вѣчно, а по срединѣ совѣсть—этотъ обвинитель, не нуждающийся въ письменныхъ уликахъ. И Богъ тебѣ въ

Бога, когда только подаетъ во всемъ успѣхъ: а для меня Онъ досточтимъ, хотя посылаетъ и противное. Ибо борьба съ несчастіями — для меня спасительное врачевство. Чѣмъ сильнѣе меня угнетаютъ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ Богу; страданія тѣснѣе соединяютъ меня съ Богомъ; это для меня — преслѣдующее воинство враговъ, которое заставляетъ укрыться въ стѣны. У тебя утѣшителями — дѣти, жена, друзья, и лишиться ихъ — величайшее для тебя бѣдствіе. А мнѣ и въ голодѣ, и въ холодѣ, и въ скорби, опора и отрада — Богъ. Обижай меня, бей, укоряй въ подлости рода и нищетѣ, попирай, притѣсняй; ты не долго будешь наносить мнѣ обиды, а я все терплю для Бога, и къ Нему обращаю взоры, простираюсь мыслию въ жизнь послѣдующую, тамъ упокоиваюсь, но не знаю ничего дольняго, и такимъ образомъ удобно избавляюсь отъ всякой скорби. Чтò же еще сказать? Для тебя, какъ мнѣ кажется, несносно будетъ не получить теперь одобрительнаго голоса. Кто привыкъ всегда одерживать верхъ, тотъ не терпитъ, чтобы брали надъ нимъ верхъ другіе. Но мнѣ совершенно равно — и получить и не получить одобреніе. Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоилъ себѣ другой. Такая высота славы — моя величайшая побѣда.

Ж. М. А чтò, если надуть иные и высокіе?

Ж. Д. А чтò, если падутъ и со второй степени? Для тѣхъ и для другихъ возможно и преуспѣвать, и падать. Одно равно другому. Но я гораздо худшими почитаю тѣхъ, которые падаютъ въ превосходнѣйшей жизни. Столько не терплю пороковъ. Въ комъ достойнѣе уваженія превосходство, когда одер-

живаешь онъ верхъ, для того бѣдственнѣе паденіе, когда подвергается оному. Но прошу не ставить въ вину самой жизни, если кто очень худъ; ибо онъ уже врагъ этой жизни. Разсматривай и извѣдывай въ отдѣльности нравы съ одной стороны добрыхъ, а съ другой порочныхъ, и нисколько не наклоняй въсовъ ни въ ту, ни въ другую сторону, что было бы не справедливо; но пусть перевѣшиваетъ, что само по себѣ имѣетъ болѣе вѣса. Тогда только узнаешь, какое различіе между одною и другою жизнью. Но не сличай лучшаго осла съ худымъ конемъ, и превосходительнаго челоуѣка въ жизни мірской съ самымъ худымъ изъ моихъ. Въ такомъ случаѣ, не спорю, твои окажутся совершеннѣйшими. Но если высокаго сравнишь съ высокимъ, и худаго съ худымъ; то узнаешь, какъ велико мое превосходство. Замѣть и то, что равно во всякое время есть у насъ претыкающіеся, но есть также у насъ и одерживающіе побѣду. Говорятъ же, что одна ласточка не приноситъ прекрасной весны, и одинъ сѣдой волосъ — старости. Итакъ что скажешь? Даешь голосъ въ мою пользу, или мнѣ проститься съ тобой?

С. Даю; и почему же не дать? Тогда развѣ подумаю предпочесть дольную жизнь твоей жизни, когда, потерявъ умъ, кого нибудь изъ смертныхъ сравню съ Богомъ. Но пока не погублю ума, долѣ и этого не сдѣлаю. Идите же. Впрочемъ лучше жить вамъ въ мирѣ, и между собою, и съ великимъ Богомъ. И ты, жизнь мірская, должна уступать первенство жизни первенствующей; и ты, жизнь духовная, должна принимать жизнь второстепенную, какъ сестру. Если не имѣешь первенства; ничто не пре-

пятствуетъ тебѣ стоять на второмъ мѣстѣ, что также не безчестно. А чрезъ это жизнь наша сдѣлается безопасною.

КЪ ДУШѢ СВОЕЙ.

Чего тебѣ хочется ? спрашиваю душу свою. Что для тебя важно, и что маловажно изъ высоко цѣнимаго смертными ? Проси только чего либо славнаго, и охотно дамъ тебѣ. Хочешь ли имѣть, что было у Лидійца Гигеса, и царствовать съ помощію перстня, обращая его печать ; дѣлаться невидимой, какъ скоро печать закрыта, и видимой, какъ скоро она открыта ? Хочешь ли участи богато умершаго Мидаса, у котораго все обращалось въ золото, и который, въ наказаніе за неумѣренное желаніе, терпѣлъ золотой голодъ ? Хочешь ли прозрачныхъ камней, тучныхъ полей, множества стадъ, воловъ и верблюдовъ ? Этого не дамъ тебѣ : и тебѣ получить это не полезно, и мнѣ дать не легко ; потому что я оставилъ о семъ попеченіе съ тѣхъ поръ, какъ притекъ къ Богу. Или ты хочешь престоловъ и начальства — этого кратковременнаго киченія, чтобы завтра же быть низринутой и смиренно смотрѣть въ землю, между тѣмъ какъ подниметъ вверхъ голову другой, который былъ у тебя служителемъ, и даже, можетъ быть, однимъ изъ негодныхъ служителей ? Не хочешь ли связать себя бракомъ, предаться не цѣломудреннымъ и кратковременнымъ восторгамъ ? Не желаешь ли этой сладостной болѣзни — заботы о благочадіи ? Но если твое благочадіе назову злочадіемъ, что тогда скажешь ? Не хочешь ли грѣмѣть

словомъ и собирать вокругъ себя зрителей? Или есть у тебя желаніе торговать законами, толковать ихъ вопреки справедливости, влечь другихъ, и самой быть влачимою, въ незаконныя судилища? Или хочешь потрясать копьемъ, дышать браннолюбіемъ, домогаться вѣнца за подвиги, испытывать свое мужество въ борьбѣ со звѣрями? Или желательно тебѣ заслужить рукоплесканія въ городѣ, и изваянія изъ мѣди? Хочешь ли уловить тѣнь сновидѣній, мимолетный вѣтерокъ, шумъ стрѣлы, не оставляющей послѣ себя слѣда, звукъ плещущей руки? Для человѣка умнаго важно ли то, что нынѣ есть, и чего завтра не будетъ, чѣмъ пользуются и злые, что не сопровождаетъ отходящихъ изъ этой жизни? Итакъ что же? Если не этого желаешь; то чего тебѣ хочется? Не хочешь ли стать богомъ — богомъ, т. е. свѣтоносно предстоять всевышнему Богу и ликовать съ Ангелами? Распирь же свои крыла, взвивайся въ бысролетномъ пареніи, несись въ высоту; я очищу тебѣ крыла, дамъ тебѣ такое ученіе, которое подниметъ тебя вверху, вознесу тебя въ эфиръ, какъ легкокрылую птицу.

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поелику я—владычица сопряжена съ тобою—пищеваромъ, то скажи: чего ты хочешь себѣ, чтобы удержать въ себѣ дыханіе? Я должна тебѣ не многимъ, хотя стараешься вынуть у меня многое. Хочешь ли имѣть столъ, благоухающій отъ мѣра и излишнихъ поварскихъ ухищреній, слышать восторгающіе звуки музыкальныхъ орудій и рукоплесканій, видѣть пляски юныхъ отроковъ, не свойственныя мужамъ, и круженья дѣвъ не благочинно обнаженныхъ, такъ

какъ все это учреждаютъ на пиршествахъ любители студодѣянiя, чтобы еще болѣе разгорячить вино, омрачающее умъ? Если этого хочешь ты отъ меня, то скорѣе получишь удавку. Я ненасытнымъ друзьямъ предлагаю слѣдующее! Пусть сокроетъ тебя какой нибудь прiютъ, или самъ собою образовавшiйся въ каменной горѣ, или, если надобно тебѣ и потрудиться, дѣло нѣсколькихъ часовъ. Одеждою пусть будетъ у тебя или верблюжiй волосъ, по уставу праведниковъ, или даже кожа—покровъ древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесныя вѣтви да будутъ у тебя пурпуровой скатертью, неопасною для сонпиршественниковъ. И прiятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя безъ дальнихъ приготовленiй изъ тѣхъ безискусственныхъ даровъ, какiе дружелюбная земля расточаетъ всякому. А устрой въ твое помѣщенiе, и нанятаемъ тебя охотно. Хочешь ты ѣсть? Бери себѣ хлѣбъ, если случится, даже и житный. А для варенья безъ мѣры даемъ тебѣ соль и дикiй лукъ — не купленный овощъ; другою лучшею приправой пусть будетъ голодъ. Хочешь ли ты пить? — Предъ тобой струится вода—всегда черезъ край льющааяся чаша, нитье не производящее опьянiя, наслажденiе, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пероскошничать; то не пожалѣемъ укуса. Но тебѣ и этого будетъ недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствiе дырвою бочкой. Ищи же себѣ другаго попечителя; а у меня нѣтъ досужаго времени лелѣять своего домашняго врага, который бы уязвилъ меня, какъ окостенѣвшая отъ стужи, и потомъ въ ибдрѣ моемъ

отогрѣтая, змѣя. Ты хочешь огромныхъ домовъ, позолоченныхъ потолковъ, искусныхъ произведеній живописи и мозаики, едва не живыхъ изображеній, стѣны блестящихъ разными и искусно подобранными цвѣтами? Хочешь пышной одежды, къ которой нельзя и притронуться, хочешь богатыхъ перстней и этого убранства, смѣшнаго для тѣхъ, которые учатся цѣломудрію, а еще болѣе смѣшнаго для меня, который знаю одну внутреннюю красоту?

Такъ говорю вамъ смертнымъ, которые пресмыкаетесь долу, ищете одного скоропреходящаго, и ни на что больше не обращаете вниманія! А живущимъ благородно и достойно этой доли, которая во мнѣ отъ Бога и срастворена съ брэнною моею дебелостію (замѣть величавость нищаго), предложу вотъ какую нищу: «Богомудрый! пройди мимо пламеньющаго меча, будь дѣлателемъ божественныхъ растений, цвѣтущихъ разумомъ, которыхъ лишилъ меня врагъ, уловивъ сластолюбіемъ. Приступи опять къ древу вѣчно пребывающей жизни, а она, какъ нашелъ я, есть вѣдѣніе всевышняго Бога, единаго Трисіяннаго Свѣта, къ Которому стремится все.» Такъ скажетъ самъ себѣ всякій, если онъ мудръ. А кто не захочетъ сказать, тотъ напрасно провелъ жизнь. И о если бы еще только напрасно, а не въ величайшемъ злѣ!

МЫСЛИ, ПИСАННЫЯ ЧЕТВЕРОСТИШІЯМИ.

Я — трудъ Григоріевъ, и въ духовныхъ изреченіяхъ сохраняю четверостишный памятникъ мудрости.

1. Чему отдашь предпочтеніе — дѣятельной, или созерцательной жизни? Въ созерцаніи могутъ упражняться совершенные, а въ дѣятельности многіе. Правда, что то и другое и хорошо и вождельно; но ты, къ чему способенъ, къ тому и простирайся особенно.

2. Нѣкто просилъ у меня рѣшенія на вопросъ о чемъ-то духовномъ. Готовъ, отвѣчалъ я, если ты смылъ съ себя скверну. Но ты уже имѣешь цѣломудренный умъ. — Если смылъ съ себя прежнюю скверну; нужно и теперь очищеніе. Въ смрадный сосудъ не кладутъ на сбереженіе благовонной масти.

3. Не всякому слову противься, не всякому и слѣдуй; но знай: какому и когда противиться, или слѣдовать. Болѣе будь привязанъ къ Богу, чѣмъ стой за ученіе о Богѣ. Всякое слово можно оспоривать словомъ; но жизнь чѣмъ оспоришь?

4. Или вовсе не учи, или учи доброю жизнію. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать. Меньше потребуется словъ, если дѣлаешь, что должно. Живописецъ больше учитъ своими картинами.

5. Особенно вамъ, служители алтаря, совѣтую не быть окомъ исполненнымъ тмы, чтобы не оказаться первыми въ порочной жизни. Ибо если свѣтъ темень; чѣмъ будетъ самая тма?

6. Безгласное дѣло лучше неисполнимаго слова. Никто никогда не сталъ высокимъ безъ добрыхъ дѣлъ, а многіе прославились безъ краснаго слова. Благодать дается не тому, кто говоритъ, но тому, кто хорошо живетъ.

7. Наилучшій даръ Богу—добрые нравы. Хотя бы ты все принесъ Ему; однако не принесешь ничего достойнаго. Приноси то, что даетъ и бѣдный. Чистый не беретъ себѣ доли изъ цѣны блудницы.

8. Ничего не общай Богу (Еккл. 5, 4.), даже и малости; потому что все Божіе, прежде нежели принято отъ тебя. И что еще скажу? Не отдавъ общаннаго, ты крадешь это самъ у себя. — Какой же необычайный пріймешь на себя долгъ? Да увѣрять тебя въ этомъ Ананія и Сапфира.

9. Настоящую жизнь почитай торжищемъ. Если пустишься въ торговлю; то останешься съ прибылью: потому что за малое получишь въ обмѣнъ великое, и за скоропреходящее—вѣчное. А если пропустишь случай; другаго времени для такого обмѣна уже не будетъ.

10. Тебѣ предлежитъ длинный путь, но еще большая награда. Представляя себѣ вдругъ весь трудъ, не откажись отъ всего. И море переплывешь не все вдругъ. А и это не рѣдко бываетъ искушеніемъ непріязненнаго.

11. Не слишкомъ себя обнадеживай, и не во все теряй надежду. Одно ослабляетъ, другое низлагаетъ. Въ чемъ нибудь преуспѣвай, другаго держись, сколько ни есть, а къ иному не будь завистливъ; недовершенное не сдѣлаетъ бесполезнымъ трудъ совершеннаго тобою пути.

12. Не берись за все горячо, но держись того, что избралъ. Лучше прибавлять добраго, нежели убавлять у него что нибудь. Не тѣхъ называемъ худыми, которые стоятъ низко, но тѣхъ, которые, поднявшись высоко, низко падаютъ.

13. И отъ малой искры возгарается великій пламень; и сѣмя ехидны бывало не рѣдко пагубнымъ. Видя сіе, уклоняйся и того, что производитъ малый вредъ. Теперь вредъ не великъ, но со временемъ сдѣлается онъ большимъ.

14. Разбирай больше самъ себя, нежели дѣла ближнихъ: одно доставляетъ пользу тебѣ, другое — ближнимъ. Лучше вести счетъ дѣламъ своимъ, нежели деньгамъ; послѣднія текутъ, а первыя постоянны.

15. Пусть непрестанно трудится твой умъ, впечатлѣвая въ себѣ божественныя мысли и глаголы жизни. А на языкъ будь скупъ; потому что онъ весьма способенъ дѣлать вредъ, и чѣмъ скорѣе движется, тѣмъ меньше приносить пользы.

16. Меня обольщало зрѣніе, однако же я удержался, не поставилъ въ себѣ кумира грѣху. И кумиръ былъ поставленъ; но мы избѣжали искушенія. Все это степени боренія съ непріязненнымъ врагомъ.

17. Залѣплай воскомъ уши отъ гнилаго слова и отъ неблагоприличныхъ извѣстій усладительнаго пѣнія. Но отверзай слухъ для всего добраго и прекраснаго. Между словомъ, слышаніемъ и дѣломъ разстоянія не велики.

18. Не обольщайся чрезъ мѣру пріятностями занаховъ, мягкостію осязанія и вкусомъ. Уступивъ имъ надъ собою верхъ, произведешь ли что муже-

ственное? Различны между собою услаждения, приличные женамъ и мужамя.

19. Чрево говорить: дай. — Охотно дамъ, если, получивъ просимое, сохранишь цѣломудріе. А если жертвуешь симъ дольнему; то получи отъ меня грязь, да и ту не въ избыткѣ. Когда же сдѣлаешься воздержнымъ; тогда дамъ и въ избыткѣ.

20. Для людей здравомыслящихъ достоинъ смѣха какъ вообще всякій смѣхъ, такъ еще болѣе смѣхъ блудническій. Неумѣренный смѣхъ бываетъ и до слезъ. Лучше быть угрюмымъ, нежели разсѣяннымъ.

21. Красотою почитай благолѣвіе души, — не то, что могутъ написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взоромъ цѣломудреннаго ума. А подобно сему и безобразіемъ признавай душевную гаусность.

22. Тебѣ предстоятъ скорби, удовольствія, надежды, опасенія, богатство, нищета, слава, безславіе, престолы; пусть течетъ все это, какъ хочетъ. До человѣка, утвердившагося на добромъ основаніи, не касается ничто непостоянное.

23. Возвышайся болѣе жизнію, нежели мыслию. Жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль доведетъ до великаго паденія. И жизнь устройай не по малой мѣркѣ. Какъ бы ни высоко возшелъ ты, все будешь еще стоять ниже заповѣди.

24. Не за всякою славой гонись, и гонись не слишкомъ; лучше быть, нежели считаться, добрымъ. А если не можешь себя умѣрить; лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьянѣ, если пріймутъ ее за льва?

25. Хвали другаго, но не думай высоко о себѣ, когда тебя хвалятъ ; ибо опасно, чтобы не оказаться тебѣ ниже похвалъ. И другаго хвали, не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебѣ стыда, когда окажется онъ худымъ.

26. Лучше о себѣ слышать худое, нежели говорить худо о другомъ. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляетъ ближняго на посмѣшище ; то воображай себѣ, что предметомъ смѣха служишь ты самъ ; въ такомъ случаѣ слова его всего болѣе огорчатъ тебя.

27. Не хвались добрымъ плаваніемъ, пока корабль твой не привязанъ къ берегу. У многихъ счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многихъ уносилъ девятый валъ. Одно безопасно—не слагать вины на счастье.

28. Тому лучше возымѣть нѣкоторое дерзнове- ніе предъ Владыкою, кто живетъ хорошо, и потру- дился, нежели тому вызывать Его на судъ, кто не отличается добрыми дѣлами, хотя и все у него идетъ съ разсужденіемъ.

29. Откажись отъ всего, и стяжи единого Бога, потому что ты раздатель чужаго имущества. А если не хочешь оставить все, то отдай большую часть. Если же и того не хочешь ; по крайней мѣрѣ излишки употребляй благочестно.

30. Хорошо уберечь что нибудь отъ моли и отъ зависти. Лучше имѣть должникомъ Христа, нежели всѣмъ обладать. Христосъ за одинъ кусокъ хлѣба даруетъ царство; а питая нищаго, ты питаешь и одѣ- ваешь Христа.

31. Приходилъ нищій, и ушелъ, ничего не получивъ. Боюсь, Христе, чтобы и мнѣ, который имѣю нужду въ Твоей помощи, по моимъ же законамъ, не отойдти отъ Тебя ничего не получившимъ. Ибо кто не далъ, тотъ и получить не надѣйся.

32. Всего безопаснѣе челоувѣкъ не имущій. Онъ обращенъ къ Богу и на Него одного взираетъ. Укрой же его въ своихъ объятіяхъ. И мощный орелъ, какъ говорятъ, согрѣваетъ въ гнѣздѣ своемъ мелкую птицу.

33. Нищета лучше неправеднаго приобрѣтенія, равно какъ и болѣзнь лучше худаго здоровья. Челоувѣкъ не вдругъ умираетъ съ голода; но для порочныхъ худая жизнь есть смерть.

34. Чтò значать слова: господинъ и слуга? Какое дурное дѣленіе! У всѣхъ одинъ Творецъ, для всѣхъ одинъ законъ, одинъ судъ. Принимая услугу, смотри на служащаго, какъ на сослуживца; и сподобишься большей чести, когда разрѣшишься отъ тѣла.

35. Чтò же должны дѣлать рабы, особливо рабы Божіи?— Да не отказываются они угождать господамъ. И въ свободные и въ рабы вписываетъ жизнь. Христось пришелъ въ образѣ раба, но Онъ освободилъ насъ.

36. Стыдись наименованія порочнымъ, а не низкимъ по происхожденію. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою родъ, равно какъ лучше самому быть пригожимъ, нежели родиться отъ пригожихъ.

37. Въ разсужденіи одного Бога и божественнаго не знай мѣры въ насыщеніи. Богъ еще въ боль-

шей мѣрѣ даруетъ Себя тѣмъ, которые приѣмлютъ Его. Онъ самъ жаждетъ жаждущихъ Его, непрестанно и неизменно источая Себя имъ. А если кто богатѣе тебя въ другомъ чемъ, терни сіе равнодушно.

38. Не заботься во всемъ и всегда одерживать верхъ. Лучше уступить надъ собою побѣду съ пользою, нежели побѣдить со вредомъ. И у борцовъ почитается побѣжденнымъ не всегда тотъ, кто лежитъ внизу, но часто и тотъ, кто остается вверху.

39. Въ иномъ понеси и ущербъ: это часто бываетъ выгодно; какъ и растеніе подрѣзываютъ, чтобы больше принесло плодовъ. А если къ тому, что имѣешь теперь, присовокупишь что нибудь не добрымъ способомъ; будетъ значить, что подкладываешь огонь подъ дрова, или здоровому тѣлу сообщашешь болѣзнь.

40. Если ты ни въ чемъ не виновенъ предъ Богомъ, и ни чѣмъ не заслужилъ наказанія; то не имѣй состраданія и къ тѣмъ, которые виновны предъ тобою. А если сознаешь себя виновнымъ предъ Богомъ: то оказывай снисходительность и самъ; потому что у Бога милость взвѣшивается милостію.

41. Какъ скоро обьда разжигаетъ твое сердце; вспомни о Христѣ и объ Его язвахъ, разсуди, что претерпѣваемое тобою весьма маловажно въ сравненіи съ страданіями Владыки: и тогда, какъ водою, угасишь свою скорбь.

42. Плотская любовь, нѣянство, ревность и бѣсъ — равны между собою. Къ кому пришли они, у того погубленъ умъ. Умерщвленіе плоти, молитва,

слезы — вотъ цѣлебныя пособія! Эго составляетъ врачество и для моихъ недуговъ.

43. Избѣгай всякой клятвы. Но чѣмъ же увѣрить другихъ?—Словомъ и жизнію, удостовѣряющею въ словѣ. Ложная клятва есть отреченіе отъ Бога. Къ чему тебѣ призывать въ посредники Бога? Сдѣлай, чтобы посредникомъ твоимъ были твои добрые нравы.

44. Чтѣ короче сего повелѣнія о милости: таковъ будь къ друзьямъ и ближнимъ, какими желаешь имѣть ихъ къ себѣ? Но есть другое и сего короче — это Христовы страданія.

45. Ничего не жалѣй для вѣрнаго друга, который показалъ себя не за чашей, но въ бурное время, который ничего не дѣлаетъ тебѣ въ угожденіе, кромѣ полезнаго. Знай предѣлы враждъ, а не благо-расположенію.

46. Глазъ другое видитъ, а себя не видитъ; даже и другаго не видитъ, если очень слѣпъ. Посему надобно во всякомъ дѣлѣ имѣть совѣтника. И рукъ нужна рука, и ногъ — нога.

47. Ежели слѣдуешь совѣтамъ добродѣтельныхъ; то не стыдись, когда станутъ осмѣивать тебя порочныя. А какъ скоро приходитъ тебѣ на мысль что нибудь гнусное, представь, что многіе на тебя смотрятъ, и устыдись самъ себя.

48. Доброга всегда предпочитай недоброму. Обращаясь съ порочными, и самъ непременно сдѣлаешься порочнымъ. Отъ худаго человѣка никогда не принимай милости; потому что онъ старается чрезъ это найти у тебя извиненіе своимъ дѣламъ.

49. Хочу, чтобы попользовались чѣмъ нибудь и отъ непріязненнаго. Ибо тому, кто избѣжалъ его на-

паденій, совѣтую впередъ быть осторожиѣе. И горькаго лекарства боюсь, и сладкаго не одобряю.

50. Награждай добрыхъ, презирай злыхъ. Но и послѣднимъ оказывай одну милость, ни мало не оскорбляйся ихъ поступками, чтобы великодушiемъ и ихъ со временемъ сдѣлать добрыми. Прекрасный даръ — милость.

51. Будь милостивъ ко всѣмъ, если это возможно; а еще милостивѣе къ ближнимъ. Для чего говоришь сiе? — Кто повѣритъ, что ты добръ къ чужимъ, если несправедливъ къ тѣмъ, кому одолжень?

52. Для чего слагаемъ во всемъ вину на бѣднаго врага, когда сами своею жизнiю даемъ ему надъ собою власть? Укоряй себя самого или во всемъ, или въ большей части проступковъ. Огонь зажигаемъ мы сами, а злый духъ раздуваетъ пламень.

53. Не слишкомъ поддавайся игривымъ снамъ. Они не должны какъ пугать всѣмъ твой умъ, такъ окрывать его прiятными мечтами. Все это бываетъ часто сѣтiю непрiязненнаго врага.

54. Всякому правому намѣренiю пусть предшествуетъ надежда. Она помогаетъ иногда и въ худомъ; и потому не справедливо ли, чтобы еще болѣе содѣйствовала въ добрѣ? Несносно для меня, что преодолеваюсь злымъ.

55. Вѣрь, что благоразумiе надежнѣе счастья. Одно есть быстрое теченiе обстоятельствъ, а другое — кормило. Ничего не предпочитай учености; она одна составляетъ собственность прiобрѣтшихъ ее.

56. Если хочешь быть богомъ; показывай свою дѣятельность не въ томъ, чтобы дѣлать зло, но въ томъ, чтобы дѣлать добро. Послѣднее свойственно

человѣку, который знаетъ, что ему сродно. А убить безъ труда могутъ и тригонъ (а) и скорпионъ.

57. Стыдно юношѣ быть немощице старца, а старцу — безразсудице юноши. Впрочемъ будь мудръ хотя по лѣтамъ; а совершеннѣйшіе бывають цѣломудренны и не по лѣтамъ.

58. Непрестанно устрой свое спасеніе, особливо же, когда приближается конецъ жизни. Наступила старость,—это провозвѣстница, которая извѣщаетъ объ исходѣ: Всякой готовься; потому что близокъ судъ.

59. Конецъ слова: отреченіе отъ Бога бываетъ двойное, одно словомъ, другое дѣломъ. Смотри, чтобы не уловилъ тебя врагъ; онъ непрестанно угрожаетъ тебѣ тайными паденіями. Бойся, чтобы не сдѣлалось для тебя нужнымъ конечное очищеніе.

МЫСЛИ, ПИСАННЫЯ ОДНОСТИЩІЯМИ (б).

Бога имѣй началомъ и концемъ всякаго дѣла.

Самая лучшая польза отъ жизни — умирать ежедневно.

Старайся узнавать всѣ поступки добродѣтельныхъ.

Тяжело жить въ бѣдности, но еще хуже разбогатѣть несправедливо.

Дѣлая благотворенія, думай, что подражаешь Богу.

Милости Божіей ищи себѣ милостями къ ближнимъ.

(а) Морская рыба, родъ рап.

(б) Въ греческомъ каждая мысль составляетъ стихъ, и первыя буквы стиховъ слѣдуютъ порядку греческаго алфавита.

Владѣй плотію и смирай ее, какъ можно лучше.
 Обуздывай гнѣвъ, чтобы не выступать изъ ума.
 Удерживай око, и языкъ пусть знаетъ мѣру.
 Уши пусть будутъ замкнуты ключемъ, и да не
 любодѣйствуетъ смѣхъ.

Свѣтильникомъ всей своей жизни признавай разумъ.

Смотри, чтобы изъ-за видимости не ускользнула у тебя дѣйствительность.

Все разумѣй, но дѣлай, чтò позволительно дѣлать.
 Знай, что самъ ты странникъ ; и уважай странниковъ.

Во время благополучнаго плаванія наипаче помни о бурѣ

Чтò дается отъ Бога , все то должно принимать съ благодареніемъ.

Лучше наказаніе отъ праведника , нежели честь отъ порочнаго.

При дверяхъ у мудрыхъ стой неотступно, а у богатыхъ не стой никогда.

Маловажное не маловажно, когда производитъ великое.

Обуздывай наглость, и будешь великій мудрецъ.
 Береги самъ себя, а надъ паденіемъ другаго не смѣйся.

Пріятно возбуждать къ себѣ зависть , но весьма постыдно самому завидовать.

Въ жертву Богу преимущественно предъ всѣмъ прочимъ приноси душу.

О если бы кто соблюлъ сіе ! онъ спасется.

НА ЧЕЛОВѢКА ВЫСОКАГО РОДОМЪ И ХУДАГО ПО ПРАВСТВЕННОСТИ.

1.

Нѣкто, человекъ крайне худой, по происшедшій отъ добрыхъ родителей, хвалился своими предками предъ другимъ, который незнатенъ былъ родомъ, но внушалъ удивленіе дѣлами. Этотъ, съ большою пріятностію улыбнувшись, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: « мнѣ укоризна — родъ, а ты — укоризна роду. »

Соблюдай это въ памяти, и ничего инаго не будешь предпочитать добродѣтели. Если кто укорить тебя за то, что ты дурень лицомъ, или что имѣешь непріятный запахъ; ужели скажешь на сіе: у меня отецъ былъ пригожъ, или всегда умащался благовопіями? Если кто назоветъ тебя трусомъ и не имѣющимъ мужества; неужели возразишь: у меня предки пріобрѣтали много побѣдныхъ вѣнцевъ въ Олимпіи? Подобнымъ образомъ, если уличаютъ тебя въ томъ, что ты пороченъ и неразуменъ; не говори мнѣ о своихъ родителяхъ, и не указывай на мертвыхъ. У инаго гусли вызолочены, а онъ играетъ на нихъ нестройно; другой же беретъ какія ни попадутся ему гусли, и выигрываетъ на нихъ благозвучную пѣснь. Кого же изъ нихъ, дорогій мой, признаешь ты гуслистомъ? Конечно, того, кто въ искусственныхъ своихъ бряцаніяхъ соблюдаетъ гармонію? Но ты родился, какъ говоришь, отъ золотыхъ родителей, а самъ не хорошъ. Ужели же по этому думаешь о себѣ высоко? и знаменитость рода

поставляешь въ этомъ одномъ — въ давнихъ мертвецахъ, въ разказахъ старухъ? Вѣрно, ты шутишь! Я смотрю на тебя одного: добродѣтеленъ ли, или пороченъ ты? А что до происхожденія; всѣ мы — то же брѣніе, у всѣхъ одинаковая кожа, хотя надмеемся и превозносимся богатствомъ, славою, величіемъ отечества, какъ будто отецъ и родъ придаютъ мнѣ что-то лишнее. Меня не восхищаютъ ни сказки, ни гробы; но смотрю на тебя одного, добрый мой. Всѣ мы одна персть; всѣ мы приходимъ отъ одного Творца. Не природою, а насиліемъ раздѣлены смертные на два разряда. По моему тотъ и рабъ, кто негоденъ, тотъ и свободенъ, кто совершенъ. А если въ тебѣ есть гордость; какое тутъ отношеніе къ роду? По отцѣ ли славенъ лошакъ, и укоришь ли его за то, что произошелъ отъ осла? Ни мало. Но какая слава и осламъ отъ лошаковъ? Орлы рождаютъ и кидаютъ своихъ птенцевъ. Для чего же ты, умалчивая о себѣ, говоришь мнѣ о своихъ предкахъ? Лучше быть добродѣтельнымъ, исходя отъ худаго рода, нежели благородному быть человѣкомъ самымъ порочнымъ. И роза выросла на грубомъ растеніи, хотя она и роза. Если же ты на пѣжной землѣ вышелъ терномъ; то годишься только въ огонь. Какъ же, будучи порочнымъ, столько величаешься предками? Ты—ходящій въ колесѣ осель; а думаешь носить голову наравнѣ съ конемъ.

2.

Если бы привелъ я къ тебѣ обезьяну, постаравшись нарядить ее львомъ; пришелъ ли бы ты въ страхъ при видѣ ея?—Какъ это возможно?—А что? не смѣ-

ниѣ ли еще былъ бы для тебя воронъ , эта самая некрасивая изъ птицъ , если бы онъ , окрасившись чѣмъ нибудь бѣлымъ , сталъ представлять изъ себя лебедя?—Для меня онъ очень смѣшонъ. А если человѣкъ низкій по нравамъ величается благородствомъ , уважать ли мнѣ его ? Какъ ни блистателенъ ликъ писанный на картинѣ , я не предпочту его живому человѣку. Пусть напишутъ себя другіе ; для меня нравы замѣняютъ родъ. Да и подлинно , что съ вами сдѣлалось , смертные человѣки ? Нѣтъ коня , который бы не родился конемъ ; нѣтъ птицы , которая бы не летала на крыльяхъ. Смотря на быка , кто скажетъ , что это дельфинъ ? Каждая вещь за то и признается , что она въ дѣйствительности. Но вотъ два забавныя явленія на поприщѣ нашей жизни — живая тварь , пресмыкающаяся по землѣ , превозносится до звѣздъ , и грамота дѣлаетъ худонравнаго благороднымъ ! Какого покупаешь себѣ коня , добраго ли и скорого , или ни къ чему негоднаго , а только извѣстнаго породой?—Конечно , добраго. Не проворныхъ ли выбираешь и псовъ ? — Да.—Что жъ ? не то же ли наблюдаешь и во всемъ ? — Конечно , то же.—А себя , когда ты всѣхъ порочиѣ , называешь благороднымъ ? Напрасно такъ шутишь. Пусть отвѣсъ покажетъ твою прямизну ; тогда повѣрю. Ты укоряешь меня низостію рода , хотя я человѣкъ свободный. Я смѣюсь надъ твоимъ недугомъ , если ты , будучи всѣхъ порочиѣ , думаешь знатностію рода прикрыть свою худую нравственность. Тѣхъ , отъ кого происходишь , признали благородными , можетъ быть , за богатство , а не за нравы. А ты присовокупи и добрую нравственность. Что тебѣ за польза

происходить отъ знатнаго рода, и быть человекомъ самымъ порочнымъ? Кто благороденъ по отцѣ, а низокъ по нравамъ, того почитаю для добрыхъ дѣлъ смердящимъ мертвецемъ. Одно благородство—имѣть добрые нравы.

НА БОГАТОЛЮБЦЕВЪ.

Увы! увy! Какихъ золь исполнены злые! Но они бѣдные и не знаютъ даже этого, не знаютъ, чтобы къ своему спасенію воспользоваться чѣмъ нибудь, или словомъ какимъ, или совѣтникомъ, или памятованіемъ о Богѣ; а все это—врачевства для недужныхъ. Но вотъ жалкая болѣзнь! Они почитаютъ себя совершенно здоровыми. Такъ помѣшанные въ умѣ и изступленные самое разстройство ума признаютъ его крѣпостію, и безъ крыльевъ летаютъ, безъ воловъ пашутъ землю, не имѣя вблизи себя воинской дружины подають другимъ помощь, не пльвя плаваютъ, одни безъ противника вступаютъ въ борьбу, обогащаются, царствуютъ, выигрываютъ тяжбы; и все это—дѣло болѣзни. А посовѣтуй что нибудь, скорѣе самъ потерпишь зло, нежели убѣдишь словомъ, чтобы попользовались какимъ нибудь врачевствомъ отъ недуга. Ибо кто станетъ лечиться и искать спасенія, когда увѣренъ, что онъ не боленъ, но здоровъ? Больному свойственно заботиться о врачеваніи, но больному не до крайности. А кто праведника почитаетъ больнымъ, тотъ прійметъ ли его совѣтникомъ въ страданіи?

Ты богатъ и употребляешь всѣ мѣры, чтобъ никто не былъ тебѣ сосѣдомъ. Хочется тебѣ завладѣть помещемъ; но оно принадлежитъ ближнему, а не тебѣ,—и это бѣда! Надобно, чтобъ на тебя одного всѣ смотрѣли. Если тѣлу твоему нанесенъ ударъ, это ужасно. Чтò ни есть у ближняго, все—гвоздь тебѣ въ глазу. И хорошо, если бы это было такъ дѣйствительно! Тогда, можетъ быть, пересталъ бы ты пожирать непрестанно все больше и больше, какъ пламень, какъ горный потокъ, какъ заразительная болѣзнь, не останавливаемая никакою преградой. По моему мнѣнiю, тебѣ нѣтъ никакой пользы въ томъ, чтò имѣешь уже у себя, пока не будетъ приобрѣтено тобою что нибудь изъ желаемаго. На помощь рукъ готова у тебя и клевета. Понесъ я потерю?—Ты мой заимодавецъ, а вскорѣ потомъ и мой истязатель. Грозятъ пытки, оковы; бѣдному жаль своего тѣла; все отдаетъ, только бы избавиться, и не хотя щедръ на все чтò ни есть у него. Чтò жъ, развѣ не обязанъ ты отчетностiю по службѣ въ городъ, или на корабль? Еще не другъ ли ты морскому разбойнику? И называютъ тебя по имени, какого не бывало на свѣтѣ, только бы устраивъ, попользоваться отъ тебя чѣмъ нибудь. Да и воля твой сдѣлалъ когда-то обиду моимъ воламъ.—Чтò жъ это за обида? скажи мнѣ. — Воля такого бѣдняка, а мычалъ громче, и еще какъ будто вызывалъ на драку, или уже и одолѣлъ. И тѣнь отъ твоихъ деревьевъ, падая на мои деревья, причиняетъ имъ вредъ. И мальчикъ твой ходилъ по моему полю. Терпи, или представлены будутъ на это свидѣтели; и тогда пропали у тебя и воля, и мальчикъ, и садъ.

Это—открытое насиліе. А если злый чловѣкъ по случаю и умень; то его выдумка еще правдоподобнѣе. Принявъ на себя видъ заступника другихъ, не допускаетъ сдѣлать какое нибудь зло, но покровительствуетъ людямъ, чтобъ поработить ихъ, и потомъ пожираетъ, какъ левъ, который, отогнавъ звѣрей отъ бѣднаго животнаго, не оказываетъ ему милости, но самъ прибираетъ къ себѣ, какъ легкую добычу.

Для чего изнурять себя? Простое дѣло—довольствоваться тѣмъ, чтò имѣешь. А при неумѣренномъ приобрѣтеніи великъ и трудъ: ссоры, тяжбы, обманы, ложныя клятвы, кромѣ же всего прочаго заботы, какъ мгла, всегда приносятъ имъ что нибудь чуждое. Если ты, сидя за столомъ съ людьми, которые не ниже тебя чиномъ, не наблюдаешь мѣры и огорчаешь тѣмъ, что полными горстями хватаешь всего; то не похвалять тебя. То же надобно сказать и о приобрѣтеніи; потому что жадность вездѣ отвратительна. Но не такъ представляется тебѣ, у котораго разумъ подавленъ. Однимъ уже владѣешь, другаго желаешь, третьяго надѣешься; а для инаго есть у тебя сводчики и подговорщики въ родѣ тѣхъ, которые услуживаютъ растлителямъ плоти. Ты чттишь золото; снѣдъ моли—одежды похоронены у тебя въ сундукахъ; всегда окруженъ ты скупщиками хлѣба, торгуешь самымъ безвременьемъ. Одни плачутъ, другіе питаются надеждой; потому что надежда есть легкая греза на яву. А ты на однѣ житницы кладешь печать, а другія предусмотрительно открываешь, соображаясь, какъ думаю, съ теченіемъ обстоятельствъ. Увы! увь! Ты берешь подать съ

несчастія бѣдныхъ, собираешь плоды съ чужаго невзгодья; затруднительное положеніе другихъ для тебя своего рода жатва.

Кто же ты, отваживающійся на такія дѣла? Почему такъ поступаешь? И на что надѣешься? Можетъ быть, настоящая ночь застигнетъ тебя уже мертвымъ, похитивъ изъ среды всего тобою вожделѣваемаго. Какъ это ужасно! Другіе все, и тѣло, и имущество приносятъ въ даръ Богу, отъ Котораго все; а ты всего домогаешься, все тебѣ надобно имѣть. Что же приобретаешь? Какія страшныя сокровища? У тебя на столѣ груды снѣдей; это отрада узкой гортани, о которой всѣ твои заботы; у тебя надменіе чрева, болѣзнь пресыщенія; ибо таковы плоды неумѣренности въ пищу; у тебя огромные дома, въ которыхъ большая часть стоитъ пустою, съ золотыми потолками, и блестящія картины; у тебя слуги, наряженные на подобіе женщинъ; у тебя тѣнистыя и прохладныя убѣжища; у тебя пьянство, лики поющихъ, дружныя рукоплесканія, при которыхъ растлѣвается красота образа Божія. Ты надмеваешься своимъ блескомъ, передъ всѣми въ городѣ высоко носишь свою голову, хвастаешься высокостію своего чина; а чины—это борьба зависти и самовластия. Ибо никто не дозволяетъ другому думать о себѣ высоко, но самъ себя ставитъ выше всѣхъ, и заносится предъ другими больше, чѣмъ у змѣи одинъ рядъ чешуи надвинуть на другой. Но пусть такъ! Что же еще у тебя драгоценнаго? Роскошь женщинъ въ убранствѣ дорогими камнями и золотомъ, которые то сплочены вмѣстѣ, то блестятъ отдѣльно; цѣпи на рукахъ и ногахъ —

это пріятное бремя , не для доброй цѣли помогающее красотѣ , которая домогается того , чтобъ нравиться многимъ мужчинамъ.

Что же еще ? Можетъ быть , хочешь оставить дѣтей богатыми и владѣтелями пріобрѣтеннаго отцевою наглостію . Это значило бы еще что нибудь , если бы сбылись твои надежды . А теперь никто не знаетъ , гдѣ солѣветъ твой прахъ , и до чего прострется вредъ пріобрѣтенія . Ты трудишься , и по долгу , можетъ быть , не спишь , и ночи наравнѣ съ днями проходятъ у тебя въ заботахъ ; отъ того больше пѣнешъ горестей , нежели наслажденій ; берешь грабительскій ростъ , изъ одного роста выращаешь другой , и сколько съ чего взять , высчитано у тебя по пальцамъ . Но это сберегается не для тебя , и не для кого ты надѣешься , а достанется кому нибудь , можетъ быть , человѣку для тебя стороннему , и то еще хорошо ! Случится , что достанется и твоему непріятелю , — одному изъ тѣхъ , которые худо говорятъ о тебѣ и о твоёмъ добрѣ , которыхъ ты не удостоивалъ даже своимъ кускомъ . Можетъ быть , одинъ изъ потерпѣвшихъ отъ тебя зло , тотъ , кто тебя и домъ твой со слезами и воплемъ орошалъ соленнымъ питіемъ , будетъ питаться чужими трудами , какъ жирный и по верхамъ смотрящій пѣтухъ , не одобряя многого въ томъ , что теперь изображаешь на стѣнахъ дома , а съ наслѣдникомъ твоимъ , если и встрѣтится , не разломитъ и хлѣба . Такъ суетны мечты человѣческія ! Для этого , если можешь что выдумать , присовокупляй къ пріобрѣтенному , мучь себя , дѣлай наслія , не оставляй безъ испытанія никакихъ худыхъ мѣръ , обѣщи глубины

земли и моря, стриги, какъ говорится, и съ мертвыхъ волосы, *пожри мрежи* (Авв. 1, 16), поклавъйся рукъ своей, которая столько собрала тебѣ золота, для прибыли ни во что поставь все, и враговъ, и друзей, и родныхъ, и благодѣтелей.

Это ничѣмъ не разнится отъ морскаго отлива, или отъ Харибды поглощающей пловцевъ. Еще не много, и богатство будетъ изbleвано, потечетъ, какъ излишнее бремя изъ пресмыщеннаго чрева. Еще не много подождать, и наступитъ судъ, или еще здѣсь, что гораздо лучше, или если не здѣсь, то въ будущей жизни. Прекрасная нищета предпочтительнѣе худо приобрѣтеннаго богатства. Лучше быть смиреннымъ, нежели надменнымъ и болѣзнь почитать здоровьемъ.

Надобно бы, чтобъ все у тебя, какъ рассказываютъ о Мидасѣ, обращалось въ золото, чтобъ и тебѣ потерпѣть одинакую съ Мидасомъ участь, и за худое желаніе справедливо мучиться голодомъ. Между породами ехиднъ, какія водятся въ египетской пустынѣ, есть такъ называемая дипсада. Каково ея угрызеніе, показываетъ самое наименованіе. Оно дано гаду по той неутомимой жадѣ, какою страдающая умираетъ угрызенный. Кому сообщился этотъ ядъ, тотъ, встрѣтивъ рѣку, съ отверстымъ ртомъ весь погружается въ нее, и пьетъ, пока не расторгнется его внутренность отъ принятаго внутрь бремени, и только вмѣстѣ съ жизнію прекращается жажда. Не знаю, слыхалъ ли ты, любезный, что нѣкогда небо дождило хлѣбъ народу, когда шелъ онъ по пустынѣ, въ которой, какъ и естественно, не было средствъ къ пропитанію? Этотъ даръ, какъ

Божій, подаваемъ былъ щедро и неоскудѣваемо. Но неумѣренныхъ постигало и наказаніе; всякій излишекъ тотчасъ дѣлался смраднымъ; а мѣрою служила потребность дара. Справедливо было бы, чтобъ то же самое случалось всегда со всякимъ несправедливымъ человѣкомъ, то есть, чтобъ онъ, или разбѣдался отъ сильнаго своего желанія, или вмѣстѣ съ своимъ несправедливымъ приобрѣтеніемъ дѣлался смердящимъ. Это одно, можетъ быть, остановило бы такихъ людей!

Что жъ? Почему не пустишь въ прибыльный оборотъ и собственнаго своего тѣла? Почему не избежешь жизни начальника разбойниковъ, не подламываешь стѣнъ, не тревожишь гробовъ, если у тебя одна забота—разбогатѣть, а какъ и откуда, о томъ вовсе нѣтъ слова? Есть мѣра красотѣ, есть и зрѣнію, и бѣгу, и силѣ, и пѣнію, и пляскѣ, и рѣчамъ: все это дѣло труда, а не хищничества. А приобрѣтенію нѣтъ никакой мѣры. Но чужій овладѣваетъ имуществомъ трудившагося, и приобрѣтавшаго честно, или законно получившаго отеческое наслѣдство, овладѣваетъ тотъ, въ комъ не много остается дыханія жизни, кто, можетъ быть, не успѣетъ и узнать всего, что поступило въ его собственность.

Не отдать ли тебѣ одному цѣлую землю? Но если отдадимъ это, не останется ли еще чего? Что будешь ты дѣлать? Не употребишь ли усилій приобрѣсти и то? Непрестанно будешь трудиться; потому что ты нищій, пока не получишь остальнаго? Но ты на чемъ нибудь остановишься! Подумай же объ этомъ теперь. Можешь пользоваться своею собственностію; а если не знаешь мѣры, то знай, что

подливаешь яд во все, что ни имѣешь теперь у себя. Все, что приходитъ къ тебѣ несправедно, — огонь для тебя; оно губить съ собою и то, къ чему присовокуплено. Какъ не утоляетъ жажды морская вода, и любви—продолжительное зрѣніе на любимый предметъ, напротивъ того любовь воспламеняется вдвое: такъ для ненасытныхъ приобретаемое ими дѣлается отравой, которая непрестанно возбуждаетъ въ нихъ пожеланіе еще большаго.

Любителямъ спокойной жизни, или и бѣднымъ далъ бы я совѣтъ — пожертвовать чѣмъ нибудь людямъ злонравнымъ, какъ звѣрямъ бросаютъ пищу, или какъ бѣсамъ суевѣрные люди дѣлаютъ возліанія, если бы только такимъ средствомъ можно было приобрести спокойствіе, и стало наконецъ возможнымъ имѣть у себя нѣчто даже бѣднымъ, которые непрестанно трепещутъ и одной тѣни злыхъ людей. Но теперь, исключая однихъ злыхъ, отъ всего знаю врачество, на примѣръ: отъ голода—пищу, отъ воздержанія — скудость, отъ водяной болѣзни — выпускъ воды, отъ чужаго глаза—тму, отъ слезъ—разсудительность или друга, отъ скорби — время; и пловцамъ въ затрудненіи спасительны показавшіяся на берегу огонь или пристань, и утомившемуся — умашеніе членовъ. Но для порочныхъ нѣтъ другаго врачевства, кромѣ Божія суда и ранъ. Но и того не чувствуютъ злочестивые, въ пресыщеніи презираютъ они и судъ. Содѣйственникъ ихъ покрываетъ имъ умы мракомъ, а хребетъ—мѣдью, чтобы, подобно желѣзной наковальнѣ, не умягчался и среди бѣдствій.

Они тотчасъ прибѣгаютъ къ примѣрамъ. Что сіе значитъ, Христе мой? Для чего Ты людямъ пороч-

нымъ даешь видѣть преткновенія добродѣтельныхъ, чтобъ въ нихъ находили они убѣжище своему злоправію? На доброе дѣло, хотя оно и велико, никто не обращаетъ вниманія; а худое дѣло, какъ оно ни мало, для людей безразсудныхъ и злонаправныхъ дѣлается какою-то вывѣскою. Для добрыхъ дѣлъ они—желѣзо, а для худыхъ — воскъ, и легко отпечатлѣваютъ на себѣ все худое. Я не цѣломудренъ, говоритъ порочный. Чтò жъ, развѣ не найдутся мнѣ подобные? И увы! Онъ наименоуетъ когонибудь изъ мудрыхъ. Я убійца? Чтò-жъ, развѣ и въ этомъ не найдутся мнѣ подобные и изъ древнихъ, и изъ новыхъ? Я обогащаюсь неправедно? А пиній захватывалъ во власть свою цѣлые народы и города. Кто же не знаетъ, сколько хуже клятвы отреченіе? И потому выставляетъ на видъ чьенибудь отреченіе, чтобъ прикрыть тѣмъ свои меньшія раны.

На это хочу сказать тебѣ одну баснь (если только и среди бѣдствій можно шутить), баснь очень приличную твоимъ лжеумствованіямъ. Смѣялся нѣкто надъ совою. И сова отъ каждой насмѣшки увертывалась ловкимъ отвѣтомъ. Какая у тебя голова! говорили ей. А какая у Діа? отвѣчала она.—Какіе свѣтлые глаза!—Точно какъ у свѣтлоокой.—Голосъ не благозвученъ!—А у сороки еще не благозвучиѣ.—И ноги тонки!—А каковы тебѣ кажутся у скворца?—Но безъ труда отразивъ все это, какъ ни была умна сова, уступаетъ въ одномъ. Ей говорятъ: ты такая умная, посуди же: у cadaго есть чтонибудь одно; а у тебя все вмѣстѣ, и все черезъ мѣру, и глаза свѣтлы, и голосъ грубъ, и ноги тонки, и голова

велика. И дорогая сова, выслушавъ это, пошла со стыдомъ.

А отъ тебя не дождешься и сего, напротивъ того птица въ баснѣ гораздо умнѣ тебя. Все есть въ одномъ;—въ томъ и бѣда твоя. Разъ или два увлечься и пасть, и притомъ въ чемъ нибудь неважномъ,—это еще извинительно. Уступимъ нѣчто и омраченію плоти. Ни въ чемъ не претыкаться свойственно единому Богу. Но падать намѣренно, хвалиться худымъ дѣломъ, падать многократно, падать въ пороки важные, и не стыдиться сего, но смѣяться надъ этимъ, не хотѣть уцѣломудриться и наказаніями, какими вразумляются люди самые жалкіе, но съ открытой головою кидаться въ опасность,—это самая ужасная и злокачественная болѣзнь. Разсмотри свои дѣла, разсмотри и то, что тебѣ предписано дѣлать и не дѣлать. А въ тѣхъ дѣлахъ обрати вниманіе на время и на то, чему они служатъ образомъ. Тогда вѣра едва начиналась; люди, какъ младенцы, имѣли нужду въ поддержкѣ и въ нѣжной нищѣ; потому и падающіе находили себѣ извиненіе. Но тебѣ не простительно падать; потому что ты принялъ совершенное слово, и Христосъ много пострадалъ за твои грѣхи. Напротивъ того, тебя за прежнія грѣхопаденія ожидаетъ казнь. Что говорю: за прежнія? И за тѣ, въ которыя ввергаешься нынѣ.

Не упоминаю еще о тамошнихъ надеждахъ; правосудіе находитъ многое, чѣмъ наказать и здѣсь. У тебя есть домъ, жена, дѣти, есть еще что нибудь особенно любезное (ибо при всемъ своемъ самолюбіи привязанъ ты къ этому), а также самое имѣніе, роскошь, свобода, и въ заключеніи всего собствен-

ное тѣло твое. А посему, имѣя у себя это, то есть, такое бремя жизни, плыви осторожно.

« Но что же? Развѣ и у тебя нѣтъ болѣзней и бѣдствій? Не скудна ли и не бездомовна ли и твоя жизнь? » Опять ты хватаешься за чужія бѣдствія. Что тебѣ до этого? Это мои несчастія; потому что самъ ты называешь ихъ несчастіями. Ужели ты, страдая, менѣ чувствуешь болѣзнь, если страдаетъ въ одно съ тобою время и ближній? Но послушай еще: у насъ съ тобою и страданія неравны. Изъ этого иное самъ я избралъ для себя, а не по неволѣ стражду. Добровольно хочу быть нищимъ и скитальцемъ, чтобъ освободиться отъ узъ и не на землѣ имѣть свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротивъ. Не ставь же лву въ образецъ долгохвостую обезьяну. Ты считаешь это бѣдствіемъ? Оно и дѣйствительно для тебя бѣдствіе. А для меня, хотя и болѣзненно, потому что и я, какъ человѣкъ (не отрекусь отъ этого), имѣю перстный составъ, ношу въ себѣ слѣды древа и доставленнаго имъ удовольствія, однако же я переносу это, и даже терплю съ любовію. Мое страданіе лучше твоей крѣпости. Посмотримъ еще на сіе и такъ. Оба мы терпимъ зло. Но твое страданіе есть наказаніе за твое злонавіе. Твой обвинитель—твоя нравственность, это горькое, внутреннее и ясное доказательство. А для меня бѣдствіе есть нѣкоторое очищеніе даже и отъ случайнаго очерненія. Не говорю еще о томъ, что огорчительное бываетъ иногда испытаніемъ и борьбою, въ которой за побѣду можно получить вѣнецъ.

Какъ выслушаешь это? Какъ воспользуешься мо-

ими словами? Ни одинъ человѣкъ, если онъ въ здоровомъ умѣ, не обманываетъ врача; иначе болѣзнь непримѣтно погубить его. И то и другое — недугъ, и презрѣть Бога, и подавленному бременемъ пороковъ потерять надежду на милость. Но прійми мое слово, и не подвергнешься ни которому изъ сихъ недуговъ. И презрѣніе, и отчаяніе въ надеждѣ—равно худы. Богъ—Судія, но и Отецъ. Ты боишься Его, какъ судіи, но смѣло надѣйся на Него, какъ на милосердаго. Открой свою болѣзнь, проси спасенія, пролей слезы на раны свои. Подавай и нищимъ, прекраснымъ твоимъ заступникамъ; они богато отдаютъ насъ тѣмъ именно, въ чемъ имѣемъ мы нужду, то есть, Божиимъ милосердіемъ и упованіемъ на Бога. Но если подаешь имъ, то подавай изъ своего, а чужимъ не покрывай ни Святой трапезы, ни нищаго. Нищій есть твореніе Божіей руки, а потому не долженъ быть презираемъ; и Святая трапеза—досточтима. Не обманывай Бога, какъ недавновиднаго Судію, чтобъ Онъ еще больше на тебя не прогнѣвался. Ты учишь красть искоренителя кражи.

Если убѣдительно это для тебя; тѣмъ лучше. А если не убѣдительно, то перестань, по крайней мѣрѣ, хотя уже и поздно, дѣлать насилія. Во всемъ, и въ добромъ и въ худомъ, есть своя сытость. Я похваляю въ тебѣ и это; потому что для порочнаго весьма важно—остановиться въ порокѣ.

Пріймешь ли это, или не пріймешь; но напомню тебѣ гробъ. Это—предѣлъ всѣхъ худыхъ дѣлъ; и у тебя будетъ такой же конецъ, какъ и у всякаго, хотя пройдешь за Иракловы столпы, или за каспій-

скія ворота, присвоивъ себѣ достояніе и ближнихъ, и сосѣдей. И твою могилу, какъ думаю, раскопаеть кто нибудь подобный тебѣ нравомъ, съ твоей походки перенявшій ходить криво, еще худшій ученикъ такого мудраго учителя.

Помни также неотвратимый и грозный день, за которымъ и мракъ, и пламень, и тартарь — эти испытанія здѣшнихъ худыхъ дѣлъ для отысканія въ насъ образа Божія, который заваленъ сѣтями змія и хитреца, обольщающаго насъ зловреднымъ сладолюбіемъ.

А я домогаюсь, какъ мнѣ избѣжать бѣдствія, на какихъ спастись крыльяхъ, въ какихъ глубинахъ земли и моря, или какими ухищреніями, и въ какомъ концѣ вселенной, какимъ обложить себя мракомъ, или облакомъ вмѣсто покрова, какими молитвами умилостивить Бога? Вездѣ для меня три эти бѣдствія — и время, и мѣсто, и удобный случай ко грѣху. Поставлю передъ собою Божій законъ. Какой же именно? Переходите изъ города въ городъ; ибо предадутся нѣкоторыя бѣгству,—говорилъ Апостоламъ, когда гонимъ былъ, Вседержитель Богъ. Обойду всѣ города до послѣдняго огнища, избѣгая жестокаго нападенія лукавыхъ. А тамъ и не желающихъ постигнетъ казнь. Въ горнихъ обителяхъ не будутъ они беспокоить, и не изринуть оттуда нищихъ, какъ дѣлаютъ нынѣ, а развѣ сами, въ прохладеніе пламени, попросятъ нѣсколькихъ капель сожалѣнія. Да убѣдять тебя въ этомъ богатый и Лазарь, изъ которыхъ одинъ наказанъ единственно за то, что вель роскошную жизнь, когда другой страдалъ и отъ недостатка пищи и отъ ранъ, по-

тому что богачъ, подобно тебѣ, отгонялъ отъ себя Лазаря; а другой почтенъ, потому что претерпѣлъ все сіе.

Конецъ слову; но выслушай его съ трепетомъ. Многое именуется грѣхомъ и дѣйствительно грѣхъ; но идолослужителемъ (а это есть самый тяжкій грѣхъ въ мірѣ) называется тотъ, кто ничего не знаетъ и не ставитъ выше денегъ (Ефес. 5, 5.), потому что и идолослуженію, по болѣзни своей, всего скорѣе подвергнется онъ, если наступитъ время — получить чрезъ это прибытокъ, или потому что кланяется богатству — этой Хамосовой мерзости. Итакъ отринемъ, отринемъ идольскіе кумиры, и будемъ чтить единого Бога, Котораго знаемъ.

НА ЖЕНЩИНЪ, КОТОРЫЯ ЛЮБЯТЪ НАРЯДЫ.

Не стройте, женщины, на головахъ у себя башенъ изъ накладныхъ волосъ, не выставляйте на показъ нѣжной шеи; не покрывайте Божія лица гнусными красками, и вмѣсто лица не носите личины. Женщинѣ не прилично показывать мужчинамъ открытую голову, хотя бы золото вилетено было въ кудри, или несвязанные волосы, какъ у скачущей менады, развѣвались туда и сюда нескромными вѣтерками. Ей не прилично носить на верху гребень, на подобіе шлема, или видную издали мужчинамъ и блестящую башню. Не прилично и то, чтобы сквозь

тонкій лень просвѣчивали твои волосы, вмѣстѣ покрытые и открытые, и сія какъ золото, гдѣ сбѣжало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставивъ передъ собою слѣпаго наставника — бездушное изображеніе своего лица, съ его помощію писала ты свою красоту.

Если природа дала вамъ красоту, не закрывайте ее притираньями, но чистую храните для однихъ своихъ супруговъ, и не обращайтесь на посторонняго жадныхъ очей; потому что въ слѣдъ за очами неблагочинно ходитъ и сердце. А если при рожденіи не получили вы въ даръ красоты, то избѣгайте втораго безобразія, то есть, не заимствуйте красоты у рукъ, — красоты, которую доставляетъ земля, которую распутныя женщины покупаютъ, и покупаютъ за нѣсколько оловъ, красоты, — которая стирается и стекаетъ на землю, не можетъ удержаться на тебѣ во время смѣха, когда веселіе приводитъ въ трепеть ланиту, — красоты, которую изобличаютъ въ подлогѣ ручки слезъ, увлаживающей ланиты страхъ, и уничтожаетъ капля росы. Теперь блестятъ и полны прелестей твои ланиты; но вдругъ (къ великому смѣху) являются онѣ двухцвѣтными, гдѣ темными, а гдѣ бѣломраморными. Ибо тебѣ, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себѣ обличаемую въ подлогѣ красоту? Она была бы прилична на неподвижныхъ статуяхъ; но у тебя накладная личина разрушается отъ многихъ причинъ. Одно тѣло дано тебѣ Богомъ, а другое есть произведеніе твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это лугъ, на которомъ растутъ попеременно цвѣты двухъ родовъ, и пріятные, и непріятные. Это

двухцвѣтная одежда, по которой идутъ многія по-
лосы. Поэтому, или не расписывай своего тѣла, или,
расписавъ, постарайся сберечь; не прибѣгай къ
постыднымъ пособіямъ прикрашивать свой видъ. Не
трудись надъ Пенелопиной тканью, въ которой на-
дочно ночью распускать, что соткано днемъ: будучи
внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанетъ у тебя хитрости сокрыть что
нибудь отъ супруга, хотя и не удобно Божій об-
разъ закрыть смертной личиной; то смотри, чтобы
прогнѣванный Богъ не сказалъ тебѣ такъ: «Отвѣчай,
чуждая Миѣ тварь! Кто и откуда этотъ творецъ?
Я не пса живописаль, но создалъ собственный Мой
образъ. Какъ же вмѣсто любезнаго Миѣ образа ви-
жу кумиръ?»

Но уступимъ нѣчто твоей болѣзни. Впрочемъ, если
явно, что ты живописная картина, въ которой одинъ
ликъ наложенъ на другой; то знай, что ты ставишь
позорный столпъ, издали видный людямъ, когда
пишешь одушевленный образъ Алкиноя. Твои пре-
лести — безплодный Адонисовъ садъ, цвѣтъ полипа,
письмена на пескѣ. Но походя на галку, описан-
ную въ баснѣ, и зная, что эта птица, гордившаяся
чужими перьями, вскорѣ ощипана и предана осмѣ-
лянію, какъ и ты не подумаешь о послѣднемъ позо-
рѣ, о пагубной красотѣ? Или надѣешься, что твоя
блистательная наружность не измѣнится? Но въ ско-
ромъ времени увидишь, сколько приносить горе-
стей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы въ накладной красотѣ,
когда старость покроетъ морщинами лице, дотолъ
цвѣтущее, когда дряхлыхъ членовъ нельзя закрыть

никакими прикрасами, и остатокъ плоти походить на что-то обожженное огнемъ и вынудое изъ пепла? Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщинъ, не даетъ мѣста обезьянѣ. Такова прелесть подкрашенныхъ членовъ! Но поставь теперь, превосходная, изображеніе своего лица, какимъ было оно прежде. Я не почту его вѣрнымъ, да и тебѣ прежде всего надобно пожелать, чтобъ не было глазъ ни у одного изъ тѣхъ мужчинъ, которые прославляли тебя нѣкогда и не могли отвести отъ тебя очей, когда ты съ гордою поступью расхаживала передъ ними.

Смѣха достойно и то, что, стараясь утаиться отъ мужчинъ, мужчинъ же вводишь въ тайны своей красоты. Ибо тѣ составы, которыми ты восхищаешься, приготовляли мужчины—грабители собственныхъ своихъ домогъ, строители безумной своей страсти. Это изобрѣтенія не цѣломудрія, но распутства; и распутство видно во всемъ томъ, на чтѣ ты ухищряешься для мужчинъ. Рассказываютъ о гордомъ навалинѣ, что, когда, изогнувъ шею въ видѣ круга, поднимаетъ свои золотистыя и звѣздами усыяныя перья, тогда начинаетъ привѣтливо скликать своихъ жень: удивительно будетъ для меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливыхъ очей.

Если ты къ супругу своему питаешь такую же любовь, какую и онъ къ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ цвѣтущею дѣвой ввелъ тебя въ брачный чертогъ; то сіе пріятно ему. Но если стараешься понравиться взорамъ другихъ, то сіе ненавистно твоему супругу. Лучше тебѣ внутрь дома своего скрывать прелесть, данная природой, нежели не благочинно вы-

ставлять на показъ прелести поддѣльныя. Ибо супругу довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многихъ, какъ сѣть для стада пернатыхъ; то сперва станешь любоваться тѣмъ, кто тобою любитъ, и мѣняться взорами, потомъ начнутся усмѣшки и обмѣны словами, сначала украдкой, въ послѣдствіи же съ большею смѣлостію. Но остановись, говорливый языкъ, и не произноси того, что послѣдуетъ за этимъ. Впрочемъ скажу за несомнѣнное, что всякая шутка женщины съ молодымъ мужчиною уязвляетъ какъ острое жало. Здѣсь все неразрывно идетъ одно за другимъ, подобно тому какъ желѣзо, притянутое магнитомъ, само притягиваетъ другое желѣзо.

О какъ бы хорошо натирать бѣлилами и румянами (и еще въ избыткѣ) не женщинъ, но тѣхъ безразсудныхъ мужчинъ, которые, ежедневно имѣя предъ собою этотъ срамъ, сами себѣ застилаютъ глаза туманомъ и услаждаются грѣхомъ! Они поражаютъ злословіемъ прекрасныхъ женщинъ, сами же своими срамными дѣлами уподобляются свиньямъ: а можетъ быть, и дѣйствительно попали бы въ темные свинные хлѣвы, если бы Цирцея помазала ихъ тѣмъ составомъ, которымъ она людей превращала въ звѣрей; ибо они не гнушаются прикрасами, и сами подкладываютъ въ огонь сухія дрова, когда надлежало бы ихъ убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти другъ друга въ нарядахъ женъ, чтобы одному передъ другимъ имѣть преимущество въ неразуміи. Часто и при недостаточномъ состояніи употребляютъ они всѣ усилія, чтобы возбудить наглость своихъ женъ. Но ты, вѣрно, ни-

когда не давалъ меча своего врагу и горному потоку не открывалъ пути на свои нивы.

Говорять, что, по похищеніи небеснаго огня, пришла къ людямъ Пандора наказать за одинъ огонь другимъ, за благодѣтельный — гибельнымъ. А чтобы она; какъ можно, болѣе воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый изъ нихъ приложилъ что нибудь отъ себя; все же это совокупивъ во едино, пустили они къ людямъ это многосложное обольщеніе, это любящее пиры, увлекательное, безстыдное, сладкорѣчивое услажденіе, эту никогда не потухающую головню. Не вѣрю я баснямъ, однако же скажу, съ твоего позволенія: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандоринъ родъ — безстыдныя женщины. Но ты — Христовъ образъ, и сіяй цѣломудріемъ и благоразуміемъ.

Но вотъ уже не басвь; послушай моихъ совѣтовъ, какіе изреку тебѣ изъ пребожественнаго слова. Или не знаешь, какъ и древле твоего праотца обольстило своею доброцвѣтностію челоуѣкоубійственное древо, и какъ хитрость врага и убѣжденіе супруги и обольстили, и немедленно изринули его изъ зеленѣющаго рая? Съ сего-то времени, дочь моя, такой отеческій законъ — никогда не полагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота — для меня кратковременная прелесть; ее приноситъ весна, и тотчасъ губить холодная зима, или преждевременно истощаетъ болѣзнь, или истребляетъ немилосердное время, ведя за собою кругъ всепопадающихъ лѣтъ.

Очень смѣшно, когда женщина, имѣя некрасивую наружность, знаетъ это, и гордясь своимъ безобразіемъ, презираетъ Данаю. Но еще гнуснѣе (такъ

говорятъ знающіе, я неспособенъ къ такому злорѣчію), когда всѣ имѣютъ общій недостатокъ, однако жъ желаютъ скрывать его одна отъ другой. Что опаснѣе такой болѣзни? Плотникъ разумѣетъ работу плотника; искусный пѣвецъ узнаетъ искуснаго въ пѣніи, и воръ видитъ вора. А женщины не хотятъ, чтобы другія понимали въ нихъ то, что сами понимаютъ въ другихъ. Такъ справедливо то, что порокъ ослѣпляетъ глаза.

Но смѣшны мужчины, когда, любуясь доброцвѣтностію движущихся картинъ, оказываютъ уваженіе лицамъ, надъ которыми сами смѣются. Думаю же, что они любятъ не столько картинами, сколько прихотливостію мужчинъ; чему доказательствомъ служатъ краски.

Разсказываютъ, что одинъ скитался по утесамъ, влюбившись въ пустой и не имѣющій вида отголосокъ, называемый эхомъ. А другой воспылалъ любовію къ собственному своему изображенію, и бросился въ источникъ, чтобы обнять подобіе гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовію къ прекраснымъ струямъ рѣки, въ безумной страсти не могла отойти отъ милыхъ береговъ, лобзала воду, черпала ее руками, и ловила пѣну; но и водами не могла угасить въ себѣ пламеньющей любви. Такъ слѣпа и непреклонна любовь!

Ни мало не удивительно, если и ты расцвѣченная, розоперстая, одѣтая въ роскошныя ткани и носящая высоко голову, сведешь съ ума молодаго человѣка, и даже не одного, но всякаго, для кого расписывашь себѣ лице. Вѣрю, что одинъ мудрый мужъ своимъ искусствомъ ввелъ въ обманъ тельца, изобра-

живъ красками на доскѣ телицу. Необычайна такая любовь — живые звѣри стремятся къ бездушнымъ изображеніямъ! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же въ молодыхъ людяхъ. Орфей увлекалъ за собою звѣрей; а ты влечешь мужчинъ, у которыхъ звѣроправенъ умъ и женонейстова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей; то и эта воздушная любовь есть уже болѣзнь. Но совершенно ли ты не уязвима? Готовъ я этому вѣрить; но и то уже не хорошо, если молва приписываетъ мнѣ и не сдѣланный мною грѣхъ. Въ такомъ случаѣ, хотя сама ты и благоразумна, но многимъ другимъ дашь урокъ неблагочинія. Порокъ течетъ быстро. Другіе употребляютъ искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь; а у тебя и на цѣломудріи лежитъ какая-то чернота. Если и цѣломудренныя станутъ любить наружную блистательность; то другихъ женщинъ не убѣдишь имѣть цѣломудренное сердце.

По ученію нашего закона не должно съ похотливымъ желаніемъ и очей устремлять на чужую жену: потому что безстыдный взоръ — начало безстыдной любви, и только избѣгающій такого взора избѣжитъ и грѣха. Какъ же ты, открывающая предъ мужчинами поясъ любви, сохранишь себя вдалекѣ отъ грѣха прелюбодѣянія?

Но (старость говорлива) разскажу тебѣ басню, которая очень идетъ къ вашему позору. По одному древнему преданію, въ родѣ человѣческомъ не различалось прежде, кто хорошъ и кто худъ; но многіе, хотя были добродѣтельны, почитались беззаконниками, и на оборотъ многіе, хотя были безраз-

судны, слыли добрыми; самыхъ безчестныхъ людей сопровождала слава, и совершенныхъ преслѣдовало безславіе, но ни тѣмъ, ни другимъ не было правосудія. Но не сокрылся отъ Царя Бога царствующій въ мірѣ грѣхъ, и возскорбѣвъ о семъ, провѣщаль Онъ наконецъ такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрыхъ и на злыхъ; отъ сего грѣхъ еще болѣе усилится. Посему дамъ имъ вѣрнѣй отличительный признакъ, по которому легко узнать, кто пороченъ». Сказавъ сіе, ланиты у добрыхъ покрылъ онъ румянцемъ, такъ, что при видѣ чего либо постыднаго тотчасъ разливается подъ кожею кровь; особливо женщину надѣлилъ Онъ румянцемъ въ большей мѣрѣ; потому что и кожа у нихъ прозрачнѣй, и сердце нѣжнѣе. Но у злыхъ Богъ сгустилъ кровь и сдѣлалъ неподвижною во внутренности, такъ что и отъ стыда ни мало не приходитъ она въ обращеніе.

Куда же причислю тебя, изукрашившая свои ланиты? Для меня не важенъ твой румянецъ, хотя и до чрезмѣрности покрываетъ онъ твою наружность; ибо это румянецъ безстыдства, отрощеніе того румянца, который въ древности потопленъ содомскимъ огнемъ. Не расписывай себѣ лица, распутная женщина, не поддѣлывай своего цвѣта; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мнѣ отцемъ, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно; пусть оно мало, но обильнѣе послѣдняго. Такъ и законную жену предпочитаю любодѣйцѣ. Родныя дѣти, хотя и не красивы лицомъ, милѣе красивыхъ, но усыновленныхъ. Помня это, сохраняй тѣло свое такимъ,

каково оно по природѣ, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты въ дѣйствительности.

Кельты испытываютъ въ струяхъ Рейна, законно рожденны ли ихъ дѣти. И часто золото пробуетъ на угляхъ. Такъ о цѣломудріи твоего сердца заключаю по неукрашенной красотѣ твоего лица. Да не кладетъ на тебя своей печати темный веліаръ! Онъ или совершенно обратитъ тебя въ пепель, или очернитъ своимъ дымомъ, и за краткое наслажденіе покроетъ позоромъ. Не для благородныхъ дорого золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями и сквозящимъ своимъ блескомъ поражающее взоры, въ видѣ цѣни разложенное по персямъ, жемчужнымъ бременемъ отягчающее и обезображивающее уши, или увѣнчивающее голову. Не для благородныхъ дороги эти золотыя одежды, эти хитрия произведенія изъ тонкихъ нитей, то багряныя, то золотистыя, то прозрачныя, то блестящія. Не губительныя для ланитъ составы, не подрумяненные уста украшаютъ женщину. Ея красота не въ томъ, чтобы поверхъ расписанныхъ вѣждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнѣженнымъ голосомъ привлекать къ себѣ благосклонный слухъ, руки и ноги стаявъ золотыми, вождѣльными и пріятными для тебя узами, представлять изъ себя что-то рабское, тѣло и голову умащать роскошными благовоніями (на трупы слѣтаются вороны (а)), жевать во рту что нибудь не-

---

(а) Смыслъ св. Григорій, вѣроятно, дѣлаетъ тотъ намекъ, что умащать благовоніемъ прилично одинъ трупъ.

употребляемое въ пищу (а), держать въ непрестанномъ движеніи подбородокъ , и какъ бы изъ презрѣнія къ целомудреннымъ, изъ зубовъ и изъ увлажненныхъ устъ точить пѣну. Не восхищайся блистательностію сѣдалищъ , не старайся выказывать себя сквозь искусно сдѣланныя и сквозящія створки, высматривая тѣхъ , которые на тебя смотрять. Не гордись ни множествомъ слугъ , ни служанками — этими подобіями твоего сердца. Вѣстники весны — ласточки, плодовъ — цвѣты ; по служанкамъ можно заключать о госпожѣ. Размысли обо всемъ этомъ. Хотя не важно неприличіе чего нибудь одного ; однако же все вмѣстѣ и одно при другомъ — несомнѣнная пагуба.

Одинъ цвѣтъ любезенъ въ женщинахъ — это добрый румянецъ стыдливости. Его живописуетъ нашъ Живописецъ. Если хочешь, уступлю тебѣ и другой цвѣтъ ; придай своей красотѣ блѣдность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханіями, бдѣніями днемъ и ночью. Вотъ притиранья годныя и незамужнимъ и замужнимъ ! А красильныя вещества побережемъ для стѣнъ и для такихъ женщинъ, въ которыхъ производитъ бѣшенство и пометъ молодыхъ людей. Онѣ пусть и скачутъ, и смѣются безстыдно ; а намъ не позволено даже и смотрѣть на распутныхъ женщинъ.

(а) Здѣсь указывается на обычай щегольливыхъ женщинъ жевать дерево, или другое что нибудь твердое, чтобы, непрестанно возбуждая во рту слюну, поддерживать свѣжесть устъ и не давать губамъ пересыхать.

Лучшая драгоценность для женщинъ — добрые нравы, то есть, сидѣть больше дома, бесѣдовать о Божіемъ словѣ, заниматься тканьемъ и пряжей (это обязанность женщинъ), распредѣлять работы служанкамъ, и избѣгать съ ними разговоровъ, на устахъ, на глазахъ и на ланитахъ носить узы, не часто переступать за порогъ своего дома, искать себѣ увеселеній только въ обществѣ цѣломудренныхъ женщинъ и въ одномъ своемъ мужѣ, для котораго ты, съ Божія благословенія, разрѣшила дѣвственный поясъ. Да и вольностямъ мужа полагай мѣру, чтобы тѣмъ самымъ увѣрить его, какъ далеко ты держишь себя отъ чужихъ мужчинъ.

Да погибнетъ тотъ, кто первый началъ раскрашивать Божію тварь; потому что онъ первый примѣшалъ къ краскамъ безстыдство. Какъ иногда безстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляютъ наружу изображеніе сокрытаго внутри безобразія; и за симъ, естественнымъ образомъ, слѣдуютъ у нихъ пляски, гнусное кривлянье благообразныхъ членовъ, врывающееся людямъ безразсуднымъ: такъ и сіи женщины, надѣвъ на себя снаружи чужій образъ — этотъ смѣхотворный, а не священный покровъ стыдливости, предаются потомъ движеніямъ достойнымъ своего испещреннаго лица. У нихъ нѣтъ покоя ни дверямъ, ни ключамъ, ни зеркаламъ, ни притираньямъ, ни уборщикамъ; весь домъ приходитъ въ содроганіе. И все это отъ тщеславнаго желанія расписать себѣ лице. Но цѣломудренная красота, которая не знаетъ убранствъ, не требуетъ и такихъ безвокойствъ. Если же ты столько гордишься накладною красотой; то не можешь

имѣть и здраваго понятія о красотѣ неподдѣльной. Привлекательна была наружность у Ефѳири; но что было плодомъ ея чрезвычайной красоты? Спасеніе цѣлаго народа. Расписывала себѣ нѣкогда очи звѣронравная блудница Іезавель, и блудническою кровью омыла свои студодѣянія. Но отъ тебя не требуютъ утолять гнѣвъ царя; тебѣ нѣтъ доли и съ блудницами: береги же свое цѣломудріе.

Какъ не приходишь ты въ трепеть, когда преклоняешь предъ іереями свою главу — это позорище, на которомъ появляются разныя личины? Какъ не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слезъ красоту, и которыя потомъ простираешь къ таинственной Снѣди? Даже и къ мученикамъ, въ память которыхъ усердный народъ, чтя драгоцѣнную кровь, составляетъ хвалебные лики, являешься ты съ лицомъ обольщающимъ многихъ, подобно торжищному шуту, который влечетъ за собою по городу толпу, или подобно укротителю звѣрей, который изъ темныхъ норъ вытаскиваетъ змѣй? Послушайся моихъ совѣтовъ, женщина, и не поддавайся мысли — накладывать руку на лице свое. Съ такими жевщинами, дочь моя, не плавай на одномъ кораблѣ, не ходи на общій совѣтъ, не живи подъ одной кровлей. Другимъ предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушать изъ устъ мужинъ, — въ этомъ слава женщинъ.

Если жизнь твоя совершенно свободна отъ узъ; живи для одного Христа, отказавшись отъ всего, будь свѣтлою, мудрою, разсудительною дѣвой, и чистымъ женихомъ своего сердца имѣй Слово. А если овладѣла тобою любовь къ тому ребру, отъ кото-

раго ты отдѣлена; то и заботься объ этомъ одномъ милкомъ ребрѣ, питая къ нему добрую, благородную, а не порочную, любовь; съ другими же страстями не будь знакома и во снѣ. И ты предстоишь великому Богу, и не скроешься, если что нибудь извѣженное примѣшаешь къ низкому. Много свидѣтелей на то, что и при грязныхъ одеждахъ возможна не благоприличная роскошь, а при пышныхъ — благопристойность. Знай, что для тебя важнѣе одинъ рубецъ, нежели самыя глубокія раны для миролюбцевъ. Уважай бисеръ. Капля не такъ замѣтна на замаранной, какъ на чистой и одноцвѣтной одеждѣ.

Если убѣдилъ тебя этимъ; то доставилъ тебѣ пользу. А если ты рѣшилась устоять въ своемъ; то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотомъ, и янтаремъ, и серебромъ, и слоновою костью. Дозволяю это новописаннымъ красотамъ. А у меня пригото-вленъ столпъ, и я сдѣлаю на немъ надпись: приходи сюда всякій, кому угодно, и любуйся этой красотою.

СОВѢТЫ ОЛИМПІАДѢ.

Посылаю тебѣ, дочь моя, этотъ добрый подарокъ; посылаю я Григорій; а совѣтъ отеческій есть самый лучшій.

Не золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, служить украшеніемъ женщинамъ, Олимпіада. Царскаго лика не покрывай румянами — этимъ правящимся срамомъ, на образъ свой не паводи другаго погибельнаго образа. Багряныя, золотыя, бле-

стяція, испещренныя одежды предоставь другимъ, которыя не украшены свѣтлою жизнію. А ты заботься о цѣломудріи, о красотѣ достойной удивленія для очей внутреннихъ. Добрыя нравы — самый лучшій цвѣтъ въ женщинѣ, которая имѣеть прочную, неизмѣняемую и достойную прославленія красоту.

Во первыхъ почитай Бога, а потомъ супруга — глазъ твоей жизни, руководителя твоихъ намѣреній. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тѣмъ больше, чѣмъ нѣжнѣйшую къ тебѣ питаетъ любовь; подъ узами единодушія сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себѣ не такую вольность, на какую вызываетъ тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всемъ возможно пресыщеніе. Но хотя и во всемъ бываетъ пресыщеніе; однако же лучше такая любовь, которая не знаетъ онаго.

Родившись женщиною, не присвой себѣ важности свойственной мужчинѣ; и не величайся родомъ, не надмевайся ни одеждою, ни мудростію. Твоя мудрость — покараться законамъ супружества; потому что узелъ брака все дѣлаетъ общимъ у жены съ мужемъ.

Когда мужъ раздраженъ, уступи ему; а когда утомленъ, помоги нѣжными словами и добрыми совѣтами. И укротитель львовъ не силою усмиряетъ разъяреннаго звѣря, у котораго въ бѣшенствѣ прерывается дыханіе, но укрощаетъ его, глядя рукою и приговаривая ласковыя слова.

Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга въ понесенномъ ущербѣ; потому что

самъ онъ лучшее для тебя пріобрѣтеніе. Не укоряй и за то, что конецъ дѣла противенъ его предпріятію. Сіе было бы не справедливо; потому что, по ухищренію демона, часто и благоразумныя предпріятія не достигаютъ своей цѣли. Не укоряй его также въ недостаткѣ силъ; потому что въ мечѣ всегда есть сила.

Кого не любитъ мужъ твой, того не хвали съ хитрымъ намѣреніемъ непримѣтно уязвить мужа словомъ. Благороднымъ мужамъ и женамъ, а особливо женамъ, и во всякомъ другомъ случаѣ, прилична простота сердца.

Радости и всѣ скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будутъ у васъ общія; потому что чрезъ это возрастаетъ домъ.

И твой совѣтъ можетъ имѣть мѣсто; но верхъ долженъ быть мужнинъ.

Когда мужъ скорбитъ, поскорби съ нимъ и ты нѣсколько (сѣтованіе друзей служитъ пріятнымъ врачевствомъ въ печали), но вскорѣ потомъ, принявъ свѣтлое лице, разсѣй грустныя его мысли; потому что сѣтующему мужу самая надежная пристань — жена.

Твоимъ занятіемъ пусть будутъ прялка, шерсть и поученіе въ Божіемъ словѣ, попеченіе же о внѣшнихъ дѣлахъ предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, въ мѣста народныхъ увеселеній и неприличныхъ собраній; тамъ и у стыдливыхъ похищается стыдъ, тамъ взоры смѣшиваются съ взорами; а потеря стыда — начало всѣхъ пороковъ.

И въ добрыя собранія приказываю тебѣ ходить съ

благоразумными , чтобы въ умѣ твоёмъ напечатлѣлось какое нибудь доброе слово , которое бы или искоренило въ тебѣ порокъ , или крѣпче привязало тебя къ добродѣтели.

Домъ твой — для тебя и городъ и рощи. Не позволяй себя видѣть постороннимъ, кромѣ цѣломудренныхъ родственниковъ, или іереев и сѣдины, которая для тебя лучше юности. Не кажись и женщинамъ, которыя высоко носятъ голову и ведутъ себя открыто. Не кажись и благочестивымъ мужамъ, даже много уважаемымъ тобою, какъ скоро супругъ твой не хочетъ имѣть ихъ въ своемъ домѣ. Ибо кто доставитъ тебѣ столько пользы, какъ добрый супругъ, если ты его одного любишь ?

Будь высокомудренна, но не высокоумна.

Хвалю женщинъ, которыхъ даже не знаютъ мужчины.

Не спѣши на брачный или именинный пиръ, гдѣ пьянство, пляски, смѣхъ и необаятельное обаяніе. Это приводитъ въ расслабленіе и цѣломудренныхъ, какъ солнечный лучъ топить воскъ.

И у себя, въ присутствіи ли благосклоннаго супруга, или въ отсутствіе его, не дѣлай домашнихъ попоекъ. Если чреву положена мѣра; то, можетъ быть, возобладаешь надъ страстями: Невоздержнаго же чрева и я боюсь, боится и супругъ твой.

На щекахъ твоихъ не должно быть ни похотливыхъ движеній, ни гнѣвныхъ трепетаній. Это постыдно для всякаго человѣка, особенно же для женщины, и дѣлаетъ лице безобразнымъ.

Уши свои укрась не жемчугомъ, но привычкой внимать добрымъ рѣчамъ, а для худыхъ рѣчей за-

мыкать ихъ ключемъ ума. И отверстія и замкнутыя уши твои да будутъ цѣломудренными слушателями.

Пусть дѣвственная стыдливость въ присутствіи супруга разливаетъ у тебя подъ вѣждами чистый румянецъ. Покрывайся румянцемъ, когда смотрять на тебя другіе; а сама старайся ни на кого не смотрѣть, и къ землѣ опускай брови.

Если у тебя не обузданъ языкъ; всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый языкъ причинялъ часто зло и невиннымъ. Лучше молчать, когда и самое дѣло вызываетъ на слово, нежели говорить, когда и время не даетъ мѣста нескромному слову. Твое слово да остается предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели цѣломудрія; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто наглое.

Вслушай и сіе: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствій супружескаго ложа; убѣди супруга оказывать уваженіе къ святымъ днямъ; потому что образу великаго Бога свойственно покорствовать законамъ, хотя самъ безплотный Сынъ далъ нашему роду брачный законъ, созданію руки Своей оказавъ ту помощь, что, когда одни отходятъ, а другіе приходятъ, длится поколѣніе, и измѣняющійся человѣчскій родъ унодобляется рѣкѣ, которая и не стоитъ на мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна въ слѣдствіе новыхъ рожденій.

Но для чего мнѣ говорить подробно о всемъ? Могу дать тебѣ, дорогая моя, совѣтъ, но и его гораздо лучше есть у тебя Θεодосія — этотъ Хиронъ между замужними женщинами. Она для тебя —

живый образец всякаго слова и дѣла; она приняла тебя отъ отца, и образовала въ тебѣ добрые нравы. Это единоутробная сестра неукоризненнаго архіерея, Амфилохія, громозвучнаго вѣстника истины, моего украшенія, котораго вмѣстѣ съ непорочною Фекою препроводилъ я къ Богу.

А если и отъ моей сѣдины приняла ты какое нибудь высокомудрое слово; то повелѣваю соблюдать его въ сокровенностяхъ сердца. Симъ пріобрѣтешь благоволеніе у супруга, добраго градоправителя; и если бы сталъ онъ превозноситься, превзойдешь его славою.

Вотъ мой тебѣ даръ! А если пужень даръ лучшій; то желаю тебѣ стать многоплодною нивою чадамъ чадъ, чтобъ большимъ числомъ людей пѣснословимъ былъ великій Богъ, для Котораго родимся на свѣтъ, и къ Которому шествовать отсель — положень намъ законъ.

НА ЛИЦЕМЪРНЫХЪ МОНАХОВЪ.

Одинъ неразумный человекъ, живущій роскошно, богатый и высокомѣрный, вздумалъ недавно утверждать, что я роскошествую. Сверхъ всего прочаго говорилъ онъ и то, что я богатъ; потому что свободень отъ дѣлъ, имѣю у себя садъ и небольшой источникъ. За то, отвѣчалъ я ему, умалчивашь ты, несчастный, о слезахъ, объ уздѣ, наложенной на чрево, о язвахъ на колѣнахъ, о бдѣніи. Ибо всѣмъ

этимъ умерщвляютъ плоть свою монахи, именно же монахи истинные (а неискусныхъ кинемъ мы воронамъ). Но сколько, думаешь ты, дѣла душѣ, которая воюетъ съ тѣломъ и ополчается противъ міра?

Послушайте, міролюбцы, которые такъ много и такъ не надолго кичитесь, послушайте, что говорятъ монахи! «Вы пріобрѣтаете, богатѣете, вамъ предоставлено сунружество, дѣти и всѣ удовольствія, какія только приносятъ суша и море. А у насъ есть, можетъ быть, источникъ, или малый садъ, или прохладный вѣтерокъ, или древесная тѣнь — самыя малощныя достоянія. Если и это называете роскошю; то христіанамъ не должно уже и дышать». — Пусть жалуются на это одно! Одинъ законъ, одинъ Богъ, одно званіе; Христу угодно, чтобы всѣ, соувлекшись плоти, одинаково спаслись. Но вы нудите насъ къ совершенству, какъ будто не обязавшихся служить чѣмъ либо людямъ. А если обязались мы служить только Богу, самъ Онъ знаетъ это. Ты же недостойнъ судить меня, хотя я и худъ; потому что раны твои хуже моихъ.

Какъ мраченъ и блѣденъ ты, юноша! Ходишь безъ обуви съ распущенными волосами; едва можешь выговорить слово; хитонъ свисъ у тебя съ пояса, или черная хламида чинно влачится по пяткамъ. Если все это ради вѣры, то о семъ должна свидѣтельствовать цѣлая жизнь. А если только одна картина: то пусть хвалитъ сіе другій! Послѣ этого «никто, по твоему, не берись за плугъ, или за заступъ, никто не плати податей, никто не заботься о пропитаніи родителей; но были бы у тебя густая борода и волосяная одежда, которая бы нати-

рама шею, и тогда предлагай новые догматы! А если говоришь противъ правилъ языка, и мечешь во всякаго камнями; ты — Ангель, у тебя и волосы имѣютъ не малую силу. Ведеть ли кто теперь нечистую жизнь, или преданъ любостыжательности, или имѣеть обогранныя кровію руки, или далъ въ себѣ мѣсто многочисленному легиону; не измождай своихъ членовъ, не изнурай себя ни слезами, ни трудами (все это баснь); но переворочай книги (*), и собравъ всѣ реченія, стань ересеначальникомъ; этимъ загладишь всѣ грѣхи».

Всего лучше утруждать дебелую плоть возможными способами: молитвою, постомъ, заботами, бдѣніями. Ибо чистому свойственно дѣлаться еще болѣе чистымъ, а порочному должно истреблять въ себѣ хотя часть грѣха. Если же кто лицемѣритъ: мнѣ пріятно въ немъ то, что утруждаетъ свою плоть, и въ этомъ несетъ наказаніе за обманъ. Утучненная плоть и расширѣвшее чрево не могутъ пройти сквозь узкія врата.

(*) Леувклай читаетъ βιβλος, а не βίβλος какъ у Библия.

НЕ ДОЛЖНО КЛЕВЕТАТЬ НА ЖИВУЩИХЪ ЧИСТО ПО ТОМУ , ЧТО ИНЫЕ ПАДАЮТЪ.

1.

Что говоришь? Многіе чисты и цѣломудренны, не таятъ въ себѣ никакой скверны и никакого порока: но одинъ худъ между честными, и многимъ служить укоризной; поэтому для чего не вступившимъ въ бракъ дѣвамъ жить вмѣстѣ съ мужчинами? Пощадите языкъ свой, о завистливый родъ! Не всё слишкомъ худы, не всё и добронравны. Надобно уступить нѣчто и природѣ. Если когда и погибалъ кто изъ ревнителѣй чистоты; ужели сіе перенесете на всѣхъ? У каждаго свое тѣло.

2.

Лука вѣй Денница былъ Ангелъ: но съ его паденіемъ ничто не умалилось въ Ангельской благодати. И Іуда—не укоръ ученикамъ потому, что палъ. А ты за не многихъ оскорбляешь всѣхъ чистыхъ. Справедливо ли это?

3.

Къ совершившимъ благополучное плаваніе не присоединяй претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и съ жившими хорошо не ставь въ одинъ рядъ поползнувшихъ въ жизни. У добрыхъ и у худыхъ не совпадаютъ между собою предѣлы. Замѣчаю одно то, что падшіе погибали. Ты, ни мало не упоминая о тѣхъ, которые совершили теченіе успѣшно, име-

нуешь однихъ падшихъ. А я именую преуспѣвшихъ. Ты выставляешь на видъ самыхъ порочныхъ: потому что самъ худъ; а яставляю добродѣтельныхъ. Отдѣльно ставъ ведущаго жизнь непрстойно и цѣломудреннаго. Изъ-за одного худаго не почитай всѣхъ скверными. Лучше тебѣ уважать чистаго, нежели питать ненависть къ порочному.

УВѢЩАНІЕ КЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Скажи мнѣ, другъ, ужели тебѣ служанка кажется чѣмъ-то превосходнѣйшимъ, нежели супруга? По крайней мѣрѣ, не такова моя мысль. Ибо подлинно всѣ мы узники плоти, и Божественная частица при-мѣшена въ насъ къ худшему. Чтò же лучше? От-влекъ ли несчастную душу отъ плоти, или привязать къ ней еще тягчайшими узами?

И ВЪ ШУТКѢ ДОЛЖНА БЫТЬ СТЕПЕННОСТЬ.

Шутить и сѣдина; но ея шутки—степенныя шутки. Она ко Христу примѣшиваетъ дѣтскую невинность. И смѣясь съ какою-то важностію, услаждаю тѣмъ сердце. Но прочь отъ меня Геликоны и Дафны, и неистовства треножниковъ!

НА ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ПРИ ГРОБАХЪ МУЧЕНИЧЕСКИХЪ ПРЕДАЮТСЯ РОСКОШИ.

1.

Ежели искуснымъ въ пляскѣ пріятны борьбы; то и побѣдителямъ въ борьбахъ будутъ пріятны забавы—потому что одно другому противоположно. А если ни любителямъ плясокъ не нравятся борьбы, ни борцамъ—забавы: то какъ же въ даръ мученикамъ приносишь ты серебро, вино, яствы, и отрыжку? Ужели праведенъ тотъ, у кого полонъ карманъ, хотя бы онъ былъ и самымъ неправеднымъ человекомъ?

2.

Скажите мнѣ, мученики, дѣйствительно ли вамъ угодны народныя стеченія?—Что пріятнѣе этого?—Чѣмъ же услаждаетесь вы? Добродѣтелию; потому что многіе могутъ сдѣлаться здѣсь лучшими, если чувствуется добродѣтель. Справедливо это сказано вами. А пьянство, а служеніе чреву, конечно, пріятны другимъ. Добрымъ подвижникамъ чужда изнѣженность.

3.

Въ честь демоновъ пиршествовали тѣ, которые въ прежнія времена заботились приносить демонамъ пріятное, а не чистыя жертвы. Мы, христіане, освободились, наконецъ, отъ этого, и своимъ добрымъ подвижникамъ установили духовныя собранія. Но теперь послушайте, любители пиршества; меня смущаетъ страхъ, что и вы подражаете демонскимъ обрядамъ.

Не обманывайтесь, добрые, будто бы подвижники восписывают похвалу чреву. Это уставы собственныхъ вашихъ гортаней. А я знаю одно только чествованіе мучениковъ—удалить отъ себя, что позорить душу, и истреблять въ себѣ тучность слезами. Свидѣтельствуюсь вами, добрые подвижники и мученики, что воздаваемая вамъ чествованія обращены въ поруганіе этими чревоугодниками. Вы не требуете ни трапезы, издающей пріятный запахъ, ни поваровъ. Они же въ награду за добродѣтель приносятъ отрыжку.

ЗЛОСЛОВЯЩЕМУ.

1.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если самъ ты совершенъ: то, можетъ быть, и повѣрю тебѣ. А если ты очень худъ; то прошу тебя говорить обо мнѣ всегда и еще хуже. Это можетъ сдѣлать меня совершеннѣе всѣхъ; прекрасно быть въ ненависти у порочныхъ.

2.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій; а зло дѣлаешь себѣ самому. Для меня врачевствомъ въ этой бѣдѣ служить такое разсужденіе. Если великій Богъ благоволитъ къ тебѣ: то въ иномъ благоволитъ и ко мнѣ. А если прогнѣвается на тебя; то во сколько строже будетъ судъ!

3.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если говоришь справедливо, то виновенъ я, который далъ поводъ твоему языку. А если несправедливо и ложно: что мнѣ до твоихъ рѣчей? Говори даже всякому: за это, безъ сомнѣнія, большее наказаніе получишь отъ Бога.

ЮЛІАНУ.

Тотъ же пророкъ наводнилъ жаждущую землю дождемъ, который связалъ ее. А другой изъ водъ исхитилъ цѣлый міръ. Иной помогалъ въ болѣзняхъ, инной спасалъ отъ враговъ; инной свѣдію съ неба питалъ великій народъ. Тебѣ же, именитый Юліанъ, вложилъ Богъ въ руки сперва вѣсы правосудія, а теперь вѣсы для уравниенія податей—вѣсы неуклонные, необманчивые, вѣрные, достославные. Но и ты, доблестный мужъ, пощади у меня бѣдныхъ, пощади своимъ писаломъ тѣхъ, которыхъ изнурила болѣзнь, пожирая у нихъ бѣдную плоть, пощади, — и ты будешь вписанъ въ небесную книгу. Богъ воздастъ людямъ тою же мѣрою, какою сами отмѣриваемъ здѣсь человѣкамъ. Подай помощь смертному; потому что всѣ мы имѣемъ смертное тѣло. Лазарь у дверей твоихъ; дай ему чужія крошки. И Христосъ сталъ человѣкомъ, когда налагалась подать. Уважь перепись, современную Христу. Уважь мать свою, эту нищепитательницу, эту благочестивую кровь. Уважь домъ, который умѣетъ благово-

лить къ страдающимъ членамъ. Уважь, другъ, и мое богатство, которое охотно принесъ я въ даръ; и все отдалъ нищимъ, желая стать крестоносцемъ. Пристань есть общее достояніе мореходцевъ; и эта часть имущества есть общее пособіе нуждающимся. Здѣсь мое имущество, а твое писало. О если бы намъ обоимъ получить равную мзду за нищенитаніе! Да напишетъ такъ царь! Тебя надѣлилъ великій Богъ многими дарами, какіе давы не многимъ изъ живущихъ на землѣ. Ты производишь отъ священной крови, имѣешь даръ слова, богатство, имущество, прекрасную наружность, ты свѣдуешь въ томъ, чтобъ производить судъ по авзонскимъ законамъ. Однако же всего болѣе прославишь себя, если подашь Божію руку симъ непогребеннымъ мертвецамъ.

ФИЛАГРІЮ НА ЕГО ТЕРПѢНІЕ.

1.

У древнихъ въ великой славѣ Епиктетъ, въ великой — Анаксархъ. Одинъ, когда сокрушали его, не обращалъ вниманія на славу; другой, когда толкли руки его въ ступѣ, кричалъ: выбивайте мѣшокъ. Но ты, Филагрій, терпишь долговременныя страданія въ тѣлѣ, которое пожираетъ болѣзнь, и душа твоя никогда не поражается этимъ.

2.

Если бы тѣло твое, Филагрій, не было такъ болѣзненно, то я не замѣтилъ бы всей силы твоей

добродѣтели. А теперь оно истреблено болѣзнями, а ты непоколебимъ. Какъ справедливо то, что Богъ посылаетъ добрымъ болѣзни вмѣсто врачевства!

3.

Болѣзнь пожрала тебя, Филагрій, и закрыла твои глаза; но душа твоя отъ страданій стала свѣтлѣе. Хотя знаю, превосходнѣйшій, что ты свѣдуешь во всякой мудрости; однако же ни о чемъ другомъ не могу сказать, чтобъ оно было превосходнѣе этого.

4.

Слышишь, Александріа! Филагрій утратилъ красоту лица, которая была не хуже его золотой души, а юнаго Кесарія похитила зависть. Ты никогда не пошлешь уже такихъ цвѣтовъ къ доброконнымъ Каппадокіянамъ.

СИГАНТІЮ ПУСТЫННИКУ.

Съ радостію шелъ я, надѣясь угасить пламень желанія, какое имѣлъ насладиться твоею божественною бесѣдой. Когда же ясно увидѣлъ, что водоемъ безводенъ, потому что не было удобопіемаго для меня источника: тогда возвратился съ великою скорбію, приобрѣтя одно, — что же именно? большую жажду. Помолись однако же, чтобъ могъ я свидѣться съ тобою въ другой разъ, и угасить великій пламень, занявъ отъ тебя, и тебѣ сообщивъ, сколько нибудь божественныхъ мыслей.

СТРОИТЕЛЮ ДОМА ГИГАНТИЮ.

Иный соорудилъ вавилонскія стѣны, по которымъ могли ѣздить колесницы ; другой воздвигъ египетскія пирамиды , а кто-то пѣшій перешель черезъ море и хорошо оснащенные еракійскіе корабли перевезъ по сушѣ. А я , всколебавъ возвышенность и небольшіе пригорки Гигантіевою рукою , имѣю у себя орошенный водою садъ.

КЪ НЕМЕСІЮ.

Немесій , око правосудія и краснорѣчія , ты , который прежде былъ славенъ у царя тѣмъ , что умѣлъ давать великую силу древнимъ и авзонскимъ законамъ , при алтаряхъ правосудія обличая неправое дѣло собственными словами противника , а на послѣдокъ возсіяваешь на высокомъ мѣстѣ правителя у боголюбезныхъ Каппадокіянъ , показывая имъ начатки своего правовѣденія ! Другіе стали бы превозносить твою славу въ стихахъ и громозвучныхъ пѣснопѣніяхъ , изливая изъ устъ то пламенное краснорѣчіе , которое тебѣ свойственно , въ которомъ ты всѣхъ далеко оставилъ за собою ; потому что , если бы кто захотѣлъ подробно описывать твои доблести , онѣ , какъ токъ великой рѣки , раздѣлившейся на многія вѣтви , составили бы достаточный предметъ для многихъ рѣчей ; другіе же , изобразивъ рѣзцемъ или отливъ въ горнилѣ изъ мѣди твой ликъ , о мужъ обильный словомъ , поставили бы на градскихъ стогнахъ безмолвнаго Немесія , чтобы про-

славить тѣмъ свои города; потому что городамъ доставляетъ славу и самый образъ добраго правителя, видимый потомками. А меня великій Богъ содѣлалъ вѣдущимъ небесное и земное; у меня умъ, при озареніи великаго Духа изслѣдывая самыя глубины, паритъ выше всего; и потому буду говорить, что только прилично сказать священнодѣйствующему, громозвучному вѣстнику истины, ученику тѣхъ, которые не на твердость доводовъ полагались, не силою богатства надмевались, но, не будучи дотошъ славными, уловили міръ въ вождѣльныя Божіи мрежи, чтобы всякій сознался, что чрезъ нихъ дѣйствовала сила Бога-Слова. Но и ты удостоенъ вниманіемъ мою пѣснь; ты долгое время услаждалъ слухъ пріятными, но суетными пѣснопѣніями, въ которыхъ, какъ у любодѣйныхъ женщинъ, привлекательность поддѣльна; теперь приклони не надолго слухъ свой къ моимъ словамъ, въ которыхъ неувядающую и неизмѣняемую красоту составляетъ мысль; яснымъ свѣтомъ озаряющая чистыя очи. Ибо, если бы Христосъ свыше уязвилъ и пронзилъ насквозь сердце твое Своею животворящею стрѣлою; то, разсмотрѣвъ внимательно ту и другую любовь, узналъ бы ты, сколь пріятно поражаетъ жало стрѣлы Царевой.

Сѣдая моя голова и согбенные члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, а между ними много и кратковременныхъ наслажденій; но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочнѣе славы — приближаться къ Божеству пренебеснаго Бога. Одна слава была для меня пріятна — иробрѣсть познанія,

какія собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады — Аѳины; надъ симъ трудился я много и долгое время. Но всѣ сіи познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ; они уступили Слову великаго Бога, Которое столько же затмѣваетъ Собою всякое извитіе и многообразное слово ума человѣческаго, сколько высокошественное солнце затмѣваетъ собою прочія звѣзды. Посему уважь мои слова; это и для тебя будетъ лучше.

Человѣку, который есть Божіе созданіе, прекрасный и нетлѣнный образъ небснаго Слова, который духовенъ, способенъ къ духовному вѣдѣнію и превыспренъ, — человѣку, говорю, не позволительно и не свойственно, вопреки справедливости, преклоняться предъ суетными идолами, предъ ничтожными, составленными изъ тлѣннаго вещества, изображеніями рыбъ, земныхъ животныхъ и воздушныхъ птицъ, — предъ сими произведеніями человѣческой руки, погибающими отъ ржавчины и моли, — произведеніями изъ веществъ, которыхъ одна часть чествуется, а другая брошена съ презрѣніемъ. Онъ не долженъ поклоняться небеснымъ тѣламъ, которыя, при всей великой своей красотѣ, не боги, но произведенія Бога Творца; не долженъ поклоняться ни лунѣ, ни солнцу, ни звѣздамъ — симъ украшеніямъ неба, ни самому небу, этому необъятному круговращающемуся тѣлу, украшенному многими внутренними красотами, этому безмолвно вѣщающему и вмѣстѣ велегласному проповѣднику того искусства, которое воздружило и гармонически связало сію вселенную, чтобы человѣкъ въ видимомъ постигалъ невидимое. Ибо кто видитъ великолѣпный домъ.,

тотъ представляетъ себѣ и соорудившаго домъ ; и корабль есть не говорящій провозвѣстникъ о строителѣ корабля.

А ты, дѣлатель боговъ , отецъ новыхъ небожителей, ты съ ненавистными чествованіями преклоняешь уже колѣна и предъ безсильными демонами , называя ихъ злыми и добрыми, тогда какъ все они злы, неприязненны доброй твари, завистливы, бѣсолюбивы, свирѣпы , услаждаются плотями и туками жертвъ , погрязли въ нечистотахъ. Ихъ , послѣ долговременнаго владычества на землѣ, изгналъ Своею честною кровію Христосъ—Слово великаго Бога , когда въ человѣческомъ образѣ явился неодолимый Богъ. Онъ прекратилъ преступныя кровопролитія , и показалъ намъ умную жертву, дотолѣ сокровенную и явленную не многимъ. И не дивись сему ! Часто и я , Христово достояніе, едва произносилъ досточтимое Имя, какъ демонъ съ шумомъ убѣгалъ далеко прочь, скорбя и исповѣдуя могущество Царствующаго въ горнихъ. То же самое происходило, когда описывалъ я въ воздухѣ, по видимому исчезающее, знаменіе великаго креста. И такое изображеніе дѣлалось побѣднымъ памятникомъ, какъ древле руки великаго Моисея.

Желалъ бы я взойти на верхъ высокой башни и возгрѣмѣть въ слухъ всемъ жителямъ земли : «Смертные человѣки ! строители того, что не существуетъ! долго ли вамъ обольщаться и обольщать ложными, наяву видимыми грезами, и безъ цѣли блуждать по землѣ? Суемудрые служители идоловъ ! покровителями своихъ страстей умыслили вы поставить непотребныхъ боговъ , лжецовъ , челоуѣкоубійць ,

строптивыхъ, клятвопреступниковъ, хищниковъ, андрогиновъ, прелюбодѣевъ, мужеложниковъ. Смотри, во сколько видовъ превращался самый первый изъ нихъ, чтобъ удовлетворить своему распутству. Онъ бывалъ воломъ, лебедемъ, золотомъ, змѣю, мужемъ, медвѣдемъ; принималъ на себя всякій видъ, какого требовалъ немощный ребенокъ—нетерпѣливый Эротъ, какъ увѣряютъ сами творцы этихъ безсильныхъ боговъ. Но не довольно сего; вы и собственные страсти свои чествуете жертвами, и для cadaго порока есть у васъ особый заступникъ, чтобы всякій грѣхъ не только оставался ненаказаннымъ, но даже почитался добрымъ дѣломъ, потому что оказавшій ему почестъ угождаетъ тѣмъ Богу. Разсмотри и другое полчище пресловутыхъ помощниковъ—этихъ иоифаловъ рогатыхъ, не имѣющихъ шеи, до половины тѣла—змѣй, звѣрообразныхъ, совмѣщающихъ въ себѣ члены различныхъ звѣрей, достойныхъ смѣха чудищъ!—О если бы они увидѣли у себя такихъ дѣтей, какихъ чтутъ боговъ! О если бы сдѣлались они такими же помощниками для своихъ друзей, или сами встрѣтили такихъ же помощниковъ, когда угрожаетъ имъ врагъ, какихъ помощниковъ своимъ порокамъ имѣютъ въ сихъ богахъ! Но для чего тебѣ описывать сіе подробно, и изъ священныхъ устъ источать такія мерзости? Одно важнѣе всего; но это, какъ гвоздемъ, скрѣпляется словомъ.

Мы, при помощи высокихъ книгъ и божественныхъ пророковъ, а напоследокъ богодухновенныхъ учениковъ Ходатая Христа, у которыхъ умъ исписанъ свѣтозарнымъ Духомъ, и которые чистымъ сердцемъ видѣли великаго Бога (а это единствен-

ный способ постигать невидимое Божество), — мы стали свѣдуши въ небесномъ, просвѣщены самимъ Богомъ, и восходимъ выше и выше, сколько намъ, однодневнымъ тварямъ, возможно восходить здѣсь къ Богу; ибо глазъ, и при самомъ остромъ зрѣніи, не легко проникаетъ сквозь облака. Но большее вѣдѣніе предоставлено намъ въ послѣдствіи; ибо тѣмъ и награждается желаніе, что достигаетъ желаемой цѣли. И которые изъ васъ столько же стали внимательны къ нашему ученію, сколько прежде были къ вашимъ баснямъ и гибельнымъ чествованіямъ, тѣ трекратно и четырёхкратно блаженные смертные; потому что не единомышленны на злое, но подвергли его законному наказанію; и тѣхъ, кого вы чествуете алтарями, благозвучными народными гимнами, пресловутыми гекатомбами, не рѣдко предавали они въ снѣдь долговѣчнымъ воронамъ.

Если же вашимъ богословамъ (потому что и у васъ есть, точно есть, истолкователи священныхъ пѣсней) угодно утверждать, что, хотя все это — пустая пѣснь, по законамъ пріятнаго сладкогласія, мѣрнымъ словомъ изложенная, игривая баснь, однако же и въ этомъ, подъ роскошною видимостію, скрывается болѣе важная мысль, усматриваемая разумными, и имѣющая двѣ стороны, какъ и двулицый Ермъ, который однимъ лицомъ смотритъ впередъ, а другимъ назадъ: то замѣть, что и противъ сего есть у меня неотразимый, какъ думаю, доводъ. И въ нашихъ писаніяхъ двойкій есть смыслъ, одинъ внутренній — досточтимаго Духа, а другой внѣшній; оба же Божественнаго начертанія. И одинъ

внятенъ не многимъ, а другой многимъ на тотъ, думаю, конецъ, чтобы преимущество имѣли мудрые, или чтобы съ трудомъ приобрѣтаемое тверже соблюдалось; ибо что скоро приобрѣтается, то непрочно. Впрочемъ въ нашихъ Писаніяхъ тѣло и само свѣтло, и облакаетъ собою боговидную душу; это двойная одежда—багряница, просвѣчивающая нѣжною сребровидностію. Но у насъ ничего нѣтъ срамнаго, что закрывало бы собою Бога. Стыжусь въ помощь Божеству употреблять баснь. Кто велитъ тебѣ, спѣша въ Итаку, плыть мимо утесовъ Сциллы, или мимо грозной и гибельной Харибды, гдѣ до окончанія плаванія можешь погибнуть? Кто заставляетъ тебя, идя къ источнику чистаго Божества, останавливаться среди тины, гдѣ, пока вязнешь въ тинѣ, утечетъ отъ тебя чистая струя?

Обрати вниманіе и на это мудрое слово. Большая часть людей худа, и безъ путеказателя склонны къ пороку; не многіе же идутъ къ совершенству. Остановить потокъ—для меня трудно; а дать ему течь по скату — весьма легко. Если же сдѣлаешь боговъ покровителями разврата; то, прежде нежели разумнымъ словомъ своимъ разсѣешь мракъ непроницаемой басни, погубишь ты читателя басенъ, стремящагося къ свѣту. Но къ чему мнѣ другія доказательства? Хотя ты и столько уменъ, что въ состояніи оспорить другаго; однако же увѣришься, если можешь, отъ моего довода. Ежели басни въ нашемъ ученіи составляютъ сущность; то бросьте ихъ наземь. Что за пріятность жертвовать своимъ достояніемъ въ честь невѣроятнаго срама, и безчестить Бога — родителя и путеводителя жизни? А

ежели баснь не составляетъ сущности, и любящій баснословить подобно старухамъ, которыя забавляются за любимыми чашами въ бессонныя ночи, самъ себѣ на глаза налагаетъ покрывало; то да падеть это во глубину моря, какъ и погнбло уже многое изъ такихъ бредней. Ибо Христось содержитъ все до самыхъ предѣловъ міра, совокупивъ во едино Своими дланями, которыя нѣкогда распростеръ Онъ на преславномъ крестѣ.

Если же кажется тебѣ неприличнымъ, что пришелъ ко мнѣ Богъ чрезъ непорочную Матерь по новымъ законамъ дѣвическаго и безмужнаго рожденія, избавляя отъ страданій меня, низложеннаго грѣхомъ, что Онъ умеръ, приложился къ мертвецамъ, а потомъ всталъ: то, любитель приличій, воздающій чествованіе чистымъ богамъ, рожденнымъ отъ чистыхъ боговъ, если не слыхалъ ты прежде, по крайней мѣрѣ нынѣ выслушай отъ меня слово, какое вдохнулъ мнѣ Христось, мой Богъ, непреложный въ словѣ.

Многіе держатся и такого ученія, что изъ лона дѣвическаго прозябъ Божій человѣкъ, котораго Духъ соорудилъ храмомъ великаго Бога, воздвигая чистый храмъ; потому что Матерь есть храмъ Христовъ, а Христось есть храмъ Слова. Ибо послѣ того, какъ губительный змій подвергъ наше естество горькому преступленію, положено было рожденіемъ Божественнаго человѣка уврачевать грѣхъ и низложить ужасную державу пребеззаконнаго змія. Для сего сей Божій человѣкъ прошелъ сквозь утробу, и почтилъ одну половину нашего рожденія, а другой не коснулся, такъ какъ родила неискусос-

мужная Дѣва. Но когда Духъ создалъ и обожилъ Его во утробѣ, по исполненіи же времени извелъ на свѣтъ; тогда пріялъ на Себя грубую плоть и наполнилъ храмъ чистымъ Божествомъ Царь—Слово. Но тотъ и другой, и Божій человѣкъ и Царь—Слово, стали для меня единымъ Богомъ. Ибо смертное не уступило своего мѣста наполнившему оное Безсмертному. Умеръ же Онъ по собственной волѣ, не надолго сложивъ въ могилу Свое членосоставное тѣло, чтобы, воставъ по возвращеніи изъ мертвыхъ, воскресить умершихъ, и привлечь ихъ къ Себѣ, какъ магнитъ камень привлекаетъ твердое желѣзо. Ибо всецѣлаго меня, со всѣми человѣческими свойствами, воспріялъ на Себя Христось, принявъ плоть, рожденіе, мой образъ, поруганіе, гробъ, славу, воскресеніе.

Такъ говорю, чтобы остановить неудержимое стремленіе вашего слова, когда вы, покрытые срамомъ, вынуждаете меня на страшную прю, и предъ собою не видите пучины грязи, а у меня замѣчаете капли. Но если желаешь знать истинное ученіе, приклони слухъ свой. Знаю, что сказанное мною будетъ непріятно для многихъ; потому что многіе не имѣютъ здраваго разума, но, увлекшись суетными миѣніями, вознерадѣли объ истинѣ: однако же скажу, не скрывая, несомнѣнное ученіе, хотя паче всего желаю сребровидной жизни.

Кромѣ гнуснаго порока нѣтъ ничего неблагопріятнаго; единственное же совершенство—добродѣтель. Все прочее занимаетъ средину между добромъ и зломъ, и зависитъ отъ нашего произволенія оно благопотребно для добрыхъ, и на оборотъ весь-

ма неблагоприлично для злыхъ. Сюда же отношу я и тайну моей вещественности—то, что съ моими членами соединенъ безсмертный образъ. Не по ненависти Богъ создалъ человѣка, который есть свидѣтель Его Божества, дольний царь и слава горняго Царя. Не по любви также Божіей дано человѣку бѣдственное рожденіе. Или прекрати слово, но откажись, что имѣешь понятіе о Божествѣ. Ты говоришь : если Христось произошелъ на свѣтъ не чрезъ чистую утробу, то нечистъ ; потому что для нечистаго не вмѣстимо чистое. Но положи, ежели тебѣ угодно, что рожденіе есть нѣчто нечистое. Однако же всякому здравомыслящему извѣстно слѣдующее. Къ кому ни коснется солнечный лучъ, всякому приносить онъ свѣтъ ; къ чему ни примѣшается пріятность благоухающаго мура, все то немедленно начинаетъ благоухать. Но ни къ солнцу, ни къ муру не прикасаются никакія скверны. Такъ Богъ, пришедшій чрезъ чистую Матерь, не только Самъ не осквернился во утробѣ, но и ее очистилъ. Такъ и умерши, сокрушилъ Онъ державу смерти, и не только Самъ ничего не потерялъ отъ смерти, но и ее истребилъ. Таково мое ученіе; а твой неукротимый языкъ, если прежде былъ неукротимъ, теперь да укротится !

Теперь вѣщаетъ мой Христось; но и ты, возбуди языкъ свой къ благоговѣйному вѣщанію.

«Настала весна, а зима прошла, и наступило ясное благоведріе. Приступите же, и насытитесь отъ Мена безмѣрнымъ свѣтомъ. Долго ли быть вамъ связанными въ темныхъ пещерахъ? Наступило уже время, о которомъ издавна далъ вамъ обѣтованіе

свѣтлый Духъ. Приступите, вкусите жизни, но примите и новое очищеніе » !

Умолкните стихотворцы ! перестаньте и вы , неистовые демоны, воодушевлять къ самымъ беззаконнымъ пѣснопѣніямъ ! Пусть Орфей водить за собою звѣрей ! Пусть Аскреянинъ Исіодъ поетъ своему Персею ! пусть славный Омиръ воспѣваетъ Трою и бѣдствія ! Пусть Мусей и Линъ , прославившіеся пѣснопѣніями въ глубокой древности, у боговъ поучаются мѣрамъ стиха ! А тройко-доблественный Ермій и противъ воли да спомоществуетъ моей пѣсни, и Сивилла въ стихахъ своихъ да чествуетъ крестъ ! Разимые стрѣлами великаго Божества, хотя и ближе другихъ (не отрицаю сего) подошли они къ истинѣ, однако же не по Божію вдохновенію, но потому что заглядывали въ наши книги, а сами частію вовсе пребывали лишенными свѣта, частію же не надолго усматривали мелькнувшую молнію, и тотчасъ погружались снова во мракъ.

Посему уступите мнѣ, и наконецъ образумьтесь. Пусть Фивъ прорицаетъ смерть небывалыхъ боговъ ! Само-Отець, не зачатъ, безматеренъ Тотъ, Кто сокрушилъ во мнѣ злую силу, воспѣвъ послѣднее (Матѳ. 26, 30.). А кастальскій источникъ, и Дафна, и прорицалища дуба, да низринутся во прахъ, не имѣя цѣны даже и для глупцовъ ! Да падетъ египетскій демонъ, пустословящій богъ, Аммонъ ; да падутъ также Вранхиды и надменный Епидаврянинъ ; да исчезнутъ и скрытые и видимые очами обряды, и мерзости знаменитой у древнихъ элевзинской ночи, и приводящій въ бѣшенство, раздрающій звукъ фригійскихъ свирѣлей, и диктейскіе

корибанты, въ полномъ вооруженіи предающіеся неистовству, и вакханты, ходящіе по горамъ во-кругъ Семелина сына, и злые призраки ночной Гекаты; да исчезнутъ жестокости во храмъ Миеры, неслыханныя дотолъ оргіи, завыванія галлейской Кибелы, всѣ мерзости распутства, какія производятся въ честь оплодотворяющаго Нила, жалобныя мычанія Изиды и Озириса, сухой вень Сераписъ — съ зловредною о немъ баснею, откормленный быкъ Аписъ и безумный Мемфисъ, и ты, жалкая Лакена, извѣдывающая крѣпость юношей, которые, окружая твой жертвенникъ, сѣкутъ другъ друга бичами, и гетскій Замоксисъ, бросающій стрѣлы въ толпу; страшныя для чужеземцевъ жертвоприношенія у Тавровъ; богъ прекраснаго Просимна, обнимающій деревяннаго Фала; сладострастное торжество и торгъ въ честь Киприды; Линдъ, сопровождающій свои священнодѣйствія ругательствами! Все приведено въ бездѣйствіе кровію великославнаго Христа, Который вмѣстѣ (что составляетъ величайшее изъ чудесъ) и перворождень и новорождень.

О тебѣ, Эмпедокль, жерло огнедышащей Этны засвидѣтельствовало, что ты надмевался напрасно и былъ смертенъ; выбросивъ мѣдныя туфли легкомысленнаго бога, оно опозорило тебя предъ всѣми смертными, когда желалъ ты прославиться своимъ несчастнымъ скачкомъ! Перестаньте баснословить, Ираклъ, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты, невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристей; вы смертны, а не блаженны, — это видно изъ вашихъ страданій; и только тѣмъ, что не надолго сокрывались отъ взора

людей, также давностию обмана, при помощи своихъ басенъ, восхитили вы непринадлежащую вамъ славу! Но Христосъ не малочисленными прославленъ устами: Его слава съ теченіемъ времени не истребилась, какъ дымъ, мгновенно разсѣваемый въ воздушныхъ пустотахъ; потому что немедленно падать — это законъ для славы бренной. Но Христосъ всегда и у всѣхъ славенъ; слава Его съ продолженіемъ лѣтъ будетъ возрастать непрестанно болѣе и болѣе; а нѣкогда (въ чемъ я увѣренъ) на цѣлую землю наложить она свои узы: ибо такъ предречено, и предсказанное идетъ уже къ своему исполненію. Впрочемъ сіе предоставимъ волѣ великаго Бога! А я изрекаю то, чему научилъ меня Христосъ, Свѣтъ мой, показывая всѣ основанія нашего ученія, Божество, Божию тварь, и кормило всего, которымъ Слово великаго Бога непрестанно приводитъ въ движеніе міръ; и изрекаю сіе кратко въ не многіе стихи (таковъ у меня обычай) заключивъ обширное слово; все же прочее отсылаю за Гадесь.

А ты, превосходнѣйшій изъ друзей, Немесій, прійми сей даръ моей дружбы, даръ пріятнѣйшій другихъ даровъ, заимствованный изъ моихъ только стяжаній, и у меня единственный! Это не пѣснь сладкопѣвнаго лебедя, оплакивающего смерть свою, когда вѣтеръ приражается къ его старческимъ крыламъ; это не жалобное пѣніе соловья, когда зима налагаетъ узы на всѣхъ, а вѣстъ и на поющихъ птицъ; но сладкопѣніе Христоносныхъ устъ, настраиваемое самимъ Богомъ. Прійми теперь отъ меня сей даръ за всѣ благодаренія, какими почтилъ ты

мою сѣдину, мою дружбу, мою болѣзнь, и мое крылатое слово — эту и твою славу, почтилъ (что всего удивительнѣе и дороже) еще прежде, нежели видѣлъ меня своими очами. Ибо у людей уваженіе свидѣтельствуется только въ глаза.

Если послѣдуешь симъ совѣтамъ и дашь вѣтриламъ моимъ свободное плаваніе; то трекратно блаженъ ты, что имѣешь такое руководство и такую цѣль. А ежели не покоришься имъ, и завистникъ, который не хочетъ, чтобы хотя одинъ человекъ былъ благоуспѣшенъ во всемъ, такъ сильно обаялъ тебя своимъ лукавымъ окомъ; то и тогда да сопровождаетъ тебя сей добрый намятникъ Григоріевъ. Можетъ быть, въ послѣдствіи одобришь мое слово и изъ малой искры возгнетешь въ себѣ высокій пламень. И тогда кто нибудь скажетъ: «Вотъ великодушный Немесій, который у Каппадокіянъ держалъ вѣрные вѣсы правосудія! Онъ пошелъ отъ насъ не съ обманчивымъ серебромъ и золотомъ, не съ благородными крылатыми конями, имѣющими отличную славу; потому что онъ неуязвимъ былъ богатствомъ: но вмѣсто всего пріобрѣлъ великую и свѣтлую жемчужину — Христа». А симъ богатствомъ (похваюсь этимъ) мои соотечественники Каппадокіяне превосходятъ всѣхъ. О если бы ты, какъ теперъ написанъ въ моихъ книгахъ, такъ вмѣстѣ съ нашими сталъ написанъ и въ книгѣ небесной!

МАКСИМУ.

Что́ это? И ты, Максимъ, смѣешь писать? Писать смѣешь ты? Какое безстыдство! Въ этомъ уже превзошелъ ты и псовъ.

Вотъ духъ времени — всякій смѣлъ на все! Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя и не потрудились прежде на свою долю надъ чѣмъ нибудь добрымъ. Что́ жъ выходитъ изъ этого? Добродѣтель унижается, не беретъ преимущества предъ необразованностію; потому что дерзость пользуется ненаказанностію, едва броситъ нѣсколько какихъ ни есть словъ. Кидайся внизъ головою всякій и не учась, стрѣлай изъ лука, занесись на крыльяхъ подъ самую облака; довольно захотѣть, а знать дѣло — вовсе не нужно.

Видно, и ты у насъ вдругъ получилъ вдохновеніе отъ музъ, какъ говорятъ иные о древнихъ мудрецахъ? Видно, и тебя привела въ изступленіе какая-то лавровая вѣтвь? Или печально ты напился прорицательныхъ водъ, и началъ потѣмъ источать стихи, не наблюдая даже и стихотворнаго размѣра? Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ во пророкахъ; Максимъ въ числѣ писателей! Кто жъ послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость; и старухи могутъ говорить, писать, собирать вокругъ себя народъ. А ты не побоялся возбуждать и рукоплесканія. Въ числѣ слушателей не много бываетъ

мудрыхъ, но много Максимовъ и слабоумныхъ. Нужно поправиться послѣднимъ, а мудрецамъ можно пожелать добраго пути, послѣ того какъ пообстригутъ и посожмутъ ихъ насмѣшники. А если нужно отмстить (мудрому на все надобно быть отважнымъ); будь смѣль! Пусть знаютъ Максима по дерзости. И мы въ правѣ посмѣяться! Чтѣ нынѣ этого легче, какъ смѣяться, и смѣяться много? Будь витіей; а на оскорбителей — псомъ. Въ такомъ случаѣ никто не возьметъ надъ тобою преимущества.

Опять воскликну, и воскликну не разъ: о рѣчи! Этимъ истоцу свою скорбь, но истоцу не виолиѣ. Писать смѣешь ты? Скажи же: гдѣ и у кого научился? Чьей руки дѣло — этотъ даръ — писать? Но вчера было не то; ты радъ былъ и тому, что узкій плащъ и непрестанно лающіе жизнь и нравы доставляли тебѣ скудный кусокъ. А рѣчи для тебя тогда были то же, чтѣ для осла лира, для вола—морская волна, для морскаго животнаго — ярмо. Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими бряцаніями созидающій стѣны. Таковы-то нынѣ псы, если захотятъ позабавиться! Вѣрно, смѣлость эту вдохнули въ тебя старыя няньки, твои помощницы, за одно съ тобою слагающія рѣчи; для нихъ ты лебедь, для нихъ музыкальны издаваемые тобою звуки, когда подобно зефиру, текутъ съ крыльевъ, пріятно распростираемыхъ кроткими вѣаніями.

Но чтѣ и противъ кого пишешь ты, песь? Пишешь противъ челоуѣка, которому такъ же естественно писать, какъ водѣ течь, и огню грѣть. Не буду говорить, чтѣ пишешь противъ того, кто, сколько воз-

можно челоѣку , ничѣмъ тебя не обижаль, хотя и много былъ оскорбленъ. Какое безуміе ! Какая невѣжественная дерзость ! Коня вызываешь, дорогой мой, помѣряться съ тобою въ бѣгу на равнинѣ; безсильной рукою наносишь раны льву. Развѣ допустить, что у тебя одно было въ виду : ты надѣялся, что, и оскорбляя , не будешь удостоенъ словомъ. Это одно и кажется мнѣ въ тебѣ умнымъ. Ибо кто при здоровомъ смыслѣ захочетъ связываться со псомъ ?

ОТЪ НИКОВУЛА СЫНА КЪ ОТЦУ (а).

Если родилъ ты меня, отецъ; не велико благодареніе. Ибо для всѣхъ, и для людей, а равно и для безсловесныхъ, отъ начала положенъ одинъ законъ—покаяться любви. По волѣ же премудраго Слова, и раждаемымъ и раждающимъ должно влачить однодневную жизнь, а умирая, продолжать ее въ своихъ прозябеніяхъ.

Но ты, родивъ, воскормилъ меня! Впрочемъ и у сильной коровы скачущій телець умираетъ головою въ сосцы ; и она, по сладостной необходимости, переноситъ это безпокойство. И птица надъ милымъ гнѣздомъ , вокругъ неоперившихся птенцовъ, не даетъ крыльямъ покоя ; туда и сюда за кормомъ порхаетъ эта тощая и давно не ѣвшая

(а) За Никовуломъ отцемъ была въ супружествѣ Алипіана, дочь Горгоніа, сестры св. Григорія Богослова.

кормилица. И родителей и дѣтей связала природа узами любви, пріискавъ то врачество для родителей, что тяжелыя скорби облегчаютъ они усладою любви. Поэтому и разсерженная мать за юную телицу, и собака за милыхъ ей щенятъ, и птица за птенцовъ, объявляютъ страшную войну; пестрая рысь съ яростію бросается изъ древесной чащи; сильный вепрь приходитъ въ бѣшенство; лѣсомъ встаетъ у него щетина, сверкаютъ глаза, паръ валитъ отъ зубовъ, дзощраемыхъ одинъ о другой, и челюсти пѣною брызжутъ, когда идетъ онъ отмстить за дѣтей, или встрѣтить смерть. Это внушаетъ имъ горячая любовь по незаученымъ законамъ. Осы, сидя на камняхъ, какъ скоро видятъ, что приближается кто нибудь, хотя и не замышлявшій зла новорожденнымъ ихъ дѣтямъ, всѣмъ ополченіемъ высыпаютъ вдругъ изъ камней, шумятъ предъ лицомъ у путника, и поражаютъ его немилосердными жалами. И въ морскихъ глубинахъ есть законъ любви, если справедливо разсказываемое о дельфинѣ, этомъ царѣ обитателей моря. Если какой нибудь морской звѣрь приближается къ его неукрѣпившимся еще въ силахъ дѣтищамъ; дельфинъ расширяетъ свой зѣвъ, и какъ снѣдь пожирая собственное порожденіе, прачетъ его въ своей внутренности, чтобы не дать въ добычу звѣрю, и доголъ не изрыгаетъ изъ себя этого невѣроятнаго бремени, пока не избѣгнетъ страшной угрозы могучаго врага; тогда только безъ мукъ рожденія возвращаетъ изъ утробы свой плодъ.

Посему, добрѣйшій родитель, не говори мнѣ ни о рожденіи, ни о маломъ количествѣ пищи, которую даешь ты и своимъ рабамъ, и своимъ воламъ.

Я, какъ человекъ, какъ сынъ добраго отца, желаю имѣть что нибудь лишнее передъ ними. Извини же, если не потаю, но скажу какое нибудь и оскорбительное слово.

Не по моей волѣ родилъ ты меня, и родивъ, вскармилъ по необходимости. А если бы, родивъ, покинулъ одного на свѣтѣ; это значило бы, что родилъ ты смертнаго на мѣсто смертнаго. Не желаю я ни золота, ни серебра, ни шелковыхъ нитей, ни блеска переливающегося внутри драгоценныхъ камней, ни большаго участка доброкласной земли, волнующейся подобно равнинамъ Египта, ни множества рабовъ, ни четвероногихъ. Другимъ предоставляю заботиться о знатномъ супружествѣ, о томъ, чтобы привести въ домъ госпожу — это почетное бремя; другіе пусть домогаются престола, который, попирая не многихъ, самъ попирается многими, и часто людьми худыми, — что всего болѣе возмущаетъ сердце. Всякій кичится чѣмъ нибудь своимъ; но всѣ мы низки, не имѣемъ ничего вѣрнаго на завтрешній день, жаждемъ забавъ, которыя для насъ чужды и пролетаютъ мгновенно. Погибай же все то, что приноситъ вихрь горькой жизни, которымъ здѣсь и тамъ клубится невѣрный для всякаго прахъ! Все это видѣлъ я своимъ слабымъ умомъ, а то же слышалъ и отъ мудрыхъ, и еще больше свѣдѣній принесетъ мнѣ время, которое всѣ называютъ учителемъ однодневныхъ тварей. Въ замѣнъ всего желаю теперь, родитель, одного, именно — быть сильнымъ въ словѣ. Прекрасна пламенная сила краснорѣчія въ рѣчахъ народныхъ, судебныхъ и похвальныхъ; но прекрасно также

имѣть умъ обогащенный исторією ; потому что исторія—складчина мудрости, умъ многихъ. Но не маловажна и грамматика , которая превосходно способствуетъ благородному языку Элады, сглаживая слово и умягчая варварскіе звуки. Не маловажны и состязанія логическаго искусства , которыя закрываютъ сперва истину, пока, чрезъ возможное превращеніе понятія, не поставятъ ея въ полномъ свѣтѣ. Не маловажна и та наука, посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ чловѣкѣ добрыя нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетенаго сосуда. Не маловажно и то , что мудрые мужи парящимъ умомъ, посредствомъ остроумныхъ изысканій, обозрѣвая каждый свою область, открыли въ глубинахъ, и предали книгамъ. Они уразумѣли природу вещей и воздушныхъ, и земныхъ, и морскихъ, и небесныхъ , а сверхъ всего постигли мысль неизреченнаго Бога, постигли, какъ Богъ управляетъ вселенной, къ чему ведетъ ее, и какой конецъ положенъ для цѣлаго міра , исполненнаго многихъ красотъ. Они изучили, уразумѣли то, что выше разумѣнія смертныхъ. Но, изучивъ сіе въ юности, предавъ мысль свою Божественнѣйшему Духу, буду изыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ, непрестанно восходить къ свѣту , и Божественныя внушенія прійму мѣриломъ жизни, чтобы, и помощникомъ, и сопутникомъ, и вождемъ имѣя Христа, съ легкими надеждами возвестись мнѣ отсель, сподобиться жизни чистой и непрекащающейся , не издали, какъ бы въ зеркалѣ и въ водѣ, видѣть слабая изображенія истины , но созерцать чистыми очами самую истину, въ которой первое и послѣднее

есть Троица, единосущное Божество, единый Свѣтъ въ трехъ равно Божескихъ Сіяніяхъ. Посмотри на великаго дѣда моего по матери: украшенный многообразными свѣдѣніями обо всемъ, собранными со всѣхъ концовъ земли во время пребыванія у многихъ народовъ, послѣднимъ ключемъ своего ученія содѣлалъ онъ Христа и высокую жизнь, къ которой и я, родитель, простираю взоры. И хотя они не достигаютъ еще до такой высоты; однако же благоразумному человѣку свойственно — мѣрять жизнь свою великими мѣрами. Лучше быть вторымъ между великими, нежели первымъ между нищими, какъ лучше летать ниже высоко парящаго орла, нежели разсѣкать воздухъ выше выющихся по землѣ мотыльковъ.

Вотъ чего желаю, родитель; исполни мою надежду. Умоляю тебя, и касаюсь твоей браны (2 Цар. 20, 9.). Умоляю тебя, воспользуемся временемъ, которое можно ловить, пока приближается, и котораго напрасно станемъ искать, когда оно пройдетъ. Свое есть время—садить садъ; время — воздѣлывать землю; время — отрѣзать вервь кораблей мореходныхъ; время—звѣроловамъ ловить звѣрей на горахъ; время—и для войны. Цвѣты родятся весенней порою. Такъ и людямъ есть приличное время учиться, когда пламенная любовь согрѣваетъ душу, когда внутренности сердца не избородили еще многообразныя начертанія, но украшаютъ его однѣ новописанныя красоты. Юнона самъ для себя полагаетъ въ землю и добрый и худой корень жизни. Это особенно и надобно имѣть во вниманіи.

Убѣдилъ ли я? Или къ сказанному присовокупить еще болѣе убѣдительное слово? Высоко цѣню твое краснорѣчіе, родитель, въ которомъ ты превосходишь, потому что у тебя не отстаютъ другъ отъ друга и языкъ, и слухъ, и быстрая мысль, слѣдуешь ли законамъ рѣчи немѣрной. или мѣрной, и, что составляетъ верхъ чуда, все это бываетъ у тебя безъ большихъ усилій. Знаю, что ты предстоишь великимъ царямъ и пріобрѣталъ почести съ храбрыми, когда бывалъ въ рядахъ ихъ, когда стремительнымъ копьемъ своимъ разилъ Ахименидовъ. Знаю, что ты возвеличенъ богатствомъ, и родомъ, и умомъ, что наружностію и величіемъ уподоблялся древнѣйшимъ Эакидамъ, или Эголійцу Мелеагру. Но всего болѣе прославило тебя твое краснорѣчіе; оно пріобрѣло тебѣ твердую, непоколебимую, нестарѣющуюся, неизмѣнную, непрестанно съ годами возрастающую славу.

И я желаю имѣть отцево наслѣдіе; оно для меня то же, чѣмъ было для Спартанцевъ копье, для Пелопсовыхъ потомковъ—Пелопсово плечо, для царей скипетръ и для коренныхъ Кекропидовъ (а)—вплетаемый въ волосы кузнечикъ, какъ сынъ земли. И наружностію походитъ на отца—составляетъ уже славу.

Уважь мое желаніе; оно невинно. А я видалъ, что иной родитель уступалъ и худымъ желаніямъ дѣтей, какъ врачующій болѣзни къ полезному примѣшиваетъ пріятное, чтобы пріятнымъ прикрасить врачевство и изгнать большее зло—недугъ зломъ

(а) Аэииянтъ.

меньшимъ. Видалъ, что иной и не знакомый съ мудростію соглашается не рѣдко на просьбу сына желающаго учиться, и въ угодность своему порожденію уступаетъ добрымъ его желаніямъ, хотя они чужды ему самому. А я прошу тебя, родитель, уступить и подать руку сыну, который желаетъ превосходнѣйшаго. Но если бы сталъ я увеселяться худымъ, исключи меня изъ числа своихъ дѣтей, какъ сына, который признанъ незаконнорожденнымъ по испытанію въ водахъ благороднаго Рейна (а), или какъ птенца, котораго солнечный лучъ показываетъ не настоящимъ порожденіемъ чистыхъ орловъ. Окажи, превосходнѣйшій, милость, которая будетъ милостію сколько сыну, столько и отцу, потому что отъ сына опять перейдетъ къ родителю. Ибо слава дѣтей вмѣняется въ честь родителямъ, равно какъ и слава родителей — въ честь дѣтямъ. И награда имъ общая и безславіе общее.

Иные, по легкомыслію, полюбивъ непрестанныя няски, убійственную борьбу съ людьми и губительными звѣрями, цѣлую жизнь свою провели на поприщахъ, чтобы снискать благоволеніе у согражданъ и оспорить у другихъ славу, которая не надолго прогремить въ народныхъ устахъ. Иные истощили и жизнь и богатство на борцовъ, которые напрасно изнуряютъ себя на песчаномъ поприщѣ, и на ѣздоковъ, которые въ виду раздѣливших-

---

(а) По германскому обычаю, мужъ, подозрѣвавшій жену въ неверности, рожденнаго ею младенца погружалъ въ воды Рейна, въ увѣренности, что законнорожденный младенецъ не потонетъ, а незаконнорожденный немедленно пойдетъ ко дну.

ся на части зрителей и съ обѣихъ сторонъ потрясающихъ восклицаніями воздухъ, рвутся другъ друга превзойти неразуміемъ. Иные ищутъ разнообразія забавъ въ позорѣ мужей и женъ, въ поддѣльныхъ пощечинахъ шутамъ, которые изъ разверстаго рта вмѣсто воплей издають громкій смѣхъ. Таковы занятія этихъ безумцевъ; такъ они, шутя, проводятъ бездѣльную жизнь! Чему учились, тому и другихъ учать. И имъ однимъ наградою за злыя дѣла не острый мечъ, но выгоды и богатство, потому что услуживаютъ страстамъ. А между безразсудными не трудно взять верхъ наиболѣе злонаправнымъ. Такъ поступаютъ сіи люди, и что худо приобрѣли, то хуже расточаютъ. Впрочемъ ихъ ожидаетъ праведный судъ.

Тебѣ же да даруетъ Богъ, чего желаешь, какъ человѣкъ добродѣтельнѣйшій, то есть, подать руку помощи дѣтямъ и оказать добро всякому, кому только нужно. Но другимъ отдай излишнее, а мнѣ предоставь то, что дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Я желаю не многого, но чтобы самому стать достойнымъ многого, и не слишкомъ далеко отстать отъ родителей. Что за пріятность имѣть у себя обезьяну—это безобразіе въ человѣческомъ видѣ, разукрашенную золотыми петлями? Нарядъ не измѣняетъ смѣшной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себѣ таланты золота? Осель, хотя и золотомъ увѣшанъ, не перестаетъ кричать по-ослиному. Какая польза, ни къ чему негодный для сражающихся свинцовый мечъ спрятать въ серебряныя ножны? А таковъ и человѣкъ, который превозносится одною виѣшностію.

Въ заключеніе слова выслушай слѣдующее ; и Богъ да будетъ свидѣтелемъ сказаннаго ; ибо и Богъ есть Слово, царствующее надъ смертными. Съ моей стороны, родитель, будутъ дарованія, нравъ, неутомимый трудъ и постоянное совокупленіе во едино дней и ночей ; все же прочее да будетъ отъ тебя : Богъ и время, и лучшая надежда, и совѣты товарищей , непрестанно поощрающіе на доброе. Ибо и дровосѣку придаетъ большую силу топоръ. Не бойся ни моря, ни дальняго пути ; не жалѣй ни имущества, ни всего прочаго, что можетъ споспѣшествовать къ стяжанію высокой добродѣтели. Похваляюсь, что я для тебя дороже большаго имѣнія, потому что я у тебя первородный , и первый названъ отцевымъ именемъ , если это, какъ думаю, имѣеть какую нибудь пріятность для родителей. Но если владѣеть тобою любовь къ имуществу, или, ежели любовь твоя къ сыну походить болѣе на женскую , материнскую , подобна огню , который вдругъ воспламеняетъ солому и тотчасъ угасаетъ ; то въ такомъ случаѣ, не охотно, правда, однако же тобою самимъ вынужденный къ этому , скажу , что никакъ тебѣ, родитель , не припишу имени чадолюбиваго отца. Напротивъ того, отецъ мой , будь для своего сына не челоуѣкомъ , но Богомъ. Не заграждай источника , который готовъ произвести изъ себя большую рѣку ; не дай померкнуть въ свѣтильникѣ свѣту отъ недостатка елея ; не дай захвуть растенію отъ того, что не напаяется рососносными влагами. Открой родникъ, поддержи свѣтъ, ороси дающее побѣги растеніе.

И ты , матеръ моя , помоги просьбамъ моимъ,

чтобы мнѣ было за что возблагодарить васъ обоихъ и именовать родителями не одного моего перстнаго состава (какъ говорятъ иные, замѣчая, что родители заботятся только о плоти), но и безсмертной души.

ОТЪ НИКОВУЛА ОТЦА КЪ СЫНУ.

Желая быть сильнымъ въ словѣ, желаешь ты, сынъ мой, прекраснаго. И самъ я услаждаюсь словомъ, какое Царь Христосъ далъ людямъ, какъ свѣтъ жизни, какъ преимущественный изъ даровъ, исполненныхъ намъ съ небснаго круга; потому что и Самъ Онъ, превозносимый многими именованиями, ни однимъ не благоугождается столько, какъ наименованіемъ: Слово. Но выслушай мою рѣчь. Совѣтъ отеческій есть самый лучший, и сѣдина имѣть преимущество предъ юностію. Время родило исторію, а исторія родила высоко парящую мудрость. Посему уважь слова мои; это для тебя же лучше.

Во всемъ прочемъ, сынъ мой, будь превосходнѣе отца. Отецъ радуется, когда добрый сынъ беретъ надъ нимъ преимущество, и радуется больше, нежели когда самъ превосходитъ всѣхъ другихъ. Это согласно съ Божескими законами, которыми великій Отецъ связалъ вселенную, и, изъ любви къ Своему достоянію, неизблемо утвердилъ Словомъ. Но желаю, сынъ, чтобы ты удерживалъ въ себѣ отцево свойство — имѣлъ больше стыдливости, нежели сколь-

ко теперь обнаруживаешь ее предъ родителями. И я былъ сынъ добраго отца ; но изъ моихъ устъ никогда не выходило такого слова ; даже и на языкѣ не держалъ я чего либо подобнаго , потому что и Богу не угодны такія рѣчи.

« Если родиль ты меня, отецъ ; не велико благодареніе. Ибо произвелъ ты меня на свѣтъ , угождая не мнѣ, но своей похоти и своей плоти. А потомъ и вскармилъ ! Что жъ ? Воскормилъ, кого родиль. » — Какое неблагодарное слово , разрушительное для міра, оскорбительное для великаго Рожденія ! Природа взаимною любовію связала родителей и дѣтей, чтобы трудъ, какого требуютъ рожденные, не утомлялъ родителей , и чтобы не для смерти мы рождали, оставляя родившихся безъ попеченія. Посему, какъ справедливо сказалъ ты , родители ведутъ сграшную войну за дѣтей, не щадя и жизни. Такъ поступаютъ осы, рыси, волы, вепри, рыбы, птицы, а преимущественно предъ всѣми человѣческой родъ. Если не покоримся этимъ законамъ ; вся жизнь наша пронадесть по-напрасну. Но кто же обниметь сына, кто порадѣетъ ему лучшаго, кто дастъ свое согласіе , когда онъ хочетъ учиться , или желаетъ чего либо другаго, кто отдѣлитъ ему надлежащую часть имущества, если все, что сынъ получаетъ отъ отца, есть долгъ, а не милость, и если сынъ, не получивъ ничего , можетъ нарушить законъ стыда, а получивъ , въ правѣ имѣть и языкъ и умъ неблагодарный ?

Смотри же , чтобы иный разумный человѣкъ не возразилъ тебѣ: Не человѣческой только мы — родъ,

но и Божій, и Божій прежде, нежели человѣческой. Отцы для дѣтей вторичныя только орудія рожденія отъ Христа великаго Бога. Христось взялъ землю, но даровалъ ей умъ, и произвелъ единый родъ, смѣшанный изъ того и другаго, произвелъ земнаго царя, который — тѣло, когда зломудреть, и сопритченъ къ богамъ, когда благочестивъ, который туда и сюда порывается многими бѣдствіями, чтобы при большемъ числѣ золь имѣть намъ неботоримое сердце. Но никто еще не терялъ до того здраваго смысла и не увлекался кипучестію юпой крови, чтобы изъ богсборныхъ устъ его исторглось такое злое слово: « Не по моему желанію сотворилъ Ты меня. А когда сотворилъ, не дивно, что и почтилъ. Если же, создавъ, оставляешь меня; это значитъ, что смертнаго создалъ на мѣсто смертнаго. Дай мнѣ премудрость, дай богатство, потому что далъ Ты это многимъ; дай величіе и красоту, первенство въ городахъ, все разящій мечъ, крѣпость тѣла не уступающаго болѣзнямъ, и все прочее, чѣмъ люди измѣряютъ великое счастье. Иначе не стану чтить Тебя ни жертвами, ни обѣтами. Ибо не мнѣ оказалъ Ты благодареніе, когда связалъ во мнѣ душу и тѣло, но Самъ желая славы, привелъ въ бытіе меня, какъ и все иное, чтобы имя Твое, Блаженный, славилось и между земными ». Но такія рѣчи предоставимъ людямъ богоненавистнымъ и неразумнымъ, которые, ставъ рабами виновника зла, богатство почитаютъ богомъ. А мы за все, и за благое и за бѣдственное, будемъ пѣснословить великаго Бога, что свойственно сынамъ достойнымъ любви. Послѣ же перваго Царя прославлю и земныхъ родителей, ко-

торые озаряли меня свѣтомъ , чрезъ котрыхъ и въ моемъ сердцѣ возсіяла, и всѣмъ открылась, во едино сочетавающаяся Троица. Умолчу о великомъ кругѣ міра , о широкомъ небѣ , въ которомъ сіяютъ два свѣтлыя ока ; о хребтѣ моря (что для меня чудно) и ліющагося и не выливающагося изъ своихъ предѣловъ, а напослѣдокъ и о землѣ, о теченіи рѣкъ, о вдыхаемомъ нами воздухѣ , о временахъ года , о пріятности цвѣтовъ , о природѣ челоуѣка и пернатыхъ , о всѣмъ , что Богъ предложилъ въ трезу очамъ моимъ. Все сіе отецъ мой передалъ мнѣ отъ великаго Отца.

Посему не этимъ долженъ ты вознаградить за сіе родителя, не отважностію , потому что отважность , преступивъ мѣру, дѣлается дерзостію. Иначе какойнибудь болѣе раздражительный отецъ отъ моего лица скажетъ тебѣ подобное слѣдующему слово : « если природа позаботилась о дѣгахъ, вложивъ родителямъ любовь къ нимъ ; то природа же возбранила любить не любящихъ ». Лучше отъ отца перенести худое, нежели видѣть доброе отъ чужаго. И челоуѣку лучше всего смотрѣть только изъ рукъ отцевыхъ. А если отецъ бѣденъ , скуденъ умомъ , изнемогъ тѣломъ ; что будешь дѣлать? Не замѣнишь ли ему своею рукою жезла? Не возмешь ли и ты меня къ себѣ на плеча и не понесешь ли вонъ изъ города, какъ сынъ Анхизовъ унесъ своего родителя отъ враговъ? Или скажешь : « для чего ты произвелъ меня на свѣтъ? и за что требуешь моей услуги? » Дай голосъ рыбамъ и птицамъ воздушнымъ, всему , что дышитъ и пресмыкается на землѣ. Делфинъ не скажетъ : « Для чего Ты , Царь , сотворилъ

меня сыномъ моря? Мнѣ не хотѣлось бы вести непрестанно странническую жизнь въ соленой влагѣ, вдыхать влажный, и видѣть помраченный воздухъ. Лучше хочу работать, какъ волъ, пастись на горахъ, имѣть широкія плеча, какъ быстроногій конь вести жизнь вмѣстѣ съ человѣкомъ, нежели царствовать надъ всѣми скользящими по водамъ рыбами». Волы не мучатся желаніемъ ходить по морямъ. И злая змѣя, съ усиленіемъ изгибаясь на своемъ чревѣ, не скажетъ: «Для чего Ты заставилъ меня грысть персть на землѣ? Мнѣ хотѣлось бы ходить въ прямомъ положеніи; а Ты опредѣлялъ мнѣ пресмыкаться на чревѣ». Воронъ не пожелаетъ летать подобно орламъ и помѣняться своею наружностію съ царемъ пернатыхъ. Но всякій любить ту стезю жизни, какая ему назначена. И скудельное произведеніе никогда не скажетъ скудельнику: «для чего ты немилосердо трещишь надо мною своимъ жесткимъ колесомъ?»

Все это говорилъ я тебѣ, любезнѣйшій сынъ, чтобы научить покорности твой умъ, заставить тебя на вѣсахъ взвѣшивать слова свои и не давать имъ свободы, отсѣкать все лишнее, ограничиваться же достаточнымъ, не предаваться потоку молодости, но удерживать его стремительность. Когда говоришь; гораздо лучше многое затаить въ себѣ, нежели пустить на воздухъ какое нибудь неприличное слово. Никакой нѣтъ бѣды, если останется слово не вымолвленнымъ; — это не эхиднино порожденіе; оно не проторгнетъ чрева, и не угрызетъ матери въ отмщеніе за губительнаго отца.

Теперь устрашу твою любовь словомъ своимъ, и

родительскою снисходительностію развѣю на воздухъ сыновнюю дерзость. Не одна дорога жизни, сынъ мой; потому что и природа не у всѣхъ одинакова. У однихъ она добра, у другихъ хуже и болѣе походить на природу безсловесныхъ, а у иныхъ опять какая-то смѣсь и добраго и худаго; какъ и земледѣлецъ троякаго свойства находить землю: или плодоносную, или бесплодную, или такую, которая вмѣстѣ съ пшеницей произращаетъ и тернія. Три есть пути, и три цѣли. Одинъ путь низменъ, пробить слѣдами многихъ, широкъ, мягокъ, но приводитъ къ жалкому концу, къ стремнинамъ, къ мрачнымъ пропастямъ, къ страшному тартару, гдѣ огненные рѣки, казнь погибшихъ душъ и непрекращаемое мученіе. Другой путь негладокъ, крутъ, сухъ, тѣсенъ, излучистъ, съ обѣихъ сторонъ окруженъ повсюду стремнинами, и проходимъ не многими; но ведетъ къ благому концу, къ звѣздному небу, къ великой славѣ, безплотнымъ красотамъ, къ самой чистой, ничѣмъ не омраченной, благой истинѣ и даже къ высочайшему, не имѣющему предѣловъ, Свѣту. Третій путь лежитъ въ срединѣ между первыми; онъ средній и по воздаянію; не очень труденъ, и весьма не много приноситъ славы—это свѣтъ слившійся съ черною ночью, такое смѣшеніе, которое у мудрыхъ называется сумракомъ. Путемъ удобнымъ идутъ всѣ тѣ, у кого умъ развращенъ, лжецы, челоукоубійцы, прелюбодѣи, клятвоступники, андрогини, отцеубійцы, хищники, чревоугодники, которые уподобляются не наполняемому морямъ, живутъ смертію, любятъ собственную гибель.

Однимъ врагамъ можно пожелать такой жизни. Добрымъ же путемъ идти тѣ, у кого жизнь не на землѣ: это трѣблаженныя люди, которые во плоти живутъ превыше плоти, не связаны сунружествомъ; это презрители міра, небошественныя, нестяжатели, единоризцы; они плачутъ, снѣтъ на голой землѣ, едва переводятъ дыханіе, не исполняютъ требованій чрева, не имѣютъ надъ собою крова, въ одномъ поставляютъ славу — вмѣнять ни во что всякую здѣшнюю славу, и богатство, и нищету, взирать же къ единому Богу. Предъ ними-то поникаю долу, боюсь и трепещу ихъ, какъ царствующаго въ горнихъ Бога, когда приближается Онъ къ человѣкамъ. Ибо всѣ они взошли гораздо превыше смертныхъ. А мы идемъ среднимъ путемъ; не услаждаемся пороками, но едва касаемся и божественнаго; у насъ заботы о сунругѣ, о вождѣльной славѣ, о дѣтяхъ, объ имуществѣ; для насъ дорого все, что приходитъ въ руки.

Конечно, что въ этой жизни для меня самое главное — слово, это для обладающаго симъ даромъ нерасхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжаніе, хотя я и не все еще извѣдалъ, какъ бы хотѣлось, не обтекъ еще на полныхъ вѣтрилахъ цѣлаго моря наукъ. Я не вѣрю твоимъ словамъ, и похвалы твои меня не плѣнятъ, потому что всякая похвала отъ роднаго не вѣрна. Однако же преимущественно предъ всѣмъ другимъ уважаю тебя, о слава краснорѣчія! Ибо даръ слова служитъ основаніемъ моей жизни; имъ отличенъ я отъ звѣрей, воздвигъ города, избобрѣлъ законы, воснѣваю великославаго Бога, превозношу до небесъ свѣтлую до-

бродѣтель, укрощаю бѣдственное для меня могущество ужаснаго грѣха, раздѣляю міры, міръ небесный и этотъ міръ идущій къ разрушенію, различаю душу и тѣло, какъ изображеніе и изображаемое, какъ качества двойкаго рода жизни, и двойкій конецъ жизни живыхъ и гибнущихъ. Сему научилъ меня Богъ, въ семь подкрѣпило меня слово мудрыхъ, въ семь утвердила вѣра, представляя письменное доказательство, какъ въ послѣдніе дни прославлены будутъ доблести добрыхъ, а безславіе порочныхъ начертано на безсмертныхъ столпахъ.

Быть сильнымъ въ словѣ— и живущему одиноко не скучная жизнь, и домогающемуся знаменитости славный вѣнецъ, не весеннимъ подобный цвѣтамъ, сорваннымъ по утру и увядающимъ прежде, нежели кончится день. Быть сильнымъ въ словѣ— великое врачевство отъ страстей: спмъ укрощаю восплающій гнѣвъ—это омраченіе ума, симъ усыпляю скорбь и полагаю мѣру веселію, не сокрушаясь слишкомъ въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, и не надмеаясь благополучіемъ, но одно употребляя въ помощь противъ другаго, то есть, надежду—противъ скорбей, и страхъ—противъ благоденствія. Даръ слова и царей руководить, и народъ привлекаетъ, процвѣтаетъ въ народныхъ собраніяхъ, царствуетъ на пирахъ, утишаетъ брани, дѣлаетъ человѣка кроткимъ, цѣжными и ласковыми рѣчами умягчая всякаго, сколько бы кто ни былъ упоренъ, подобно тому, какъ сила огня смягчаетъ желѣзо. Думаю, что Орфеевы гусли не иное что были, какъ даръ слова, пріятностію звуковъ улежавшій всѣхъ, и добрыхъ, и худыхъ; а также и Амфіонова лира

дѣлала покорными камни, то есть, упорныя и каменные сердца. Даръ же слова разумію и подѣтъмъ врачевствомъ, которое далъ Лаертову сыну его спутникъ, когда шелъ онъ къ Цирцеѣ, чтобы могъ онъ оказать помощь своимъ товарищамъ, обращеннымъ въ свиней, и самъ не дошелъ до необходимости ѣсть свиной кормъ. Даръ слова вижу и въ томъ, что растворила Онова сунруга, Египтянка Полидамна, и подала Еленѣ, какъ добрый гостинецъ—безпечальность, негнѣвливость и забвеніе всѣхъ бѣдствій. А иной, не разъ, по милости Божіей, избавляясь отъ губельной брани и отъ свирѣпыхъ волнъ моря, спасалъ это одно вождельное стяжаніе, и имъ увеселялся болѣе, нежели другой многочисленными благами. Ибо даръ слова дѣлаетъ человѣка почтеннымъ въ кругу людей, какъ можешь заключить изъ примѣра Одиссея. Безъ одежды, съ сокрушенными членами и бѣдственнымъ скитальцемъ спасся онъ изъ моря; но какъ скоро въ умной рѣчи изложилъ свою просьбу, уважила его царевна и дѣва, и представила Феакіянамъ и царю Алкиною, какъ чужеземца, претерпѣвшаго кораблекрушеніе, заслуживающаго предпочтеніе предъ всѣми другими. Даръ слова одерживалъ верхъ и надъ завистію, которая на многихъ смотритъ злыми глазами; потому что зависть любитъ нападать не на совершенныхъ, но на тѣхъ, которые возгордились неожиданно.

О даръ слова, чтобы восхвалить тебя, потребель особенный даръ! И какъ бы я желалъ, чтобы мое слово равнялось твоимъ благимъ вѣщаніямъ! Но я одно уловилъ, другое нашелъ для себя не по силамъ;

ипое же подсказалъ мнѣ языкъ любезнаго сына , изъяснивъ поспѣшныя желанія своей сѣдиною украшенной юности , что еще болѣе возбуждаетъ мое сердце.

Положившись на свои собственные и родительскія молитвы , усердно , неуклонно и съ лучшими надеждами стремись , сынъ , куда желаешь ; да будетъ у тебя тотъ же добрый спутникъ , который былъ у твоего отца. Ибо и на нашу жизнь призираетъ Божіе око. Восхитилъ ли тебя аттическій соловей , или знаменитый городъ пріятной Финикіи—обитель авзонскихъ законовъ , или великій градъ Александровъ , откуда иный , нагрузивъ корабли великимъ богатствомъ , посѣщаетъ въ свое отечество ; всякая страна да протекаетъ быстро подъ твоими поспѣшающими стопами , и произрацаетъ подъ ними прекрасныя цвѣты ; да шумятъ предъ тобою привѣтливо рѣки , и всякое море легкими дыханіями вѣтровъ да приноситъ корабль твой въ пристань ; дельфинъ , въ свѣтлыхъ волнахъ едва зыблущейся морской поверхности извивая хребтъ змѣящимися кругами , да скачетъ по водамъ , ставъ путеводителемъ твоей жизни , какъ нѣкогда на хребтѣ своемъ носилъ онъ знаменитаго пѣвца. Для самыхъ наставниковъ да будешь ты окомъ краснорѣчія ; да считаютъ они сына моего между первыми и любятъ его наравнѣ съ своими дѣтьми. А сладкую чашу наукъ жадный умъ твой да исчерпаетъ до самаго дна. Рука твоя да пишетъ золотыя письма на гибкихъ досечкахъ , и софы да капаютъ съ твоего свитка. А если весеннею порой , когда дыханія вѣтерковъ такъ усладительны для человѣка , или когда солнце бро-

саетъ сверху огнистыя лучи, сидя подѣ древесными вѣтвями и углубившись мыслию, будешь трудиться надъ сочиненіемъ; то стрегочущіе кузнечики и поющія птицы да сообщаютъ бодрость твоимъ тѣлеснымъ силамъ своими сладкозвучными пѣснями, вызывая на состязаніе въ пѣснопѣніи. Но какъ быстроногаго коня, по природѣ горячаго, этими любимыми звуками сдѣлаю тебя еще болѣе быстрымъ въ бѣгу и еще болѣе жаждущимъ великославной побѣды, или поступлю, какъ престарѣлый борецъ, который на поприщѣ въ Пизѣ отдаетъ разумныя приказы знаменитымъ борцамъ. Ибо желаю видѣть сына на этомъ поприщѣ съ оливною вѣтвію. И какъ приказываешь, ничего не пощажу, ни имущества, ни труда, къ какому обязаны родители, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ приобрѣтенію великихъ доблестей; потому что благоразумная бѣдность лучше порочнаго богатства. Не загражду источника, который заключаетъ въ себѣ великую рѣку; не померкнетъ свѣтъ въ свѣтильникѣ отъ недостатка елѣя; и лѣторасль возрастеть напоиваемая присно-живыми водами.

Слѣдующая же пѣснь да будетъ тебѣ отъ меня напутствіемъ. Воздемъ и въ словѣ и въ жизни своей имѣй Христа — Слово, Который превыше всякаго слова. Не дружись съ человѣкомъ порочнымъ и негоднымъ: зараза проникаетъ и въ крѣпкіе члены. Добродѣтели своей не сообщешь ты другу, а срамота его жизни падетъ и на тебя. Избери себѣ товарищемъ цѣломудріе, и имъ однимъ увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала изъ тебя любви добродѣтельной. Одно предпочитай превосход-

ству въ словѣ—мудрый навѣкъ всегда быть совершеннымъ. Когда же высокій свой умъ наполнишь всею, чего желаешь, и станешь возвращаться домой; да будетъ у тебя видимымъ для всѣхъ вождемъ тотъ же, кто и теперь, при твоёмъ отправленіи изъ дома, сопутствуетъ тебѣ въ дорогѣ. Родителямъ же да будутъ наградою—твоя любезность и твое доброе имя.

Сего желаю тебѣ, любезный сынъ. А если хочешь итти и дальше Гадеса; то и туда вождемъ твоимъ да будетъ Богъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что человѣкъ мудрый, непрестанно изслѣдывающій глубины наукъ, подъ руководствомъ мужей совершенныхъ, подобныхъ избранному тобою изъ нашей крови, — ничего, говорю, нѣтъ невѣроятнаго, сынъ, что такой человѣкъ достигнетъ конца высочайшаго блага.

КЪ ВИТАЛІАНУ ОТЪ СЫНОВЕЙ.

О отецъ мой, котораго Богъ даровалъ мнѣ здѣсь въ бога, Богъ несотворенный въ бога сотвореннаго и нетлѣнный — въ тлѣннаго, чтобы и земные имѣли честь и славу! Ибо какъ Царь Христосъ, Который по великимъ совѣтамъ Своимъ править міромъ, есть общій всѣхъ Родитель и наилучшій Пастырь; такъ и отецъ для своихъ дѣтей есть богъ. Выслушай же съ божескимъ милосердіемъ мое превосходное слово;

потому что милосердо выслушивать свойственно великому Богу. Богъ не презираетъ челоуѣка, за котораго Онъ умеръ, котораго совоскресилъ съ Собою, и къ которому прійдетъ опять, прійдетъ — обличить всѣхъ въ послѣдній день.

За что наложилъ ты острые зубы на дѣтей своихъ? Для чего вторглась въ домъ твой злорадная месть? Какая злобная Эриина изгнала изъ него счастье? Безъ сомнѣнiя, ты произошелъ отъ добрыхъ родителей, и самъ не послѣднiй въ людяхъ; и о тебѣ, конечно, радѣетъ Богъ, Который любитъ любящихъ Его, ненавидитъ же злыхъ; ибо такой законъ былъ доселѣ у Бога. Но не могу понять, отъ чего ты терпишь бѣдствiя, постигающiя людей богоненавистныхъ, и такъ сказать, самъ себя поражаешь ударами? Для другихъ природа изобрѣла непредвидѣнныя скорби жизни, и тѣмъ и другимъ тревожа родъ челоуѣческiй. Никто не знаетъ, какъ прекратится великое тревоженiе многограннической жизни, какая пристань укроетъ въ себѣ мой черный корабль. Безпредѣльное море погубило инаго, или и живаго бросило на сушу, но бѣднякомъ и скитальцемъ, не имѣющимъ ни покрова, ни одежды, сдѣлало того, кто прежде благоденствовалъ; а что везъ съ собою, все то поглотила соленая влага. Другой сражался и палъ на войнѣ, или плѣнникомъ достался въ убiйственныя руки враговъ. Иный всего, что имѣлъ, лишенъ властелиномъ, который въ одинъ день можетъ сдѣлать челоуѣка и низкимъ и счастливецемъ. У того немилосердые разбойники отняли все среди дня, а у этого хитрые воры похитили все во тмѣ. У другихъ же тлетворная

болѣзнь пожрала члены. Но твоего спокойствія благоволилъ Богъ не возмутить ни чѣмъ исчисленнымъ мною; и да продолжитъ Онъ взирать на тебя благоволительнымъ окомъ, ограждая и внутреннее и виѣшнее твое благоденствіе! Но тебѣ, который не знаешь никакого бѣдствія, давъ силы, не соблаговолилъ Богъ даровать одного, именно, чтобы ты помогаль своимъ дѣтямъ, соблюдая ихъ какъ зѣницу подь благоокруженными вѣждами. Не благоволилъ для того, чтобы никто изъ совершающихъ плаваніе жизни не могъ сказать: «я одинъ избѣжалъ всѣхъ злополучій и скорбей жизни». Чтò замыслилъ нѣкогда ты, самосскій царь, Поликратъ? Убоявшись того, что счастье течетъ къ тебѣ неудержимо, бросилъ ты въ море любимый свой перстень, желая удовлетворить тѣмъ зависти. Однако же перстень получилъ ты обратно, а смерти не избѣжалъ. Но съ насъ не брала еще никакой дани зависть; потому ни мало не удивительно, если навела она какой-то мракъ на домъ нашъ. Ибо дѣйствительно какой-то мракъ, или какаа-то мгла, стоитъ у насъ между дѣтьми и превосходнѣйшимъ родителемъ. И какой пѣвецъ, искусный въ сложеніи пѣснопѣній, оплачетъ сіе?

Подумаешь, что мы своими страданіями доставили древнимъ поводъ къ баснѣ. Нѣкто, влюбившись въ собственный свой образъ, бросился въ источникъ; его погубило зеркало, въ которомъ увидѣлъ свою прекрасную наружность. Не бывало челоуѣка, который бы возненавидѣлъ собственную плоть свою; однако же слышалъ я и то, что одна мать, въ припадкѣ безумія, умертвила своего любимаго сына.

Она убила его какъ дикаго звѣря, потому что звѣремъ казался ей сынъ; но когда пришла въ разумъ, оплакивала уже не звѣря, но сраженнаго руками ея сына. А другая мать вонзила мечъ въ собственныхъ своихъ дѣтей; потому что была раздражена любовію ихъ отца къ наложницамъ. И одного звѣролова на горахъ, вмѣсто быстроногаго оленя, растерзали скорые псы, которыхъ любилъ онъ. Не попусти же родитель, чтобы и тебя причислилъ къ симъ несчастнымъ какой нибудь пѣвецъ, воспоминающій злодѣянія родителей и воспѣвающій бѣдствія междуусобной брани и вражды между кровными.

Сего боюсь я. Хотя есть и моя вина; однако же виновенъ и родитель. Даже родитель тѣмъ виновнѣе, что меня съ братомъ превосходитъ и сѣдиною и честностію нравовъ. А если и нѣтъ его вины; то все же на него падеть жалкое безславіе, которое не рѣдко и добраго человѣка низлагаетъ на землю. Ибо хотя многимъ извѣстна истина, однако же не мало и такихъ, которые смотрятъ на людское мнѣніе. О семъ прошу тебя размыслить, родитель.

Какъ ни встревоженъ я, однако же, слѣдуя требованію природы, желаю, чтобы родитель мой во всемъ и передъ всѣми имѣлъ преимущество, и, пользуясь у людей доброю славою, восходилъ выше и выше. Но какъ же иный почтетъ тебя, родитель, человѣкомъ снисходительнымъ къ чужему, когда столько гнѣбаешься на дѣтей, которыхъ самъ родилъ и нѣкогда просилъ у Царя Бога, желая держать ихъ на своихъ колѣняхъ, а когда явились мы на свѣтъ, почтилъ пресловутыми именами? Я—Петръ, а братъ мой—Фока, носимъ имена учениковъ Христовыхъ.

Но потомъ гнѣвъ, и все забыто. Какой отецъ, подобно тебѣ, превосходнѣйшій, бывалъ такъ милостивъ къ своимъ дѣтямъ новорожденнымъ, и такъ жестокъ къ дѣтямъ пришедшимъ въ возрастъ? Если бы позволительно было вступать въ состязаніе чело-
вѣку съ Богомъ, или дѣтямъ съ родителями; то, можетъ быть, пашель бы я какое нибудь слово въ облегченіе свгихъ страданій. А теперь дозволю устами своимъ вымолвить только слѣдующее: худы ли мы, или хороши у тебя, отецъ, — отъ сѣмени колось. Хорошъ я, или худъ,—твоя слава, и твой же позоръ. А всякому извѣстно то, что надобно добраго любить, худому же служить подпорой, потому что врачи даютъ лекарство не здоровымъ, а изнуреннымъ болѣзнію. Не о той птицѣ жалѣютъ, которая сидитъ на вѣтви, или летитъ по воздуху, но о той, которая выпала изъ высокаго гнѣзда, или пронзенная кривыми когтями плотояднаго коршуна отъ сильной боли бьетъ ногами по воздуху. И негоднѣйшаго сына удостоить своего нѣдра—это милость. А если удостоишь добраго; то вижу въ этомъ законъ для отца; потому что добродѣтельные и у чужихъ пользуются благосклонностію. И Божеская милость не въ томъ состоитъ, чтобы приближать къ Себѣ добрыхъ, но въ томъ, чтобы снизойдти къ худому, и, поднявъ его съ земли, вознести высоко.

И Христось, когда приходилъ на землю, и водрузилъ въ Божествѣ своего челоѣвка, не за непавшихъ умеръ, но за тѣхъ, которые ниспали до земли и умерли въ Адамѣ. Не слышишь ли о сынѣ юнѣйшемъ, какъ онъ, оставя отца и живя блудно, расточилъ все отцевское имѣніе: а когда голоду

изнурилъ скитальца, возвратился въ домъ къ родителю и преклонилъ предъ нимъ колѣна; и отецъ немедленно сжалился надъ негоднымъ сыномъ, обвилъ руками его выю, пролилъ слезы и почтилъ сына пиршественною вечерею? И добрый пастырь овецъ, когда одна изъ нихъ отстала отъ стада, оставилъ всѣхъ прочихъ, а пошелъ по слѣдамъ заблудшей, и какъ скоро нашелъ ее блуждающею на горахъ или въ лѣсахъ, взялъ на свои рамена и съ радостію сопричислилъ къ любезнымъ ему десяткамъ. Таковъ великій законъ моего Христа, Который, отвергая высокоумѣрныхъ, благоволяетъ ко всѣмъ униженнымъ.

Одно исповѣданіе грѣха часто спасало человѣка, горькими слезами омывало вины и очищало душу, очерненную пороками. Не рѣдко седмижды семь разъ умилоствляется Царь къ беззаконникамъ, какъ слышу въ Божіемъ словѣ (Матѣ. 18, 22.), и какъ научилъ меня Духъ. Кто изъ людей хуже царя Манассіи? Какой изъ городовъ хуже великаго Нинова города? Что хуже несѣтой руки мытаревой? Но Царь Христосъ умилосердился и надъ ними, когда восплакались они о грѣхахъ своихъ.

Но чтò говорить о Христѣ? для чего упоминать и о человѣческой любви, какую природа насадила въ родителяхъ къ дѣтямъ? И звѣри любятъ свое порожденіе, если слыхалъ ты о рысяхъ, о кабанахъ, о стадѣ круглоокихъ воловъ, какъ они трепещутъ за своихъ дѣтей и выходятъ на брань со звѣрями и съ непріязненнымъ для нихъ человѣкомъ. Ужели же въ тебѣ такой губительный гнѣвъ, какого нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ звѣряхъ? Укроти свое разгнѣ-

важное сердце; или тебя, любезный родитель, воскормили неприступные утесы и море, и оттого гнѣвъ сдѣлался въ сердцѣ твоёмъ тверже адаманта.

Другіе, и чужеземцы, и соотечественники, и люди богобоязненные, и безумцы, получаютъ себѣ утѣшеніе изъ твоего имущества. Домъ твой служить общимъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся; трапеза твоя пріятнѣе Алкиноевой рои; много за нею друзей, много на ней и снѣдей, много всего, что живетъ въ воздухѣ и на землѣ, и что плаваетъ въ водахъ. А мы, не омытые, не одѣтые, ооченѣвшіе отъ стужи, изо дня въ день скитаемся здѣсь и тамъ по чужимъ дверямъ; и нѣтъ ни какого облегченія нашему бѣдствію. Съ того самаго времени, какъ ты прогнѣвался на насъ, родитель, сколько ни желаемъ, не видимъ лица твоего; и что особенно тягостно, въ этомъ не отказываешь ты часто рабамъ своимъ, хотя и бываешь на нихъ прогнѣванъ. Мы злосчастные сидимъ за скудною трапезой, и даже, подобно Лазарю, не похищаемъ малыхъ крупицъ съ роскошнаго стола, не пользуемся и тѣмъ, чѣмъ питаются псы. По твоей милости, многіе нами гнушаются, не многіе же уважаютъ. Странное дѣло! отецъ хвалится безславіемъ сыновей, которыхъ одна небольшая горсть утѣшила бы въ горести. Помощники для насъ обоихъ хуже самой скорби; а иные и не знаютъ, кто мы и чьи дѣти; ибо стыжусь и объявить о родителѣ. Двое, правда, благорасположены къ намъ; хотятъ ли они чрезъ это сами избѣгать несчастія, или найдти облегченіе въ своихъ бѣдстві-

яхъ, какія наведеть на нихъ злобный демонъ, и чужими напастями надѣются искупить собственную свою бѣду.

Скажу еще болѣе сильное слово ; только будь милосердъ, родитель ; дай намъ, по крайней мѣрѣ, эту отраду въ страданіяхъ — не отринь нашего слова. Къ другимъ своимъ дѣтямъ, родитель, ты столько благосклоненъ, сколько свойственно чело-вѣку, который Бога исповѣдуетъ своимъ Отцемъ. Это — не зависть ; единоутробнымъ и не естественно завидовать. Дома въ теремахъ воспиталъ ты нѣжныхъ дочерей, обучилъ рукодѣльямъ предъ вступленіемъ въ замужство, съ помощію одной благородной женщины — этого Хирона въ женскомъ полѣ, образовалъ въ нихъ добрые нравы, далъ имъ добрыхъ мужей — людей именитыхъ въ гражданскомъ кругу, богатой рукою отдѣлилъ имъ часть своего имущества. А насъ, которыхъ произвела на свѣтъ тебѣ та же и наилучшая мать — эта благочестивая жена, достойная удивленія всѣхъ земнородныхъ, о которой, представляю себѣ, и доселѣ ты, любезный родитель, часто проливаешь слезы, насъ — своихъ первородныхъ (что весьма важно для отцевъ) гонишь изъ своего дома и столько же ненавидишь, сколько дочерямъ показалъ свое благорасположенное сердце.

Скажу ; и не желалъ бы, правда, однако же вывести слово наружу, чтобъ не разрывало оно меня, затаившись въ сердцѣ. Былъ бракъ и брачная вечеря ; все было полно веселія ; тамъ были брачные дары, привѣтственные рѣчи, пріятныя забавы. Много было родныхъ, не мало сосѣдей ; люди высокихъ чиновъ

при царскомъ дворѣ украшали собою брачную трапезу; были и досточестные іереи, которые соединяли чету молитвами своими и вѣнцами. Вокругъ прекраснаго юноши толпились товарищи, и величали жениха, уподобляя его красивой лѣторасли; а жены наряжали черноокою дѣву къ священному браку; отецъ восхищался дѣтьми. А насъ, какъ будто мы походимъ на дикихъ звѣрей или на вепрей, или по дѣйствию жестокаго демона погубили человѣческой видъ, насъ заперли въ домъ вдали отъ сестры; и тамъ мы оплакивали свое вступленіе въ скорбныя воды жизни.

Лучше бы мнѣ не зачинаться въ матерней утробѣ, или умереть недоношеннымъ въ мукахъ рождающей! А если вступилъ уже я во врата жизни и привлекъ въ себя роковой духъ; то лучше было бы, если бы первый мой плачъ сталъ слезою смерти, и не встрѣтилъ я такихъ бѣдствій! Всего же болѣе огорчило меня одно. Я, искусный пѣвецъ, желалъ воспѣть бракъ и брачное ложе родной сестры, и своими брачными пѣснями утолить гнѣвъ отца; но, всегубительный демонъ! и это не было мнѣ дозволено, какъ человѣку ни къ чему негодному. Другой воспѣвалъ мою красу, эту черную ночь изъ-подъ золотистыхъ кудрей восходящую на серебряныхъ ланитахъ; другой славилъ мою вечернюю звѣзду, другой величалъ мою зарницу; и еще какой-то не добрый пѣвецъ. А я лежалъ безмолвный, презрѣнный, покрытый облакомъ сѣтованія, не могъ быть и эхомъ, которое послѣдніе слоги разноситъ по высокимъ утесамъ, когда Панъ поетъ на горахъ пастушескія пѣсни. Оплачу кончину моихъ перво-

родныхъ пѣснопѣній, и не буду больше пѣть. Прощайте многозвучныя книги! прощайте музы! Чтѣ за радость, если пѣснь моя не касается родительскаго слуха, если и Орфеево какое нибудь пѣснопѣніе не привлекаетъ къ себѣ издали ни камней, ни звѣрей, ни птицъ на одризскихъ утесахъ? Воспользуйся отъ меня и этимъ, злобная зависть; пусть прекратятся мои пѣсни! А тебѣ, превосходный родитель, да не воздастъ за сіе ни Богъ, ни кто либо изъ друзей!

Но вотъ еще какой тревожить меня страхъ. Если не любишь насъ, добрѣйшій; то не любишь и дочерей, хотя и носишь ихъ теперь на рукахъ и стараешься возвысить. Насъ лишилъ ты своего дома и любезнаго лицезрѣнія, а ихъ сдѣлалъ для всѣхъ ненавистными. Ибо Царю родителей — Христу не угодно, чтобы отецъ къ одному былъ благосклоненъ, а къ другому худо расположенъ; и Сынъ Безначальнаго не рѣдко превращаетъ всѣхъ, гнѣвъ Свой съ отца переноситъ на дѣтей, и обременяетъ несчастіями любимыхъ. Но да падетъ сіе въ глубину моря, да не коснется нашего дома, за настоящими скорбями да не послѣдуетъ новая скорбь! довольно и того, что старшихъ дѣтей твоихъ гонить Эринна.

Но противъ тебя, родитель, раздражены всѣ и родители и дѣти за то, что имѣешь неумолимое сердце. Ибо убиваетъ жизнь негодованіе отца, котораго соединили съ дѣтьми и естественный союзъ и любовь, раздѣлила же злая вражда. Конечно, великое къ намъ сожалѣніе питаютъ въ сердцѣхъ всѣ тѣ, которые сдѣлали, или потеряли, что нибудь до-

стойное Бога; особливо же скорбятъ іереи, которыхъ ты ущедряешь дарами и чувствуешь въ своемъ домѣ, но безчестишь заочно, а иногда и въ лице, какъ скоро обращаются они къ тебѣ не съ одними ласковыми совѣтами и не съ благосклоннымъ только взоромъ, но и съ жесткими словами. Таковы, во первыхъ, Григорій, который жизнію соотвѣтствуетъ своему имени и проповѣдуетъ устами сочетанное Божество, а потомъ Воспорій и Амфилохій, которые одарены великой душею. У нихъ и мучительное чувство болѣзней уступаетъ молитвамъ, чувствуванію Троицы и жертвамъ; а у тебя ни мольбы, ни жертвы не преклоняють сердца. Ты не приносишь сего въ даръ и добропобѣднымъ мученикамъ. Хотя изъ года въ годъ ущедряешь ихъ богатой и не знающей счета рукою, созидашь въ честь ихъ алтари, приносишь дары, устраивашь пиршества, лики, предлагаешь многія чаши усладительнаго питія и мягкія ложа, однако же въ этомъ нарушаешь Божій законъ. Ибо лучше, принося малость, посвящать Богу сердце, нежели чувствовать Его всѣми жертвами, но имѣть оскверненный умъ. Нѣтъ дара, который былъ бы достоинъ Бога, хотя соберешь все, что приносятъ людямъ земля, небо и море; потому что все это—Божіе. А что же смертный найдетъ кромѣ сего? Одна душа есть чистая жертва; а въ этомъ и бѣднѣй часто идетъ наряду, и даже упреждаетъ изобилующаго всѣмъ.

Уважаю, родитель; и это великодушное намѣреніе, которымъ ты, по Божію внушенію, поставилъ себя выше многихъ. Для жалкихъ смертныхъ не то одно рожденіе, которое ведетъ начало отъ плоти и

крови, и по которому люди являются на землѣ, и исчезаютъ вскорѣ. Правда, что оно самое первое; но потомъ есть еще рожденіе чистаго Духа, когда нисходитъ озареніе на омытыхъ водою. Но есть и третіе рожденіе, которое слезами и скорбями очищаетъ въ насъ образъ Божій, очерненный грѣхомъ. Первое изъ сихъ рожденій имѣешь ты отъ отцовъ, другое — отъ Бога, а въ третьемъ самъ ты себѣ — родитель, и служишь для міра прекраснымъ свѣтиломъ; потому что расторгъ мірекія узы, вѣбренія поставилъ свою ногу, избѣгъ огня, угрожающаго Содому, съ низкихъ равнинъ укрылся въ возлюбленный Сигоръ, не озираешься на испепеленные города, на всѣ свои стяжанія приобрьлъ одну добрую жемчужину, поселясь въ пустынѣ, совокупилъ во едино Христа и чистый свой умъ, распростеръ облако надъ земнымъ міромъ, отъ котораго самъ отрѣшился, воздвигъ стѣну между нимъ и собою; прекратилъ наглость чрева — этой ненаполнимой пропасти, презрѣлъ высокія сѣдалища, надмеваюція челоуѣка, повергъ долу кичливую гордость и тщеславіе высокоумія. Одна для тебя слава — великій Богъ и благочестивые, которые для тебя дороже кровныхъ по плоти. Все уступило кресту, къ которому пригвоздилъ ты разбойника, т. е. міръ. Всенощными гимнами и дневными пѣснопѣніями словословишь ты Трисіянное озареніе небснаго Духа. Все это прекрасно, родитель, и близко уже къ совершеннѣйшему предѣлу; предѣлъ же сей, по моему мнѣнію, — умосозерцаемый, а не въ зеркалѣ видимый, Богъ.

Остался въ тебѣ только одинъ гнѣвъ — эта при-

ятная для тебя отрава, и сѣдаетъ душу твою, какъ непримѣтная ржа—твердое желѣзо. Такое несчастіе постигло тебя по злобѣ вѣроломнаго змія; онъ и прародителей, чрезъ малое вкушеніе, изринулъ изъ рая и отдалилъ отъ Бога, отъ Котораго самъ отпалъ. Но укроти страшный гнѣвъ свой, родитель! И у насъ есть Царь — Христосъ, въ благоволеніи Котораго самъ ты имѣешь нужду. Будь неразумнымъ дѣтямъ своимъ такимъ же отцемъ, какимъ желалъ имѣть къ себѣ Бога во время скорбей, если бы когда нибудь встрѣтилась съ тобою не легкая печаль.

Не ты одинъ, родитель, произвелъ на свѣтъ подобныхъ себѣ, не тебя одного печалить непокорныя дѣти. Случалось не рѣдко видѣть, что отецъ снисходитъ и къ грубымъ порокамъ непутнаго сына. Иной, не зная мѣры въ игрѣ, а иной, предавшись пагубному пьянству и позорной любви, расхитили домъ; другой дошелъ и до того, что обращается къ отцу съ укоризненнымъ словомъ, и даже руки у него поднимаетъ Эринна. Однако же добрый отецъ оставилъ гнѣвъ и на такихъ дѣтей; потому что владычица—нужда не училась писаннымъ законамъ. И она безъ труда врачуется въ родителяхъ гнѣвъ на сыновей. Многое, видя, не видятъ, потому что не желаютъ видѣть; многое падаетъ имъ въ уши, но они не слышатъ, чтобы обличеніемъ не вызывать дѣтей на страшную дерзость, и не заглушить въ нихъ стыда — этого добраго помощника родителямъ. Ибо отъ оскорбленія рождается дерзость, а отъ благосклонности — осмотрительность, особливо же въ дѣтяхъ, которые имѣютъ въ виду близкую

славу, покарются не насилію руки, но узамъ убѣжденія.

Какъ огонь въ соломѣ, такъ и досада въ отцѣ на дѣтей, держатся не долго. Гнѣвъ воспламенить языкъ, а жалость еще прежде его угасить. Языкъ вымолвилъ укоризненное слово, а умъ изрекаетъ уже утѣшеніе, подаетъ руку, чтобы поддерживать бремя, и самъ оплакиваетъ причиненную скорбь. Давидъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ царей въ Авраамовомъ потомствѣ, ко всѣмъ былъ милостивъ, а къ дѣтямъ своимъ до того снисходителенъ, что подавлялъ въ себѣ гнѣвъ и досаду даже на отцеубійцу. Вотъ доказательство! Когда возмутившійся противъ царя въ тѣнистомъ лѣсу погибъ отъ сучка и лошака; Давидъ не только слезно оплакалъ его, какъ добраго сына, но наказалъ, какъ убійцу, возвѣстившаго о смерти.

А ты, увлекшійся недобрымъ совѣтомъ, что видѣлъ, или что потерпѣлъ отъ насъ худаго, и питаешь въ сердцѣ своемъ неукротимый гнѣвъ? Мы не отнимали у тебя, государь, отцовской власти, не похищали ни колосьевъ съ твоего поля, ни воловъ, или овецъ, или коней изъ твоихъ стадъ; мы не доходили до такого безумія, чтобы осквернить твое ложе (это ненавистно!) или вступить въ коварные замыслы съ людьми тебѣ непріязненными. Если отецъ гнѣвается за что либо подобное сему; нечего и сказать напротивъ: но въ твоихъ сыновьяхъ одинъ порокъ; мы оказались хуже тебя — совершеннѣйшаго родителя; а ты никому не уступаешь первенства ни въ наружномъ видѣ, ни въ величіи. У насъ не свободно течетъ слово, и на языкѣ лежатъ

узы. Или мы погрѣшили въ этомъ; или ты, наилучшій, не захотѣлъ дать дѣтямъ совершеннѣйшей природы.

Здѣсь положимъ конецъ слову. Царь — Отецъ и всевышній Сынъ, подай руку и благоволи содѣлать милостивымъ ко мнѣ родителя! Вотъ касаемся брады твоей, родитель, объемлемъ у тебя колѣна, какъ у Бога; да узримъ же и лице твое, какъ Божіе. Не супружества, не приличнаго богатства, не высокаго дома просимъ у тебя; дай только руку и воззри благосклонно.

И ты, мать моя, которая, какъ видалъ я во снѣ, и отцу моему являясь въ сонныхъ видѣніяхъ, утоляешь гнѣвъ его своими моленіями, напоминаешь ему о своей любви и согласномъ супружествѣ! упроси своего супруга стать милостивымъ къ дѣтямъ твоимъ. Есть мѣра въ наслажденіи пѣніемъ, есть мѣра и въ жестокой брани.

И если убѣдилъ я тебя, родитель; то довольно для насъ понесенныхъ бѣдствій. А если не внемлешь мнѣ; то и у дѣтей есть Богъ. Будемъ скитаться, какъ и прежде. Твоя постраждетъ слава, если останемся непризрѣнными, если умремъ. О если бы хотя по смерти нашей пролиты были о насъ слезы благосклоннаго отца!

КЪ СЕЛЕВКУ (*).

Прекрасному и доброму сыну Селевку, отрасли благороднаго корня, приказывая радоваться, самъ желаю порадоваться на твою жизнь, похвалиться твоими свѣдѣніями и нравами.

Во-первыхъ, имѣй страхъ Божій и любовь къ Богу; потому что Богъ для всякаго благомыслящаго есть начало и конецъ цѣлой жизни. А во-вторыхъ, сынъ мой, выработай свой нравъ, чтобы онъ былъ кротокъ, смиренъ, воздерженъ, твердъ, приятенъ, независтливъ, правдивъ, мужественъ, мудръ, степененъ, трудолюбивъ, постояненъ, цѣломудренъ. Вотъ украшеніе и для юныхъ и для старыхъ—обогащаться не имуществомъ, а добрыми нравами! Добрые нравы—это твоя собственность; а имѣніе—вещь обманчивая: оно издѣвается надъ недугомъ богатолубія, и любить улыбаться то одному, то другому, подражая обычаю невѣрной блудницы, которая разными способами обманываетъ многихъ любителей, съ однимъ сближается, другаго убѣгаетъ, тому и другому показываетъ свою привязан-

---

(а) Сіе посланіе приписывается св. Амфилохію Епископу Иконійскому, и въ древнихъ спискахъ имѣетъ надпись: *отъ Амфилохія къ Селевку*. Но помѣщено здѣсь на томъ основаніи, что Биллій и Леуенклай помѣщаютъ оное въ числѣ сочиненій св. Григорія Богослова, находя самый слогъ посланія весьма близкимъ къ Григоріеву, и опираясь на отыетку, найденной ими въ древнемъ спискѣ: *καὶ ταῦτα, δοκεῖ μὴ τῷ Θεολόγῳ τυγχάνειν φρενός, ὡς παρὰ Ἀμφιλοχίᾳ γραφέντα.*

ность, и ни къ одному не имѣть искренняго расположенія. Богатство по природѣ своей не имѣть въ себѣ никакой твердости; оно уподобляется бурнымъ волнамъ моря, которыя въ непрестанномъ своемъ стремленіи то надуваются, то опадаютъ. Поэтому, сынъ мой, богатѣй непрестанно добрыми нравами, и будетъ у тебя сокровище, котораго не расхищаютъ воры, на которое не устремляются доносчики, котораго не вычерпываютъ своими руками притѣснители, не истребляетъ оружіе варваровъ, но которое, оставаясь въ обителяхъ безплотныхъ, безопасно соблюдается въ сокровищницахъ души, и его не подаетъ стремительная сила огня, не покрываетъ волна глубокаго моря.

Сберегая это богатство, въ собственномъ смыслѣ тебѣ принадлежащее и сродное, не допускай его до ржавчины упражненіемъ въ наукахъ, занимайся стихотворными книгами, историческими писаніями, краснорѣчивыми произведеніями витій, тонкими разсужденіями философовъ. Но со всеѣмъ этимъ обращайся благоразумно; съ мудростію собирай отвсюду полезное, съ разсудительностію избѣгай всего, что въ каждомъ писателѣ есть вреднаго, подражай работѣ мудрой пчелы, которая садится на всякой цвѣтокъ, но весьма умно беретъ съ каждаго только полезное. У ней наставницей сама природа; а у тебя есть разсудокъ. Обильно пожинай, что можетъ доставить пользу; а если что приносить вредъ, замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь; потому что умъ человѣческій быстропарящъ. Посему, что ни написано въ похвалу добродѣтели—у воспѣвающихъ ее и напротивъ того оуждающихъ порокъ, то изучай

тщательно, затверживай мысль и красоту реченія. А что суесловили они о богахъ, какія по наученію демоновъ написали нескромныя басни, достойныя смѣха и слезъ сказки, того бойся, какъ шелкоу и сѣтей. Когда же будешь читать то и другое, и смѣшныя сказанія о богахъ, и прекрасныя разсужденія; тогда презри боговъ сластолюбцевъ, уважь же разсужденія, и какъ бы съ одного растенія, обойдя терны, сорви розы. Вотъ наилучшее для тебя правило, какъ читать языческія писанія! На какія же писанія прилично тебѣ обратить все свое вниманіе, о томъ скажу послѣ, а сперва намѣренъ предложить тебѣ слѣдующее.

Молодому человѣку всѣми мѣрами должно бѣгать бесѣдъ съ людьми порочными, и не искать въ нихъ услажденія. Много людей, которые походятъ на шелудивыхъ, или другою какою болѣзнію зараженныхъ, животныхъ. Они вводятъ въ искушеніе простодушныхъ юношей; будучи опыты въ хитрыхъ обманахъ, хотятъ и имъ передать всѣ свои пороки, какъ болѣзнь, чтобы закрыть грѣхи свои участіемъ въ нихъ многихъ. Остерегайся ихъ; ибо, по слову Павла, *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33.). Да, тебѣ строго надлежитъ соблюдать слѣдующее правило: имѣй отвращеніе отъ непристойныхъ пѣсней, какія поются въ театрахъ, въ звѣринцахъ, на конскихъ ристалищахъ; гнушайся неприятнымъ зрѣлищемъ страданій, житейскими суетами, гидрою наслажденій, неблагоприличными наставленіями людей развратныхъ, для которыхъ одно только отвратительно—цѣломудріе. Служители ихъ позора имѣютъ искусство гор-

даться поруганіями, — это лицедѣи смѣшнаго; они привыкли къ пощечинамъ; еще прежде волосъ бритвой обрили у себя стыдъ; стали складочнымъ мѣстомъ всякаго распутства и срама; для нихъ обратилось въ родъ искусства — въ глазахъ у всѣхъ и терять и дѣлать все непозволенное. А иные изъ нихъ (еще болѣе жалкій народъ) поругали въ себѣ славу мужей, извращеніями членовъ извративъ самую природу; это изнѣженные мужи, мужеобразныя жены, а если говорить правду: ни мужи, ни жены; потому что однимъ быть перестали, а другимъ не сдѣлались, и какъ по нравамъ уже не то, чѣмъ они должны быть по природѣ, такъ по природѣ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ желали бы стать по своей превратной волѣ; это какая-то загадка распутства, какая-то нерѣшенная задача страстей — мужи въ женскомъ, а жены въ мужескомъ образѣ. Чтò же сказалъ бы иный о заразительности срамныхъ пѣсенъ, о стихахъ ослабляющихъ добрую настроенность сердца, о свирѣляхъ, о пляскахъ блудныхъ вакханалій, за которыя у этихъ жалкихъ людей назначаются даже награды? Чего достойно все это? Похвалъ ли, зрѣнія и восхищенія, или слезъ и рыданій? У нихъ самовластвуетъ смѣхъ, естество передается поруганію, воспламеняется разновидный огонь сластолюбія; воздвигаются зрѣлища для позорныхъ дѣлъ, не тайно безчинствуютъ пороки, но предлагаются награды за худыя наставленія. Ты же гнушайся симъ, не озоривай дѣвъ, бѣгай всякаго растлѣнія очей, и дѣвы да соблюдутся у тебя невинными.

Но еще болѣе убѣгай кровавыхъ зрѣлищъ, пред-

ставляемыхъ тѣми чревоугодниками, у которыхъ богъ—чрево. Какъ рабы чрева, этого гнуснѣйшаго изъ недуговъ, они служатъ злымъ его велѣніямъ. А чрево, жестокой властелинъ прочихъ членовъ, заставляя внутри, предастъ ихъ дикимъ звѣрямъ и съ жадностію пожираетъ добытую за нихъ цѣну. Такъ прожорливое чрево мучительно вторгаетъ въ гортани звѣрямъ родные свои члены. А сидящіе зрители безчувственны къ симъ страданіямъ; и если человѣкъ спасается отъ звѣрей, издають вопли, какъ будто больше самихъ звѣрей обманулись въ ожиданіи и просидѣли понапрасну. Но какъ скоро человѣкъ пойманъ звѣремъ, испускаетъ жалобные крики, отчаянно вопить и лижетъ персть, — во взорѣ каждаго изъ зрителей пронападаетъ всякая жалость. И едва увидятъ они потоки крови, съ удовольствіемъ поднимають громкія рукоплесканія; радуются при видѣ того, о чемъ надлежало плакать; принимаютъ живое участіе въ звѣряхъ, и который изъ нихъ поймаетъ человѣка, того поощряють на большую жестокость, раздражаютъ его гнѣвъ, какъ будто сами насыщаются вмѣстѣ съ звѣрями, и за одно съ ними пожирають человѣческую плоть. И такой горькой конецъ жизни находятъ для себя эти злые продавцы собственныхъ членовъ, сперва рабы сладкаго куска, и потомъ сами—снѣдь звѣрей, люди ненавистные въ жизни, жалкіе въ смерти. Члены же ихъ иные погребены въ звѣряхъ, другіе безжалостно растерзаны зубами, а иные полурасторгнутые и разбросанные съ разнообразными содраганіями какъ будто всакиваютъ, ищутъ еще случая убѣжать и представляются бѣгущими. Не оскверній же ока

своего мерзостями жестокихъ зрѣлищъ, не смотри на обнаженныя тѣла умирающихъ людей, на пресмытившихся ими звѣрей, на эти ходячіе гробы, и на обратій твоихъ, поверженныхъ на землю.

И зрѣлище конскихъ ристалищъ, которое кажется для многихъ не столько жестокимъ, также есть болѣзнь и язва для души. Оно дѣлитъ между собою города, возбуждаетъ народъ къ мятежу, научаетъ бранямъ, изощряетъ языкъ на злословіе, разсѣкаетъ на части гражданскія собратства, вооружаетъ одно семейство противъ другаго, опозориваетъ старцевъ, свергаетъ въ бѣшенство юношей, воспламеняетъ вражды между искренними друзьями, попираетъ законы, отваживается на зло, которое еще горестнѣе исчисленныхъ, то есть, въ пособіе неистовствующимъ призывать чародѣевъ споборствовать побѣдѣ, и одну болѣзнь питаетъ новою болѣзнію. Ибо какъ скоро разгорячатся и дойдутъ до жаркаго спора, тотчасъ бѣгутъ къ чародѣямъ; а тѣ обращаются къ лукавству демоновъ, и съ ихъ помощію производятъ паденія, сокрушенія, убійства; такъ какъ полчище бѣсовъ радуется нашимъ бѣдствіямъ. Изъ этого ясно видно, что зрѣлище конскихъ ристаній, по видимому кроткое, пагубно для душъ, потому что доводитъ до споровъ, до драки, а сверхъ того причиняетъ явный ущербъ имуществу. И сколько домовъ разстроило оно мгновенно! Сколькихъ богатыхъ заставило просить милостыню! Сколькихъ городовъ, прежде благоустроенныхъ, разорено имъ до основанія! Отъ него буйный мятежь обгадрялъ руки народа кровію властителей, силою оружія доводилъ города до безлюд-

ства, предавалъ ихъ въ добычу огню и мечу, наказывая за убійства убійствами и за кровопролитія кровопролитіями. Посему какой цѣломудренный человѣкъ сдѣлаеть предметомъ зрѣлища не быстроту коней, но состязаніе чародѣевъ, мятежь поражающій убійства, язву городовъ ?

Но ты вмѣсто сего увеселяйся науками, съ помощію которыхъ, чтò всего предпочтительнѣе, образуются нравы. Когда же умъ твой, какъ на поприщѣ, достаточно извѣдаетъ силы свои въ различныхъ произведеніяхъ словесности; тогда займи его богодухновенными Писаніями, собирая великое богатство двухъ Завѣтовъ, одного ветхаго и другаго всегда новаго; ибо Завѣтъ, написанный послѣ перваго, есть новый, и не будетъ имѣть по себѣ третьяго. Охотно посвяти имъ все свое вниманіе; изъ нихъ научись, какъ образовать въ себѣ добрые нравы, какъ чувствовать единаго истиннаго Бога, Который есть вѣчная Единица и Троица, Отецъ съ Сыномъ и со Пресвятымъ Духомъ, Троица раздѣльная въ Лицахъ, Единица естествомъ. Посему не сливай Впостасей численно, и обратно, покланяясь Богу, не разсѣкай естества. Одна Троица, одинъ Богъ Вседержитель. Такова преутонченная тайна благочестія! И путь истинны дѣйствительно тѣсенъ — это стезя сжатая и окруженная стремнинами. Кто поскользнулся съ нея въ ту или другую сторону, тотъ падалъ въ глубокія пропасти заблужденія. Такъ случилось съ Савелліемъ, который приближается къ Иудеямъ, и съ Аріемъ, который подражаетъ идолослужителямъ; одинъ сливаетъ впостасъ Лицъ, другій злочестиво дѣлитъ сущность. Но ты неуклонно

держишься средняго пути; раздѣлай, сколько нужно, и сочетавай, сколько позволительно; потому что Троица сочетается неслитно, а также и Единица дѣлится неразсѣкаемо; ибо естество неразсѣкаемо, а Упостаси вѣчно пребываютъ совершенно неслитными. Будь и ты хранителемъ сихъ догматовъ, и какъ искреннимъ исполнителемъ заповѣдей, такъ мудрымъ во всѣхъ таинственныхъ созерцаніяхъ, непрестанно преуспѣвая, и никогда не надмевайся. Въ такомъ случаѣ процвѣтетъ въ тебѣ вящшая благодать.

Смотри! вѣрный Моисей, сей Божій человекъ, образецъ добродѣтельной жизни, обучившійся первоначально всей египетской мудрости, хотя воспитанъ былъ въ нѣдрахъ богатства, однако же добровольно предался бѣгству, сталъ бѣднымъ, и египетскую роскошь промѣнялъ на рабскую трапезу пастырей въ пустынѣ, славѣ мучителей предпочитая скорбную жизнь; пока не былъ признанъ достойнымъ совершенныхъ видѣній, пока не узрѣлъ величайшую тайну Ангела, явившагося въ огнѣ горящей купины. А потомъ удостоенный того, чтобы первому изъ жившихъ тогда услышать гласъ Божій, и пріавъ власть, избавляетъ уже отъ рабскаго ига стенищій народъ, и по Божію опредѣленію дѣлается начальникомъ всего племени. Но, достигнувъ и такой высоты, не превозносится, а называетъ себя *худогласнымъ и косноязычнымъ* (Исх. 4, 10), говорить, что онъ немощенъ, чтобы, думая о себѣ смиренно, пребыть крѣпкимъ. Блуди въ себѣ и ты образецъ такой жизни, образуй себя по подобію Моисея. И свѣдѣнія свои въ эллинской словесно-

сти, какъ судія, который произноситъ приговоръ по закону, покори (что и прилично) въ служеніе свободѣ истинныхъ догматовъ и премудрому умозрѣнію Писаній. Ибо самая справедливость требуетъ, чтобы духовная мудрость, какъ горняя и происшедшая отъ Бога, господствовала надъ ученостію дольною, какъ надъ служительницею, которая должна не надмеваться напрасно, но приобщаться къ скромному служенію. Ибо дольная мудрость да будетъ рабою мудрости Божественной!

Но впрочемъ, особенно тебѣ, надлежитъ знать и то, что не всякая книга, имѣющая достоуважаемое имя Писанія, несомнѣнно такова. Ибо есть, точно есть и лжеименныя книги; и изъ нихъ инныя составляютъ нѣчто среднее, и какъ сказалъ бы иный, смежны съ словомъ истины, а другія подложны и крайне сомнительны, какъ монеты поддѣльнаго чекана и состава, которыя, хотя имѣютъ на себѣ царскую надпись, но, по причинѣ подмѣси худшаго вещества, не соответствуютъ надписанной цѣнѣ. Посему наименоую тебѣ каждую изъ богодухновенныхъ книгъ, и чтобы раздѣльнѣе узнать тебѣ сіе, переименоую сперва книги ветхаго Завета.

Пятокнижіе заключаетъ въ себѣ: Твореніе, Исходъ, въ срединѣ Левитскую книгу, за нею Числа, потомъ Второзаконіе. Къ симъ книгамъ присовокупи Иисуса и Судей, потомъ Руѡвъ, четыре книги Царей, двѣ книги Паралипоменонъ. За ними слѣдуетъ Ездра первый, и потомъ Ездра второй. Послѣ сего наименоую тебѣ пять книгъ стихотворныхъ: вѣнчаннаго за подвиги въ разнообразныхъ страданіяхъ Іова, книгу Псалмовъ—благопотребное вра-

чество для души, три книги Соломоновы : Притчи мудраго, Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней. Къ симъ книгамъ присовокупи двѣнадцать Пророковъ : перваго Осію, втораго Амоса, потомъ Михея, Іоіля, Авдію и Іону — образъ Его тридневнаго страданія, послѣ нихъ Наума, Аввакума, девятаго Софонію, потомъ Аггея, Захарію и двуименнаго Ангела Малахію. Послѣ нихъ обрати вниманіе на четырехъ Пророковъ : свободно вѣщающаго, великаго Исаію, сострадательнаго Іеремію, таинственнаго Іезекіиля и послѣдняго Давіила, мудрѣйшаго и словомъ и дѣлами. Къ симъ причисляютъ нѣкоторые Есѣирь.

Теперь уже мнѣ время сказать и о книгахъ Новаго Завѣта. Принимай четыре только Евангелія : Матѣя, потомъ Марка, къ нему присовокупи третьяго Луку, Іоанна же считай по времени четвертымъ, а по высотѣ догматовъ первымъ ; ибо справедливо наименую его сыномъ громовымъ : онъ всѣхъ громче возгремѣлъ о Божіемъ Словѣ. Принимай и вторую книгу Луки, книгу вселенскихъ дѣяній Апостоловъ. Послѣ сего присовокупи соудъ избранія, проповѣдника языковъ, Апостола Павла, который премудро написалъ Церквямъ четырнадцать посланій : одно къ Римлянамъ, къ которому должно присовокупить два посланія къ Коринѣянамъ, одно къ Галатамъ, одно къ Ефесеямъ, послѣ сего одно къ живущимъ въ Филиппахъ, потомъ одно написанное къ Колоссянамъ, два къ Θεссалоникійцамъ, и два къ Тимоѣю, еще къ Титу и къ Филимону, къ каждому по одному посланію, и одно къ Евреямъ. Иные посланіе къ Евреямъ называютъ подложнымъ, но говорятъ несправедливо ;

потому что въ немъ подлинная благодать. Чтò же еще остается? Соборныхъ посланій принимать должно, по словамъ однихъ, семь, а по словамъ другихъ, только три: одно Иаковлево, одно Петрово и одно Иоанново; нѣкоторые же принимаютъ три Иоаннова посланія, два Петрова, и сверхъ того седьмое посланіе Іудино. Подобнымъ образомъ Апокалипсисъ Иоанновъ иные причисляютъ, а многіе называютъ подложнымъ.

Таковъ да будетъ неживый канонъ богодухновенныхъ Писаній. Если будешь повиноваться имъ; то избѣжишь сѣтей міра, а суету надеждъ повергнешь долу, и щедрою рукою станешь разсѣвать нищимъ скоротечное богатство, въ ожиданіи несомнѣнной жатвы; потому что посѣваемое здѣсь вносится въ небесную сокровищницу. Послѣдуй же Христу, премудрому Божію Слово. И ты, преблаженный, преисполненный всѣхъ утѣшеній, для многихъ, и старыхъ и юныхъ, явишься звѣздой; потому что благочестивая жизнь сіяетъ паче звѣздъ. Ликъ Пророковъ, Мучениковъ, Апостоловъ, тебя, какъ собственный членъ ихъ сонма, окружить и увѣнчать съ побѣдными рукоплесканіями; и ты, стяжавъ нескончаемую славу, возрадуешься какъ ликовствующій среди Ангеловъ вѣнценосецъ.

Будь здоровъ, и помни написанное. Привѣтствуй отъ меня тетку свою Олимпіаду — сей одушевленный образъ честности, чистоты и подвижничества, сію печать вѣры.

Если бы ты, Селевкъ, пожелалъ знать число посылаемыхъ къ тебѣ ямбовъ; то да будетъ тебѣ извѣстно, что ихъ три ста, столько же десятковъ и

три единицы. Ибо желаю, сынъ, чтобы всегда была для тебя вождельнна Троица.

ДВѢНАДЦАТЬ ПАТРИАРХОВЪ.

Отъ великаго отца Иакова произошло двѣнадцать Патриарховъ: Рувимъ, Симеонъ, Левій и съ ними Иуда; потомъ рожденные отъ наложницъ: Данъ, Нефеалимъ, Гадъ и Асиръ; а потомъ опять благородно рожденные отъ супруговъ: Иссахаръ, Завулонъ, Иосифъ и послѣдній Веніаминъ.

ЕГИПЕТСКІЯ ЯЗВЫ.

Всегда перечисляй въ умѣ казни зломудреннаго Египта, и трепещи великой Божій силы. Воды этой земли сперва побагровѣли въ *кровь* (Исх. 7, 19.), а потомъ воскипѣли губительными *жабами* (8, 5. 6.). Въ-третьихъ, воздухъ и земля покрылись *скинпами* (8, 17.). Въ-четвертыхъ, явились внезапно *песю мухи* (8, 24.). Въ-пятыхъ, истребительная смерть постигла четвероногихъ животныхъ (9, 6.). Шестая скорбь — *гнойные струпы* на тѣлахъ человѣческихъ (9, 10.). Въ-седьмыхъ, шелъ градъ вмѣстѣ съ огнемъ — этотъ дождь изъ несоединимыхъ стихій (9, 23. 24.). Въ-осьмыхъ, саранчею истреблено все прозябающее изъ земли (10, 14. 15.). Въ-девятыхъ, ночь покрыла египетскую землю (10, 22.). Десятая казнь — смерть первородныхъ (12, 29.).

МОИСЕЕВО ДЕСЯТОСЛОВІЕ.

Сіи десять законовъ Богъ нѣкогда начерталь на каменныхъ скрижаляхъ, а ты напиши у себя на сердцѣ.

Не знай инаго Бога; потому что чествованіе возможно только одно — единого Бога.

Не ставь ничтожнаго кумира и бездушнаго подобія.

Никогда не воспоминай напрасно имени великаго Бога.

Храни всякую субботу, и выпреннюю, и прикровенную.

Блаженъ, если родителямъ приносишь благодарность, если, гдѣ нужно, бѣгаешь оскверненія рукъ челоуѣкоубійствомъ, чужаго брачнаго ложа, злонамѣреннаго воровства, ложнаго свидѣтельства и желанія чужой собственности — этой искры, воспламеняющей смерть.

ЧУДЕСА

ПРОРОКОВЪ ИЛИИ И ЕЛИССЕЯ.

Многочисленны чудеса Илии Ѳесвитянина. Сперва его питали враны, потомъ самъ не многими остатками елѣя и муки богато напиталь сарептскую вдовицу, у которой и сына воскресилъ изъ мертвыхъ своими дыханіями. Онъ удержаль, и потомъ ниспослаль, дождь отъ Бога, попавивъ жертву необычайнымъ огнемъ, при необычайныхъ священнодѣйствіяхъ. Потомъ безъ пищи провелъ многіе дни, обратель въ пещель двоихъ пятидесятниковъ, пере-

шелъ Иорданъ, разсѣкши его милотію, на огненной колесницѣ взошелъ на небо, а Елиссею ниспослалъ вмѣстѣ и даръ и благодать.

Разсмотри и Елиссеевы чудеса. Онъ перешелъ Иорданъ, разсѣкши его милотію, посредствомъ выпанной соли содѣлалъ источники дающими плодородіе, а дѣтей-ругателей истребилъ звѣрями, жаждущему воинству извелъ токи водъ изъ Едома; потоками елея освободилъ отъ долговъ вдовицу; а Соманитянинъ сперва даровалъ, а потомъ воскресилъ, сына; у дикихъ зелій отнялъ смертоносную силу, и скудною пищею спасъ многихъ отъ голода; очистилъ отъ проказы Неемана Сиріянина, а Гіезію послалъ сію болѣзнь; потомъ сдѣлалъ, что сѣкира всплыла изъ глубинъ Иордана на его поверхность; омрачивъ взоры Сиріянъ, предалъ ихъ врагамъ; предсказалъ обиліе пищи войску; и мертвый воскресилъ мертваго близъ лежащими своими костями.

РОДОСЛОВІЕ ХРИСТОВО.

Писалъ о Христѣ великій Матѳей, писалъ и превосходнѣйшій Лука, и одинъ внесъ въ книги одно, а другой — другое родословіе. Оба сіи родословія низводитъ Христа до крови первозданнаго. Но почему же одинъ Евангелистъ ограничился большимъ, а другой—меньшимъ числомъ праотцевъ? Рѣка родовъ до царя Давида у обоихъ Евангелистовъ не раздѣльна, а потомъ течетъ двумя потоками, которые на послѣдокъ сливаются, идя, какъ къ безбреж-

ному морю, ко Христу. А чтобы увидѣть тебѣ это, выслушай мое слово.

Давидовы сыновья были Соломонъ и Нафанъ. Одинъ изъ нихъ, какъ токъ великой рѣки, струилъ царственную кровь, а другой — кровь святыхъ и свѣтоносныхъ іереевъ. Христосъ же сталъ тѣмъ и другимъ, и великимъ Царемъ и Архіереемъ. Посему Матѳеи написалъ Духомъ Божіимъ потомковъ Соломоновыхъ, а Лука обратился къ Нафану. Но изъ двухъ этихъ родовъ, въ одномъ потокъ вышелъ длиннѣе, а въ другомъ короче; что и не удивительно: ибо не въ собственномъ смыслѣ одинъ другаго короче, а только число родовъ въ нихъ не равно. А такимъ образомъ раздѣлившееся въ началѣ потомъ слилось въ одно.

Но рѣши мнѣ этотъ вопросъ: какимъ образомъ Іосифъ произошелъ отъ двухъ отцевъ? — Узакононено было Моисеемъ: ежели Еврей умиралъ, не оставивъ послѣ себя сѣмени; то, чтобы память его не истребилась между людьми, одинъ изъ братьевъ, или ближнихъ родственниковъ умершаго, обязанъ былъ, взявъ любезную его супругу и имѣніе, возстановить сѣмя и домъ умершему. А потому и о Богочеловѣкѣ открылъ я слѣдующую сокровенность. Матѳанъ, который вель родъ отъ Соломона, былъ женатъ на Есванѣ; но по смерти его Есвану имѣлъ женою Нафановъ потомокъ, по имени Мелхій. И она родила сыновъ—одному Іакова, а другому Ілію. По смерти же Іліи, поелику у него не осталось рода, и домъ и супругу его немедленно взялъ себѣ рожденный не одному съ нимъ отцу Іаковъ, и родилъ брату доблестнаго сына—Іосифа. Такъ Іосифъ

былъ сынъ Иакова, а Законъ приписывалъ его Илии. И одинъ изъ Евангелистовъ, Матѳей, указалъ на естественное происхожденіе, а другой Лука, — на законное. Посему и ты перестань возмущать прекрасное согласіе Евангелистовъ.

«Какимъ же образомъ Богъ, явившійся на землѣ, ведетъ родъ Свой отъ Давида царя? Отъ смертной матери произошелъ безсмертный Богъ? Какъ же отъ Иосифа? Онъ былъ сынъ Дѣвы: и по Маріи потомокъ Левинъ; потому что Маріамъ была отъ Аароновой крови; о чемъ свидѣтельствуемъ намъ Ангелъ. Возвѣщая Богоподобной Маріи о рожденіи Предтечи великаго Свѣта, обѣихъ матерей возвелъ онъ къ великому Аарону. Колѣна же царское и священническое между собою не смѣшивались.»

Неправда! Колѣна были раздѣлены, но и смѣшивались многократно. Еще въ древности дочь великаго Аарона ввелъ въ знаменитый свой домъ Наассонъ; а онъ былъ шестой отъ Иуды. Послѣ же, когда ассирійскимъ оружіемъ истребленъ городъ, и все потрясено владычествомъ Вавилонянъ, не строго уже соблюдалась несмѣшиваемость колѣнъ. Такъ Христосъ возводится къ царямъ и по матери, и, какъ просилъ я замѣтить, по мнимомъ отцѣ. При Августѣ царѣ, когда облагали всѣхъ податями, и каждый въ отечественномъ своемъ городѣ записывался въ перепись, въ Давидово отечество — Виолеемъ, который принялъ въ нѣдра свои великаго Христа, вскорѣ приходятъ записаться и обрученная жена и цѣломудренный Иосифъ, потому что оба одного были племени. И здѣсь при ясляхъ матеръ

Дѣва родила Царя всего міра. Такимъ образомъ и по отцѣ возводится Онъ къ царямъ.

Великій Лука велъ родословіе въ обратномъ порядкѣ отъ Христа къ Адаму, Адамъ же ко мнѣ пришелъ для Христа. Божіею рукою приведенъ въ бытіе первый человекъ Адамъ; отъ Адама же произошелъ Сиѡъ, отъ Сиѡа Еносъ, отъ сего четвертый Каинанъ, отъ Каинана Малелеилъ, отъ Малелеила Іаредъ, родившій сына Еноха, который живъ взятъ на небо. Отъ Еноха же былъ Маѡусалъ, который родилъ сына Ламеха, и это отецъ Ноевъ. Симъ былъ сыномъ сего Ноя; отъ Сима произошли Арфаксадъ, Каинанъ, Салà; а сына Сала именуютъ Еввромъ, а сынъ Евера — Фалекъ; отъ Фалека произошелъ Рагавъ, а этотъ родилъ Серуха, который родилъ Нахора. За сими слѣдовалъ Авраамъ, сынъ Өарры, сына Нахорова. Авраамовъ же сынъ Исаакъ родилъ Іакова, а Іаковъ Іуду. А Іуда отъ Өамары родилъ Фареса, Фаресъ Есрома, Есромъ Арама (а), и этотъ Аминадава, и Аминадавъ Наассона, Наассонъ же Салмона, Салмонъ Вооза; отъ Вооза произошелъ Овидъ, Овидъ родилъ Іессея, и отъ сего произошелъ великій Давидъ. Сыномъ Давидовымъ былъ Наѡанъ, который родилъ сына Матѡана (б), и сей Маинана, Маинанъ Мелеая, а сей Еліакима, Еліакимъ Іоаннана (в), Іоаннанъ Іосифа, Іосифъ Іуду; отъ сего родился Симеонъ, отъ Симеона Левій, отъ Левія Матѡанъ (г), отъ Матѡана Іоримъ, отъ Іорима Еліезеръ, отъ Еліезера Іосафъ (д), отъ Іосафа

(а) Есромъ Іорама, Іоранъ Арама. (б) Матѡеая. (в) Іоанна. (г) Матѡатъ. (д) Іосій.

Ирѣ, отъ Ира Елмодъ (е), а у сего былъ сынъ Косамъ, у Косама Аддій, у Аддія Мелхій; отъ Мелхія произошелъ Нирій, отъ Нирія Салаѳилъ, Зоровавель, Рисай, Ионанъ, Иуда, Осокъ (ж), Семей, Матѳей (з), Мааѳъ, Наггей и Елимъ (и). Отъ Елима произошелъ Наумъ, Амось, Маттаѳей, Иосифъ, Іаннай, Мелхій, Левій, Матѳанъ (і), Илій, Иосифъ.

Такъ Лука; а какъ же великій Матѳей? Отъ Авраама до Давида согласно съ сказаннымъ выше. А тамъ, гдѣ Лука перешелъ къ священническому поколѣнію, Матѳей ставитъ родъ царей. Теперь скажемъ, сколько ихъ было, и какъ именовались сыны Давидовы: Соломонъ, Ровоамъ, Авія, Аса; отъ Асы произошелъ Иосафатъ, а седьмой былъ Иорамъ; потомъ Озія, Иоамъ, Ахазъ, Езекия, Манассія, Амонъ, Иосія; а послѣ сего Іехонія, котораго отвели плѣнникомъ въ Вавилонъ, Салаѳилъ, Зоровавель, Авіудъ, Еліакимъ, Азоръ; отъ Азора Садокъ, отъ Садока Ахинъ (к), отъ Ахина Еліудъ, отъ Еліуда Еліезерь (л), отъ Еліезера Матѳанъ, отъ Матѳана Іаковъ, самый же послѣдній, мншій отецъ Христовъ, Иосифъ.

ДВѢНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВЪ.

У Христа великаго Бога двѣнадцать учениковъ: Петръ, Андрей, Иоаннъ, Іаковъ, пятый Филиппъ, шестой Варѳоломей, потомъ Матѳей, Ѳома и Іаковъ

(е) Елмодавъ. (ж) Иосифъ. (з) Маттаѳей. (и) Еслимъ.

(і) Матѳанъ. (к) Ахинъ. (л) Елеазаръ.

Алѣевъ, Іуда, Симонъ, и другой Іуда, о которомъ лучше бы не упоминать.

ХРИСТОСЪ НА КОРАБЛѢ.

Нѣкогда Христось на кораблѣ покоился естественнымъ сномъ, а море колебалось отъ бурноносныхъ вѣтровъ, и пловцы въ ужасѣ вопіяли: пробудись. Спаситель, и помощи гибнущимъ! Царь, воставъ, повелѣлъ утихнуть вѣтрамъ и волнамъ. Тогда бывшіе на кораблѣ уразумѣли въ семь чудѣ чудодѣйствующаго Бога.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАТѢЕЯ.

1.

По Матѣеевой книгѣ таковы чудеса, которыя совершилъ Царь Христось, вступившій въ единеніе съ человѣческою плотію.

Во-первыхъ, избавилъ отъ лютой болѣзни — проказы (8, 1—4.). Во-вторыхъ, укрѣпилъ члены сотника раба (8, 5—13.). Въ-третьихъ, рукою Своею угасилъ жаръ въ тещѣ Петровой (8, 14. 15.) Въ-четвертыхъ, утишилъ великое волненіе и вѣтры (8, 23—27.). Въ-пятыхъ, послалъ бѣсовъ въ свиней въ Гергесинахъ (8, 28—32.). Въ-шестыхъ, отяжелѣвшій членами взялъ одръ свой (9, 2—7.). Въ-седьмыхъ, Христось остановилъ источникъ кровей въ прикоснувшейся къ Нему кровоточивой (9, 20—22.).

Въ-осьмыхъ, дщерь князя возвратилась на свѣтъ (9, 18—25.). Въ-девятыхъ, Онъ даровалъ свѣтъ слѣпцамъ (9, 27—29.). Въ-десятыхъ, нѣмой, по изгнаніи бѣса, сталъ говорить (9, 32. 33.). Въ-одиннадцатыхъ, Христось разрѣшилъ отъ узъ сухую руку въ субботу (12, 10—13.). Въ-двѣнадцатыхъ, освободилъ отъ бѣса глаза и слухъ (12, 22.). Въ-тринадцатыхъ, наполнилъ двѣнадцать коробовъ, насытивъ пятью укрухами пять тысячъ мужей (14, 16—21.). Въ-четырнадцатыхъ, взошелъ по водамъ на корабль, и волнующееся великое море покорилося Его стопамъ (14, 24—33.). Въ-пятнадцатыхъ, изгналъ Онъ духа изъ Хананейки, склоняся на усильныя мольбы ея матери (15, 22—28.). Въ-шестнадцатыхъ, исполнилъ семь кузововъ отъ семи хлѣбовъ, между тѣмъ какъ число насыщенныхъ было четыре тысячи (15, 32—36.). Въ-семнадцатыхъ, преобразился въ Божественный образъ и просіялъ предъ учениками паче солнца (17, 1—8.). Въ-осемнадцатыхъ, по просьбѣ отца, освободилъ отъ болѣзни его любезнаго сына, который страдалъ въ новомѣсячїа (17, 14—18.). Въ-девятнадцатыхъ, на пути, даровалъ свѣтъ очамъ іерихонскихъ слѣпцовъ, сидѣвшихъ при дорогѣ (20, 29—34.). Въ-двадцатыхъ, возвратилъ зрѣніе очамъ и разрѣшилъ разслабѣвшїа колѣна (21, 14.), изринувъ изъ храма всякую скверну (21, 12. 13.); на пути же изъ Виванїи совершилъ величайшее чудо — немедленно засушилъ смоковницу, которую нашелъ безплодною (21, 18. 19.). Потомъ излилась глубокая тма со креста, когда отходилъ Свѣтъ (27, 45.); раздражалась широкая завѣса храма (27, 51.); поколеба-

лась земля, разсѣлись въ землѣ камни, и пробужденные мертвецы оставили гробы (27, 52. 53.). Наконецъ и Самъ, въ третій день отверзши гробъ (28, 1—7.), явился вскорѣ возлюбленнымъ Своимъ (28, 16. 17.) въ Галилею.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАРКА.

2.

Маркъ, повѣривъ слову великаго служителя—Петра, написалъ для Авзонянъ слѣдующія чудеса Божіи. Бѣсъ (1, 23—26.), горячка (1, 30. 31.), проказа (1, 40—45.) и расслабленіе членовъ (2, 3—12.) уступили слову Христову; потомъ сухая рука распротерлась (3, 1—5.). Еще Христось укротилъ силу вѣтровъ или моря (4, 36—41.); Ему покорился легионъ (5, 1—20.); Онъ остановилъ кровавый токъ (5, 25—34.); напиталъ многихъ пятью хлѣбами (6, 35—44.). Потомъ связалъ море и ходилъ по водамъ (6, 47—51.), изгналъ бѣса изъ Финикіянки (7, 25—30.) — въ знаменіе Тириямъ и Сидонянамъ; исцѣлилъ глухо-нѣмаго (7, 31—37.); еще напиталъ тысячи семью хлѣбами (8, 1—9.); и слѣпой увидѣлъ свѣтъ (8, 22—26.). Потомъ просіяло лице Его (9, 2—8.); изгнавъ бѣса, разрѣшилъ узы языка (9, 14—27.); и Вартимей, слѣпецъ изъ Іерихона, увидѣлъ свѣтъ (10, 46—52.). А когда Христось, взалкавъ, нашель смоковницу безплодную,

единымъ словомъ предалъ ее смерти (11, 12—21.);
еще исцѣлялъ слѣпыхъ и хромыхъ близъ храма.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ЛУКИ.

3.

Лука, повѣривъ слову великаго служителя Христа Павла, описалъ слѣдующія четырнадцать Божіихъ чудесъ: Бѣсъ (4, 33—35.), горячка (4, 38. 39.), проказа (5, 12—14.) и расслабіеніе членовъ (5, 17—25.) уступили Слову, и сухая рука распростерлась (6, 6—10.). Потомъ содѣлалъ здоровымъ сотникова раба (7, 2—10.); вдовѣ въ Наинѣ далъ сына, воскрешеннаго изъ мертвыхъ (7, 11—15.); словомъ Своимъ очистилъ отъ грѣховъ женщину, которая помазала муромъ чистыя ноги Его (7, 37—50.); усмирилъ вѣтры (8, 22—25.) и великій легіонъ (8, 27—39.); остановилъ теченіе крови (8, 43—48.); возвратилъ къ жизни дочь Іаинову (8, 41—56.); пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ въ пустынѣ пять тысячъ мужей (9, 12—17.); явилъ блистаніе Своего лица (9, 28—36.); изгналъ злаго бѣса изъ юнаго отрока (9, 38—42.), и другаго бѣса, связывавшаго языкъ (11, 14.); а также исцѣлилъ еврейскую женщину, скорченную лютымъ недугомъ (13, 11—13.); освободилъ отъ воднаго бремени (14, 2—4.); очистилъ десять прокаженныхъ, изъ которыхъ одинъ былъ Самарянинъ (17, 12—19.); даровалъ свѣтъ сидящему при дорогѣ

слѣпцу изъ Иерихона (18, 35—43.). А также Лука описалъ и тѣ знаменія, какія видѣли во время смерти Христовой, и когда Христось изъ мертвыхъ явился Своимъ возлюбленнымъ.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ІОАННА.

4.

Въ священной Іоанновой книгѣ найдешь не многія чудеса, но многія рѣчи Христа Царя. Былъ бракъ, и виночерпцы растворяли вино изъ воды (2, 1—10.). Христось сказалъ, и страждущій сынъ царедворца исцѣлялъ (4, 46—53.). Сказалъ, и взялъ одръ свой не избѣгшій отъ узъ въ купѣли (5, 1—9.). Потомъ совершилъ чудо пяти хлѣбовъ (6, 1—13.); потомъ ходилъ по кипящему морю, и спасъ учениковъ (6, 17—27.). Исцѣлилъ слѣпаго отъ рожденія, помазавъ ему брениемъ очи (9, 1—41.). Четвертый былъ уже день, и Лазарь возбужденъ изъ гроба (11, 1—44.). Напоследокъ и Самъ Христось Царь, Который умеръ за мертвецовъ, и возсталъ, чтобы оживить ихъ, открыто бесѣдовалъ съ Своими друзьями (20, 21.).

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАТѢЯ.

Вникни и въ загадочный смыслъ прикровенныхъ Христовыхъ словъ, что значать: домъ построенный

на сыпучемъ пескѣ (7, 26. 27.), одинаковое сѣмя, но не одинаково падшее на землю (13, 3—8.); и доброе сѣмя, къ которому примѣшались сѣмена вражескія (13, 24—30.); дерево изъ малаго горчичнаго сѣмени (13, 31. 32.); а также закваска сокрытая въ мукѣ (13, 33.); поле, покупаемое ради сокровищъ (13, 44.); драгоценная жемчужина, которую купецъ приобрѣлъ за все, что имѣлъ (13, 45. 46.); неводъ, извлекшій изъ моря всякаго рода рыбъ (13, 47. 48.); подъятая на рамена заблудшая овца (18, 12. 13.); царь немилосердый къ служителю, который былъ немилосердъ къ своимъ должникамъ (18, 23—34.); послѣдніе получившіе плату равную съ первыми (20, 1—15.); два сына посланные въ виноградникъ, ни въ чемъ между собою несходные (21, 28—30.); виноградари, предавшіе смерти наслѣдника (21, 33—40.); гости собранные съ распутій на пиръ въ брачномъ чертогѣ (22, 1—13.); неусыпныя дѣвы съ свѣтильниками (25, 1—12.); господинъ раздѣлившій рабамъ по неравному числу талантовъ (25, 14—30.); козлища поставленныя напротивъ овецъ (25, 32. 33.)!

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ЛУКИ.

Лука упомянулъ о слѣдующихъ притчахъ: о положившемъ надежное основаніе на камнѣ (6, 47—49.); о томъ, кто больше получаетъ благодѣній и больше любить (7, 41—43.); о сѣмени, которое пало на четыре рода земли (8, 5—15.); о путникѣ,

который попался въ руки разбойникамъ (10, 30—36.). Потомъ нѣкто, безвременно пришедши къ дверямъ, просить и получаетъ не худое (11, 5—8.); нечистый духъ вселяется съ другими семью духами (11, 24.); богатый, обрадовавшись множеству плодовъ, предается напраснымъ надеждамъ, не зная, гдѣ будетъ (12, 16—21.). Послѣ сего и то, что, ожидая возвращающагося съ брака Христа, должно бодрствовать, и какъ можно лучше пользоваться служеніемъ Ему (12, 36—40.); и то, что неплодная смоковница облагается навозомъ (13, 6—9.); закваска (13, 20. 21.); вищіе на бракъ (14, 16—24.); радость о найденной драхмѣ (15, 8—10.), и о найденной овцѣ (15, 3—7.); отецъ скалившійся надъ падшимъ сыномъ (15, 11—34.); домостроитель, который, благоразумно окрадивъ господина, каждому изъ должниковъ его прощаетъ нѣкоторую часть долга (16, 1—8.); Лазарь и богачъ (16, 20—31.); докучливая просьба вдовицы (18, 2—5.); мытарь и кичливость фарисея (18, 10—14.); равный раздѣлъ десяти минъ (19, 12—27.); злонравные земледѣлатели, убійцы своего господина (20, 9—16.).

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ У ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ.

Боюсь, чтобы, основаніе жизни положивъ на песокъ, не разрушиться миѣ отъ рѣкъ и вѣтровъ.

Боюсь, чтобы, подобно сѣмени, которое пало на сухую и неплодную землю, и миѣ, прозябнувъ

скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечные лучи и легкія напасти, или не быть съѣдену птицами и подавлену терніями.

Боюсь, чтобы сѣятель негодныхъ плевель и завистливый врагъ, во время моего сна, не подмѣшалъ худаго сѣмени, и чтобы мнѣ, когда на прозябшія вмѣстѣ и добрыя и худыя растенія наложу руку прежде, нежели они выколосятся, не погубить съ плевелами и добраго растенія; потому что не многіе имѣютъ опытную руку и умѣютъ истреблять одни плевелы тамъ, гдѣ добродѣтель и порокъ, обитая попеременно, стали между собою близкими, и гдѣ худое вырастаетъ вмѣстѣ съ добрымъ.

Хвалю малое горчичное сѣмя, которое, при всей своей малости, весьма скоро разрастается въ дерево, и достигаетъ такой высоты, что дѣлается пріютомъ для птицъ небесныхъ.

О если бы и мнѣ, возлюбивъ красоту Твою, драгоценная и знаменитая Жемчужина, стать великимъ купцомъ, и продавъ все, что у меня есть, до послѣдняго хитона, получить въ замѣнъ дорогое стяжаніе, и сдѣлаться богатѣе всѣхъ, когда пріобрѣту единственную изъ всѣхъ драгоценность, или сокровище сокрытое на полѣ въ земныхъ глубинахъ!

Знаю и то, что цѣлый міръ вовлеченъ въ мрежу, когда ловцы челоуѣковъ, исполняя велѣнія Христа Царя, обложили его своею сѣтью, чтобы плавающихъ въ горькихъ волнахъ сей жизни исторгнуть изъ глубинъ моря и представить Христу. Но когда будешь произносить судъ о сей ловитвѣ, и пойманное дѣлить на части, меня не отбрасывай вдалѣ,

какъ одну изъ негодныхъ рыбъ, но вложи въ сосуды на сбереженіе для Царя.

О если бы мнѣ въ великій, прекрасный и цвѣту- щій Божій виноградникъ взойдти съ раннаго утра и понести большій предъ другими трудъ, а награду и славу получить наравнѣ хотя съ послѣдними! Чему завидовать, если Богъ равняетъ съ трудами и одно желаніе трудиться?

Отецъ посылалъ въ виноградникъ сыновей, чтобы позаботились о немъ, и сначала послалъ старшаго. Онъ охотно принялъ приказаніе, но не исполнилъ отцова желанія, какъ обѣщалъ. А младшій сынъ отказался исполнить приказаніе, однако жъ исполнилъ. По моему мнѣнію, лучше, да и родителю былъ бы пріятнѣе обоихъ такой сынъ, который бы и принялъ приказаніе, и исполнилъ надежду.

Но тѣ, которые уготованы огню, убьютъ наслѣдника внѣ виноградника.

Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый отецъ, веселясь о наилучшемъ сынѣ. О если бы на сей вечери было мѣсто и мнѣ, и всякому, кто со мною единомысленъ! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пару новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы изъ среди пирующихъ, которые одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко и отъ друзей и отъ брачнаго пира.

Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, съ воженными свѣтильниками и съ недремленными

очами ожидаютъ вождѣннаго Жениха—Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе Приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умомъ и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ, уже въ самое пришествіе Христово, отягченными отъ сна очами замѣтивъ едва мерцающій блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя капель ея свѣтлой жизни, и запертыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, великими узами любви сопрягааясь съ чистыми душами, даруетъ имъ дерзновеніе и славу.

Когда же, Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдешь внезапно и къ ожидающимъ и къ неожиданнымъ: о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздаятелю житей—твердаго слова!

И въ грозный день, при разлученіи овецъ и козлищъ—людей благочестивыхъ и нечестивыхъ, не поставь меня на странѣ козлищъ, но вели стать мнѣ съ овцами по правую руку, по лѣвую же руку да останутся одни худшіе!

Ежели есть во мнѣ какой свѣтоносный свѣтильникъ, да свѣтитъ онъ внѣ, поверхъ свѣщника! Но хорошо и то, чтобы иное видѣлъ во мнѣ одинъ Богъ, Который окомъ Своимъ всѣхъ назираеть.

О если бы мнѣ всегда и больше всего любить Бога, посылаетъ ли Онъ что нибудь горькое, или доброе; потому что все для меня прекрасно!

Но если на меня, по выходѣ изъ великаго Хри-

стова града, нападутъ разбойники; то не попусти мнѣ погибнуть отъ убійственныхъ рукъ.

И если извлечешь изъ меня духъ жизни, то врагъ да не нападетъ на меня съ своимъ множествомъ, какъ на челоуѣка ни къ чему негоднаго!

Не губи, о Царь, бесполезной смоковницы, но подожди еще плода; не поѣдай меня, но приложи попеченіе обновить мои силы!

Обрѣтя драхму, овцу и совершенно погибшаго сына, одну на землѣ, другую въ горахъ, а третьего у ногъ, въ жалкомъ состояніи возвратившагося въ отеческій домъ, прияти меня опять, о Царь, къ числу Твоихъ сыновъ, овецъ и драхмъ!

Поелику Царь добръ къ моимъ немощамъ; то да не буду и я немилосерднымъ истязателемъ подобныхъ мнѣ рабовъ! И хорошо, если бы у меня достало благоразумія тайно убавить нѣчто изъ ихъ долговъ, чтобы въ послѣдствіи имѣть себѣ помощь при нуждѣ!

Желалъ бы я быть Лазаремъ и здѣсь, и въ будущей жизни; потому что другой былъ высокоумрѣнъ здѣсь, а тамъ сталъ безчестенъ, и за пресыщеніе мучится во пламени.

Не буду высокоумнымъ; ибо я — негодный мытарь, и слезами привлеку къ себѣ милосердіе; а фарисей пусть будутъ унижены!

Если же изнуренную вдовицу отошлю когданибудь отъ дверей своихъ ни съ чѣмъ, или изъ собственныхъ рукъ, вмѣсто желаннаго хлѣба или вкусной рыбы, подамъ комунибудь камень или страшную змѣю, прикрывая пренебрежностію вражду; то и самъ да получу такое же воздаяніе отъ Бога!

Если у меня къ однимъ кладовымъ приложена уже печать, а другія наполняетъ быстролетная надежда, то ночь да истребитъ меня и мои пустыя грезы!

Нѣтъ, нѣтъ, не желаю того, чтобы талантъ, какой ввѣрилъ мнѣ Богъ, удѣлившій другимъ большую благодать, и поровну всѣмъ раздѣленная мина, то есть, даръ естественнаго слова, остались въ рукахъ моихъ не употребленными въ дѣло; напротивъ того пушу ихъ въ обращеніе, и лучше получить мнѣ за сіе славу, чѣмъ подвергаться строгому наказанію и позору.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ, СЛЕГКА НАЧЕРТАННЫЯ.

Богъ есть сущность и первая доброта.

Миръ — сопряженіе скоропреходящаго и умопредставляемаго. А то, что каждую вещь дѣлаетъ такою, или инаковою, есть *природа*.

Природа невещественная—*Ангель*, первая тварь.

Но что такое Ангелы, уклонившіеся отъ добраго? Это *демоны*. Первый изъ нихъ, бывшій нѣкогда Денницею, есть изобрѣтатель и начальникъ безобразной тмы.

Вещество же—основа для образовъ, вторая тварь.

А *красота* въ веществѣ—видъ вещества, облеченнаго въ образъ.

Взаимный предѣлъ скоропреходящаго и умопредставляемаго есть *небо*.

Природа звѣздъ—круговращающійся огонь.

А свѣтъ есть воспламененное озареніе и въ душѣ разумъ. *Тма* бываетъ двоякая, какъ отсутствіе двоякаго озаренія.

Вѣкъ есть протяженіе, непрестанно протекающее не во времени.

А время—мѣра солнечнаго движенія.

Земля есть отвердѣніе вещества, окружаемаго небомъ.

Огонь есть естество горящее и стремящееся вверхъ.

Вода—естество текучее и падающее книзу.

Воздухъ — наполненіе пустоты и вдыхаемый потокъ.

Я человекъ — Божіе созданіе и Божій образъ.

Тѣло—вещество и протяженная дебелость.

Стихія есть первоначальная часть тѣла.

Душа — природа оживляющая и движущая; съ моею же душою срастворены разумъ (*λόγος*) и умъ (*νῆς*).

Жизнь есть сопряженіе души и тѣла; равно какъ *смерть* — разлученіе души съ тѣломъ.

Умъ — это внутреннее и безграничное зрѣніе; а дѣло ума—мысленіе и впечатлѣніе въ себѣ мыслимаго. *Разумъ*—разысканіе впечатлѣній ума; его ты выговариваешь посредствомъ органовъ голоса.

Ощущеніе есть какое-то принятіе въ себя внѣшняго.

Память есть удержаніе въ себѣ впечатлѣній ума, отложеніе памяти — *забвеніе*; а отложеніе забвенія есть опять какая-то память, которую называю *воспоминаніемъ*.

Подъ *хотьніемъ* разумью наклоненіе ума и встрѣчу чего-то такого, что въ нашей власти; но иного и хотѣть не должно.

Движеніе, куда я хочу,—это *свобода*.

Усиленное таковое движеніе называю *рвеніемъ*; а непроизвольность есть насиліе воли.

Подъ *сужденіемъ* разумью различеніе предметовъ.

Вождельніе есть пожеланіе или прекраснаго, или непрекраснаго; а вождельніе воспаленное и неудержимое—это *любовь*.

Раздраженіе есть внезапное воскипѣніе въ сердцѣ; раздраженіе продолжительное — это *гнѣвъ*; а раздраженіе, въ которомъ человѣкъ помнитъ зло, и замышляетъ самъ сдѣлать зло, есть *памятозловіе*.

Терпѣливостію называю перевариваніе въ себѣ скорби; а спокойно встрѣчать обиду означаетъ *негнѣвливость*; древніе обыкновенно называли это *кротостію*.

Навыкъ къ доброду почитай *добродѣтелию*, и обратно, навыкъ къ худому—болѣзнію, противоположною добродѣтели. И первую признавай даромъ Божиимъ, а послѣднюю—своимъ изобрѣтеніемъ.

Красота есть соразмѣрность во всемъ; а *гнушность*, по моему разсужденію, есть поруганіе красоты.

Мужество есть твердость въ опасностяхъ; *дерзость* есть смѣлость, гдѣ не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатіе сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть *робость*.

Не поддаваться удовольствіямъ—это есть *цѣлоумдріе*; а поддаваться удовольствіямъ — это называю *распутствомъ*.

Не домогаться того, чтобы имѣть у себя больше другихъ—это *справедливость*; а выступать изъ предѣловъ равенства—это *несправедливость*.

Благоразуміе есть опытность въ дѣлахъ.

Подъ мудростію разумѣй созерцаніе сущаго.

Простота есть какой-то навыкъ быть недѣятельнымъ къ злу. А *двоедушіе* есть коварство нрава.

Удовольствіе есть кака-то разнѣженность души.

Скорбь есть грызение сердца и смущение; а *забота*—это кружение; высшая же ея степень — *безпокойство*.

Разсужденіе есть противоположеніе сужденій о томъ, что дѣлать.

Рѣшеніе есть установленіе опредѣленій ума въ одномъ.

Отринутіе же опредѣленій ума почитаю *безпечностію*.

Зависть есть сокрушеніе о благоуспѣшности ближнихъ; а *злорѣчіе* сверхъ того и вредить изъ зависти. Но упрекать людей порочныхъ есть похвальная страсть.

Стыдъ есть какое-то сжатіе сердца отъ страха подвергнуться позору; а презрѣніе стыда есть *безстыдство*.

Прилежаніе есть какая-то стойкость въ предположенномъ; ослабленіе этой стойкости называю *нерадѣніемъ*. *Лѣность* же есть неподвижность къ чему бы то ни было.

Ревность есть то подражаніе, то какая-то скорбь о томъ, что нѣжность тайно питають къ постороннему любимому предмету; древніе называютъ это *ревншвостію*.

Хвастливостію называю надменіе сердца, а *кичливостію* — воспламененіе сердца, производимое легкомысліемъ. *Горделивый*, по моему мнѣнію, любить выказывать себя передъ другими. А *спльсю* называю самоуслажденіе.

Имѣть *смиренномудріе* значитъ не думать о себѣ и того, чего бы заслуживалъ: притворно выказывать свое смиренномудріе есть *насмѣшка*.

Щедрость — когда просто даетъ кто другому деньги; а *расточительностію* называю пожираніе денегъ; *скудость* же есть бережливость на деньги.

Пышность есть блистательность въ дѣлахъ; а *щепетливость* — и о маловажномъ думать много.

Великодушень, кто все переноситъ съ благодушіемъ; а не переноситъ и малости — знакъ *малодушія*.

Любочестіе есть умѣренное желаніе чести; а *суетность* простирается далѣ мѣры; желаніе же пустыхъ отличій есть *тщеславіе*.

Казаться такимъ или такимъ есть *слава* (*δόξα*); а иное дѣло — *мнѣніе* (*δόξα*), то есть, наши представленія о вещахъ.

Обида есть неблагородный поступокъ, или неблагородное слово чловѣка непріязненнаго. Злорѣчивый старается остыдить. Порицаніе друга, не подвергающее наказанію, есть *упрекъ*. Обвиненіе же въ чемъ нибудь заслуживающемъ наказаніе есть *жалоба*. Если жалоба несправедлива, то дѣлается *клеветою*. А если принесена еще тайно, то назову ее *лбедою*. Какой нибудь безотчетный упрекъ есть *хула*. А *злозязыченъ*, кто противъ всѣхъ вооружаетъ свои уста,

Обходительность есть развязность въ бесѣдѣ; а *ловкость обращенія* — развязность, кромѣ слова, въ движеніяхъ; *глупость* же есть неумѣнье сказать кстати слово.

Смѣхъ есть судорожное движеніе щекъ и трепетаніе сердца.

Неумѣренное употребленіе вина назову *пьянствомъ*; непристойное состояніе упившагося есть *опьянѣніе*; а *похмелье* — неприятное слѣдствіе вчерашняго упоенія.

Убийство бываетъ двоякое, — или тѣла, или образа Божія; а въ томъ и другомъ случаѣ разрушается вождѣнная гармонія.

Блудъ и *прелюбодѣніе* также бываютъ двоякаго рода: это или какое-то похищеніе чужимъ тѣломъ или и демономъ, когда любовь, какою обязаны мы къ Богу, питаемъ ко врагамъ Божиимъ. Но кто и золото чтить, есть также *идолопоклонникъ*.

Если приобрѣсти что нибудь для души есть *польза*; то лишить ее чего нибудь есть *вредъ*.

Жалость есть состраданіе къ несчастію; а *милосердіе*, когда оказываемъ какое нибудь благодѣяніе страждущему.

Извѣстный навикъ въ дѣлахъ есть *правъ*; а *поведеніе* — такой образъ дѣйствованія, въ которомъ выказывается нравъ.

Обученіе есть образованіе дѣломъ и словомъ.

Совершенное слово врачуетъ злыхъ; а *несовершенное* губить и добрыхъ.

Подъ созерцаніемъ разумѣй размышленіе объ умопредставляемомъ; а *дѣятельность* есть нѣкоторое

дѣйствованіе, относящееся къ тому, что обязаны мы дѣлать.

Навыкъ есть какое-то постоянное качество, а произведеніе навыка называю *дѣйствованіемъ*.

Искусство есть заведенный порядокъ дѣйствованія по опыту; а такой навыкъ, отъ котораго и отступить не возможно, называется *знаніемъ*.

Что само не ради чего нибудь, тогда какъ другое ради сего, то называю *концемъ*; а *цѣль* есть то, чего домогаемся при концѣ.

Подъ *прошеніемъ* разумѣй испрашиваніе необходимаго; *подъ молитвою* — испрашиваніе лучшаго; *подъ обѣтомъ* — обѣщаніе умилоствительной жертвы; а *умилоствительная жертва* есть даръ, приносимый въ честь.

Похвала есть доброе слово о чемъ нибудь моемъ. *Хвала* есть благоговѣйная похвала Богу. *Пѣснь*, какъ думаю, есть мѣрно сложенная хвала. *Псаломъ* въ соединеніи съ пѣніемъ дѣлается *псалмопѣніемъ*.

Говорить о чемъ нибудь дѣйствительномъ, какъ оно есть, — это *нелживость*; а говорить не такъ, какъ оно есть, это *ложь*; говорить же вопреки есть *словопреніе*, и что хуже этого въ жизни?

Клятва есть увѣреніе, при посредникѣ Богѣ. И соблюденіе того, въ чемъ клялся, есть *вѣрность клятвѣ*.

Подъ словомъ *набожность* разумѣю и почитаніе демоновъ. А *благочестіе* есть поклоненіе Троицѣ. *Отреченіемъ* отъ Бога будетъ, какъ унижать Одно изъ Трехъ Лицъ, такъ и не чтить соестествія въ Богѣ.

Вѣра бываетъ двоякая: одна по убѣдительности

слова, а другая по какому-то на все готовому согласію. И первая есть *правильная*; потому что начальникомъ слова—само Слово.

Надежда есть общеніе съ отсутствующимъ предметомъ; а прекращеніе такого общенія называю *отчаяніемъ*.

Любовь, по моему опредѣленію, есть *единодушіе*; а *любовь къ Богу*—*вмѣстѣ* и путь къ обоженію.

Ненависть есть какое-то отвращеніе, порождающее вражду.

Лицемеріе есть скрытая горечь.

Любить челоѵка значитъ воздавать честь Создателю; *служить нищимъ* значитъ воздавать честь Обнищавшему ради насъ.

Тотъ *страннолюбивъ*, кто себя самого признаетъ *странникомъ*.

Безмятежность жизни есть *вождедѣнный* миръ, особливо же миръ *душевный*, то есть, *утишеніе* страстей.

Вражда, по моему мнѣнію, есть *разномысліе* и *раздоръ*. А *вражда* и *война* — *изобрѣтатели* золь.

Чистота есть общеніе съ Богомъ.

Сквернымъ и *скверною* почитай грѣхъ.

Очищеніе есть *омовеніе* нечистотъ; а *нечистотою* почитаю и *отпечатлѣніе* въ себѣ *худаго*.

Бракосочетаніе есть *законный*, *плотскій* союзъ.

Дѣвство есть *исшествіе* изъ тѣла.

Тотъ *монахъ*, кто живетъ для Бога, и притомъ для Него *единого*; а *монастырь*, по моему мнѣнію, есть *учрежденіе*, которое имѣетъ *цѣлію* *спасеніе*.

Грѣхъ есть *уклоненіе* отъ *добраго*, не *допускаемое* ни *закономъ*, ни *природою*.

Законъ есть судебное опредѣленіе того, что мнѣ дѣлать, а *заповѣдь* есть Владычнее повелѣніе.

Преступленіе есть худой поступокъ при существующемъ законѣ. Подъ *беззаконіемъ* разумѣю неподчиненіе законамъ.

Первый законъ есть іудейство; а *второй* — таинство страданія. Одинъ прикровень и истребляетъ служеніе демонамъ; а другой — ясень, и разрушаетъ гаданія.

Вочеловѣченіе Христово есть новое созданіе меня человѣка; потому что Богъ во плоти пострадалъ моимъ страданіемъ. Онъ вполне воздалъ за всѣ мои долги; по милости къ Евѣ родился отъ жены, но отъ Дѣвы; ибо и первое Его рожденіе есть отъ единого Отца; и Безсупружнѣй произошелъ отъ безсупружнѣхъ. А *перепись* была во образъ послѣдовавшаго Божія вписанія. *Повитіе пеленами* — въ замѣнъ Адамовой наготы. *Избіеніе младенцевъ* — это отмѣненіе младенческихъ прообразованій. *Идущая звѣзда* — это поклоненіе твари. *Приходящіе волхвы* — это вступленіе язычниковъ въ Церковь. *Крещеніе Христово* было очищеніемъ водъ для меня. *Духъ* — это засвидѣтельствованное родство. *Постъ* — умощеніе на борьбу со врагомъ. *Искушеніе* было извѣданіемъ хитрости Божіей. *Терновый вѣнецъ* и *облеченіе въ порфиру* — это отнятіе державы у врага въ открытой борьбѣ. *Крестъ* — это побѣдное знаменіе; и деревянный — въ знаменіе древа. *Гвозди* — это пригвожденіе моего грѣха. *Распростертыми руками* Христосъ все объемлетъ. А *вкушеніе желчи* противоположно Адамову вкушенію. Одинъ изъ *разбойниковъ* спасся — это увѣровавшій Адамъ; а другой

былъ худъ, хотя и пригвожденъ ко кресту. *Тма* отъ шестаго часа — это плачь о Страждущемъ. *А* *распаденіе камней* побораеъ камни. *Воскресеніе мертвыхъ* и *вшествіе* во градъ — это преставленіе умершихъ въ горнія. *Кровь и вода*, вмѣстѣ истекшія изъ ребра, — это двоякое крещеніе купъли и страданія, когда принесетъ опасности время гоненій. *Мертвость Иисусова* есть истребленіе мертвосты во мнѣ. *Воскресеніе Христово* изъ мертвыхъ — мое освобожденіе изъ ада. *Восшествіе Христово въ горнія* и меня возводитъ горѣ.

Разсмотримъ теперь и то, что за симъ слѣдуетъ.

Народъ — это собраніе богочтителей.

Храмъ — это освященное мѣсто очищенія для народа.

Даръ Богу — это очистительныя жертвы.

Богопріимная трапеза — это чистое хранилище даровъ.

Священство — это освященіе мыслей, приближающее челоуѣка къ Богу, и Бога къ челоуѣку.

Таинство есть неизглаголанное богочестіе.

Подъ *благодатнымъ дарованіемъ* разумью Божественное даваніе Духа.

Пророчествомъ называю проповѣдь о сокровенномъ.

А *Евангеліе* — это проповѣдь о новомъ спасеніи.

Апостольство же есть содѣйствіе проповѣди.

Оглашеніе, преподаваемое юнымъ, есть вѣдніе слова.

Покаяніе — обращеніе къ лучшему.

Заклинаніе — изгнаніе демоновъ.

Купль есть печать второй жизни.

Просфоры—общеніе Божія воплощенія и Божіихъ страданій.

Знаменіе есть чудное событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ.

Огненные языки—присутствіе Духа.

Человѣкъ душевный далеко несовершенъ; *человѣкъ плотскій* крайне преданъ страстямъ; а *человѣкъ духовный* не далекъ отъ Духа.

Кто *антихристъ*? Звѣрь, исполненный яда, *человѣкъ* многомогущій.

А что такое *отступленіе* (2 Солун. 2, 3)? Это недавній, всѣхъ злѣйшій отступникъ, или господствующее нынѣ ученіе, разсѣкающее Бога.

Послѣ него Христосъ опять прійдетъ во славу Отца и съ тѣломъ, чтобы видѣли Его богоубійцы. Послѣ него воскресеніе, или сопряженіе сложнаго. Послѣ него скончаніе, — разрушеніе существующаго, а можетъ быть, и нѣкое измѣненіе въ лучшее. Послѣ него судъ и страхъ.

Что же такое *судъ*? Собственная и внутренняя тягота, или легкость совѣсти, и приравненіе жизни къ закону.

А бодрость жизни, по моему мнѣнію, есть *блаженство*.

Что же такое *царство*? Созерцаніе Бога, Его славословіе и пѣснопѣніе совокупно съ Ангелами.

Тма, уготованная самымъ злымъ, — это отпаденіе отъ Бога. А *червь* и *огнь*—потребленіе вещественной страстности. Если же и иное что лучшее; то и сіе не внѣ возможнаго Богу.

А что такое случай, Промысль, судьба?—*Случаемъ* было бы нѣчто совершившееся само собою, безъ вся-

каго къ тому основанія. *Промыслъ* есть кормило, которымъ все приводитъ въ движеніе Богъ. *Судьба*, какъ я самъ себя представляю, есть цѣнь Божіихъ предначертаній.

Таковы мои опредѣленія въ первомъ ихъ очеркѣ!

НАДПИСИ.

1.

Ко храму Иліи, называемому Вдовимъ.

Вотъ, странникъ, сидонская Сарпента; вотъ башня той вдовицы, которая страшнолюбовно приняла къ себѣ пророка Божія, Ілію Ѳесвитянина, когда голодъ опустошалъ города, и у нея было не много елея въ чванцѣ, и только горсть муки скрывалась въ водоносъ! Но все это безъ бережливости отдавъ пришельцу, открыла она въ даръ своемъ какой-то источникъ, изъ котораго напитался ея домъ. Ілія не только напиталъ ея сына, пока онъ былъ живъ, но и умершаго воздвигъ отъ мрака смерти. И мать, которая оплакивала свое безчадіе, снова стала матерью безъ новыхъ болѣзней рожденія.

2.

Къ церкви, которая изъ идольскаго капища обращена святымъ Григоріемъ въ храмъ Божій.

Древній былъ я городъ, который наполняли демоны, а теперь, возставленный руками Григорія, содѣлался храмомъ Христовымъ. Удалитесь отъ меня, демоны!

НАДГРОБІЯ :

Софисту Проэресію.

Не много величайся, послѣ этого, Кекропсовъ городъ! Небольшого пламенника не возможно сравнивать съ солнцемъ ; и другому смертному нельзя спорить въ краснорѣчїи съ Проэресіемъ, который нѣкогда приводилъ въ потрясеніе міръ новорождающимися рѣчами. Аттика произвела вновь возгремѣвшій громъ. А весь сонмъ высокоумныхъ софистовъ уступилъ Проэресію. Уступилъ ; однако же зависть и Проэресія покорила смерти. Не славны теперь стали Аѣины ; бѣгите, юноши, изъ Кекропсова города!

Грамматику Ѳеспесію

Увы ! увь ! Ѳеспесій , и ты умеръ ; завистливая смерть и тебя сокрыла въ могилу ! Но слава и умершаго Ѳеспесія не умретъ ; такъ обильно источалъ ты новорождающихся рѣчи ; и Аттика взываетъ : «кто теперь поддержитъ славу моей мудрости» ?

М а р т и н і а н у .

1.

Передъ тобою горы и море, нечестивецъ ! Пользуйся равнинами, засѣянными пшеницей, и стадами четвероногихъ. Таланты золота и серебра, драго-

цѣпные камни и тонкія шелковыя нити — все это жизнь приносить въ даръ живымъ. А умершамъ остается не много камней, и тѣ имъ дороги. Но ты и сюда заносишь руку, несчастный, не страшась, что иной, по твоимъ же законамъ, но болѣе правдивыми руками, можетъ разорить и твою могилу.

2.

Когда Мартиніанъ вступилъ въ общую всѣхъ матеръ—землю, тогда восплакали всѣ города Авзоніи; обитатели всей Сициліи и широкихъ предѣловъ земли остригли себѣ волосы: потому что удалилась отъ людей сама Θεмида. Но мы, вмѣсто тебя объемля твою славную могилу, всегда будемъ показывать ее проходящимъ, какъ нѣчто священное.

3.

Послушайте, Христовосцы и вы, которымъ извѣстны права живыхъ и честь, подобающая умершимъ! Все я оставилъ — царскій дворъ, отечество, родъ, славу. Увы! увy! во всемъ имѣлъ я преимущество; однако же теперь почтенный всѣми Мартиніанъ сталъ небольшою горстію праха. Уроните же слезу на мою могилу, но не налагайте на нее рукъ!

4.

Я—гробница заключаю въ себѣ благороднаго Мартиніана, стихотворца, витію, судію, превосходнаго во всемъ, побѣдоноснаго на моряхъ, воинственнаго на сушѣ. Но прочь отъ могилы, пока не потеряли чего худаго!

5.

Не объявляйте войны умершимъ, злодѣя; много и живыхъ. Не объявляйте войны умершимъ. Я — Мартиніанъ приказываю это всѣмъ живымъ! Не справедливо завидовать мертвымъ въ томъ, что есть у нихъ нѣсколько камней.

6.

Счастливый, въ доброй старости, безболѣзненно, занимая первое мѣсто при царскомъ дворѣ, достигнувъ высоты священной мудрости, умеръ я, если вы слышали о какомъ нибудь Мартиніанѣ. Но прочь отъ моей гробницы; не заносите на меня непріязненныхъ рукъ!

7.

Отойди, отойди прочь! ты предпринимаешь не добрый трудъ — потревожить камни и мою могилу. Отойди! Я—Мартиніанъ приносилъ пользу живымъ, и мертвый здѣсь имѣю не малую силу.

8.

Великая похвала Каппадокіанъ, пресвѣтлый Мартиніанъ, и могилу твою чтимъ мы смертные! Ты нѣкогда составлялъ силу градоправителей въ царскихъ твердыняхъ, а оружіемъ приобрѣлъ Сиканію и Ливію.

9.

Клянемся державою безсмертнаго и царствующаго въ горнихъ Бога, клянемся душами мертвыхъ и твоимъ прахомъ, знаменитый Мартиніанъ, клянемся

тебѣ, что на твой памятникъ и на твою гробницу никогда, никогда не поднимемъ руки, какъ на святыню.

10.

Римъ, цари мои и концы земли — вотъ памятники Мартиніану, которыхъ не разрушить время. Однако же боюсь за эту небольшую могилу, чтобъ ей не потерѣтъ чего нибудь; потому что у многихъ руки не святы.

11.

Вотъ надгробный камень славнаго Мартиніана, если слыхалъ ты о римскомъ правителѣ изъ благородныхъ Каппадокіянъ, который украшался добродѣтелями всякаго рода. Но, чтя прахъ его, облобызайте памятникъ и могилу.

12.

Никогда не поднималъ я руки на умершихъ и не искалъ себѣ пріобрѣтеній въ гробницахъ; клянусь въ этомъ правосудіемъ и умершими. Поэтому и ты не заноси желѣза на мои камни; а если занесешь, да падеть это на твою голову! Вотъ о чемъ просить тебя Мартиніанъ. Если слава моя дорога тебѣ; то пусть всегда стоитъ моя гробница!

Л и в и.

1.

Одно зданіе; но внизу могила, а вверху храмъ; гробница храмоздателямъ, храмъ добропобѣднымъ

мученикамъ. И храмоздатели покрыты уже сладостнымъ прахомъ,—а это ты, Ливія, блаженная супруга Амфилохіева, и ты, прекраснѣйшій изъ сыновей, Евфимій! Пріймите же ихъ, Свидѣтели истины; пріймите и тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ!

2.

Лучше бы жить тебѣ, Ливія, и твоимъ любезнымъ чадамъ! Лучше бы достигнуть тебѣ вратъ старости! Но теперь еще прекрасную, еще блистающую цвѣтами юности, сокрушила тебя преждевременная смерть. А супругъ твой, Амфилохій, вмѣсто доброй и разумной супруги, увы! увы! имѣетъ передъ собою жалкую гробницу.

3.

Увы! увы! и Ливію покрываетъ прахъ. Никогда не подумалъ бы, что эта женщина была смертная, смотря на ея наружность, кротость и цѣломудріе, которыми она превосходила весь полъ свой. Поэтому тебя и умершую почтили такимъ гробомъ трое твоихъ сыновей и супругъ твой Амфилохій.

Е в ф и м і ю.

1.

Подлинно была чета, чета священная, въ двухъ тѣлахъ единая душа, и по крови, и по славі, и по мудрости, по всему родные братья, два Амфилохі-

евы сына, Евфимій и Амфилохій — свѣтлыя звѣзды для всѣхъ Каппадокіянъ. Но грозно на обоихъ взирала зависть, и одного лишила жизни, а другаго оставила; но въ немъ уже одна половина Амфилохія.

2.

Витія между витіями, пѣвецъ между пѣвцами, слава отечества своего, слава своихъ родителей, едва достигшій юношескихъ лѣтъ и не давно въ чертогъ свой призывавшій любовь, умеръ Евфимій. Какая жалость! вмѣсто дѣвы нашель онъ себѣ гробъ, и за днями предбрачныхъ веселій наступилъ день плача.

3.

Двадцатилѣтній Евфимій столько знакомъ былъ съ эллинскою и авзонскою музою, сколько другой не ознакомился бы и съ одною изъ нихъ. Онъ сіялъ и красотою и благо нравіемъ. Но теперь сошелъ въ землю. Увы! увy! какъ скороснѣшна зависть въ разсужденіи добрыхъ!

4.

Свѣтло просіялъ людямъ Евфимій, но не надолго; потому что и блескъ молніи бываетъ не продолжителенъ; просіялъ же вмѣстѣ и мудростію, и наружною красотою, и добросердечіемъ. Все это составляло прежде славу Каппадокіянъ, а теперь стало причиною слезъ.

5.

Плачьте, источники, рѣки, рощи, сладкопѣвныя птицы, съ вершины деревъ прекрасно поражающія

слухъ, вѣтерки, своимъ шелестомъ навѣвающіе тонкій сонъ, и цвѣтники собравшихся вмѣстѣ Харитъ! А тебя, прелестный садъ Евфиміевъ, сколько славнымъ содѣлалъ умершій Евфимій; потому что ты носишь его имя! Если бывалъ кто прекраснѣе всѣхъ юношей, такъ это Евфимій. Если есть какое поле прекраснѣе всѣхъ полей, такъ это его Элизій. Потому и собрались вмѣстѣ всѣ Хариты. Хотя покинулъ жизнь Евфимій; однако же оставилъ свое имя этому восхитительному мѣсту.

Амфилохію (а).

1.

И Амфилохіево любезное для насъ тѣло перешло въ величественную гробницу, а душа удалилась, отлетѣвъ въ блаженные обители. Чтò нужно для ближнихъ, всѣмъ владѣлъ ты, блаженнѣйшій, нашелъ ключъ разумнія для всякой книги, смертнымъ ли она писала, или пренебесна, а въ любезную землю сошелъ уже въ старости, оставивъ дѣтей, которые лучше и родителей. Человѣку невозможно и пожелать большаго.

2.

Амфилохій, встрѣтивъ бодрую старость, охотно присовокунилъ свое тѣло къ тѣламъ супруги и сы-

---

(а) Сей Амфилохій былъ родителемъ святаго Амфилохія Епископа Иконійскаго.

повей. Онъ былъ счастливъ, благороденъ, силенъ въ словѣ, служилъ защитою для всѣхъ ближнихъ, благочестивыхъ, благородныхъ, ученыхъ; онъ былъ преобильнымъ раздавателемъ слова. Воззри же, другъ, на это надгробное писаніе одного изъ твоихъ товарищей. Все ты, о блаженный, общее врачество нищеты, о крылатая рѣчи, о источникъ, изъ котораго всѣ черпали, все ты оставилъ съ послѣднимъ дыханіемъ. Но одна вѣчно цвѣтущая слава послѣдовала за тобою, восхищеннымъ отсель. Сіе написалъ Григорій, словомъ возблагодаривъ за слово, которому научился у тебя, Амфилохій.

3.

Амфилохій умеръ; рушился прекрасный храмъ витійства, какой еще оставался у людей. Восплакали Хариты, сошедши съ Музами, особливо же восплакало о тебѣ любезное отечество — Діокесарія.

4.

Малый я городокъ— Діокесарія; но алтарямъ правосудія дарованъ мною великій мужъ, Амфилохій. Онъ умеръ; умерли съ нимъ и пламенное краснорѣчіе и слава отечества, производящаго столь доблестныхъ мужей.

5.

Я, малый прахъ, виѣ отечества содержу Амфилохія, великаго сына Филтатіева и Горгоніина, который пламеннымъ своимъ краснорѣчіемъ разилъ противниковъ, а по правамъ и сердцу былъ слаще меда.

6.

Въщайте теперь, витіи ; я — могила заключаю въ себѣ уста великаго Амфилохія, связаннаго молчаніемъ.

7.

Вотъ гробница медоточиваго Амфилохія, который нѣкогда превосходилъ всѣхъ Каппадокіянъ своимъ краснорѣчіемъ и добросердечіемъ.

 Н и к о м и д у.

1.

Отшелъ отъ насъ ты, Никомидъ, моя слава. Какъ же докончатъ свою жизнь твои дѣти, — эта чистая чета? Чья рука довершитъ прекрасный храмъ? Чей умъ восношлетъ къ Богу совершенную жертву? Съ тѣхъ поръ, какъ ты, блаженный, такъ скоро вступилъ въ общеніе съ пренебесными, чего не потерпѣлъ несчастный родъ человѣческій?

2.

Посмотри и на могилу Никомида ; если слыхалъ ты о томъ Никомидѣ, который, соорудивъ храмъ великому Христу, сперва себя, а потомъ дѣвство чадъ своихъ, принесъ въ славную, чистую жертву : потому что ничего не нашелъ у себя лучшаго сей іерей и наилучшій родитель. За это и вступилъ онъ скоро въ общеніе съ великою Троицею.

3.

Наконецъ , Никомидъ , отошелъ ты въ славную жизнь ; но очень скоро похищенъ отсель . Кто жъ далъ на это свой приговоръ ? — Царь Христось , чтобы ты , вмѣстѣ съ священною четкою своихъ чадъ , съ небесъ правилъ твоимъ народомъ .

 КАРТЕРІЮ .

1

Куда ты , любезнѣйшій изъ товарищей , досто­слав­ный Картерій , отшелъ такъ поспѣшно , оставивъ на землѣ меня , обремененнаго трудами ? Куда удалился ты , управлявшій кормиломъ моей юности , когда на чужой сторонѣ изучалъ я слово , — ты , который привязалъ меня къ жизни безплотной ? Безъ сомнѣнія , для тебя всего вождѣннѣе Царь Христось , Которымъ теперь обладаешь . Молнія великославнаго Христа , превосходящійшая ограда блигонравія , броды моей жизни , не забывай Григорія , котораго образовалъ ты въ добрыхъ нравахъ , что было уже давно , мой вождь къ добродѣтели , Картерій !

2.

Отъ чего , какъ у всякаго смертнаго , и у Картерія прекратились вы , источники слезъ , бездѣйственными стали вы , колѣна , и вы , руки , умиловлявшія Христа чистѣйшими жертвами ? — Отъ того , что тамошнее ликостояніе пожелало имѣть новаго пѣнопѣвца .

3.

Скоро, Никоидъ, похитилъ ты у меня сердце мое, похитилъ Картерія, который за одно съ тобою подвизался въ благочестіи.

4.

О священная страна блаженныхъ Ксоловъ, какую опору имѣешь ты для себя, призвавъ къ себѣ крестоносца Картерія?

 В а с с у .

1.

Вдали отъ отечества, разбойническою рукою умерщвленъ ты, другъ Вассъ, болѣе всѣхъ Христу угождавшій. Тебя заключаетъ въ себѣ не отечественная могила. Однако же великое имя твое осталось въ наслѣдіе всѣмъ Каппадокіянамъ; оно написано на такихъ столпахъ, которые лучше неизблемыхъ. Вотъ памятникъ, воздвигаемый тебѣ Григоріемъ, котораго ты любилъ!

2.

Ты, Вассъ, какъ Авраамъ, принялъ на лоно свое Картерія, несомнѣннаго сына твоего по духу. Но и я, хотя бы и сокрылъ меня одинъ гробъ съ моимъ родителемъ, неразлученъ буду съ вашамъ со товариществомъ.

Филтатію.

Эта священная земля скрываетъ въ себѣ тѣло Филтатія — великаго юноши, правителя великаго народа.

Евсевію и Василиссѣ.

Здѣсь лежатъ великославные Евсевій и Василисса, Христовосные питомцы боголюбезныхъ Ксоловъ, а съ ними и священное тѣло блаженной Нонны. Ты, который проходишь мимо сихъ гробовъ, вспомни о сихъ великихъ душахъ.

Елладію.

1.

Твой умъ, Елладій, всегда пребывалъ въ небѣ; на дольной же землѣ не утверждалъ ты и малаго слѣда, а потому и отошелъ такъ скоро съ земли. А прахъ твой объемлетъ единоутробный братъ твой Евлалій.

2.

Я, обитель мучениковъ, заключаю въ себѣ юнаго, но великаго Христа и посѣдѣвшаго разумомъ Елладія. И не чему дивиться; потому что и онъ терпѣливо несъ скорби, подобно мученикамъ, когда угашалъ въ себѣ брань завистливаго противника.

3.

Едва дышалъ ты на землѣ, уступая нуждамъ плоти, большую же часть жизни имѣлъ уже горѣ, о великая слава Христова, Елладій! А если очень скоро разрѣшился отъ узъ; то и сіе — награда за твои труды.

ГЕОРГІЮ.

И ты здѣсь лежишь, любезное тѣло Георгія, который препослалъ ко Христу многія чистыя жертвы; а вмѣстѣ съ тобою, родная тебѣ сестра и по плоти и по духу, великая Василисса, имѣетъ общій гробъ, какъ имѣла общую жизнь.

ЕВПРАКСІЮ.

Я, великая аріанзская земля, заключаю въ себѣ Евпраксія, архіерея сей священной страны. Онъ былъ другъ, сверстникъ и сотруженникъ (а) Григорію; поэтому въ сосѣдствѣ съ нимъ нашелъ себѣ и могилу.

(а) *Συνοδότης*, какъ видно изъ Θεοδοсіева Кодекса lib. II. lex 57, есть слово тождественное съ *κοινοβιός*, общежительный монахъ.

МАКСЕНТІЮ.

1.

Благородной былъ я крови, служилъ при царскомъ дворѣ, высоко поднималъ тщеславную бровь. Все разсѣялъ Христосъ, когда призвалъ меня къ Себѣ. На многихъ стезяхъ жизни утверждалъ я стопу свою, волнуемый желаніями, пока не нашелъ надежнаго пути. Для Христа изнурялъ я тѣло многими скорбями, и теперь Максентій легкимъ воспарилъ отселѣ горѣ.

2.

Въ трепетъ приходитъ сердце мое, когда пишу имя твое, Максентій; ты шель путемъ жизни суровымъ, не человѣческимъ, высокимъ, нецрїятнымъ. И къ гробу твоему, превосходнѣйшій, не безъ трепета приближаться будетъ христїанинъ.

Двоимъ Евпраксїямъ.

Не въ послѣднихъ этотъ Евпраксій, а равно и другой; у обоихъ одно имя, и одно сердце; оба были превосходными служителями іерея Григорія. Ему же и нынѣ служба, тамъ предстоятъ.

ПАВЛУ.

1.

Неизвѣстенъ предѣлъ жизни; поэтому иди не на удачу, но стремись къ добродѣтели, чтобы обрѣсти тебѣ блаженство тамъ.

2.

Смотри, все прахъ и все обращается въ пепель; что ни есть въ мѣрѣ, все непременно прійметъ въ себя могила. И продолжительная жизнь есть скоро увядающій знакъ, не осуществляемое блаженство, не отпечатлѣвшійся слѣдъ.

3.

О родительница, проливающая горькія слезы на гробъ мой! на что ни посмотришь ты, приобретаешь только новую болѣзнь сердцу.

4.

Могилы полны слезъ, полны безмѣрной горести. Кто ни заглянетъ во гробъ, соберетъ въ сердце скорбь.

5.

Ты обращаешь взоръ свой на мое тѣло, разсмотри мои члены. Какъ молодую вѣтвь, скосила меня смерть; ненасытный тартаръ отверзъ свою мрачную обитель, и вовлекъ туда меня, Павла, срѣзавъ преждевременно, какъ нѣжный ростокъ. Всю красоту юныхъ, какъ траву, пожинаетъ смерть своею косою; ибо дѣйствительно она неизбѣжна.

6.

Смотри, куда идешь? Остановись! Смотри! Ты прикасаешься къ тлѣнію. Этотъ мѣръ есть прахъ, облако, вѣтръ, пепель. Все, на подобіе воздуха, течетъ быстро, невозвратно.

7.

Земля сокрыла меня въ вѣдрахъ своихъ. Не могу произнести ни одного слова; тлѣніе связало мнѣ языкъ, разсыпало всѣ мои члены.

8.

Отецъ, отецъ, Богъ мой! Тебѣ принадлежитъ дыханіе каждаго, Ты сотворилъ мои руки. Когда повлечетъ меня клочущій пламень всеочистительнаго суда, тогда—увы мнѣ!—какъ не воспламениться той сквернѣ, какую собралъ я себѣ; ибо дѣла мои — солома?

Г Р И Г О Р І Ю.

Дядя по матери, великій іерей Григорій, положилъ здѣсь, у чистыхъ мучениковъ, юнаго, цвѣтущаго, не достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ Григорія; и прежнія надежды—имѣть кормителя въ старости, стали прахомъ.

К Е С А Р І Ю.

1.

Немилостивъ этотъ гробъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы первые стали хоронить послѣднихъ. Однако же онъ принялъ въ себя Кесарія, знаменитаго сына знаменитыхъ родителей, и привялъ прежде, нежели родителей. Какая въ томъ справедливость? — Не гробъ въ этомъ виновенъ; не упрекай его: это

дѣло зависти. Могла ли она терпѣливо видѣть, что юный премудрѣ старцевъ?

2.

Правда, что ты, Григорій, имѣлъ такого сына, который и красотою и мудростію превосходилъ смертныхъ, и пользовался дружбой царя: однако же не думалъ я, чтобъ онъ вовсе не подвластенъ былъ неумолимой смерти. Но что говорить гробъ? Будь терпѣливъ! Хотя умеръ Кесарій: однако же вмѣсто любезнаго сына у тебя осталась великая его слава.

3.

Созрѣли уже мы для могилы, когда каменотесцы клали этотъ камень для нашей старости. Да, они клали для насъ; а камень достался, кому не слѣдовало, достался Кесарію, послѣднему изъ нашихъ дѣтей. Велико, велико наше горе, сынъ. Но прійми скорѣе насъ, поспѣвающихъ въ нашу могилу!

4.

Этотъ камень ставили родители для своего гроба, въ томъ чаяніи, что не велика уже остается доля ихъ жизни. Но противъ желанія оказали они тѣмъ горькую услугу сыну Кесарію; потому что онъ прежде ихъ отрѣшился отъ жизни.

5.

Моя старость замедлила на землѣ; а любезнѣйшій изъ дѣтей, Кесарій, вмѣсто отца получилъ этотъ камень. Какой въ этомъ законъ? Какое правосудіе?

Какъ соизволилъ на сіе Ты, о Царь смертныхъ ?
Для одного такъ долга жизнь ! Для другаго такъ
посышна смерть ?

6.

Не хвалю, не хвалю того, что ты , Кесарій , изъ
всѣхъ нашихъ достойнѣй избралъ одинъ даръ , и
именно эту могилу. Какъ горекъ этотъ камень пре-
старѣлымъ родителямъ ! Такъ захотѣла зависть. И
сколько продолжительна стала наша жизнь отъ та-
кихъ горестей !

7.

И въ геометріи, и въ познаніи положенія небесъ,
и въ логическомъ искусствѣ состязаться, и въ грам-
матикѣ, и во врачебной наукѣ, и въ силѣ витійства,
одинъ ты, Кесарій, крылатымъ умомъ своимъ объ-
яля всю мудрость, какая доступна тонкому уму че-
ловѣческому. А теперь, увы ! увы ! подобно всякому
другому, сталъ ты горетію праха.

8.

Славный Кесарій, все ты оставилъ своимъ едино-
утробнымъ, и вмѣсто всего избираешь небольшую
могилу. Ни геометрія, ни звѣзды, которыхъ поло-
женіе зналъ ты, ни врачебная наука, ничто не за-
щищало отъ смерти.

9.

Прекрасенъ, славенъ, именитъ, первый во всякой
мудрости былъ ты, Кесарій, когда тебя, отличнѣй-
шаго изъ врачей, отпустили мы изъ отечества къ

царю. И увы! Изъ Вѣнниі пріали обратно одинъ твой прахъ.

10.

Хотя избѣжалъ ты плачевной опасности во время ужасныхъ землетрясеній, когда городъ Никея сравненъ съ землею; однако же утратилъ жизнь отъ жестокой болѣзни, и цѣломудренною юностію и мудростію преукрашенный Кесарій.

11.

Я—гробъ заключаю въ себѣ лучшаго изъ сыновъ Григорія и богобоязненной Нонны, благороднаго Кесарія, который отличенъ былъ по дару слова, высокъ при дворѣ царскомъ, и молніей осіялъ концы земли.

12.

Когда умеръ Кесарій, опечалился дворъ царскій; уныли духомъ Каннадокіяне, и погибло все, что оставалось еще у людей прекраснаго, даже и рѣчи облеклись облакомъ молчанія.

13.

Вотъ что вишетъ Григоріева рука: скорбя о превосходнѣйшемъ братѣ, проповѣдую смертнымъ возненавидѣть настоящую жизнь. Кто подобенъ Кесарію красотою? Кто своею мудростію въ такіе годы достигъ такой славы, какъ онъ? — Никто изъ обитателей земли. Но и Кесарій отлетѣлъ изъ жизни, какъ роза изъ терній, какъ роса съ древесныхъ листьевъ.

Горго́ни.

1.

Здѣсь лежитъ любезная дочь Григорія и Понны, таинница пренебесной жизни, Горгонія.

2.

Нѣтъ Горго́ни: землѣ оставила она одиѣ кости; все же прочее добропобѣдные мученики вознесли въ горнее.

3.

Имѣніе, и плоть, и кости — все принеся въ даръ Христу, Горго́ня оставила одного супруга, но и его не надолго, а теперь внезапно восхитила къ себѣ и славнаго Алипія. Блаженный супругъ и блаженѣйшая супруга, отложивъ скверны въ купели, живите возрожденными!

О т ц у.

1.

Столѣтній, преступившій за предѣлы человѣческой жизни, сорокъ лѣтъ въ духѣ (а) и на престолѣ, кроткій, сладкорѣчивый, свѣтлый проповѣдникъ Троицы, Григорій вкушаетъ здѣсь тѣломъ глубокой

(а) Въ христіанствѣ.

сонъ; окриленная же душа его преселилась къ Богу. А вы, іереи, съ уваженіемъ лобызайте и его гробъ!

2.

Меня, который былъ дикою маслиною, великій Богъ призвалъ къ Себѣ, какъ не послѣднюю овцу поставилъ вождемъ Своего стада, даровалъ же мнѣ счастье отъ богомудраго ребра. Оба мы достигли блаженной старости. Возлюбленнѣйшаго изъ чадъ своихъ посвятилъ я Богу. А если кончина постигла меня — Григорія; это не удивительно: я былъ смертевь.

3.

Если кто, какъ Моисей на горѣ, былъ таинникомъ, внимавшимъ чистому гласу, такъ это умъ великаго Григорія. Его, стоявшаго нѣкогда вдали, благодать содѣлала великимъ архіереемъ, а теперь поставляетъ близъ Святой Троицы.

4.

Самъ я украсилъ храмъ Богу, и Григорія далъ чистой Троицѣ, чтобъ онъ былъ свѣтлымъ іереемъ, вѣстникомъ истины, громозвучнымъ пастыремъ людей, цѣломудреннымъ защитникомъ той и другой мудрости. Сынь мой, старайся во всемъ прочемъ превзойти отца, а въ кротости будь его достоинъ; большаго и желать не возможно; руководясь ею, встрѣтишь, блаженный, глубокую старость.

5.

Здѣсь лежу я—сперва не овца Христова, потомъ превосходнѣйшая изъ овецъ, потомъ пастырь, а по-

томъ отецъ и пастырь пастырей, приводящій въ общеніе смертныхъ съ великимъ, безсмертнымъ Богомъ, Григорій, Григоріевъ родитель.

Счастливый, благодатный, въ старости доброй умеръ я — Григорій, архіерей и отецъ архіерея. Чего же больше? Хотя и не рано пришелъ я въ многоплодный виноградникъ; однако же получаю мзду большую, нежели пришедшіе прежде меня.

7.

Я—Григорій, пастырь добрый, кроткими правами воспитавшій Христу большую часть стада, хотя не святаго корня отрасль, однако же глава благоговѣйной супружницы и троихъ чадъ, управлялъ единодушною паствою, и отшелъ отсель, исполненный земныхъ и небесныхъ лѣтъ.

8.

Григорій, вземлемый отсель, (о чудо!) и благодать и свѣтозарность Духа повергъ на любимаго сына.

9.

Жемчужина не велика, но царствуетъ между дорогими камнями. Малъ и Вилеємъ, но Христоносенъ. Такъ и я, Григорій, получилъ въ удѣлъ малую, правда, однако же прекраснѣйшую паству. Объ ней прошу и тебя, любезный сынъ, будь ея вождемъ.

10.

Пастырскую свирѣль вложилъ въ твои руки я, Григорій. А ты, сынъ, свиряй на ней, какъ искусный пастырь; всѣмъ отверзай дверь жизни, и въ отеческій гробъ сойди созрѣвшимъ.

11.

Возсіялъ нѣкогда свѣтъ ученикамъ, предъ которыми Христосъ преобразился на горѣ; возсіялъ свѣтъ и уму чистаго Григорія, когда бѣжалъ онъ отъ идольскаго мрака. Поелику же очистился онъ вознесенными имъ жертвами; то и доселѣ предводитъ народъ свой.

МАТЕРИ СКОНЧАВШЕЙСЯ ВО СВАТИЛИЩѢ.

1.

Во всякомъ словѣ и дѣлѣ опорю для тебя, мать моя, былъ день Господень; всякій плачь чувствовала ты плачемъ, но уступала однимъ праздникамъ; свидѣтелемъ веселія и скорбей имѣла храмъ. Всякое мѣсто запечатлѣно твоими слезами, но единымъ крестомъ препобѣждались и слезы. Жертвопріемная Трапеза никогда не видала твоего хребта; чрезъ уста твои не проходило скверное слово; на нѣжныхъ ланитахъ твоихъ, таинница, не имѣлъ себѣ мѣста смѣхъ. Умолчу о сокровенныхъ трудахъ твоихъ, блаженная; они были внутренніе. А внѣшніе труды твои всѣмъ извѣстны; потому и тѣло свое оставила ты въ Божіемъ храмѣ.

2.

Какъ изнемогли прекрасныя колѣна Нонны! Какъ сомкнулись уста ея? Почему не проливаетъ она слезъ изъ очей? Другіе вопіютъ при гробницѣ. Сія Трапеза не имѣетъ уже плодоношеній великой руки;

пусто мѣсто, гдѣ стояла ея непорочная нога. Іереи не возлагаютъ на главу трепетной руки. Чтò будете дѣлать вы, вдовы и сироты? И дѣвство и благоустроенное супружество остригли себѣ волосы. Украшавшаяся ими все отдаетъ землѣ послѣ того, какъ согбенное тѣло свое оставила во храмѣ.

3.

Премудра Сарра, которая чтить любезнаго супруга; но ты, мать моя, добраго супруга, который далекъ былъ отъ свѣта, угодовала къ тому, чтобы сталъ онъ сперва христіаниномъ, а потомъ великимъ іереемъ. Ты—Анна; ты и родила по молитвѣ любезнаго сына, и принесла въ даръ храму чистаго служителя Самуила. Но была и другая Анна, которая великаго Христа приняла на лоно свое. И славы обѣихъ сподобилась Нонна; напоследокъ же, молясь во храмѣ, сложила съ себя любезное намъ тѣло.

4.

Жерло огнедышащей Этны доказало о тебѣ, напрасно надмевавшійся Эмпедокль, что ты смертенъ. А Нонна не бросалась въ жерло, но, предъ этою Трапезой молясь однажды, восхищена отсель, какъ чистая жертва. И теперь стала опорой женъ, съ Сусанною, Маріамою и Аннами отличаясь въ сонмѣ благочестивыхъ.

5.

Иракль, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристеея, умолкните съ своими баснями! вы смертны, а не блаженны съ своими

страстями. Но Христоносная Нонна, служительница Креста, презрѣвшая міръ, съ мужественнымъ духомъ пройдя стезю жизни, теперь, какъ желала, трблаженная, воспарила въ пренебесный кругъ, со-влекшись тѣла во храмъ.

6.

Призывая Григорія среди цвѣтущихъ виноградниковъ, выходила ты, матеръ моя, на встрѣчу возвращавшимся съ чужой стороны, и любезныя руки свои простирала къ возлюбленнымъ чадамъ, призывая Григорія. Кровь родительницы текла въ обоихъ сынахъ, но особенно въ томъ, котораго воспитала ты своими сосцами. Потому и почтилъ я тебя, матеръ, столькими надписями.

7.

Чадо сосцевъ моихъ, священная отрасль, Григорій, съ какою любовію къ тебѣ отхожу я въ небесную жизнь! Ты много потрудился, ухаживая за моею и отцевою старостію; это записано въ великой книгѣ Христовой. Послѣдуй же, любезный, за родителями; мы съ охотою, какъ можно скорѣе, прийдемъ тебя въ тотъ свѣтъ, въ которомъ сами.

8.

Иная изъ женщинъ заслуживаетъ славу домашними трудами, другая—любезностію, или цѣломудріемъ, иная же—дѣлами благочестія и умерщвленіемъ плоти, слезами, набожностію, попечительностію о бѣдныхъ. А Нонна славна всѣмъ. Она, если можно назвать это кончиною, и умерла во время молитвы.

9.

Я—гробъ заключаю въ себѣ Нонну, наслаждающуюся пренебеснымъ свѣтомъ, приспоцвѣтующую отрасль священнаго корня, супругу іерея Григорія, съ нимъ единоправную, мать благочестивыхъ чадъ.

10.

Молитва, возде́нная въздыханія, безъ сна проводимыя ночи, и орошаемый слезами по́мостъ храма доставили тебѣ, чудная Нонна, такую кончину, что во храмъ приняла ты и опредѣленіе смерти.

11.

Окриленная душа Нонны воспарила на небо; а тѣло ея изъ храма перелагаемъ къ мученикамъ. Пріймите же, мученики, великую жертву, эту многопотрудившуюся плоть, приобщившуюся даже вашихъ кровей,—вашихъ, говорю, кровей; потому что продолжительными подвигами свергла она съ себя великую державу губителя душъ. Не въ тѣняхъ изображаемую жертву, не тельцовъ, не козловъ, не первородныхъ принесла въ даръ Богу Нонна. То предписывалъ Законъ древнимъ; потому что это одни образы. Она сама себя приносила въ жертву въ продолженіе цѣлой жизни, себя же принесла (замѣть это) и въ самой смерти.

12.

Пусть иной любитель чистоты оспариваетъ преимущество у Нонны; но не возможно состязаться съ нею въ молитвенной ревности. Доказательствомъ

этому конецъ ея жизни, прекратившейся среди молитвы. О воздыханія, слезы, всенощныя бодрствованія! О сокрушенные подвигами члены чудной Нонны! Во храмъ была она однажды, и храмъ положилъ конецъ ея старости, которой не могли преоборотъ труды.

13.

Молясь и взывая предъ пречистою Транезою, скончалась Нонна; связаны стали и голосъ и прекрасныя уста старицы. Чтò жъ удивительнаго? Богу угодно было—пѣснословящій языкъ, когда произносилъ онъ хвалебныя слова, замкнуть ключемъ. И нынѣ на небесахъ усердно молится за насъ богобоязненная Нонна. А прежде своими молитвами для своихъ возлюбленныхъ чадъ утишила она море, и материнская любовь ея съ предѣловъ востока и запада свела вмѣстѣ покрытыхъ славою сыновей, когда не ожидали они такой встрѣчи. Прежде своими молитвами избавила она и супруга отъ жестокой болѣзни. Но чтò всего удивительнѣе, молясь, внутри храма, кончила она жизнь.

14.

Какъ умерла она? Или какъ совершился славный конецъ моея матери?—Во время молитвы душа ея отлетѣла горѣ къ Богу.

15.

Здѣсь у молящейся пѣкогда Нонны душа оставила тѣло. Отсюда восхищена Нонна, оставившая тѣло.

15.

Неоднократно спасала ты меня отъ болѣзней, отъ страшныхъ смятеній, отъ ужасныхъ колебаній и отъ

свирѣпо волнующагося моря; потому что Богъ былъ къ тебѣ милостивъ. Но спасите меня и теперь великими молитвами, о родитель, и ты, блаженная родительница, умершая въ молитвахъ!

17.

Нонна, свѣтлая Нонна! у тебя оставался еще голосъ, когда ты отъ чистаго сердца вознесла чистую жертву, все безъ изыятія вложивъ въ великія точила. А напоследокъ, восхищенная отсель, и этотъ голосъ оставила ты въ храмѣ.

18.

Не внѣ благоухающаго храма скончалась Нонна; но прежде гласъ молящейся восхитилъ отсель Христось; ибо она желала въ молитвахъ скончать сію жизнь, которая была чище всякой жертвы.

19.

Священная Нонна, ты, всю жизнь свою вознося въ даръ Богу, напоследокъ и душу предала въ чистую жертву. Ибо здѣсь, молясь, оставила ты жизнь, и эта Трапеза даровала славу смерти твоей, мать моя. Этой же Трапезы великимъ служителемъ былъ мой отецъ; предъ этою же Трапезой, молясь подлѣ сунруга, и мать прекратила жизнь.

20.

Григорій и Нонна великославны. Молю Царя, чтобы и мнѣ имѣть такую же жизнь и такой же конецъ.

21.

« Много слезъ Нонниныхъ приняла ты, возлюбленная Трапеза ; прійми теперь и душу, сію послѣднюю жертву »! Такъ сказала Нонна, и душа ея отлетѣла изъ тѣла, но желала взять съ собою и сына, который одинъ изъ чадъ ея остается еще на землѣ.

22.

Прежде воспарялъ отсюда умъ молящейся Нонны, а наконецъ и душа послѣдовала за восхищеннымъ умомъ. И вотъ молящійся мертвецъ возлежитъ предъ священной Трапезой ! Благочестивые, запишите это чудо для грядущихъ родовъ !

23.

Кто умиралъ, какъ умерла Нонна, предъ святою трапезой, держась за священныя дски ? Кто разстроилъ это положеніе молящейся Нонны ? Какъ долго хотѣла она пребыть здѣсь, и мертвая сохраняя благоговѣйный видъ !

24.

Молившейся здѣсь однажды Ноннѣ свыше сказалъ Богъ : прійди ! и она охотно отрѣшилась отъ тѣла, одною рукою держась за Трапезу, а другою молясь : « Будь милосердъ, Христе Царю ! »

25.

Какъ оставила ты своего Исаака, возлюбленная Сарра ? Или пожелала ты, Нонна, на Авраамовомъ

лонѣ срѣтитъ скорѣе богомудраго Григорія? Подлинно велико чудо — и умереть не въ храма, не вдали отъ жертвъ! Простите мнѣ, мученики! Не безъ боязни, но скажу, что возлюбленная Нонна не ниже васъ по своимъ подвигамъ и въ тайной и въ открытой брани. Потому и получила она такую кончину жизни, нашедши для себя одинъ конецъ и молитвы и жизни.

26.

Отъ благочестиваго корня происходила Нонна; была и плотію и матерью іерея; и тѣло, и жизнь, и слезы—все истощила въ даръ Христу, а напослѣдокъ отсюда восхищена, въ храмѣ оставивъ старческое тѣло.

27.

Вѣра преложила Эпоха и Илію, а изъ женъ — первую—матерь мою. Сіе знаетъ эта Трапеза; ибо отсюда вмѣстѣ съ безкровными жертвами восхищена еще молящаяся тѣломъ, возлюбленная Нонна.

28.

Не болѣзнь, не подобная болѣзни старость, не скорбь сокрушили тебя, престарѣлая матерь моя. Напротивъ того неуязвима и непреоборима была ты, Нонна, и, молясь у подножія пречистой Трапезы, отдала гласъ свой Христу.

29.

Авраамъ и знаменитый Іеѳѣай принесли Богу великія жертвы: одинъ принесъ сына, а другой —

дочь. Но ты, Нонна, принесла въ жертву чистую жизнь, а напослѣдокъ молитвенную душу—это угодное Богу заколѣніе.

30.

Единое сіяніе, единое величіе—Троица, къ Которой стремилась ты, Нонна, молящюся тебя восхитила на небо изъ великаго храма; и ты срътила коонецъ, который сталъ чище самой жизни.

31.

Никогда ты, мать моя, не совокупляла чистыхъ устъ своихъ съ устами нечистыми, никогда чистой длани своей не давала рукъ безбожной; и въ награду за это кончила жизнь при возношеніи жертвъ.

32.

Лучезарный и пресвѣтлый Ангель восхитилъ тебя, Нонна, когда молилась ты чистая и тѣломъ и умомъ, и умъ твой восхитилъ, а тѣло оставилъ здѣсь во храмѣ.

33.

Этотъ храмъ не могъ удержать въ себѣ цѣлой Нонны; потому, когда душа удалилась, оставилъ въ себѣ одно тѣло, чтобъ душа, когда опять заключена будетъ въ тѣло болѣе чистое, вознеслась отсель и облеклась во славу вмѣстѣ съ потрудившеюся плотію.

34.

Здѣсь лежитъ Нонна, дочь Филтатіева. Гдѣ она скончалась?—Во храмѣ. Какъ?—Молясь. Когда?—

Въ старости. Какая прекрасная жизнь, и какая святая кончина!

35.

На огненной колесницѣ взошелъ на небо Илія ; а Нонну молящуюся пріялъ къ Себѣ великій Духъ.

Здѣсь глубокимъ сномъ почила возлюбленная Нонна, охотно послѣдовавшая за супругомъ Григоріемъ.

И ужасъ и радость вмѣстѣ ! На небо восхищена отсюда среди молитвы оставившая жизнь Нонна.

Конецъ и молитвѣ и жизни Нонниной ! Сему свидѣтель—эта Трапеза, у которой поднята бездыханною вдругъ ставшая Нонна.

Вотъ могила цѣломудренной Нонны , которая прежде, нежели разрѣшилась отъ жизни, вступила уже въ небесныя врата!

Смертныхъ оплакивайте смертные ; а кто, какъ Нонна, умеръ молясь, о томъ не плачу.

Прославляя непорочную жизнь Нонны, еще болѣе прославлю ея кончину ; потому что она и скончалась во храмѣ молясь.

Здѣсь нѣкогда, молясь и повергшись на землю, скончалась свѣтлая Нонна ; теперь же она молится, предстоитъ въ ликѣ благочестивыхъ.

Памятникомъ вожелѣнной смерти для тебя, Нонна, служить эта Трапеза, предъ которою отрѣшилась ты отъ жизни, молясь въ послѣдній разъ.

Не много въ тебѣ , Нонна , оставалось дыханія жизни, и то отдала ты Богу, молясь нѣкогда здѣсь.

Всѣ препровожайте изъ храма богоподобную Нонну, препровожайте отсюда выносимую виликую старицу !

Изъ чистаго храма восхитилъ Богъ на небо меня — Нонну, которая послѣшаю приблизиться къ небеснымъ.

Изъ великаго храма выносимая Нонна говорила такъ : «за многіе труды приѣмлю еще большую награду.»

Здѣсь лежитъ Нонна—жертва любимой ея молитвы, Нонна, которая, однажды молясь, разрѣшилась отъ этой жизни.

Изъ великаго храма вознесена великая жертва— Нонна. Она разрѣшилась отъ жизни во храмъ. Радуйтесь, благочестивые !

Сія Трапеза препослала отъ себя къ Богу богоподобную Нонну.

На общую гробницу своего семейства.

1.

Мученики, будьте милостивыми сообитателями, и въ лоно свое пріймите кровь Григорія, Григорія и великославной Нонны, — пріймите соединенныхъ вкупѣ и благочестіемъ и священными гробами !

2

Я—одинъ камень покрываю двоихъ знаменитыхъ Григоріевъ, родителя и сына ; я — одинъ камень покрываю два равныя свѣтила, двухъ іереевъ. А этотъ камень заключилъ подъ собою благорожденную Нонну съ великимъ ея сыномъ Кесаріемъ. Такъ раздѣлили они между собою и сыновей и

гробы. Но у всѣхъ одинъ былъ путь — въ горнее; у всѣхъ одна была любовь — къ жизни небесной.

3.

Первый Кесарій — общая скорбь; а потомъ Горгонія; потомъ любезный родитель, и гораздо послѣ мать — о скорбная рука, о горькія письма Григоріевы! Напишу напоследокъ и свою смерть.

Навкратію, брату Василия Великаго.

1.

Однажды Навкратій, погрузившись въ рѣчный водоворотъ, въ глубинѣ отпутьвалъ отъ камня рыболовную сѣть; но сѣти отпутьать не могъ, а самъ удержанъ ею въ водахъ. Скажи мнѣ, Слово, почему мрежи, вмѣсто рыбы, уловили рыболова? А я гадаю, что образецъ чистой жизни — Навкратій извлекъ для себя изъ водъ и благодать и смерть.

2.

Навкратій кончилъ жизнь въ пучинѣ завистливой рѣки, запутавшись въ веревкахъ погруженной во глубину мрежи. Научись изъ этого, что смертны забавы сей жизни, изъ которой исхищенъ этотъ молодой, высоко-несущійся конь.

3.

Навкратій, запутавшись въ веревкахъ рыболовной мрежи, отрѣшился отъ узъ сей жизни.

Еммели матери св. Василия Великаго.

Кто бы сказалъ это? Умерла Еммелія, которая даровала міру свѣтъ столькихъ превосходныхъ чадъ, и сыновъ и дщерей, посягшихъ и непосягшихъ, которая одна въ человѣческомъ родѣ была и благодарна и многочадна! Ибо отъ нея произошли три славные іерея. Сама — супруга іерея, и ближніе ея, какъ воинство небесное. Прихожу въ изумленіе, видя многочисленное и знаменитое поколѣніе великой Еммелии, — это полное плодоносіе ея утробы. Почему, если Еммелию назову Христовымъ стяжаніемъ, благочестивою кровію; то скажу этимъ не много. Таковъ корень; такова священная награда твоему благочестію, о исполненная совершенствъ, — то есть, честь твоихъ чадъ, съ которыми ты имѣла одно стремленіе!

Макринъ, сестрѣ св. Василия Великаго.

Я—прахъ покрываю собою свѣтоносную дѣву, если слыхалъ ты о Макринѣ, первородной дочери великой Еммелии. Она скрывалась отъ взоровъ всѣхъ мужчинъ, а теперь въ устахъ у всякаго, и всѣхъ превосходитъ славой.

Θεοσεвіи, сестрѣ св. Василия Великаго.

И ты, Θεοσεвіа, дочь славной Еммелии, въ точномъ смыслѣ подружіе великаго Григорія, опора

женъ благочестивыхъ , покрылась здѣсь священной землею ; отъ жизни же отрѣшилась въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Василію Великому.

1.

Прежде думалъ я, что одно и то же — жить тѣлу безъ души, и мнѣ безъ тебя, возлюбленный Христовъ служитель, Василій. Но перенесъ я разлуку, и еще живъ. Долго ли же медлить? Для чего не исхитишь меня отсель, и не введешь съ собою въ ликостояніе блаженныхъ? Не оставь же, не оставь меня! Клянусь могилой, что никогда, если бы и захотѣлъ, не забуду о тебѣ. Вотъ Григоріево слово!

2.

Когда Троица восхитила къ себѣ духъ богомудраго Василія, который охотно поспѣшалъ отсель; тогда все небесное воинство возрадовалось, видя его шествующимъ, а всякій городъ у Каппадокіянъ возрыдалъ. Скажу еще больше: тогда и великій міръ воззвалъ: «не стало проповѣдника, не стало того, кто былъ узломъ, скрѣпляющимъ прекрасный міръ.»

3.

Цѣлый міръ — достояніе равномошной Троицы приведенъ въ необыкновенное колебаніе сопротивными ученіями. А уста Василіевы (увы! улы!) за-

ключены молчаніемъ. Пробудись, Василій, и остави бурю своимъ словомъ и своими священнодѣйствіями. Ибо ты одинъ показалъ намъ, какъ жизнь равную ученію, такъ и ученіе равное жизни.

4.

Одинъ Богъ царствующій въ горнихъ; и нашъ вѣкъ видѣлъ одного достойнаго архіерея. Это ты, Василій, громозвучный вѣстникъ истины, свѣтлое око христіанъ, озаряющее душевными доблестями, великая слава Понта и Каппадокіянъ ! Умоляю тебя, и нынѣ предстательствуй и приноси свои дары за міръ.

5.

Здѣсь Кесарійцы положили меня, архіерея, Василія, Василіева сына, Григоріева друга. Сердечно любилъ я Григорія : да даруетъ ему Богъ, какъ благоуспѣшность во всемъ другомъ, такъ и то, чтобы скорѣе вступить ему въ нашу жизнь. Что пользы, оставаясь долго на землѣ, истаявать тому, кто ищетъ небеснаго дружества ?

6.

Не многимъ дышалъ ты на землѣ, но все принесъ и отдалъ въ даръ Христу, и душу, и тѣло, и слово, и руки, о Василій, великая слава Христова, опора іереевъ, опора истины, которую нынѣ всего болѣе стараются разсѣчь.

7.

Науки ! общая обитель дружбы ! Дорогіе Аѳины ! рання условия вести божественную жизнь ! Знайте

это, что Василій на небѣ, чего желалъ, а Григорій на землѣ, и на устахъ носить узы.

8.

Свѣтоносный Василій, великая похвала Кесарійцевъ! Твое слово—громъ, а жизнь—молнія. Но и ты оставилъ священный престолъ! Такъ угодно стало Христу, чтобы, какъ можно скорѣе, присовокунить тебя къ сонму небожителей.

9.

Ты изучилъ всѣ глубины Духа и всю земную мудрость. Ты былъ живою жертвой.

10.

Восемь лѣтъ держалъ ты броды богомудраго народа. Это одно мало въ дѣлахъ твоихъ, Василій.

11.

Радуйся, Василій, хотя ты и разлученъ еще со мною! Таково тебѣ отъ Григорія надгробное писаніе!

12.

Вотъ слово, которое любилъ ты! Возданъ тебѣ, Василій, долгъ дружбы и даръ для насъ многоплачевный.

Сію двенадцатицу надписей возлагаетъ Григорій на прахъ твой, Василій.

СЕБѢ САМОМУ.

1.

Во-первыхъ, Богъ даровалъ меня молившейся свѣтлой матери; во-вторыхъ, принялъ отъ матери, какъ угодный Ему даръ; въ-третьихъ, умирающаго меня спасъ пречистою Трапезой; въ-четвертыхъ, Слово даровало мнѣ обоюду острое слово; въ-пятыхъ, Дѣвство привѣтствовало меня въ дружелюбныхъ свидѣнiяхъ; въ-шестыхъ, приносилъ я единокорныя жертвы съ Василиемъ; въ-седьмыхъ, Жизнеподатель исхитилъ меня изъ нѣдръ бездны; въ-осьмыхъ, очистилъ Онъ руки мои болѣзнями; въ-девятыхъ, юнѣйшему Риму возвратилъ я, о Царь, Троицу; въ-десятыхъ, былъ поражаемъ камнями или друзьями.

2.

Элада моя, и любезная юность и все, что приобрѣлъ я, и самая плоть, какъ охотно уступили въ Христу! А если и матерняя молитва и рука отца содѣлали меня угоднымъ Богу iереемъ; то чему завидовать? Ты, блаженный Христе, прiйми меня въ лики Свои, и даруй славу служителю твоему, Григоріеву сыну, Григорію!

3.

Здѣсь лежитъ любезный сынъ Григорія и Нонны, служитель Священной Троицы, Григорій, который мудростію уловилъ мудрость и въ юности еще имѣлъ одно только богатство — пренебесную надежду.

4.

Еще не много жилъ ты на землѣ, но все добровольно принесъ въ даръ Христу, а вмѣстѣ съ прочимъ и крылатое слово. Теперь, какъ великаго іерея, въ небесные лики прішло небо тебя, славный Григорій.

5.

Съ младенчества призывалъ меня Богъ ночными видѣніями, и я достигъ предѣловъ мудрости, и плоть и сердце очистилъ словомъ, нагимъ бѣжалъ изъ пламени сего міра, для родителя Григорія сталъ вторымъ по немъ Аарономъ.

6.

Чуднаго родителя носилъ я на себѣ имя; съ нимъ раздѣлялъ престолъ; съ нимъ раздѣляю и гробъ. Вспомни же, другъ, о Григоріи, о томъ Григоріи, котораго Хръстось далъ матери въ даръ, и въ котораго ночными видѣніями вліялъ Онъ любовь къ мудрости.

7.

Царь мой Хръстось, для чего Ты опуталъ меня этими сѣтями плоти? Для чего ввелъ меня въ эту противоборную жизнь? Произошелъ я отъ отца, имѣвшаго богоподобныя совершенства, и увидѣлъ свѣтъ по молитвамъ матери, которая была не мала предъ Богомъ. Она молилась, и съ младенчества посвятила меня Богу; горячую же любовь къ дѣвственной жизни вліяло въ меня ночное видѣніе.

Такъ благоволилъ о мнѣ Христосъ; а въ послѣдствіи обуреваемъ я былъ кипящими волнами, сталъ добычею хищныхъ рукъ, изнемогъ тѣломъ, встрѣтилъ недружелюбныхъ Пастырей, испыталъ невѣроятное, поглощенный бѣдствіями, осиротѣлъ, лишившись чады. Вотъ жизнь Григоріева! А что будетъ послѣ, о томъ попечется Христосъ жизнедавецъ. Напишите сіе на камняхъ.

НА РАСХИЩАЮЩИХЪ ГРОБЫ.

1.

Когда тебя, лютый звѣрь, разоритель гробницы столько великолѣпной—произведенія многихъ рукъ, допустило внутрь себя это сокровенное убѣжище; тогда, скажи мнѣ, что ты увидѣлъ тамъ? Не гнилость ли, не черены ли умершихъ, не остовы ли людей, нѣкогда существовавшихъ; такъ какъ сказываютъ, что тутъ были положены супругъ и супруга? И не распалась твоя плоть? Но что же ты нашелъ? Ничего, точно ничего. Впрочемъ преступленіе твое при тебѣ. Отойди, отойди отъ меня прочь! Ты будешь наказанъ за мертвыхъ; не приближайся же къ живымъ; хотя еще и не умерли мы, однако же боимся тебя.

2.

Этого разорителя гробницъ, опустошителя могилъ, который готовъ все сдѣлать для золота и рас-

копаль сей гробъ, отличнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, — его если убьютъ кто изъ обладателей сего гроба, ежели только и здѣсь обладатели, воздастъ тѣмъ должное наказаніе. Но что говорю: убьютъ? Развѣ низринетъ въ стремнины. Что говорю: низринетъ? Развѣ отсѣчетъ ему обѣ руки. Что говорю: отсѣчетъ? Развѣ трупъ его оставитъ безъ погребенія. Тогда только понесетъ справедливую казнь; впрочемъ останется еще ненаказаннымъ за то, что все это дѣлалъ ради блестящаго золота.

3.

Кто ты идущій къ моимъ костямъ съ землекопательемъ и съ руками, готовыми разорить мой гробъ? Увы! увь! несчастный! Ты не хочешь оказать уваженія и самой красотѣ этой гробницы. О, какъ ты достоинъ того, чтобы подавили тебя собою обломки этой же гробницы!

4.

Былъ Фригійвинъ Мидасъ. Онъ просилъ, чтобы все у него обращалось въ золото. И онъ получаетъ просимое, однако же умираетъ съ голода. Правда, что умираетъ, какимъ желалъ, т. е. богачемъ, но все же умираетъ. О, если бы то же самое постигло и тебя, раскопатель гробовъ, чтобы всѣ научились уважать гробницы!

5.

Какъ? и на это наложили вы руки, злодѣи? И сюда завлекло васъ обманчивое золото? даже не зо-

лото, а только надежда найти золото. Такая страсть—достойное наказаніе злымъ!

6.

Въ этой гробницѣ нѣтъ золота. Если хочешь разбогатѣть, сдѣлайся начальникомъ разбойниковъ, — вотъ самая прибыльная жизнь! Но не трогай мертвыхъ; тебя и самого ожидаетъ какая нибудь могила.

7.

Обманулся я; ибо, копая эту могилу, думалъ, что ее уважатъ смертные. Но они сбѣжались и ко мнѣ мертвецу, какъ къ богачу; и поелику не было у меня ничего другаго, завладѣли моимъ гробомъ.

8.

Разрывай, разрывай гробницу! Очень знаю, что ты хочешь у мертвого найти золото; но ты себѣ самому роешь яму, въ которую со временемъ врипетъ тебя Божіе правосудіе. Если оно приходитъ поздно, то съ лихвою.

9.

Много потерпѣла гробница; а больше потерпѣлъ тотъ, кто раскопалъ ее. Гробница и не чувствуетъ того, что потерпѣла; а ты, поклонникъ золота, сталъ притчею для всѣхъ. Если умрешь, тебя не прійметъ могила.

10.

Погибни, погибни у людей, золото, которое научило богатыхъ строить гробницы! Свидѣтелемъ

сему и эта гробница, не похожая теперь уже и на гробницу. Помогите, люди; иначе комунибудь будетъ худо.

11.

Пусть обратится у тебя въ пепель то золото, которое окажется въ гробѣ! Это будетъ справедливымъ наказаніемъ тебѣ, который и въ гробахъ тревожишь давно умершихъ.

12.

Смотри, кого ты обидѣлъ и кого обнажилъ, раскапывая гробы и перерывая прахъ? — Того, кто не можетъ сказать живымъ, ни что онъ терпѣть, ни много ли у него было золота въ гробѣ.

13.

Какой это Скиронъ, или Тифей, или исполинъ приходитъ грабить мертвыхъ и мою могилу? Что это? Гдѣ гнѣвъ, карающій раскопателей гробовъ? Пора уже молніямъ разить злыхъ.

14.

Помогите, мертвецы! Но какая сила у мертвыхъ? Помогите, сосѣди! Но кто же иной и погубилъ меня? Ты медлишь еще, Правосудіе? И гробу — губительъ золото. Такъ я буду стоять до послѣдняго огня.

15.

Правосудіе, суди, законы, судилище, и вы помогаете злодѣямъ! Иначе этотъ гробъ не былъ бы

разоренъ непріязненною рукою, которая и у давно умершихъ требуетъ золота.

16.

Воздѣланная земля даетъ плоды, песокъ—золото, шелковичный червь — тонкія нити, а гробница — прахъ. Если же у тебя и изъ костей добывается золото; то не оставляй ни одной кости въ землѣ: пусть изъ всѣхъ течетъ золото!

17.

Видно, человѣку наскучило уже проводить по землѣ борозды плугомъ, переплывать море, брать въ руки всенизлагающее копье, а только бы съ киркой и съ свирѣнымъ сердцемъ въ груди, входя въ гробницы отцевъ, искать тамъ золота, когда и мою красивую гробницу взрылъ какой-то нечестивецъ ради корысти.

18.

Семь на свѣтѣ чудесъ: стѣны, статуя, сады, пирамиды, храмъ, еще статуя и гробница. Осьмымъ же чудомъ была я—огромная, высокая, далеко вверхъ возносившаяся съ этихъ утесовъ гробница. Но первенствуя по славѣ у умершихъ, возбудила теперь ненасытность твоей неистовой руки, человѣкоубійца.

19.

Было время, что неизблемо стояла я — гробница, многимъ превышая вершину горы, какъ издали видный утесъ; а теперь поколебалъ меня ради золота домашній звѣрь, и я потрясена руками сосѣда.

20.

Кто расхитилъ эту могилу, которую со всѣхъ сторонъ объемлетъ собою вѣнецъ изъ четырехъгран-ныхъ камней, тотъ стѣитъ, чтобъ его самого заклю-чить въ этотъ памятникъ, и отверстіе тотчасъ за-дѣлать надъ нечестивцемъ.

21.

Преступное дѣло видѣлъ я на дорогѣ—раскопан-ную могилу. Всему этому виною коварное золото. Но если и добылъ ты себѣ въ ней золото, то нашель худое. А если вышелъ изъ могилы ни съ чѣмъ, то понапрасну умышлялъ такое нечестивое дѣло.

22.

Сколько разъ смѣнялась при мнѣ человѣческая жизнь! однако же и я не избѣгла рукъ губителя сосѣда. Не убоявшись ни Бога, ни святости умер-шихъ, немилосердо опрокинулъ онъ на землю ме-ня, величественно стоящую здѣсь гробницу.

23.

Бѣгите всѣ прочь отъ этого злодѣя — опустоши-теля гробовъ, когда онъ такъ легко разорилъ та-кую громаду, а не самъ скорѣе ею раздавленъ! Дальше, дальше бѣгите отъ него! Этимъ угодимъ мы умершимъ.

24.

Увы! увы! смотря на этотъ высоковоздвигнутый, но уже разрушенный памятникъ, передвижу близ-

кое бѣдствіе, угрожающее расконателямъ гробовъ и окрестнымъ жителямъ. Но врагъ не минуетъ казни, а наше дѣло—пролить слезы объ умершихъ.

25.

Величественъ гробъ Мавзоловъ. Но онъ въ уваженіи у Каранъ. Тамъ нѣтъ руки, разоряющей гробы. А я отличался своимъ великолѣпіемъ у Каппадокіанъ, и смотри, что потерпѣлъ! Напишите на позорномъ столпѣ имя убійцы мертвыхъ.

26.

Подъ горою стояла стѣна, и потомъ она упала; изъ кучи же лежащихъ вмѣстѣ камней, какъ холмъ, возвысилась я — гробница. Но что это значило для златолюбцевъ? — Ничто. Они сокрушили меня до основанія.

27.

У мертвыхъ и памятники мертвы. А кто воздвигаетъ великолѣпную гробницу праху, тотъ пусть и потерпитъ за сіе; потому что этотъ человекъ не расхитилъ бы моего гроба, если бъ и съ мертвецовъ не надѣялся получить золота.

28.

Какой это памятникъ и чей? — Не знаю; на столпѣ не видно надписи; потому что опрокинуть онъ прежде гробницы. А какого времени? — Работа памятника старинная. Скажи же, чья зависть расхитила это? — Злодѣйскія руки сосѣда. Что хотѣлось имъ найти? — Золотую обводку.

29.

Кто ни будетъ проходить мимо моей гробницы, пусть знаетъ, что потерялъ я эту обиду отъ новаго наслѣдника. Хотя у меня не было ни золота, ни серебра; однако же красота этихъ блестящихъ сводовъ подала мысль, что у меня есть и то и другое.

30.

Стань ближе и плачь, смотря на этотъ памятникъ умершаго. И я былъ некогда великолѣпенъ; а теперь служу памятникомъ на гробъ бѣдняка. Не строй гробницы, другой смертный! Чему быть съ нею, кромѣ того, что будетъ разорена златолюбивою рукою?

31.

Вѣчность, заклена угрюмой смерти, глубины мрачнаго забвенія, мертвецы! Кто и какъ смѣлъ поднять руки на мою гробницу? Какъ смѣлъ? И святость умершихъ не оберегаетъ ихъ?

32.

Я—гробница покрываюсь позорными ранами, вся изъязвлена, какъ человекъ на губительной битвѣ. Ужели это угодно смертнымъ? И какой противозаконный предлогъ! Изъ меня извлекаютъ мертвеца, какъ будто золото.

33.

Богомъ, покровителемъ странниковъ, умоляю всякаго, кто проходить мимо моей гробницы, сказать:

«да потерпѣть то же и самъ, кто сдѣлалъ это!» Не знаю, какого мертвеца заключаетъ въ себѣ гробница; но, возліявъ на нее слезы, скажу: да потерпѣть то же и самъ, кто сдѣлалъ это!

34.

Покинувъ все, и земныя глубины и предѣлы моря, идешь ко мнѣ, желая найти золото у моего мертвеца. У меня есть мертвое тѣло и гнѣвъ умершаго. Кто ни прійди, съ охотою отдадимъ это желающему.

35.

Если бы далъ я тебѣ золото одинъ-на-одинъ, не поберегъ ли бы ты взятаго у меня? А иначе я называлъ бы тебя очень злонравнымъ. А если теперь разрываешь могилу, гдѣ сокрытъ неприкосновенный залогъ, и дѣлаешь это для золота; то скажи, чего ты достоинъ?

36.

Зарывай въ землю живыхъ; ибо для чего зарывать мертвыхъ? Тѣ достойны могилы, которые попустили такъ жить тебѣ—поругателю отшедшихъ и златолюбцу.

37.

И ты, несчастный, тѣми же дланями дерзновенно будешь принимать таинственную Снѣдь, тѣми же руками будешь обнимать Бога, которыми раскопалъ мою могилу? Ужели праведнымъ пѣтъ никакого преимущества, когда и ты избѣгаешь вѣсовъ правосудія?

38.

Что́ это за вѣрность, о любезная земля, когда погубила ты по смерти того мертвеца, котораго ввѣрилъ я твоимъ недрамъ? Не земля поколебала меня, но сокрушилъ злый человѣкъ, и ради корысти вторгся внутрь меня.

39.

Прежде были два убѣжища—Богъ и мертвецъ. Но Богъ милостивъ къ прибѣгающимъ къ Нему; а будетъ ли милостивъ мертвецъ, увидить это расхититель гробницъ.

40.

Тебя, конечно, будетъ мучить совѣсть; а я стану оплакивать умершихъ, оплакивать злодѣяніе твоей руки.

Перестаньте строить гробницы; перестаньте скрывать умершихъ въ земной глубинѣ: дайте мѣсто расхитителямъ гробовъ!

И это — хитрая выдумка погребателей—строить такіе памятники, чтобъ найдти златолюбивую руку!

Что́ тебя, ненасытный, навело на мысль домогаться такой бѣды для жалкой и непостоянной прибыли?

41.

Не нужны вы больше, столпы и гробницы — памятники мертвыхъ. Не буду уже возвѣщать объ умершихъ сооруженіемъ надъ ними памятниковъ послѣ того, какъ сосѣдъ разметалъ мою славную

могилу. Ты, любезная земля, принимай отъ меня мертвецовъ!

42.

Столпы, каменные въ горахъ могилы—трудъ исполиновъ, не истлѣвающая память умершихъ! Пусть все это ниспровергнетъ всколебавшись земля, и тѣмъ поможетъ моимъ мертвецамъ, на которыхъ нападетъ губительная рука, вооружившись желѣзомъ.

43.

Когда ты, свирѣпый титанъ, раскапывалъ на горѣ знаменитую могилу; какъ осмѣлился посмотрѣть на мертвецовъ? И когда посмотрѣлъ, какъ наложилъ руки на кости? Или, можетъ быть, и удержали бы тебя тамъ, если бы можно было тебѣ имѣть одну съ ними могилу.

44.

Гробницы, сторожевыя башни, горы и мимоходящія, оплачьте мою могилу, оплачьте расхитителя гробовъ! А ты, эхо, повторяй съ окрестныхъ утесовъ послѣднія слова: «оплачьте расхитителя гробовъ»!

45.

Убивайте, расхищайте, злые рабы низкой корысти: никто уже не удержитъ вашего сребролюбія! Если ради золота и на это отважился ты, злоумышленный злодѣй; то на все наложись своєю хищническою руку.

46.

Этотъ человекъ изъ пустой надежды раскопалъ мою, дорогую для меня могилу,—единственное достояніе, оставшееся мнѣ по смерти. И его какой нибудь злодѣй пусть убьетъ своими руками, и, убивъ, броситъ вдали отъ гроба отцовъ!

47.

Кто разорилъ мою, дорогую для меня, гробницу, которая на вершинѣ высокой горы воздымалась, какъ гора?—Золото изострило мечъ у людей; золото погубило ненасытимаго плователя въ волнахъ весенняго потока; надежда получить золото разорила и меня—огромную и прекрасную гробницу. Для людей несправедливыхъ—все ниже золота.

48.

Не рѣдко путникъ предавалъ землѣ занесенное волнами тѣло мореходца; не рѣдко иный погребалъ умерщвленнаго звѣремъ и даже кого самъ убилъ на войнѣ. А я погребенъ былъ чужими руками, но со съдъ раскопалъ мой гробъ.

49.

Какое ты зло, о коварное и немилосердное золото! И на живыхъ и на мертвыхъ заносишь неправедную руку. Кому подъ сохраненіе отдашь я свой гробъ и свои кости, тѣхъ-то злодѣйскія руки меня и погубили.

50.

Все кончилось: мы шутимъ и мертвецами; въ живыхъ никакого не стало уже уваженія къ умер-

шимъ! Посмотри на этотъ гробъ. Такъ былъ прекрасенъ, составлялъ чудо для мимоходящихъ, чудо для окрестныхъ жителей: но надежда получить золото и его погубила.

51.

Гдѣ ни умру я, умоляю васъ: бросьте тѣло мое въ рѣку, или псамъ, или отдайте въ снѣдь всепожаряющему огню. Это лучше, чѣмъ гибнуть отъ златолюбивыхъ рукъ. А ихъ-то и боюсь, смотря на этотъ гробъ, потерпѣвщій такое разореніе.

52.

Когда-то царь Киръ, ища золота, открылъ одну царскую гробницу, и нашелъ въ ней слѣдующую надпись: «раскрывать гробы — ненасытное дѣло руки». Такъ и ты не святыми тоже руками раскрывъ этотъ величественный надгробный памятникъ.

53.

Кто не добръ до живыхъ; тотъ, можетъ быть, окажетъ еще помощь умершимъ. А кто не помогаетъ умершимъ, тотъ никогда не поможетъ не умершимъ. Такъ и ты, когда расхитилъ гробы умершихъ, никогда уже не прострешь священной руки къ неумершимъ.

54.

Увѣряю тебя, что нѣтъ у меня ничего; лежу здѣсь бѣдный мертвецъ. Вотъ и въ этомъ гробѣ не было золота, но онъ раскопанъ. Златолюбцамъ все доступно. Бѣги отсюда, правосудіе!

55.

Если такой памятникъ воздвигъ ты умершему, это—еще не великое чудо. А если разорилъ такой памятникъ, то славень будешь у потомковъ, а нный причислить тебя къ великимъ злодѣямъ; потому что ниспровергъ ты гробъ, который приводитъ въ трепеть и убійць.

56.

Какъ на Родосцевъ дождемъ падало золото, такъ тебѣ изъ могилы приносится желѣзомъ золото, а съ нимъ и бѣда. Раскапывай же, раскапывай всѣ могилы; можетъ быть, какая нибудь изъ нихъ, обвалившись, задавитъ и тебя, а тѣмъ окажетъ помощь мертвецамъ.

57.

Я была гробница, но теперь уже не гробница, а куча камней. Такъ стало угодно златолюбцамъ. Гдѣ же правосудіе?

Увы! увy!—стала я прахомъ, но не избѣжала злодѣйскихъ рукъ. Чтѣ хуже золота?

Боюсь за человѣческій родъ, если и тебя, гробница, осмѣлился кто-то нечреподобными руками опрокинуть на землю.

Я—гробница, какъ башня, стояла горѣ; но человѣческія руки сравняли меня съ землею. Какой законъ позволилъ это?

Эта обитель принадлежала мнѣ умершему; но желѣзо проникло и въ мою могилу. Пусть и твоимъ домомъ овладѣетъ другой!

Заступь нуженъ на нашиѣ; но прочь отъ моей могилы, прочь! у меня нѣтъ ничего, кромѣ гнѣвныхъ мертвецовъ.

Если бы ждалъ я тебя, ненасытнѣй опустошитель гробовъ; то здѣсь висѣли бы и колъ и колесо.

Для чего ты тревожишь меня — пустой гробъ? Однѣ только кости и прахъ скрываю въ себѣ для приходящихъ.

58.

Я—гробница выше всѣхъ гробницъ; но и меня на ряду съ прочими раскрыла рука убійцы! И меня ограбила рука убійцы! Смертные, не стройте больше надгробныхъ памятниковъ и не дѣлайте погребеній. Сбирайтесь къ мертвымъ тѣламъ, псы! Сбирайтесь къ мертвымъ тѣламъ, псы! А люди, эти искатели золота, и изъ праха мертвецовъ извлекають уже золото.

59.

Одинъ соорудилъ гробницу, а ты уничтожилъ ее. Пусть и тебѣ, если позволено, соорудить одинъ гробницу, а другой опрокинетъ ее на землю!

И на мертвецовъ уже наложили руки златолюбцы. Умершіе, бѣгите, если можно, изъ гробовъ.

Для чего тревожишь меня? Одни только хрупкіе черепы мертвецовъ заключаю я въ себѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Бѣги отъ демоновъ, которые здѣсь поселились! А больше ничего нѣтъ во мнѣ—гробницѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Если бы цѣлый гробъ былъ золотая обитель, и

тогда, златолюбецъ, не надлежало бы поднимать своей руки на умершихъ.

Всѣмъ владѣете вы, живые; а мнѣ умершему досталось не много камней, и они для меня дѣроги. Пощади же мертвецовъ!

Я—не золотая обитель; для чего же опустошаютъ и меня? У меня—гробницы, которую ты тревожишь, все богатство—мертвецъ.

Я—гробница была славою окрестныхъ жителей; а теперь стала памятникомъ самой злодѣйской руки.

Если у тебя слишкомъ златолюбивое сердце; выкапывай себѣ золото въ другомъ мѣстѣ, а у меня нѣтъ ничего, кромѣ перетлѣвшихъ погребальныхъ одеждъ.

Не оставляй мертвеца обнаженнымъ на показъ людямъ; иначе и тебя иной обнажить, а золото по большей части—только сонная греза.

Для смертныхъ не довольно стало налагать руку на смертныхъ. Напротивъ того спѣшите вы брать золото и съ мертвецовъ.

Окажите помощь и своимъ гробницамъ вы, которые видите этотъ разоренный памятникъ. Посмотрите, каковъ этотъ расхититель гробовъ!

Кто меня, съ давняго времени закрытаго неподвижными камнями, на показъ смертнымъ выставилъ бѣднымъ мертвецомъ?

Для чего ты, несчастный, разорилъ мою могилу? Да пресѣчетъ Богъ и твою жизнь, о златолюбивое чудовище!

Клянусь умершими, клянусь самымъ тартаромъ, никогда не обращать благожелательнаго взора на расхитителя гробовъ!

Горы и утесы, плачьте надъ моимъ гробомъ, какъ надъ однимъ изъ товарищей; всякій же камень да падеть на того, кто прикоснется къ тебѣ желѣзомъ!

Былъ я богатъ, а теперь нищъ; гробница огромна, а золота внутри нѣтъ. Пусть знаетъ сіе тотъ, кто готовитъ поруганіе неприкосновенному убъжищу мертвеца!

Хотя безъ отдыха будешь до основанія раскапывать мое подземное жилище; однако же концемъ всего этого будетъ для тебя одинъ трудъ. У меня нѣтъ ничего, кромѣ костей.

Разорайте, разорайте! гробница много даетъ золота любителямъ камней; а все прочее—прахъ.

Любезная земля, не принимай въ свои нѣдра, когда умретъ наслаждавшійся выгодами отъ расхищенія гробовъ!

Приходило желѣзо наругаться надо мной уже не живымъ, и съискать у меня золото, но нашло нищаго мертвеца.

60.

Тартаръ — для нѣкоторыхъ басня; ибо иначе этотъ человѣкъ не открылъ бы гроба. О правосудіе, какъ ты медлительно!

О правосудіе! Какъ ты медлительно! И тартаръ уже не страшенъ; ибо иначе этотъ человѣкъ не открылъ бы гроба.

О П Е Ч А Т К И.

стрн.	стрк.	напечатано :	должно читать :
12	12	пялящій	паяящій
29	свз. 8	представителемъ	предстоятелемъ
40	13	движеть	движеть,
48	18	Иссиуъ	Иисусъ
49	5	перечисли	перечислю
57	12	земль	земли
96	17	земледельцемъ	земледѣльцемъ
104	4	благотишіемъ	благоотишіемъ
131	19	Спевзиппъ.	Спевзиппъ ?
141	посл.	чуждей	чуждой
153	13	путями	пути
178	15	упоминается	упоминаются
197	6 св.	вынуть	вывудить
223	посл.	заключеніи	заключеніе
269	14	занесись	заносись
283	1	озаряли	озарили
306	предпосл. <i>μη</i>		<i>μοι</i>
317	13	Божій	Божіей.
319	свз. 6	визводитъ	визводятъ
352	9 свз.	писала	писана
356	10 свз.	блигонравія	благонравія
358	4 свз.	Христа	Христу

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	<i>Стр.</i>
Пѣснь Богу.	1
Молитва ко Христу.	3
Молитва утренняя.	5
Молитва вечерняя.	5
Молитва на другое утро.	6
Молитва въ бользни.	6
Молитва шествующаго въ путь.	7
Плачь и моленіе ко Христу.	10
Плачь Григорія о себѣ самомъ.	14
Къ самому себѣ.	17
Къ душъ своихъ.	19
Плачь о душъ своей.	20
Упреки неразумнымъ стремленіямъ души.	22
На плоть.	24
На лукаваго.	26
О брани отъ бѣсовъ	30
Разговоръ съ міромъ.	31
О бренности естества человѣческаго.	32
Жизнь человѣческая.	33
Покаянная пѣснь при концѣ жизни.	34
На бользни.	35

II

	<i>Стр.</i>
О Промислѣ	40
О вочеловѣченіи, 1-е	44
— — — — 2-е, противъ Аполлинарія	45
О подлинныхъ книгахъ Богодуховеннаго Писанія	48
Похвала дѣвству	49
Советы дѣвственникамъ	78
Къ двамъ	105
Монахамъ	109
На цѣломудріе	115
На любомудрую нищету	117
На терпѣніе	118
Счастіе благоразумія	119
Пристрастіе	120
Смерть любезныхъ	—
Недобрыя друзья	—
О смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи	121
На гнѣвливость	154
На тѣхъ, которые часто кланутся	173
Сравненіе жизни духовной и жизни мірской	186
Къ душъ своей	196
Мысли, писанныя четверостишіями	200
Мысли, писанныя одностишіями	209
На челоуѣка высокаго родомъ и худаго по нравственности	211
На богатолубцевъ	214
На женщинъ, которыя любятъ наряды	227
Советы Олимпіадѣ	240
На лицемѣрныхъ монаховъ	245
Не должно клеветать на живущихъ чисто потому, что иные падаютъ	248
Увѣщаніе къ духовной жизни	249
И въ шуткѣ должна быть степенность	—
На тѣхъ которые при гробахъ мучениковъ предаются роскоши	250
Злословящему	251
Юліану	252
Филагрію, на его терпѣніе	253

	<i>Стр.</i>
Сигантию пустынику.	254
Строителью дома Гигантию.	255
Къ Немесію.	—
Максиму.	269
Отъ Никовула сына къ отцу.	271
Отъ Никовула отца къ сыну.	280
Къ Виталиану отъ сыновей.	291
Къ Селевку.	306
Двѣнадцать патріарховъ.	317
Египетскія язвы.	—
Моисеево десятословіе.	318
Чудеса пророка Іліи и Елисея.	—
Родословіе Христово.	319
Двѣнадцать Апостоловъ.	323
Христосъ на корабль.	324
Чудеса Христовы по Евангелію отъ Матѳея.	—
— — — — — отъ Марка.	326
— — — — — отъ Луки.	327
— — — — — отъ Іоанна.	328
Притчи Христовы по Евангелію отъ Матѳея.	—
— — — — — отъ Луки.	329
Притчи Христовы у четырехъ Евангелистовъ.	330
Опредѣленія слегка начертанныя.	335
Надписи.	346
Надгробія: Софисту Прозресію.	347
Грамматику Ѳеспесію.	—
Мартиніану.	—
Ливіи.	350
Евѳимію.	351
Амфилохію.	353
Никомиду.	355
Каргерію.	356
Вассу.	357
Филтатію.	358
Евсевію и Василиссъ.	—
Елладію.	—

	<i>Стр.</i>
Георгію.	359
Евпраксію.	—
Максентію.	360
Двоимъ Евпраксіямъ.	—
Павлу.	—
Григорію.	362
Кесарію.	—
Горгоніи.	366
Отцу.	—
Матери скончавшейся въ святилищѣ.	369
На общую гробницу своего семейства.	379
Навкратію, брату св. Василя Великаго.	380
Еммелии, матери св. Василя Великаго.	381
Макринъ, сестрѣ св. Василя Великаго.	—
Оеосевіи, сестрѣ св. Василя Великаго.	—
Василію Великому.	382
Себѣ самому.	385
На расхищающихъ гробы.	387

